

YALE UNIVERSITY LIBRARY

3 9002 10002 7763

YALE UNIVERSITY
LIBRARY

У Ч Е Н Ы Я
З А П И С К И
ИМПЕРАТОРСКАГО
МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

Г О Д Ъ Т Р Е Т І Й .

Ч А С Т Ъ Д В Ъ Н А Д Ц А Т А Я .

—•—

МОСКВА.

Въ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

1836.

Напечатано по опредѣленію Университетскаго
Совѣща. Апрѣля 12го дня 1836 года. *Секретарь*
Совѣща Михаилъ Назимовъ.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ
ИМПЕРАТОРСКАГО МОСКОВСКАГО
УНИВЕРСИТЕТА.

1856. АПРѢЛЬ. № X.

І. НАУКИ.

А. ПРАКТИЧЕСКАЯ АСТРОНОМІЯ.

**1. О ПРИВЕДЕНИИ НАБЛЮДЕНІЙ НА СРЕДНЕЙ НИТИ
ПОЛУДЕННОЙ ТРУБЫ КЪ МГНОВЕНЦУ ПРОХОЖДЕНІЯ
ЗВѢЗДЫ ЧРЕЗЪ МЕРИДІАНЪ.**

Соч. Лейтенанта С. И. Зеленаго.

1. Ежели бы ось вращенія инструмента была горизонтальна, линия зрѣнія перпендикулярна къ оси вращенія и средняя нить успановлена точно въ меридіанѣ; то ось зрѣнія, при вращеніи трубы, описывала бы плоскость меридіана, и наблюдаемыя времена прохожденія звѣздъ чрезъ среднюю нить были бы моменны ихъ прохожденія чрезъ меридіанъ. Если же которое нибудь изъ сихъ условій не выполнено, то

прохожденіе чрезъ среднюю нить не будетъ равнозначуще съ прохожденіемъ чрезъ меридіанъ. Я хочу показать поправку, которую должно употреблять, чтобъ изъ непосредственно наблюдаемаго времени прохожденія звѣзды чрезъ среднюю нить, вывести моментъ прохожденія ея чрезъ меридіанъ, и для большей всеобщности полагаю, что ни которое изъ вышеупомянутыхъ условій не выполнено. И дѣйствительно, чтобъ достигнуть до совершенной горизонтальности оси вращенія, сдѣлать ось зрѣнія перпендикулярною къ оси вращенія и установить ее точно въ меридіанъ, требуется большихъ трудовъ — и даже можно сказать, что совершенно сдѣлать этого не возможно, особенно при походномъ инструментѣ, въ которомъ ежели бы и могли достигнуть до всего этого, не можемъ поручиться, что чрезъ нѣсколько времени оно не нарушится. Однакожъ весьма легко и скоро можно сдѣлать, что ошибки въ этихъ элементахъ будутъ весьма малы; въ этомъ-то предположеніи я буду теперь выводиться формулу поправокъ. Французскіе Астрономы, выводя эту формулу, опредѣляютъ положеніе инструмента относительно меридіана, азимутомъ большаго его круга; Германскіе же — отстояніемъ того же круга отъ полюса.

Каждый изъ этихъ элементовъ зависить отъ наклоненія оси вращенія и перемѣняется съ перемѣною этого наклоненія; между тѣмъ при опредѣленіи ихъ и употребленіи для исправленія наблюдений, ихъ принимаютъ неизмѣнными въ продолженіе цѣлаго ряда наблюдений, хотя бы наклоненіе оси вращенія въ это время и измѣнялось. Такое несправедливое предположеніе заставило вмѣсто упомянутыхъ элементовъ ввести новый, состоящій изъ двухъ частей: одной независящей отъ наклонности оси вращенія и слѣдовательно постоянной въ продолженіи цѣлаго ряда наблюдений, не смотря на измѣненія наклоненія; другой — перемѣняющейся съ перемѣною наклоненія.

Пусть будутъ PZA (чер. 1) меридіанъ, P полюсъ, Z зенитъ мѣста, A точка пересѣченія меридіана съ горизонтомъ или югъ. Если ось вращенія негоризонтальна, то кругъ, описываемый линеею зрѣнія, перпендикулярною къ оси вращенія, будетъ большой кругъ Vb , при горизонтальной же оси вращенія этотъ кругъ обратился бы въ BZa ; уголъ между ними $aVb = i$ есть наклоненіе оси вращенія. Изъ полюса P на кругъ BZa опушу перпендикуляръ Pa . Кругъ BZa не измѣняется отъ измѣненій i , посему назову его *Постояннымъ*; происхожденіе его отъ полюса

$Ra = n$ будетъ также поспоянное. Когда при томъ ось зрѣнія не перпендикулярна къ оси вращенія, т. е. инструментъ имѣеть такъ называемую коллимаціонную ошибку $= c$, тогда диней видѣнія опишетъ малый кругъ Cc , предъидущему Vb параллельный; разстояніе его отъ большаго круга Vb будетъ вездѣ $= c$. — Наблюдая звѣзду на средней нити, мы будемъ имѣть прохожденіе звѣзды чрезъ кругъ Cc въ точкѣ δ ; чѣмъ имѣть ея прохожденіе чрезъ меридіанъ въ δ , очевидно надобно изъ наблюдаемаго времени вычисить часовой уголъ $\delta P\delta = \delta P\delta' + \delta'P\delta'' + \delta''P\delta$. Формула будетъ выведена, ежели мы выразимъ сіи углы чрезъ n , i и c . Дугу $\delta\delta'$ параллели звѣзды при весьма маломъ c , можно принять за дугу большаго круга и тогда $\delta\delta' = c$. Положивъ $\delta =$ склоненію звѣзды, $P\delta = 90 - \delta$, въ треугольникѣ $\delta P\delta'$ будетъ $\delta P = \delta'P$; слѣд. $\frac{1}{2}\sin \delta P\delta' = \frac{\frac{1}{2}\sin \delta\delta'}{\sin P\delta}$ или $\delta P\delta' = \frac{\delta\delta'}{\cos \delta} = c \sec \delta$ (1).

Въ треугольникѣ $\delta'V\delta''$, по малости i , $\delta'V = \delta''V = BZ - Z\delta'' = 90 - z = 90 - (\varphi - \delta)$, и $\frac{1}{2}\sin \delta'\delta'' = \frac{1}{2}\sin \delta'V\delta'' \sin V\delta'$ или $\delta\delta'' = i \cos(\varphi - \delta)$; послѣ того въ треугольникѣ $\delta'P\delta''$, $P\delta' = P\delta'' = 90 - \delta$, $\frac{1}{2}\sin \delta'P\delta'' = \frac{\frac{1}{2}\sin \delta'\delta''}{\sin P\delta'}$ или $\delta'P\delta''$

$= \frac{\delta'\delta''}{\cos\delta}$. Вмѣсто $\delta'\delta''$ вставляю равную вели-

чину; получаю

$$\delta'P\delta'' = \frac{i\cos(\varphi - \delta)}{\cos\delta} = i\cos\varphi + i\sin\varphi\tag\delta \dots (2).$$

Въ треугольникѣ $Z\delta''\vartheta$ можно принять $Z\delta'' = Z\vartheta = \varphi - \delta$; тогда будетъ $\frac{1}{2}\sin 2\delta'' = \frac{1}{2}\sin\delta''Z\vartheta\sin Z\vartheta$ или $2\delta'' = \omega\sin(\varphi - \delta)$, гдѣ $\omega = \delta''Z\vartheta$; въ прямоугольномъ же треугольникѣ PZa , $PZa = \delta''Z\vartheta = \omega = \frac{n}{\cos\varphi}$, гдѣ φ есть широта мѣста; слѣд. $2\delta'' = \frac{n\sin(\varphi - \delta)}{\cos\varphi}$. Наконецъ въ треугольникѣ

$$\delta''P\vartheta, \quad P\delta'' = P\vartheta = 90 - \delta, \quad \delta''P\vartheta = \frac{\delta''\vartheta}{\sin P\vartheta} = \frac{2\delta''}{\cos\delta}.$$

Вмѣсто $2\delta''$ вставивъ равную ей

величину, получимъ:

$$\delta''P\vartheta = \frac{n\sin(\varphi - \delta)}{\cos\varphi\cos\delta} = n\tag\varphi - n\tag\delta \dots (3).$$

И такъ все приведеніе будетъ

$$2P\delta = (1) + (2) + (3) = c.\sec\delta + i\cos\varphi + i\sin\varphi\tag\delta + n\tag\varphi - n\tag\delta.$$

Эту величину надобно вычитатьъ изъ времени прохожденія звѣзды чрезъ среднюю нить или вообще придавать съ проптивнымъ знакомъ; по-сему вообще прибавочная поправка будетъ равна

$$n \tag{\delta} - n \tag{\varphi} - i \cos \varphi - i \sin \varphi \tag{\delta} - c. \sec \delta \dots (4)$$

Величины c , n , i всѣ взяты съ $(+)$, т. е. при этой формулѣ c съ $(+)$ должно брать тогда, когда ось зрѣнія уклонена къ W отъ перпендикулярнаго положенія, i съ $(+)$, когда большой кругъ инструмента уклоненъ къ W отъ постояннаго большого круга или, что то же, когда O край оси вращенія возвышенъ; n съ $(+)$, когда постоянный большой кругъ уклоненъ къ W отъ меридіана по горизонту. Тѣ же величины съ $(-)$ будутъ въ обратныхъ случаяхъ, что легко видѣть и доказать снова, сдѣлавши чертежъ сообразно положенію инструмента.

Вопъ (4) формула поправки, въ которой членъ $n \tag{\delta} - n \tag{\varphi} - c. \sec \delta$ не зависить отъ i , слѣдовательно и отъ переменъ i , а членъ $- i \cos \varphi - i \sin \varphi \tag{\delta}$ переменяется съ переменною i . Изъ этой формулы (4) легко уже вывести формулу, предложенную Весселемъ; онъ опускаетъ изъ полюса перпендикуляръ Pb на кругъ Bb , который почти совпадетъ съ Pa ,

и называется эпохой перпендикуляръ отстояніемъ большаго круга инструмента отъ полюса $Pb = n'$: ясно, что $Pb = Pa - ab = n - ab$; $aB = bB = 180 - \varphi$ и въ треугольникъ bBa , $ba = i \sin \varphi$; слѣд. $n' = n - i \sin \varphi$, $n = n' + i \sin \varphi$. Вспавивъ въ формулу (4) вмѣсто n равную величину, получимъ поправку

$$= n' \operatorname{tag} \delta - n' \operatorname{tag} \varphi - i \sec \varphi - c \sec \delta. \dots (5).$$

Формула (5) предложена Бесселемъ; въ ней ясно видно, что съ переменною i , кругъ Bb , а слѣдовательно и n' , измѣняющся, а потому при опредѣленіи положенія инструмента и исправленіи наблюденій мнѣ кажется преимущественнѣе должно употреблять формулу (4), особенно при наблюденіяхъ походными инструментами. Мнѣ очень часто случалось испытывать, что наклоненіе оси при переложеніи инструмента изъ одного положенія въ другое (опредѣляя коллимаціонную ошибку) перемѣняется очень чувствительно; употребляя прежнюю формулу (5), нельзя ввести этого въ расчетъ; съ формулою же (4) это затрудненіе пропадаетъ и получается коллимаціонная ошибка пакъ точно, какъ бы наклоненіе оси не измѣнялось. Также легко можетъ случиться, что облако или какое другое препятствіе удалитъ на большой промежутокъ

времени звѣзды, служащія къ опредѣленію положенія большаго круга; такъ что при наблюденіи ихъ, i , а посему и n' , будутъ различныя, между тѣмъ какъ по формулѣ (5) мы не иначе можемъ опредѣлить его, какъ предполагая неизмѣняющимся. По формулѣ же (4) опредѣляется n , которое оспается всегда постоянно при всѣхъ измѣненіяхъ i : вопрь и здѣсь формула (4) рѣшаетъ затрудненіе. Опредѣляя n изъ сравненія многихъ звѣздъ, я имѣлъ случай согласіемъ ихъ убѣдиться въ преимуществѣ (4) предъ (5), по которой опредѣленные n' выходили менѣе согласны.

Формула (4) выведена для звѣзды сѣвернаго склоненія, проходящей по южную сторону зеница, какъ это видно изъ черпежа. При томъ же положеніи инструмента, с перемѣняешь знакъ для звѣздъ, наблюдаемыхъ въ нижнемъ прохожденіи, а $tag\delta$ получаетъ другой знакъ для звѣздъ южнаго склоненія или сѣвернаго склоненія, но въ нижнемъ прохожденіи, оспавляя при томъ n и i таковыми, какъ объ нихъ уже было упомянуто. Черпежь, расположенный сообразно взятой звѣздѣ, убѣдишь въ справедливости сказаннаго.

II. Сдѣлаемъ приложеніе предложенной формулы (4) къ опредѣленію s , n и приведенію

наблюдаемаго времени прохожденія звѣзды на средней нити, къ времени прохожденія ея чрезъ меридіанъ, и слѣдовательно къ полученію поправки часовъ. Извѣстно, что для опредѣленія коллимаціонной ошибки c , наблюдаютъ въ одномъ положеніи инструмента прохожденіе одной изъ полярныхъ звѣздъ на двухъ или трехъ нитяхъ, ежели съль нитей имѣеть ихъ пять; потомъ перекадываютъ трубу съ осью вращенія такъ, чтобъ конецъ оси, бывшій къ W , былъ теперь къ O , и въ этомъ положеніи инструмента наблюдаютъ прохожденіе той же звѣзды на оставшихся непройденными трехъ или двухъ нитяхъ. По извѣстному разстоянію между нитями приведемъ замѣченные моменты при прохожденіи звѣзды чрезъ боковыя нити къ времени прохожденія ея чрезъ среднюю нить въ 1 и 2 положеніи инструмента. Пусть этотъ моментъ, выведенный изъ первыхъ наблюдений $= T$ и наклоненіе оси вращенія, найденное предъ наблюдениемъ $= i$; изъ вторыхъ наблюдений получили прохожденіе той же звѣзды чрезъ среднюю нить во время $= T'$; наклоненіе оси вращенія, соотвѣствующее этому наблюдению и найденное по окончаніи онаго, $= i'$. Ежели t есть время прохожденія этой звѣзды чрезъ меридіанъ по часамъ, то по формулѣ

(4) будетъ въ 1 положеніи инструмента :

$$t = T - c \sec \delta - n \operatorname{tag} \varphi + n \operatorname{tag} \delta - (i \cos \varphi + i' \sin \varphi \operatorname{tag} \delta)$$

или

$$t = T - c \sec \delta - n \operatorname{tag} \varphi + n \operatorname{tag} \delta - i \cos(\varphi \oslash \delta) \sec \delta \dots (a);$$

въ обратномъ же положеніи инструмента, c будетъ имѣть прошивной знакъ, а посему выйдетъ

$$t = T' + c \sec \delta - n \operatorname{tag} \varphi + n \operatorname{tag} \delta - i' \cos(\varphi \oslash \delta) \sec \delta, \dots (b);$$

$(\varphi \oslash \delta)$ означаетъ разность между широтою мѣста φ и склоненіемъ звѣзды δ , при вычитаніи всегда меньшаго изъ большаго. Сравнивъ формулы (a) и (b), получимъ

$$T - T' = 2c \sec \delta + \frac{i - i'}{2} \cos(\varphi \oslash \delta) \sec \delta;$$

откуда

$$c = \frac{T - T'}{2} \cos \delta - \frac{i - i'}{2} \cos(\varphi \oslash \delta) \dots (5).$$

Не забудемъ однако, что ежели бы взяли для этого изысканія звѣзду въ нижнемъ прохожденіи, то $\operatorname{tag} \delta$ перемѣнили бы свой знакъ, отъ чего вмѣсто $\frac{i - i'}{2} \cos(\varphi \oslash \delta)$ было бы $\frac{i - i'}{2} \cos(\varphi + \delta)$ и тогда

$$c = \frac{T - T'}{2} - \frac{i - i'}{2} \cos(\varphi + \delta) \dots (5')$$

1836 Года 17 Марта походнымъ инструментомъ прохожденій, я наблюдалъ ε Малой медвѣдицы на трехъ нитяхъ; имѣя кругъ высотъ къ W и приведя замѣченные моменты прохожденій съ боковыхъ нитей на среднюю, получилъ $T = 18^{\text{ч.}} 2'.56'',589$; предъ наблюденіемъ замѣчалъ уровень; когда дѣленія шли къ W, воздушный пузырекъ былъ расположенъ отъ 12,8 до 39,5; а когда направленіе дѣленій шло къ O, пузырекъ уровня расположился между 7,2—33,8; и такъ наклоненіе оси вращенія будетъ $i = 2,8$ дѣленій, W край оси вращенія выше; слѣдовательно i съ—; величина одного дѣленія уровня $= 2'',24$, слѣд. $i = -6'',272 = -0,41$ сек. врем. Переложивъ ось вращенія съ трубою такъ, что кругъ высотъ сдѣлался къ O, и паведя опять на ε Малой медвѣдицы, наблюдалъ ее на двухъ нитяхъ и по приведеніи прохожденій съ боковыхъ на среднюю въ результатъ получилъ $T' = 18^{\text{ч.}} 3'.9'',111$ и по окончаніи наблюденія уровень былъ замѣченъ отъ 8,5 до 36,0 къ W и отъ 9 до 36,6 къ O; слѣдовательно $i' = +0,27$ дѣленій; ибо O край оси вращенія выше; и такъ $i' = 0'',65 = 0,04$ сек. врем.—Ежели бы концы оси вращенія имѣли неравные діаметры, тогда бы должно было i, i' исправить новою поправкою, происходящею отъ этой неровно-

сти; при употребляемомъ для сихъ наблюдений инструмента діаметры концовъ оси равны; следовательно

$$\begin{aligned}
 c &= \frac{18^{\circ}.2'.56'',589 - 18^{\circ}.3'.9'',11}{2} \cos \delta + \frac{0,45}{2} \cos(\delta \infty \varphi) \\
 &= -6^{\circ}.261 \cos \delta + 0,225 \cos(\delta \infty \varphi). \\
 \delta &= 82^{\circ}.17',3 \quad \log 6,261 = 0,79664 \\
 \varphi &= 59^{\circ}.56 \quad \log \cos \delta = 9,12772 \\
 \delta - \varphi &= 22.21,3 \quad \frac{9,92436}{0,840} \\
 \log 0,225 &= 9,35218 \\
 \lg \cos(\delta - \varphi) &= 9,96607 \\
 &\frac{9,31825}{0,208.}
 \end{aligned}$$

И такъ коллимаціонная ошибка $c = -0,840 + 0,208 = -0,632$. При выводѣ этой формулы мы приняли, что c соблюдаетъ свой знакъ при кругѣ W , предполагая оный $+$; теперь видимъ, что онъ вышелъ ($-$); это означаетъ, что при кругѣ W ось уклонена отъ истиннаго положенія къ O , при кругѣ же O она будетъ уклонена къ W , т. е. въ формулѣ (4) при кругѣ W , c должно брать съ $-$, а при O съ $+$, что ясно также показываютъ T и T' . Обратно должно поступать съ c при наблюдении звѣздъ въ нижнемъ прохожденіи.

Для опредѣленія n состоянія отъ полюса, большаго круга, проходящаго чрезъ центръ инструмента и чрезъ зенитъ, употребляются

двѣ звѣзды: околополярная и экваторіальная. Назвавъ для 1 й звѣзды прямое ея восхожденіе чрезъ α , склоненіе δ , время прохожденія чрезъ среднюю нить по часамъ t , поправка часовъ въ это время $+u$, наклоненіе оси вращенія i ; для 2 й звѣзды прямое восхожденіе α' , склоненіе δ' , прохожденіе чрезъ среднюю нить по часамъ t' , поправку часовъ, принадлежащую этому времени, чрезъ u' , наклоненіе оси i' , получимъ

$$\begin{aligned}\alpha &= t + u - c \cdot \sec \delta - n \tan \varphi + n \tan \delta - i \cos(\varphi - \delta) \sec \delta \\ \alpha' &= t' + u' - c \cdot \sec \delta' - n \tan \varphi + n \tan \delta' - i' \cos(\varphi - \delta') \sec \delta' \\ \alpha' - \alpha &= (t' - t) + (u' - u) + c(\sec \delta - \sec \delta') + n(\tan \delta' - \tan \delta) \\ &\quad + i \cos(\varphi - \delta) \sec \delta - i' \cos(\varphi - \delta') \sec \delta'\end{aligned}$$

откуда $n =$

$$\frac{(\alpha' - \alpha) - (t' - t) - (u' - u) - c(\sec \delta - \sec \delta') - i \cos(\varphi - \delta) \sec \delta + i' \cos(\varphi - \delta') \sec \delta'}{\tan \delta' - \tan \delta} \quad (6).$$

$(u' - u)$ есть ходъ часовъ въ продолженіе между наблюденіями относително звѣзднаго времени, которое всегда весьма мало, ежели звѣзды взяты скоро одна послѣ другой проходящія чрезъ меридіанъ.—Впрочемъ онъ всегда можетъ быть достаточно точно опредѣленъ изъ сравненія прохожденія той же звѣзды чрезъ среднюю нить даже въ два смежные дня. — Величины α , α' , t , t' , c , i , i' , δ , δ' , φ или извѣстны, или

получаются изъ наблюдений; слѣдовательно по формулѣ (6) найдемъ n . Дѣйствительно, того же 17 Марта, имѣя кругъ высоты къ О, я наблюдалъ δ Меньшей медвѣдицы и нашелъ прохожденіе ея чрезъ среднюю нить $t=19\text{ч.}25'10'',989$ и у Орла, коей прохожденіе чрезъ среднюю нить по часамъ оказалось $t'=20\text{ч.}38'29'',724$. Для δ Меньшей медвѣдицы $\alpha=18\text{ч.}25.14,09$ $\delta=86^\circ,34',8$, $i=-6'',62=-0,441$ сек. врем. есть среднее наклоненіе изъ полученныхъ наклонностей предъ наблюденіемъ и послѣ наблюденій; для γ Орла $\alpha'=19\text{ч.}38'.27'',36$, $\delta'=10^\circ12',8$ и $i'=+2'',51=0,16$ сек. врем., определенное съ пою же предосторожностію, какъ и i . Часы, по которымъ замѣчаемы были моменшы, шли почти по звѣздному времени; такъ что $u'-u=0$. Цѣпфы оси имѣли тѣ же діаметры; отъ чего i и i' не пребуютъ никакихъ поправокъ; $c=0,632$, $\varphi=59^\circ.56'$; слѣдовательно

$$n = \frac{1\text{ч.}13'.13''27 - 1\text{ч.}13.18,735 -}{0,632(\text{Sec}\delta - \text{sc}\delta') + 0,441\cos(\varphi - \delta)\text{Sec}\delta + 0,16\cos(\varphi - \delta)\text{Sec}\delta'}$$

$$\frac{\text{tag}\delta' - \text{tag}\delta}{\varphi=59^\circ,56' \quad \varphi=59^\circ.56' \quad 0,632\text{Sec}\delta=10,610}$$

$$\delta'=10.12,8 \quad \delta=86.34,9 \quad 0,632\text{Sec}\delta'=0,642$$

$$\varphi - \delta' = 49.43,2 \quad \delta - \varphi = 26.38,9 \quad 0,632(\text{Sec}\delta - \text{Sec}\delta') = 9,968$$

$$0,441\cos(\delta - \varphi)\text{Sec}\delta = 6,617$$

$$0,16\cos(\varphi - \delta')\text{Sec}\delta' = 0,105$$

$$\underline{\underline{6,722}}$$

$$\begin{aligned} \text{tag} \delta' - \text{tag} \delta &= -16,56 \\ n &= \frac{-5,465 - 9,968 + 6,722}{-16,56} = 0,526. \end{aligned}$$

Найдя c и n , можно уже приступить къ изысканію поправки часовъ: того же числа я наблюдалъ α Зміеносца и нашелъ прохожденіе чрезу среднюю нить по часамъ $t'' = 18.27.21,707$, уровень показалъ наклоненіе оси $i'' = +3'',25 = +0,217$ сек. врем.; по формуль (4)

$$\alpha'' = t'' + u'' - c \sec \delta'' - n \text{tag} \varphi + n \text{tag} \delta'' - i'' \cos(\varphi - \delta'') \sec \delta'' \dots (7),$$

гдѣ u'' означаетъ поправку часовъ относительно звѣзднаго времени, соотвѣствующую моменту наблюденія t'' , и будетъ

$$u'' = \alpha'' - t'' + c \sec \delta'' + n \text{tag} \varphi - n \text{tag} \delta'' - i'' \cos(\varphi - \delta'') \sec \delta''$$

Для α зміеносца

$$\alpha'' = 17^{\text{ч}}.27'.19'',71, \delta'' = 12^{\circ}.40',8, \varphi - \delta = 47^{\circ}.15',2$$

Кругъ высотъ при наблюденіи былъ къ 0; посему

$$\begin{aligned} c &= 0,632, \quad n = 0,526, \quad c \sec \delta'' = 0\text{с.},647, \quad n \text{tag} \varphi = 0\text{с.},909, \\ n \text{tag} \delta'' &= 0\text{с.},118, \quad i'' \cos(\varphi - \delta'') \sec \delta'' = 0,151; \end{aligned}$$

слѣдовательно поправка часовъ

$$\begin{aligned} u'' &= 17.27.19,71 - 18.27.21,707 + 0,647 + 0,909 \\ &\quad - 0,118 + 0,151 = -1^{\text{ч}}.0'.0'',408. \end{aligned}$$

Ежели вмѣсто формулы (4) мы будемъ употреблять формулу поправки Бесселя— $c'.\sec \delta$

— $n'tag\varphi + n'tag\delta - iSec\varphi$ (въ которой n' означаетъ описаніе большаго круга инструмента отъ полюса и предполагается не переменяющимся при измѣненіяхъ наклонности i оси вращенія); по прикладывая ее къ предъидущимъ изысканіямъ для тѣхъ же наблюдений, подобно предложенному, найдемъ: $c' = 0,720$ при кругѣ высотъ къ 0; $n' = 0,943$ и наконецъ поправка часовъ для наблюдаемаго момента найдется $= - 0^h.0'.59'',408$. Отсюда видимъ, что отъ предположенія n' , неизмѣняющимся при переменѣ i , поправка часовъ выходитъ ошибочна на одну секунду; можетъ случиться при неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, что ошибка эта будетъ и болѣе; предложенный примѣръ, взятый на выдержку, достаточно убѣждаетъ въ пользу формулы (4).

III. Употребляемый при предложенныхъ наблюденьяхъ инструментъ имѣетъ цапфы оси вращенія равныхъ діаметровъ, и поному находимое наклоненіе, по уровню означало дѣйствительно наклоненіе оси вращенія; при неровныхъ же цапфахъ показанное уровнемъ наклоненіе не будетъ = наклоненію оси вращенія и, какъ я уже упомянулъ, пребудетъ въ которой поправки для полученія изъ него наклоненія оси вращенія. Не лишнимъ, мнѣ

кажется, объяснить, какъ должно находить и принимать въ расчетъ эту неровность цапфъ; когда же замѣтимъ, что формулы, помощію которыхъ находится неровность цапфъ и выскывается изъ наклоненія, показаннаго уровнемъ, наклоненіе оси вращенія, предложены безъ доказательствъ въ превосходномъ Gradmessung, и полезнѣйшемъ Anwendung des Durchgangs — instruments für die Geographische Ortsbestimmung Спруве, и присовокупимъ къ этому желаніе — предлагаемую записку сдѣлать полнѣе; то намѣреніе мое покажется основательнымъ. Ясно, что ежели бы цапфы имѣли ту же толщину, то ось вращенія и уровень положенія своего не перемѣняли бы въ томъ и въ другомъ положеніи инструмента, т. е. когда *той же конецъ* оси бываетъ обращенъ въ одну и въ другую сторону, и слѣдовательно уровень показалъ бы при обоихъ положеніяхъ то же наклоненіе и въ ту же сторону. Этого не будетъ, ежели цапфы не одной толщины. Замѣчаніе наклоненія уровня при одномъ и другомъ положеніи оси, т. е. при кругѣ О и W, даетъ средство опредѣлять неровность цапфъ. Дѣйствительно, пусть будетъ $\alpha\alpha' = L$ (чер. 2), разстояніе между подставками оси $da\alpha$ и $d'a'\alpha'$, на которыхъ она кладется и къ поверхностямъ которыхъ своею поверхностію

прикасается; уголъ между сими поверхностями $\partial a\alpha = \partial'a'\alpha' = 2f$; слѣд. $\partial ac = \partial'a'c' = f$; положимъ, что ось вращенія имѣеть лѣвую цапфу полще: пусть она будетъ $\partial e\alpha$, а правая $\partial'e'\alpha'$, радіусъ первой $c\partial = r$, а второй $c'\partial' = r'$. Уровень ставится на цапфы и поверхности его ножекъ касаются цапфы; углы между ножками уровня назову $eb\beta = e'b'\beta' = 2l$; слѣд. $ebc = e'b'c' = l$. Поставивъ уровень, опшитаю дѣленія; потомъ переложивъ его, снова опшитаю; тогда извѣстнымъ образомъ получимъ наклоненіе прямой bb' къ горизонту или уголъ $b'gb = \alpha$. Переложивъ же ось вращенія и поставивъ уровень, усмотрю, что почка b перейдетъ въ b'' , а b' въ b''' , и найденное наклоненіе чрезъ уровень будетъ тогда $\beta = b''b'''$. Разность наклоненій $bfb''' = \beta - \alpha = u = fb'b''' + fb'''b' = 2bb'b'''$; $b'b''' =$ и параллельна aa' , слѣд. $bb''' = ab - a'b'$, $ab = ac + cb =$

$$\frac{r}{\sin f} + \frac{r}{\sin l} = \frac{r(\sin f + \sin l)}{\sin f \sin l}; a'b' = a'c' + b'c' = \frac{r'}{\sin f} + \frac{r'}{\sin l} = \frac{r'(\sin f + \sin l)}{\sin f \sin l} \text{ и } bb''' = \frac{(r - r')(\sin f + \sin l)}{\sin f \sin l}.$$

$$\text{Но } \sin bb'b''' = \frac{bb'''}{b'b'''} = \frac{(r - r')(\sin f + \sin l)}{L \sin f \sin l},$$

$$bb'b'' = \frac{1}{2} u = \frac{r' - r}{L \sin 1''} \cdot \frac{\sin f + \sin l}{\sin f \sin l};$$

откуда

$$r - r' = \frac{1}{2} u . L . \sin i'' . \frac{\sin f \sin l}{\sin f + \sin l} \dots (8).$$

Зная u , L , l и f , легко найдется $r - r'$, т. е. разность диаметров цапфъ. Ежели уровень показалъ при одномъ положеніи, что онъ возвышенъ къ O , а при другомъ, что онъ выше къ W ; то u будетъ равно суммѣ наклоненій или вообще разности, принимая возвышеніе къ W или O съ $+$, а къ O или къ W съ $-$. Вообще скажемъ: ежели при двухъ положеніяхъ инструмента уровень былъ все выше на одной сторонѣ, то цапфа будетъ та толще, которая лежала на этой сторонѣ, когда возвышеніе уровня было большее. Когда же возвышеніе уровня переходило съ одной стороны на другую, то очевидно, что та цапфа толще, съ которою переходило возвышеніе. Примѣръ для опредѣленія разности толщины цапфъ можно найти въ упомянутомъ *Anwendung* (стр. 29 и 30). Опредѣливши разность между діаметрами цапфъ, легко уже вывести постоянную поправку, чтобъ изъ наклоненія уровня получать наклоненіе оси вращенія. Дѣйствительно, уровень показываетъ наклоненіе линіи bb' къ горизонту, а намъ надобно знать наклоненіе линіи cc' или параллельной ей $b'k$;

мы видѣли, что $b'c' = \frac{r'}{\sin l}$, $bc = \frac{r}{\sin l}$, $bk = \frac{r - r'}{\sin l}$

и уголъ $bb'k = \frac{bk}{b'k \sin 1''} = \frac{r - r'}{L \sin f \sin 1''}$, или вставляя вмѣсто $r - r'$ величину изъ формулы 8, получимъ :

$$bb'k = \frac{1}{2}u \cdot \frac{\sin f}{\sin f + l} \dots (9) \text{ и } bIH = b'gH + bb'k;$$

слѣдовательно уголъ $bb'k$ будетъ постоянная поправка, которую должно придавать къ наклоненію уровня, гдѣ тонкая цапфа, или вычипать изъ наклоненія того края оси, гдѣ полстая, чтобы получить наклоненіе оси вращенія. Примѣръ: найдено, что цапфа, гдѣ кругъ полще и $bb'k = 0'',98$, а опредѣляя наклоненіе оси, уровень показалъ, что онъ возвышенъ тамъ, гдѣ нѣтъ круга на $4'',56$; слѣдовательно ось будетъ выше на той сторонѣ, гдѣ нѣтъ круга на $5'',54$.

IV. Во всѣхъ предъидущихъ изслѣдованіяхъ мы предполагали, что часы идутъ по звѣздному времени и что наблюдали только однѣ звѣзды; но часно можеть случиться, особенно путешествуя Астрономамъ, что или часы будутъ идти по среднему времени, или хотя моменны замѣчаемы по звѣзднымъ часамъ, но наблюденія должно производить надъ

солнцемъ, планетами или луною; во всѣхъ этихъ случаяхъ приведеніе прохожденія со средней нити на меридіанъ уже не можетъ производиться такъ, какъ было показано, а требуетъ нѣкоторыхъ измѣненій: я постараюсь показать ихъ, разобравъ всѣ возможные случаи.

Такъ какъ вообще s и n опредѣляются помощію звѣздъ и всегда даются въ звѣздномъ времени; то во первыхъ я покажу, какъ опредѣлить ихъ, а потомъ уже съ опредѣленными ими въ звѣздномъ времени рассмотримъ всѣ случаи приведеній. Если часы идутъ по звѣздному времени, то это будетъ опноситься къ тому случаю, который мы въ обширности рассмотрѣли въ предыдущихъ изслѣдованіяхъ, и въ опредѣленіи s и n не будетъ никакой перемѣны. Если же часы шли по среднему времени и наблюдали звѣзды для опредѣленія s и n , тогда должно при опредѣленіи s , T , T' . . . (5), а при опредѣленіи n , ($t'' - t'$) и ($u'' - u'$) . . . (6), которые изъ наблюденій получаются въ среднемъ времени, обратиться въ звѣздное время, и тогда s и n получаются въ звѣздномъ времени. Для сего обращенія можетъ съ большою пользою и легкостью служить табличка II (*Astronomie pratique*, par Francœur). Объяснимъ все это примѣрами,

которые поясняютъ также приложеніе формулы (4) къ звѣздамъ, наблюдаемымъ въ нижнемъ прохожденіи, и имѣющимъ южныя склоненія. 21 Марша для опредѣленія c , я наблюдалъ въ нижнемъ прохожденіи α меньшей Медвѣдицы и нашелъ при кругѣ W, $T=8^h.6'.23'',168$, при чемъ наклоненіе оси вращенія $i=+0,^c21$; по переложеніи инструмента при кругѣ O, $T'=8^h.5'.40'',748$ и $i'=0,^c03$. Склоненіе α меньш. Медв. $\delta = 88^\circ 26'$, $\varphi = 59^\circ 56'$, $\varphi + \delta = 148^\circ 22'$; вставляя сіи величины въ формулу (5'), получимъ

$$c = \frac{T-T'}{2} \cos \delta - \frac{0,18}{2} \cos(\varphi + \delta)$$

$T-T'=42'',420$ средняго времени или 42,538 звѣзднаго времени; а посему будетъ

$$\begin{aligned} c &= 21,269 \cos \delta - 0,09 \cos(\varphi + \delta) = 0,581 + 0,077 \\ &= 0,658 \text{ сек. врем.;} \end{aligned}$$

это намъ показываетъ, что для звѣзды въ нижнемъ прохожденіи должно, употребляя формулу (4), брать c съ $+$, когда кругъ къ W, а съ $-$, когда кругъ къ O. Для звѣздъ же въ верхнемъ прохожденіи должно брать обратно съ $-$ при кругѣ W, а съ $+$ при кругѣ O, какъ мы это уже видѣли изъ прежде-предло-

женнаго примѣра. Для опредѣленія n , того же числа я наблюдалъ α Дѣвы и β Меньшой медвѣдицы, имѣя кругъ къ О и получилъ для α Дѣвы: $t' = 8^h.22'.28'',125$, $i = -0,17$; $\alpha' = 13^h.16'.34'',73$, $\delta' = -10^\circ.18'$; для β меньш. Медв. $t'' = 9.56.55,536$, $i' = -0,18$, $\alpha'' = 14.51.20,51$, $\delta'' = 74^\circ.49'$, $c = 0,658$; n находится изъ

$$n = \frac{(\alpha'' - \alpha') - (t'' - t') - (u'' - u') - (c \sec \delta' - c \sec \delta'') - i \cos(\varphi + \delta') \sec \delta' + i' \cos(\varphi - \delta'') \sec \delta''}{\text{tag} \delta'' + \text{tag} \delta'}$$

$$\varphi + \delta' = 70^\circ.14', \quad \alpha'' - \alpha' = 1.34.45,780.$$

$$\delta'' - \varphi = 14^\circ.53'.$$

Сначала времена $(t'' - t')$ и $(u'' - u')$ надобно обратити въ звѣздныя времена; изъ наблюденія прохожденій той же звѣзды чрезъ среднюю нить въ два смежныя дня найденъ ходъ часовъ въ сутки противъ средняго времени $+ 34'',5$; слѣдовательно $u'' - u' = +2'',18$ средняго времени или $2'',185$ звѣзднаго; $t'' - t' = 1^h.34.27,411$ средняго времени $= 1^h.34'.42'',887$ звѣзднаго времени; $c \sec \delta' = 0'',669$, $c \sec \delta'' = 2'',512$, $i' \cos(\varphi - \delta'') \sec \delta'' = 0,664$, $i \cos(\delta' + \varphi) \sec \delta' = 0,058$, $\text{tag} \delta'' = 3,685$, $\text{tag} \delta' = 0,182$, $\text{tag} \delta'' + \text{tag} \delta' = 3,867$; слѣдовательно

$$n = \frac{1.34.45,780 - 1.34.42,887 - 2,185 + 1,843 - 0,606}{3,867}$$

$$= 0,502.$$

Опредѣливъ теперь s и n въ звѣздномъ времени, приступимъ къ различнымъ случаямъ:
 1) Если наблюдаемо было прохожденіе звѣзды по часамъ, идущимъ по среднему времени, тогда должно поправку $s = -c \sec \delta - n \operatorname{tag} \varphi + n \operatorname{tag} \delta - i \cos(\varphi - \delta) \sec \delta$, которая выразится въ звѣздномъ времени, обративъ въ среднее (Таблица I той же Астрономіи) и совокупивъ съ замѣченнымъ моменшомъ по часамъ, чрезъ что и получится прохожденіе звѣзды по часамъ чрезъ меридіанъ, а слѣдовательно изъ этого легко найдемъ и поправку часовъ относительно средняго времени. Напримѣръ, того же числа и по тѣмъ же часамъ я наблюдалъ прохожденіе α^2 въсовъ и получилъ прохожденіе этой звѣзды чрезъ среднюю ширь $t''' = 9^h.47'.27.373$, $i = -0.174$, $\alpha = 14^h.41'.49.85$, $\delta = -15^\circ.21'.5$. Такъ какъ звѣзда имѣетъ южное склоненіе, то формула (4) обратится въ

$$s = -c \sec \delta - n \operatorname{tag} \varphi - n \operatorname{tag} \delta - i \cos(\varphi + \delta) \sec \delta.$$

$$c \sec \delta = 0.682, \quad n \operatorname{tag} \varphi = 0.867, \quad n \operatorname{tag} \delta = 0.138,$$

$$i \cos(\varphi + \delta) \sec \delta = 0.046.$$

Слѣдовательно эта поправка въ звѣздномъ времени будетъ

$$-0.682 - 0.867 - 0.138 + 0.046 = -1.621$$

или

$$1.621 - 0.005 = 1.616 \text{ сред. врем.}$$

Посему прохождение α^2 Вѣсовъ чрезъ меридіанъ по часамъ $= 9^h.47'.25'',757$. Хотя мы здѣсь видимъ, что поправка іпакъ мала и не надобно бы было обращать ее изъ звѣзднаго времени, однакожь можетъ случиться, что инструментъ не очень близко установленъ къ меридіану и тогда s будетъ значительна и показанное приведеніе необходимо для достиженія совершенной точности значительной величины s ; мы имѣемъ примѣръ въ наблюденіяхъ Прейса въ Пепропавловскѣ (см. *Astronomische Beobachtungen von E. W. Preuss, herausgegeben von W. Struve. Dorpat, 1830*). Зная теперь прохождение α^2 Вѣсовъ чрезъ меридіанъ по часамъ, легко найдемъ поправку часовъ относительно средняго времени:

Прямое восхожденіе α^2 вѣсовъ $= 14^h.41'.49,85$.

Звѣздное время въ средн. полд.

$$21 \text{ Марта} = 0.43.08,07$$

$$13.58.41,78$$

Упрежденіе неподвижныхъ звѣздъ $= 2.17,394$.

Среднее время прохожденія $= 13.56.24,386$

α^2 вѣсовъ чрезъ меридіанъ

По часамъ ———— $9.47.25.757$ —

Поправка часовъ противъ средняго времени

$$u = + 4^h.8'.58'',629.$$

2. Положимъ, что наблюдали по звѣзднымъ часамъ солнце: тогда поправка $s = -c \sec \delta - n \tan \varphi + n \tan \delta - i \cos (\varphi - \delta) \cos \delta$ показываетъ величину часового угла, который солнце должно пройти отъ средней нити до меридіана, и такъ какъ оно $24^h = 360^\circ$ проходитъ въ $24 + \Delta\alpha$, то эпокъ часовой уголъ пройдетъ въ $s \cdot \frac{24 + \Delta\alpha}{24} = s \cdot m$, гдѣ $\Delta\alpha$ озна-

чаетъ перемѣну прямого восхожденія солнца въ истинныя сутки и ясно видно, что m будетъ $= \frac{24 + \Delta\alpha}{24}$ и означаетъ отношеніе

истиннаго времени къ звѣздному; оно получается или просто вычисляя $\frac{86400 + \Delta\alpha}{86400}$,

или по извѣстному $\Delta\alpha$ изъ особо составленной таблицы I (жаль, что этой таблички нѣтъ въ превосходныхъ таблицахъ Т. Врангеля), приложенной у сего подъ заглавіемъ $\log$ отношенія истиннаго времени къ звѣздному; въ ней за аргументъ взята суточная перемѣна прямого восхожденія $\Delta\alpha$ и показанъ $\log \frac{86400 + \Delta\alpha}{86400}$.

Польза этой таблицы при часомъ случающемся превращеніи изъ звѣзднаго времени въ истинное и обратно убѣдила меня помѣстить ее

здѣсь. Объяснимъ теперь предложенное примѣромъ: того же 21 Марша наблюдали прохожденіе I края солнца по часамъ, идущимъ по звѣздному времени, и получили прохожденіе его чрезъ среднюю нить $t = 0.56'.32'',873$, $i = 0^c,02$, $\delta = 5^{\circ}1'$; прохожденіе 1 края чрезъ меридіанъ по часамъ будетъ

$$T = t + [-c \sec \delta - n \tan \varphi + n \tan \delta - i \cos(\varphi - \delta) \sec \delta] m,$$

$$c \sec \delta = 0,661, \quad n \tan \varphi = 0,867, \quad n \tan \delta = 0,044,$$

$$i \cos(\varphi - \delta) \sec \delta = 0,012.$$

m находится или изъ таблицы по $\Delta \alpha = (218,31$ для 21 Марта) или просто вычисляя

$$m = \frac{86618,31}{86400} = 1,002; \quad \text{изъ таблицы I}$$

$\log m = 0,00109$, $m = 1,002$; откуда будетъ $T = 0.56'.31'',374$; продолженіе же прохожденія полдіаметра солнца чрезъ меридіанъ въ звѣздномъ времени есть $1'.4'',46$, по Морскому мѣсяцеслову для 21 Марша; слѣдовательно прохожденіе центра $\odot$ чрезъ меридіанъ по часамъ будетъ $0.56.31,374 + 1'.4'',46 = 0.56.35,834$; прямое же восхожденіе центра $\odot$ въ истинный полдень $= 0.46.42,797$; слѣдовательно поправка часовъ прошивъ звѣздного

времени въ истинный полдень $u = 0.46.42,797$
 $- 0.57.35,834 = - 0^h.10'.53,037$.

3. Если по звѣзднымъ часамъ будетъ наблюдаемо прохожденіе планетъ; то съ ними должно поступать точно такъ, какъ предъ симъ показано съ солнцемъ. Для каждой планеты и въ каждый день m будетъ различно, впрочемъ найдется очень легко по суточной перемѣнѣ прямого восхожденія. Въ Морскомъ мѣсяцесловѣ показаны прямая восхожденія для средняго полдня каждаго супокъ; посему изъ онаго на примѣръ для Юпитера 21 Марта находимъ $\Delta\alpha = 0^h.0'.24''$; слѣдовательно Юпитерь въ 24 часа среднихъ или въ $24^h.3'.56''$ звѣзднаго времени перемѣняетъ часовой уголъ на $24^h - 0^h.0'.24''$, откуда и будетъ $m = \frac{24^h.3'.56''}{24 - 0.0.24}$.

4. Когда по часамъ, идущимъ по среднему времени, было наблюдаемо прохожденіе солнца; тогда должно узнать, въ какое среднее время перемѣнитъ солнце часовой уголъ, равный поправкѣ s ; но какъ истинное время почти равно среднему, особенно въ споль маломъ промежуткѣ, то поправка s не требуетъ никакихъ измѣненій и должна просто прикладываться къ замѣчаемому моменту по часамъ, считая

се выраженною въ среднемъ времени; изъ этого видимъ, что при наблюденіи солнца лучше употреблять средніе часы.

5.) При наблюденіи прохожденія планетъ по часамъ, идущимъ по среднему времени, должно узнать, въ какое среднее время пройдетъ планета часовой уголъ, равный поправкѣ s ; возьмемъ нами примѣръ для Юпитера это время получится изъ пропорціи $24^{\text{ч.}} - 0^{\text{ч.}} 0'.$
 $24'' = s : x = \frac{24^{\text{ч.}} s}{24^{\text{ч.}} - 0^{\text{ч.}} 0'.24''}$, которое и должно употреблять вмѣсто поправки.

Изъ предложенныхъ примѣровъ мы видимъ, что ежели инструментъ установленъ близко къ меридіану, т. е. когда найденныя въ звѣздномъ времени s и n весьма малы, то можно при наблюденіи звѣздъ, солнца и планетъ не обращать вниманія, по какимъ часамъ были замѣчаемы моменты и приводить съ средней нити на меридіанъ такъ, какъ показано вообще. Луна составляетъ совершенное исключеніе изъ этого: она, кромѣ того, что движется не по времени часовъ, имѣетъ еще большой параллаксъ, который производитъ большія измѣненія въ поправкѣ. И такъ перейдемъ теперь къ ней.

6. Часы идутъ по звѣздному времени и наблюдаемъ былъ которой нибудь край луны. По-

ложимъ, что PZ (фиг. 3) есть меридіанъ, P полюсъ, Z зенитъ и положимъ, что дѣйствию параллакса край луны изъ истиннаго мѣста b по высотѣ опустился въ a ; слѣдовательно, наблюдая край на средней нити, наблюдали его въ a , между тѣмъ какъ истинное его мѣсто было въ b . Въ то время, когда видимый край луны пройдетъ отъ a въ d или часовой уголъ aPd , истинный край пройдетъ отъ b въ e или часовой уголъ bPe . Такъ какъ въ наблюдаемый моментъ прохожденія края луны чрезъ среднюю нить, истинный ея край былъ въ b , то приведеніе съ средней нити на меридіанъ будетъ $bPe = s'$, уголъ же $aPd = s = -c \sec \delta' - n \tan \varphi - n \tan \delta' - i \cos(\varphi - \delta') \sec \delta'$, гдѣ $\delta' = 90 - Pa$ означаетъ видимое склоненіе края или центра луны. Назвавъ истинное зенитальное расстояние $Zb = z$, а видимое $Za = z'$, $aPb = \partial s$, $ab =$

$$\partial z, \text{ увидимъ, что } \frac{\sin \partial s}{\sin \partial z} = \frac{\sin Pba}{\sin Pa} = \frac{\sin b}{\cos \delta'},$$

$$\text{но } \frac{\sin b}{\sin ZPb} = \frac{\sin b}{\sin s'} = \frac{\cos \varphi}{\sin z} \text{ или } \sin b =$$

$$\frac{\sin s' \cos \varphi}{\sin z}; \text{ слѣдов. } \sin \partial s = \frac{\sin \partial z \sin b}{\cos \delta'} =$$

$$\frac{\sin \partial z \sin s' \cos \varphi}{\cos \delta' \sin z} \text{ или } \partial s = \frac{\sin s' \cos \varphi}{\cos \delta' \sin z} \partial z.$$

ϑz есть параллаксъ высоты; слѣдовательно $\vartheta z = \frac{\sin \pi \sin z}{\sin 1''}$, гдѣ π означаетъ горизонтальный параллаксъ для мѣста наблюдателя,

$$\vartheta s = \frac{\sin s' \sin \pi \cos \varphi}{\sin 1'' \cos \delta'} = s' \sin \pi \cos \varphi \sec \delta'$$

и

$$s' = s - \vartheta s = s - s' \sin \pi \cos \varphi \sec \delta', \quad s' = \frac{s}{1 + \sin \pi \cos \varphi \sec \delta'},$$

или

$$s' = s(1 - \sin \pi \cos \varphi \sec \delta'),$$

а посему

$$s' = [-c \sec \delta' - n \tan \varphi + n \tan \delta' - i \cos(\varphi - \delta') \sec \delta'] [1 - \sin \pi \cos \varphi \sec \delta'].$$

Принимая же во вниманіе сжатіе земли, и замѣчая, что такъ какъ всѣ дѣйствія происходящія почти въ меридіанѣ, видимъ, что опъ этого получили измѣненіе только широта и должно вмѣсто $\cos \varphi$ подставить $\cos \varphi'$ и $\rho \sin \pi$ вмѣсто $\sin \pi$, гдѣ φ' означаетъ истинную или геоцентрическую широту мѣста, ρ радіусъ мѣста наблюдателя и π данный въ календарѣ горизонтальный экваторіальный параллаксъ; $\varphi' = \varphi - \Delta \varphi$ и ρ можно получить изъ XV вспомогательной таблицы Морскаго мѣсяцослова 1834 г. Какъ жаль, что въ нынѣшнихъ календаряхъ эта таблица не помѣщена; такъ же она опущена въ таблицахъ Г. Врангеля,

и вычисляющіе въ нынѣшнихъ годахъ не вполне обезпечены его таблицами и календаремъ. Нашедъ теперь часовой уголь s' , надобно знать, во сколько звѣзднаго времени луна пройдетъ этотъ часовой уголь. Означимъ чрезъ $\Delta\alpha$ движеніе луны въ прямомъ восхожденіи въ продолженіе среднихъ сутокъ, выраженное въ секундахъ времени. Перемѣна часового угла луны въ 24 часа среднихъ $= 24'' - \Delta\alpha$; слѣд. въ $1''$ среднюю перемѣна

сія будетъ $\frac{24 - \Delta\alpha}{24} = \frac{86400 - \Delta\alpha}{86400}$; но извѣ-

стно, что $\frac{1 \text{ сек. средняя}}{1 \text{ сек. звѣздн.}} = \frac{86636}{86400}$; ибо 86636

звѣзд. сек. $= 86400$ средн. сек.; посему когда въ 1 сек. сред. часовой уголь луны перемѣняется на

$\frac{86400 - \Delta\alpha}{86400}$, то въ 1 сек. звѣздн. онъ перемѣнит-

ся на $\frac{86400 - \Delta\alpha}{86400} \cdot \frac{86400}{86636} = \frac{86400 - \Delta\alpha}{86636} = m'$;

и какъ въ нынѣшнихъ Морскихъ мѣсяцесловахъ прямые восхожденія луны даются чрезъ 3 часа, то сближая употребленіе съ данными, должно пред-

ставить $m' = \frac{10800 - da}{10829,5}$, гдѣ da уже означаетъ

трехъ-часовую перемѣну прямого восхожденія луны. Имѣя теперь m' , легко уже найти, во сколько звѣздныхъ секундъ перемѣнитъ луна

часовой уголъ s' ; именно: когда m' переходитъ она въ одну секунду, то s' ; въ $\frac{s'}{m'}$ звѣздныхъ секундъ или въ $s'p$, когда $p = \frac{1}{m'} = \frac{10829,5}{10800 - da}$; а посему поправка, которую должно придасть къ замѣченному по часамъ моменту прохожденія края луны чрезъ среднюю нить, чтобы получить прохожденіе его чрезъ меридіанъ, будетъ

$$[-c \operatorname{Sec} \delta' - n \operatorname{tag} \varphi + n \operatorname{tag} \delta' - i \cos(\varphi - \delta') \operatorname{Sec} \delta'] \\ [1 - \rho \sin \pi \cos \varphi' \operatorname{Sec} \delta'] p,$$

гдѣ δ' , какъ мы уже сказали, есть видимое склоненіе центра луны, и какъ наблюденіе производился около меридіана, то параллаксъ склоненія равенъ параллаксу высоты: $dz = \pi \sin z$, который найдя, изъ истиннаго склоненія δ получу δ' . Логарифмъ p получается изъ таблицы II, которую я составилъ, убѣжденный частымъ ее употребленіемъ; въ ней за аргументъ взята прехъ-часовая переменная прямого восхожденія da отъ $300''$ до $540''$. Подобная таблица находится въ *Tabulae Regionmontanae* Бесселя, но въ ней за аргументъ взята полусуточная переменная прямого восхожденія, выраженная въ градусахъ; припомъ предположено, что $\frac{86400}{86636} = 1$. Почему по неудобности ея

при нынѣшнихъ календаряхъ и по несовершенной точности, она уступаетъ здѣсь предложенной.

Для объясненія предъидущаго, предложимъ примѣръ: 31го Марта наблюдалось прохожденіе I края луны по звѣзднымъ часамъ и найдено прохожденіе его чрезъ среднюю нить въ 11ч. 20', 31'', 837; хочу знать его же прохожденіе чрезъ меридіанъ; при наблюденіи $i = 0с., 05$, с и п имѣютъ ту же величину, что и въ предъидущихъ примѣрахъ, кругъ высотъ инструмента былъ къ О. Опредѣлимъ сначала δ' ; луна чрезъ Гренвическій меридіанъ проходитъ въ 11ч. 25', 4 средняго времени; принимая во вниманіе собственное ея движеніе, найдемъ, что она чрезъ С. - Петербургскій меридіанъ проходитъ въ 9ч., 21', 1 средняго Гренвическаго времени. Для этого момента изъ Морскаго мѣсяцослова находимъ

$$\delta = 4^{\circ}.38', 9, \pi = 58'.13'', 7,$$

откуда

$$z = 59.56 - 4.38, 9 = 55^{\circ}.17, 1, \text{ и } \partial z = \pi \sin z = 46', 2;$$

слѣдовательно

$$\delta' = \delta - \partial z = 4^{\circ}.38', 9 - 46', 2 = 3^{\circ}.52', 7;$$

послѣ чего вычисляю

$$s = -c \sec \delta' - n \tag \varphi + n \tag \delta' - i \cos(\varphi - \delta') \sec \delta';$$

$$\varphi - \delta' = 56^{\circ}.3', 3, c. \sec \delta' = 0,659, n \tag \varphi = 0,867,$$

$$n \tag \delta' = 0,034, i \cos(\varphi - \delta') \sec \delta' = 0,028;$$

слѣд.

$$s = -1'',520, \log s = 0,18184;$$

теперь опредѣлю

$$\log(1 - \rho \sin \pi \cos \varphi' \sec \delta') :$$

изъ Морскаго мѣсяцослова имѣю

$$\log \rho = 9,99892$$

$$\log \sin \pi = 8,22882$$

$$\log \cos \varphi' = 9,70202 \quad \rho \sin \pi \cos \varphi' \sec \delta' = 0,0085$$

$$\log \sec \delta' = 0,00099 \quad 1 - \rho \sin \pi \cos \varphi' \sec \delta' = 0,9915$$

$$\frac{7,93075}{\log(1 - \rho \sin \pi \cos \varphi' \sec \delta')} = 9,99629.$$

Изъ таблицы II, съ аргументомъ 3 хъ-
 часовой перемѣны прямого восхожденія луны
 $2\alpha = 370'',83$, находимъ $\log \rho = 0,01635$; слѣдо-
 вательно $\log[(1 - \rho \cos \varphi' \sin \pi \sec \delta')\rho] = 0,01264$
 и $\log[s(1 - \rho \sin \pi \cos \varphi' \sec \delta')\rho] = 0,19448$; и
 такъ поправка будетъ $= -1,565$, и про-
 хожденіе I края луны чрезъ меридіанъ по ча-
 самъ выйдетъ въ 11ч.20',30'',272. Пред-
 ложенный примѣръ показываетъ, что будто
 бы это измѣненіе ненужно по ничтожности
 его; но опять скажемъ, что во взятомъ нами
 примѣръ инструмента такъ близко уста-
 новленъ къ меридіану, какъ только можно сдѣ-
 лать на постоянной обсерваторіи; путеше-
 ствующимъ же астрономамъ часто придется

употреблять инструментъ, установленный на нѣсколько секундъ отъ меридіана, и тогда пренебреженіе элихъ измѣненій можетъ произвести чувствительную ошибку; однимъ словомъ, могутъ быть случаи, гдѣ не надобно дѣлать показанныхъ измѣненій, употребляя s вмѣсто поправки, въ коемъ δ' замѣнимъ δ ; но это рѣдко, и пошому всегда надобно употреблять вышеупомянутыя приведенія.

7. Часы идутъ по среднему времени, а наблюденіе производилось надъ краемъ луны: часовой уголъ, который истинный край луны долженъ пройти отъ средней нити до меридіана, подобно какъ въ 6 случаѣ, будетъ $s'' = [-c.\sec\delta' - n.\tag\varphi + n.\tag\delta' - i.\cos(\varphi - \delta')\sec\delta'] [1 - \rho.\sin\pi.\cos\varphi'.\sec\delta']$; вся сила состоятъ теперь только въ томъ, чтобы узнать, во сколько средняго времени край луны пройдетъ этотъ часовой уголъ. Мы знаемъ, что въ 24 часа среднихъ онъ перемѣняетъ часовой уголъ на $24'' - \Delta\alpha$; слѣд.

$$\begin{aligned} \text{часовой уголъ } s'' \text{ перемѣнитъ въ } & \frac{24s''}{24 - \Delta\alpha} \text{ сред-} \\ \text{няго времени; означимъ } & \frac{24}{24 - \Delta\alpha} = \frac{1}{1 - \frac{\Delta\alpha}{86400}} \\ = & \frac{1}{1 - \frac{\Delta\alpha}{10800}} = p'; \text{ поправка, которую дол-} \end{aligned}$$

жно придасть къ наблюдаемому прохожденію чрезъ среднюю нитъ, чтобъ получить прохожденіе края луны чрезъ меридіанъ, будетъ равна

$$[- c.\sec\delta' - n\operatorname{tag}\varphi + n\operatorname{tag}\delta' - i\cos(\varphi - \delta')\sec\delta'][1 - \rho\sin\pi\cos\varphi'\sec\delta'] p' ;$$

для логарифма p' я составилъ таблицу III, съ тѣмъ же аргументомъ 2α трехъ-часовой переменны прямого восхожденія, и съ тою же общею разностію, что и $\log p$.

Таблица I. Логарифмъ отношенія истиннаго времени къ звѣздному.

$\Delta\alpha$ ⊙	<i>Logm.</i>		$\Delta\alpha$ ⊙	<i>Logm.</i>	
210"	0,0010543	О б щ а я р а з н о с т ь н а 1" = 0,0000050	241"	0,0012098	О б щ а я р а з н о с т ь н а 1" = 0,0000050.
211"	0,0010594		242"	0,0012148	
212"	0,0010644		243"	0,0012198	
213"	0,0010694		244"	0,0012248	
214"	0,0010744		245"	0,0012298	
215"	0,0010794		246"	0,0012348	
216"	0,0010844		247"	0,0012398	
217"	0,0010894		248"	0,0012448	
218"	0,0010945		249"	0,0012499	
219"	0,0010995		250"	0,0012549	
220"	0,0011045		251"	0,0012599	
221"	0,0011095		252"	0,0012649	
222"	0,0011145		253"	0,0012699	
223"	0,0011195		254"	0,0012749	
224"	0,0011245		255"	0,0012799	
225"	0,0011295		256"	0,0012849	
226"	0,0011346		257"	0,0012899	
227"	0,0011396		258"	0,0012950	
228"	0,0011446		259"	0,0013000	
229"	0,0011496		260"	0,0013050	
230"	0,0011546	О б щ а я р а з н о с т ь н а 1" = 0,0000050	261"	0,0013100	О б щ а я р а з н о с т ь н а 1" = 0,0000050.
231"	0,0011596		262"	0,0013150	
232"	0,0011646		263"	0,0013200	
233"	0,0011697		264"	0,0013250	
234"	0,0011747		265"	0,0013300	
235"	0,0011797		266"	0,0013351	
236"	0,0011847		267"	0,0013401	
237"	0,0011897		268"	0,0013451	
238"	0,0011947		269"	0,0013501	
239"	0,0011997		270"	0,0013551	
240"	0,0012047				

Т а б л и ц а II.			Таблица III.
$\delta\alpha$	$\text{Log } p.$	Разность.	$\text{Log } p'.$
300"	0,01341	42	0,01223
310	0,01383	41	0,01265
320	0,01424	41	0,01306
330	0,01465	42	0,01347
340	0,01507	42	0,01389
350	0,01549	41	0,01431
360	0,01590	42	0,01472
370	0,01632	42	0,01514
380	0,01674	41	0,01556
390	0,01715	42	0,01597
400	0,01757	42	0,01639
410	0,01799	42	0,01681
420	0,01841	41	0,01723
430	0,01882	42	0,01764
440	0,01924	42	0,01806
450	0,01966	42	0,01848
460	0,02008	42	0,01890
470	0,02050	42	0,01932
480	0,02092	42	0,01974
490	0,02134	43	0,02016
500	0,02177	42	0,02059
510	0,02219	42	0,02101
520	0,02261	42	0,02143
530	0,02303	43	0,02185
540	0,02346		0,02228

Р. S. Необходимость предложенныхъ таблицъ и облегченіе , которое онѣ доставляютъ вычисляющимъ , яснѣе окажется при приведеніи наблюдаемыхъ прохожденій солнца и луны съ боковыхъ нипей на среднюю. Логарифмъ *m* потому данъ о 7 десятичныхъ цифрахъ , чшобъ онъ , кромѣ вышеупомянутаго употребленія, могъ служить еще для обращенія истинныхъ часовъ , минутъ и секундъ въ звѣздныя , и обратно.

В. БОТАНИКА.

2. ИСТОРИЯ ЖЕНЕВСКОЙ БОТАНИКИ.

Речь, произнесенная въ торжественномъ Собраніи Женевской Академіи, 14 го Іюня 1830 года, Профессоромъ Декандоллемъ.

Сообщено Профессоромъ Шиховскимъ.

(Окончаніе.)

Точка зрѣнія, съ которой научился онъ (Ж. Ж. Руссо) у Бернарда Жюсье разсматривать растенія, могла бы имѣть счастливое вліяніе на Женевскую Ботанику; но его отсутствіе лишило ее личнаго его дѣйствія, а по тогдашней привычкѣ его къ афористическому слогу Ботаники Линнеевой, не можно было распознать истинное и важное, укрывавшееся въ prospectsъ Руссовыхъ Писемъ. Ученіе о растительномъ царствѣ оставалось слѣдовательно ограниченнымъ между нами одною только Физіологіею, и Сенебье, который съ ревностію посвящилъ себя ея изученію, быспрыми шагами повелъ къ усовершенствованію эту важную часпъ науки.

Занявшись прежде богословскими и библиографическими изслѣдованіями, по внушенію двоякой своей пасторской и библиотекарской должности, и размысливъ объ искусствѣ наблюдать, для чего и начерталь онъ весьма благоразумныя правила, Сенебье посвятилъ себя совершенно изученію Физическихъ наукъ и въ особенности Физіологій растений. Лекціи живописной Физіологіи, читанныя въ этомъ зданіи знаменитымъ Докторомъ Тронхиномъ, совѣщанія и разговоры съ Боннепомъ, и въ особенности предпринятыя по внушенію сего послѣдняго переводы фیزیологическихъ сочиненій Спааландца, были главнѣйшими причинами, обратившими вниманіе Сенебье на науку о жизни.

Онъ началъ физическія свои занятія изслѣдованіемъ явленій свѣта; въ послѣдствіи старался объяснить разнообразное вліяніе этого дѣятеля на жизнь органическихъ тѣлъ, преимущественно же на растенія. — Блистательное открытіе Пристлея было причиною главнѣйшихъ трудовъ Сенебье. — Изучая ошправленіе листьевъ, Боннепъ положилъ ихъ нѣсколько въ воду и подвергнулъ дѣйствию солнечныхъ лучей; замѣтивъ тогда поднимающіеся воздушные пузырьки, онъ старался разрѣшить вопросъ: происходятъ ли они отъ

листьевъ , или опъ содержащей ихъ воды. Когда же положилъ эти листья въ воду, лишнюю воздуха, то пузырьки перестали подниматься. Боннетъ заключилъ изъ сего опыта, что воздухъ выходитъ изъ воды , и что при семъ явленіи жизнь растений не оказывается ни малѣйшаго дѣйствія. Такимъ образомъ, рассуждая слишкомъ логически, онъ упустилъ изъ виду открытіе, которое нынѣ составляетъ одно изъ основаній теоріи питания. Искусство производить опыты, хотя въ окончательномъ анализѣ подчиняемое разуму, требуетъ иногда нѣхъ смѣлыхъ предвидѣній, нѣхъ полудоказанныхъ предположеній, которыя часто открываютъ истину лучше, нежели строжайшая Логика. Въ обыкновенномъ быту жизни нужно неуклонно слѣдовать предложенному пути; но случаются минуты, когда съ отважностію нужно умѣть преодолѣть встрѣчающіяся препятствія: таковъ былъ гений Пристлея; онъ замѣтилъ, что воздушные пузырьки выходятъ изъ листьевъ , открыть, что этотъ воздухъ есть тотъ чистый и удивительный газъ , который извѣстенъ теперь подъ именемъ кислорода; такимъ образомъ доказалъ, что его освобожденіе есть собственно физиологическое явленіе, и, преслѣдуя его въ химическомъ отношеніи, онъ предо-

спавиль другимъ объясненіе жизненной спороны явленія. Ингенгузъ и Сенебье приступили къ рѣшенію сего вопроса. Ислѣдуя сначала явленія въ различныхъ отношеніяхъ, они споспѣшествовали одинъ другому ко взаимному ихъ объясненію; но въ послѣдствіи Сенебье своимъ терпѣніемъ и ревностію взялъ верхъ и обогатилъ растительную Физіологію самыми любопытными фактами.

Одного изъ эпихъ явленій, по его обширности, достаточно было бы, чѣобы сдѣлать Сенебье безсмертнымъ въ наукѣ: онъ доказалъ, что кислородъ, извергаемый листьями, находящимися подъ водою, состоящую подъ вліяніемъ солнечныхъ лучей, происходитъ отъ разложенія угольной кислоты, соединенной съ водою, или входящей въ составъ растительныхъ соковъ; въ слѣдствіе сего онъ допускаетъ, что при этомъ дѣйствіи углеродъ осаждается въ клѣтчаткѣ растений и составляетъ основу ея твердыхъ частей, между тѣмъ какъ кислородъ, извергаемый въ атмосферу, стремится непрестанно къ пополненію недостатка и поправленію поврежденія, происходящаго отъ процесса горѣнія и дыханія животныхъ. Сіе важное открытіе обнаружилъ, въ чемъ состоитъ сущность питания растений; и хотя одинъ изъ нашихъ

соопечественниковъ , котораго присутствіе въ этомъ нашемъ собраніи не позволяетъ называть мнѣ его имени, придавъ болѣе точности этому вопросу и съ большимъ искусствомъ изслѣдовалъ его части ; но первоначальною однакожъ мыслью мы совершенно обязаны Сенебье. Сей послѣдній постигъ всю важность оной, и вся почти его жизнь была посвящена изученію разнообразныхъ дѣйствій свѣта на растенія, какъ въ теченіе ихъ жизни, такъ и по смерти. Неудовольствованный своими наблюденіями надъ разложеніемъ угольной кислоты, онъ старался разнообразить виды сего явленія и изучилъ его во многихъ случаяхъ; но не будучи руководимъ никакою идеею классификаціи , онъ употребилъ столь драгоценное время на повторенія почти безполезныя и не всегда умѣлъ извлекать изъ видѣнныхъ имъ явленій справедливо - обобщенные выводы. Этотъ недостатокъ въ методѣ сдѣлался наиболѣе ощутителенъ тогда, когда онъ оставилъ путь опыта для начертанія полнаго изображенія науки ; онъ составилъ Фитто-физиологическій Словарь Методической Энциклопедіи ; но въ послѣдствіи , почувствовавши, какъ трудно согласуется этотъ алфавитный порядокъ съ ходомъ человѣческихъ мыслей, онъ возобновилъ и распространилъ свое сочи-

неніе, давши ему систематическій видъ ; словомъ: написалъ свою растительную Физіологію.

Твореніе сіе, хопя весьма важное, потерпѣло отъ общаго погдашняго направленія наукъ, и я охотно скажу—отъ характера своего сочинителя. Родившись въ такое время, когда искусственныя системы были въ бѣльшемъ употребленіи, онъ, увлекаясь общимъ ошибочнымъ мнѣніемъ, смѣшалъ классификацію съ номенклатурою, и такимъ образомъ лишился единственнаго средства ко введенію порядка въ общія понятія. Привыкнувъ къ физическимъ и химическимъ изслѣдованіямъ, онъ весьма часто пренебрегалъ свѣдѣніями, касающимися органическаго устройства тѣла и жизненной силы. Суди о всѣхъ людяхъ по естественной своей добротѣ и правдивости, онъ не всегда предостерегалъ себя отъ доверчивости болѣе или менѣе отважнымъ разсказамъ. Но если спянемъ искасть въ этомъ сочиненіи того, въ чемъ Сенебье въ особенности отличился; то сыщемъ полезныя свѣдѣнія о совместномъ вліяніи свѣта, теплоты и воздуха на растенія. Кромѣ обширной теоріи, составляющей основу его труда, мы обязаны Сенебье новыми доказательствами о вхожденіи растительныхъ соковъ чрезъ одніе только мѣстечки корней; отличеніемъ силы, проводящей

воду въ распенія, опъ той, копорая возводипъ ее до самой ихъ вершины; болѣе точными свѣдѣніями о вліяніи свѣта на восхожденіе липпательныхъ соковъ; сравненіемъ какъ по количеству, такъ и по свойству поглощаемой и испаряемой распеніями воды; нѣкоторыми понятіями о способѣ солпропивленія распеній дѣйствію на нихъ холода и наконецъ первыми точными опытами надъ необыкновенною теплотою, развивающеюся въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ во время цвѣшенія распенія *Agum*.

Сенебье, согласно съ своимъ другомъ Францискомъ Губеромъ (а) — (эпимъ любезнымъ спарцемъ; столь хорошо умѣвшимъ видѣть пчель глазами другихъ), предпринялъ рядъ опытовъ, относящихся къ прозябенію; цѣль ихъ состояла въ томъ, чшобы доказать и опредѣлить вліяніе кислорода на это явленіе; но въ этомъ сообществѣ всего любопытнѣе было видѣть было то, что — слѣпой производилъ опыты по внушенію зрячаго.

Сенебье написалъ еще много разсужденій, желая представить полное описаніе той особенной зеленой матеріи, копорая, какъ видѣлъ Присплей, какъ бы сама по себѣ развивалась въ проспой водѣ и о копорой всего болѣе спарался онъ доказать, чшо она не происходипъ опъ самопроизвольнаго рожденія.

Столь многочисленные и достопримѣчательные труды поставили Сенебье на ряду съ прочими главнѣйшими физиологами и, вѣроятно, онъ занялъ бы еще болѣе почетное мѣсто, еслибъ заботился болѣе объ изяществѣ, или, по крайней мѣрѣ, о простой ясности слога. Занимаясь безпрестанно изслѣдованіемъ истины, чуждаясь совершенно всякаго тщеславія, онъ, казалось, считалъ долгомъ презирать ту прелесть, которая происпекаетъ отъ счастливаго выбора выраженій, и самъ въ этомъ соглашался съ тою откровенностію, которая составляла опличительную черту его характера и которая обезоруживала всякую критику. Не будучи никогда Профессоромъ, онъ много содѣйствовалъ однакожъ въ нашемъ городѣ распространенію любви къ наукамъ естественнымъ: со времени старости и смерти Боннета, съ тѣхъ поръ какъ Соссюръ оставилъ изученіе распеній, мы обязаны сохраненіемъ преданія о ихъ занятіяхъ Г-ну Сенебье. Я люблю въ особенности приводить себѣ на память тѣ приятныя поощренія, тѣ изъявленія дружбы, которыми онъ меня осыпалъ въ моей юности, и потому первымъ моимъ шагомъ въ Ботаникѣ было — украсить его именемъ одинъ новый родъ распеній, который представился мнѣ съ самаго начала моихъ занятій, и это названіе,

принятое нынѣ всѣми учеными будетъ служить доказательствомъ моей благодарности, точно такъ, какъ бюстъ, украшающій нашъ садъ, свидѣтельствуесть о благодарности нашей Республики.

Существенная связь Физики и Земледѣлія съ растпительною Физіологіею, въ особенности такая, какую Боннесть и Сенебье принимали, породила нѣсколько частныхъ трудовъ, о которыхъ почитаю долгомъ упомянуть.

Фридрихъ-Вильгельмъ Морицъ (Q) и Маркъ Авг. Пикшеть (R) произвели много опытовъ надъ сравнительнымъ ходомъ термометровъ, помѣщенныхъ по въ пняхъ живыхъ деревьевъ, по на чистомъ воздухѣ, по находящихся въ землѣ, на различныхъ глубинахъ. Представивъ, какъ они сдѣлали, съ точностію отношеніе, существующее между температурою деревьевъ и земли, служащей имъ мѣстомъ укорененія, они приутожили самое лучшее доселѣ извѣстное пособіе для разрѣшенія труднаго вопроса о средствахъ, которыми одарены растения для противостоянія самымъ высшимъ степенямъ температуры атмосферической.

Сочиненіе Морица о веществахъ, для удобренія земли служащихъ (*des engrais*), хотя болѣе относится къ практикѣ, нежели къ

Физиологиі, содержишь однакожь нѣкоторыя вѣрные взгляды на теорію питания растений.

Другъ его Карль Пикшепъ (R), который, какъ извѣстно, много споспѣшествовалъ къ развитію нашего земледѣлія, издалъ сочиненіе, имѣющее предметомъ раздѣленіе земли на разныя почвы, которое во многихъ мѣстахъ касается распишительной Физиологиі; но, отдавая полную справедливоспъ практической сторонѣ этого сочиненія, сожалѣемъ однакожь, что въ немъ, какъ и во всѣхъ другихъ нашихъ произведеніяхъ, изданныхъ въ то время, замѣчается совершенное забвеніе свѣдѣній, относящихся къ классификаціи, отъ чего и происпекли важныя упущенія и даже нѣкоторыя ошибки.

Однакожь ученые Женевскіе начали заниматьсѣ Ботаникою въ собственномъ смыслѣ и за предѣлами опечесства.

Даніиль де-ла-Рошъ (S) въ 1766 году, для полученія Докторской степени въ Лейденскомъ Университетѣ, представилъ разсужденіе о касаниковидныхъ растенияхъ (Irideae); кромѣ общей карпины этого семейства, оно содержишь описаніе и рисунки нѣкоторыхъ новыхъ видовъ и между прочимъ описаніе новаго рода *Viesseluxia*, посвященнаго де-ла-Рошемъ другу своему Доктору Віссексу. Предви-

словіе содержить справедливые для того времени взгляды о естественномъ порядкѣ. — Де-ла-Рошъ, увлеченный врачебною пракпикою, еще тогда же оставилъ Ботанику.

Сынъ его Францискъ де-ла-Рошъ (S*) началъ замѣчательною монографіею, описаніемъ синеголовниковъ (*Egungiam*) и другихъ ближайшихъ родовъ, и въ 1808 году издалъ въ Парижѣ книгу, которую должно почестъ однимъ изъ лучшихъ произведеній въ этомъ родѣ: онъ издалъ еще 3 Частн (V, VI и VII) важнаго сочиненія о лилейныхъ распеніяхъ, которое вышло подъ именемъ Redouté; но Женева едва ли можетъ причислить его къ своимъ согражданамъ, и онъ самъ, погибши несчастнымъ образомъ еще въ цвѣтѣ жизни, не могъ достигнуть той славы, какую предвѣщали ему его таланты и пернѣніе.

Одинъ изъ друзей его Андрей Жюринъ (T), котораго смерть похитила также слишкомъ рано, съ успѣхомъ занимался изученіемъ растительной Анапоміи. Въ одномъ разсужденіи, помѣщенномъ въ Физическомъ журналѣ 1802 года и относящемся къ анапоміи липсьевъ, онъ представилъ хорошія наблюденія надъ корковыми желѣзами и надъ верешенообразными кристаллами (*Raphides*); одинъ изъ первыхъ между совмѣнными учеными, принялъ важную мысль

о первоначальной независимости распылительных клѣпочекъ и ихъ естественной спайки для образованія клѣпчатной ткани.

Венедиктъ Прево (U), поселившійся въ Монтобанѣ, старался распознать свойства и условія развитія того особеннаго гриба, который составляетъ гниль въ хлѣбѣ, и чтобы избавить отъ этой болѣзни нивныя злаки, указалъ на новый способъ моченія посѣвныхъ зеренъ въ растворъ сѣрнокислой мѣди, что, кажется, гораздо вѣрнѣе дѣйствуетъ, нежели моченіе въ обыкновенной известковой водѣ.

Я долженъ еще присовокупить, для окончанія моего разсужденія, имя Синдика Якова Некера де Соссюра (V), который со пицаніемъ обозрѣвалъ окружающія насъ горы, имѣя въ виду собраніе произрастающихъ на нихъ растений; старался по способу Лудвига удержатъ ихъ главныя формы и издалъ петрадь описчашковъ, произведенныхъ описками самыхъ растений (*).

Павель Госсенъ (W) въ своей деревнѣ въ Бурдиньи завелъ нѣсколько чужеземныхъ де-

(*) Подобныхъ описковъ врачебныхъ растений издали въ Москвѣ въ 1823 году двѣ петради: покойный Проф. Н. М. У. А. О. Гольдбахъ и П. А. Рыщепниковъ. З. П. Ш.

ревьевъ; въ этомъ-то саду находится бывший единственный въ Европѣ женскій экземпляръ растенія *Ginkgo biloba*.

Одинъ изъ его современниковъ, Гейнрихъ Албертъ Госсе (X), старался обратить вниманіе юношества на методическое изученіе растеній, свойственныхъ нашему климату, разводилъ ихъ въ каналахъ нашего города и вмѣстѣ съ Соссюромъ и Воше учредилъ Общество Любителей Физики и Естественныхъ Наукъ, котораго счастливое вліяніе мы ощущаемъ теперь ежедневно. Въ послѣдствіи мы обязаны ему образованіемъ въ спѣхахъ нашихъ Швейцарскаго Общества Испытателей Природы. Всѣ сочиненія, изданныя Г. Госсе, относятся къ Технологіи; но онъ читалъ однакожъ въ нашемъ Обществѣ Любителей Естественныхъ Наукъ нѣкоторыя Ботаническія разсужденія и между прочимъ диссертацию о растеніи *Ruscus*, въ которой онъ показываетъ, прежде нежели это сдѣлалось всеѣмъ извѣстнымъ, что должно почищать за настоящіе листья этого растенія.

Къ этимъ любителямъ Ботаники нужно еще присоединить нѣкоторыхъ другихъ, которые хотя и не писали, заслуживаютъ однакожъ нашу благодарность; таковы сунъ: Рубордіе (Y), Жиродъ-ла-Коссадъ (Z) и Иванъ

Петръ Колладонъ (Z*), котораго мы недавно лишились. Последнему мы обязаны нѣкоплыми Химическими Изслѣдованіями надъ растеніями; такъ въ частности разложеніемъ сока растенія *Hierophae rhamnoïdes* и еще земли Sauvablin, споль замѣчательной по ея свойствамъ окрашивать синимъ цвѣтомъ цвѣтки Горшензіи. Страніями своими онъ споспѣшествовалъ къ успѣхамъ Ботаническаго нашего сада и оставилъ ему послѣ смерти свои правохранилища и ботаническія книги. Ученое это заведеніе получило также правохранилища Некера де Соссюра, Госсе, Рубордіера, пожертвованные ихъ семействами, еще собранія расписній Гг. Буе, Шоази, Фридриха Колладона, Антонія Куранта Галопена, Л. Перрота, подаренныя ими самими, и наконецъ Швейцарское правохранилище, составленное знаменитымъ Галлеромъ и его сыномъ (1) и завѣщанное симъ послѣднимъ нашему городу въ память времени, проведеннаго имъ здѣсь въ его юности.

Но не безъ болѣзненнаго ощущенія привожу я споль свѣжыя еще воспоминанія. Всѣ имена, мною исчисленныя, принадлежатъ людямъ, съ которыми я жилъ: одни изъ нихъ были моими руководителями; другіе друзьями;

(1) Умеръ въ Бернѣ 1-го Марша 1823 года.

нѣкоторые даже учениками мои. Они опочили изъ сего міра предъ моими глазами, оставивъ мнѣ только одно безплодное утѣшеніе воздавать чesть ихъ памяти, и между тѣмъ, какъ долгъ Историка заставляетъ меня такимъ образомъ остановиться среди гробницъ, я не смѣю удовлетворить приятнѣйшей обязанности, говорить о тѣхъ, которые и теперь между нами продолжаютъ поддерживать ученіе и любовь къ Наукамъ Естественнымъ. Объемъ этой рѣчи и приличія другого рода не позволяютъ мнѣ произнести здѣсь имена съ похвалами, которыми бы приятно было мнѣ почтить сочинителя Химическихъ изслѣдованій (e), озарившаго теорію вегетации такимъ новымъ свѣтомъ, ни искуснаго описателя Нитчатокъ, Хвощей и Заразихъ (d), которому я обязанъ былъ нѣкогда первыми моими ботаническими знаніями.

Изъ числа тѣхъ, которые большею частію слѣдуютъ за мною на поприщѣ жизни, я бы съ приياتностію назвалъ, если бы это было даже единственно только для того, чтобы похвалить ихъ успѣхъ, тѣхъ сотоварищей, которые пояснили Врачебную Исторію Хмѣля (l), или ботаническое описаніе семейства Звѣробойныхъ растений, Гуммигупоносныхъ и Селягиновыхъ растений (t), и того давняго

пишомца, который изложилъ нынѣшнее состояніе Французской Ботаники (q), и тѣхъ другихъ пишомцевъ, которые въ другой школѣ съ успѣхомъ изучали подѣ надзоромъ моимъ Исторію Кассій (r) и Валеріановыхъ (m), и поидамы (α), которую мы можемъ причислить къ нашимъ соотечественницамъ, хотя она изобразила основанія растительной Физіологіи на иностранномъ языкѣ, и тѣхъ химиковъ и физиковъ, которые прилагаютъ свои науки къ растительному царству, желая по распознать дѣйствіе ядовъ на живыя растенія (s, u), по опредѣлить ихъ способъ противосоянія дѣйствію холода (v, x), по наконецъ изслѣдовать вещества, изъ которыхъ состоятъ ихъ пикаши (g, h, o, s, u), и того купца, который, сберегая отъ своихъ занятій время для написанія Венеціанской Флоры (K), показалъ, что изученіе Ботаники не ограничивается въ нашемъ городѣ только тѣми, которые исключительно ей посвящали себя, и тѣхъ иностранцевъ, которые доказали пользу нашихъ новыхъ ученыхъ заведеній, почерпая въ нихъ матеріалы или свѣдѣнія, необходимыя, чтобы представить описаніе Камеломокъ (β), Ворсянковыхъ (δ), Гречишныхъ (ε), Смолсвковыхъ (η), Фіалковыхъ (κ) Крыжовниковыхъ (λ), Порячниковыхъ (γ), и того живописца (ν), который предлагалъ вся-

кому пособіе счастливаго таланта своего, и пѣхъ любители, которые, собирая богатые правохранилища (k, p, i), или разводя прекрасные сады (1), приуготавлиють пособія для будущихъ занятій какъ себѣ, такъ и другимъ. Наконецъ можетъ быть новѣйшее ботаническое сочиненіе, недавно изданное въ свѣтъ, могло бы мнѣ дать право включити дрожащею рукою въ этотъ почетный списокъ друзей Ботаники имя драгоценнѣйшаго для меня существа въ мірѣ (x). Я долженъ себѣ отказать въ этихъ наслажденіяхъ дружбы; но чтобы пребыть вѣрнымъ возложенной мною на себя обязанности, я окончу мое разсужденіе общимъ размышленіемъ о ходѣ занятій, мною здѣсь въ краткомъ очеркѣ изображенныхъ.

Изъ этого бѣлаго взгляда слѣдуетъ, что доселѣ описательная часть Ботаники не много привлекала Женевскихъ ученыхъ; но что растительная Физіологія почти исключительно обращала на себя вниманіе пѣхъ, которые посвящали свои занятія преимущественно изученію царства растительнаго.—Эта противоположность вѣроятно зависить отъ того,

(1) ГГ. Августъ Саладинъ въ Пренъ; Дюваль въ Карпини; и садовники Валнеръ и Фоппенъ въ Пленпаль; Дюфуръ въ Монбриланъ; Дальедузъ въ Саккопё, и проч.

что удаленные отъ морскихъ береговъ, лишенные хорошихъ собраній (collections), они не могли принимать участія въ трудахъ, предполагающихъ предварительное знакомство съ чужеземными растеніями; но нельзя однакожь не подивиться тому, что предки наши, копорые такъ любили свое отечество и съ давнихъ временъ старались знакомиться съ окружающими его горами, такъ долго и упорно пренебрегали изученіе замѣчательнѣйшихъ растений, роскошно украшающихъ ихъ лѣтомъ. Причина этого исключительнаго предпочтенія Физіологіи завысить, мнѣ кажется, отъ самаго свойства нашей школы. Въ началѣ своемъ она имѣла чисто Богословское направленіе, а какъ въ Богословіи безпрестанно восходятъ къ причинамъ; по посему, примѣняя этотъ способъ изслѣдованія къ другимъ наукамъ, ученые наши по необходимости должны были предпочесть этотъ увлекательный, но часто обманчивый способъ изслѣдованія причинъ, скромному, но за то болѣе почному изученію фактовъ и ихъ опосредственной связи.

Послѣ Богословія, математическія и физическія науки приуготовили нашихъ ученыхъ къ первымъ занятіямъ въ Естественной Исторіи, и занятія сіи касались всегда болѣе Физіологіи, нежели систематики.

Успѣхъ увѣнчалъ это направленіе Женевскихъ ученыхъ и шѣмъ болѣе увлекъ ихъ за собою. И дѣйствительно замѣчательно, что изъ числа четырехъ физиологовъ, озарившихъ новымъ свѣтомъ расшительное царство въ 18 столѣтіи, именно: Гелеса, Боннепа, Дюгамеля и Сенебье, мы можемъ указать на двухъ, какъ на принадлежащихъ нашему маленькому опечеспву. Важные недоспапки, и теперь еще замѣтные въ этихъ трудахъ, извиняются часпїю положеніемъ самихъ обспоятельствъ, въ копорыхъ они находились. Недоспапокъ не токмо поднаго преподаванїа, но даже и пракпическихъ занятїй Анапомїи; опспустспвіе методическаго изученїа органическихъ шѣлъ лишало ихъ часпю самыхъ простѣйшихъ свѣдѣнїй объ органическомъ строенїи; наконецъ бѣдность ихъ кабинетовъ препяпспвовала имъ дойти до первоначальныхъ понятїй классификаціи. Благодаря усилїамъ, оказаннымъ въ эти послѣдніе годы, мы смѣемъ надѣяться, что познанїа органографїи и классификаціи опкроютъ дѣятельности нашего юношеспва новое поле для изслѣдованїй, и что шѣ, копорые вышедъ изъ Академіи, будутъ продолжатъ заманчивое изученїе расшительной Физиологїи, найдутъ вѣрнѣйшія средства съ пользою подвизаться въ своихъ занятїяхъ. Формы сущеспвъ; различная

степень ихъ сходства и аналогій не создаются воображеніемъ: ихъ нужно видѣть и видѣть часто! Садъ, ботаническое хранилище, учрежденные въ нашемъ городѣ, послужаютъ безъ сомнѣнія лучшими средствами къ усовершенствованію науки. Предшественники наши, бывъ лишены этихъ пособій, чувствовали однакожь ихъ необходимость. Боннетъ завѣщаль довольно значительную сумму на разведеніе Ботаническаго сада. Госсе и Колладонъ дѣлали многократныя попытки для введенія воспитанія Алпійскихъ растений. Общество Испытателей Природы начало заниматься усовершенствіемъ ботаническаго сада, вѣреннаго попеченіемъ Г-на Мишеля (b), и всегда принимало живѣйшее участіе въ подобныхъ учрежденіяхъ. Теперь у насъ есть уже и садъ; юные наши питомцы привыкнувъ разсматривать растенія; вѣрныя понятія о ихъ формахъ, классификаціи и отношеніяхъ постепенно будутъ вкрадываться въ умы ихъ, между тѣмъ какъ полезныя или красивыя растенія будутъ разнообразныя виды нашихъ огородовъ и цвѣтниковъ.

Мнѣ кажется, что другая мысль должна была блеснуть въ умахъ вашихъ при моемъ повѣствованіи. Васъ безъ сомнѣнія поразила эта послѣдовательная связь сходныхъ идей, которыя, будучи приняты снача-

ла Каландрины, развивались поспешенно Тремблейемъ, Боннепомъ и нѣкоторыми другими. Вотъ разительный примѣръ вліянія, этого дружественнаго обращенія, этого искреннаго участія и откровенности, которыя всегда царствовали въ кругу ученыхъ нашего города. Мы всѣ, какъ бы по завѣщанію, получили отъ нашихъ предшественниковъ исключительную любовь къ извѣстнымъ наукамъ, привычку къ извѣстнымъ идеямъ, познанія извѣстныхъ началъ или правилъ, употребленіе извѣстныхъ снарядовъ; короче, между нами нѣтъ ни одного, котораго бы часть трудовъ не связывалась съ занятіями кого-либо изъ нихъ. Кто знаетъ? Можетъ быть безъ наблюдателя Полиповъ не было бы описателя Нипчапокъ? Открытіе разложенія угольной кислоты не есть ли основаніе этихъ главныхъ химическихъ изслѣдованій о вегетаціи; я самъ (і) можетъ быть никогда бы не обратилъ вниманія ни на произрастаніе Омелы, ни на корковые поры, ни на вліяніе свѣта на сонъ растений, ежели бы Боннетъ, Соссюръ и Сенебье не были моими соотечественниками. — Впрочемъ эта родственность имѣетъ свою пользу и важность только тогда, когда она не выходитъ изъ границъ своихъ; въ противномъ случаѣ, она можетъ имѣть дурныя по-

свѣдствіи, ибо легко возраждаетъ духъ школы. Въ умственномъ отношеніи мы все можемъ назваться наследниками нашихъ предшественниковъ. — Тѣ, которые указали намъ путь, заслужили нашу признательность; постараемся, чтобы попомки наши тоже и объ насъ сказали. Внесемъ оповсюду въ маленькое наше опечество нѣ истины; которыя увеличиваютъ область ума человѣческаго, дабы открыть обширѣйшій путь нашимъ преемникамъ. Облегчимъ все условія, все способы, которыми можно знакомить ихъ съ произведеніями природы, дабы ихъ совокупность болѣе поражала взоры ихъ. Передадимъ потомству ту любовь и уваженіе къ положительнымъ свѣдѣніямъ, которое заставило насъ предпочипать факты — теоріямъ, не презирая однакожь необходимаго вліянія общихъ законовъ. Научимъ ихъ не вѣрить намъ на слово; научимъ сомнѣваться тамъ, гдѣ сомнѣніе не оспанавливаетъ усилій истины. Тогда безъ опасенія воспринятія ограниченаго характера школы, они будутъ наслаждаться всеми удовольствіями; испекающими отъ взаимнаго сообщенія идей. Членіе книгъ служишь безъ сомнѣнія главнѣйшимъ способомъ образованія; но оно не можетъ замѣнить наставленій изустныхъ, эпныхъ ежеминутныхъ

поученій, эпихъ поощреній образованнаго нелицемѣрнаго дружества. Ученые труды, видимые издали, кажутся обыкновенно чрезвычайно трудными; Аристопель, Нюпонъ, Линней представляются намъ издали гениями недостигаемыми, копорымъ не лзя и покушаться подражать; но если ихъ разсмапривать вблизи, тогда можно усмотрѣть по тайное искусство, которое развило ихъ таланты, по непрестанное упражненіе, которое пользуется всѣмъ, по по духу порядка, дающій цѣнность каждой минутѣ. Живя вмѣстѣ съ людьми искусными, мы поспешенно возрастаемъ и равняемся съ ними. И вопъ почему такъ трудно учредить хорошую школу тамъ, гдѣ она еще не существуетъ, и такъ легко продолжать существующія уже преданія. — Мы обладаемъ эпимъ преимуществомъ: и не дозволимъ ему утратиться. Въ эпомъ удостовѣряють насъ и хорошія способности нашего юношества, и участіе, какое цѣлый народъ приемлетъ въ наукахъ, и ревностное стараніе моихъ сотоварищей поддерживать славу Академіи, и счастье имѣть въ духовенствѣ друзей наукъ, и просвѣщенная заботливостъ, прилагаемая правительствомъ о покровительствѣ наукамъ и о снабженіи оныхъ полезными заведеніями.

Перевелъ Я. Линовскій.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢЧАНІЯ.

Первый разрядъ.

(Р) *Иванъ Сенебье* род. въ Женевѣ 1742, умеръ 1809 года. Издавъ касательно царства растительнаго :

Traduction des Opuscules de Physique végétale et animale de Spallanzani, 2 vol. in-8, Genève, 1777.

Mémoires sur les Moisissures qui avaient couvert quelques précipités de fer. Journ. de Phys. tome XII.

Mémoires sur l'espèce de Conserve qui croit dans les vaisseaux pleins d'eau. Journ. de Phys. Mars 1781.

Mémoires physico-chimiques sur l'Influence de la Lumière solaire, etc. 3 vol. in-8, Genève, 1782.

Recherches sur l'Influence de la Lumière solaire pour métamorphoser l'air fixe en air pur, par la végétation; 1 vol. in-8, Genève, 1783.

Lettre à M. Ingenhousz, à l'occasion de ses Expériences sur l'eau imprégnée d'air fixe. Journ. de Phys., 1784.

Traduction des Expériences pour servir à l'Histoire de la Génération des animaux et des plantes, par Spallanzani, 1 vol. in-8, Genève, 1785.

Des Rapports de l'air avec les êtres organisés. Extrait des journaux de Spallanzani, 3 vol. in-8, Genève, 1807.

Dictionnaire de Physiologie végétale, faisant partie de l'Encyclopédie méthodique, 1 vol. in-4, Paris, 1791.

Physiologie végétale, 5 vol. in-8, Genève, 1800.

Mémoires sur la Matière verte de Priestley. Journ. de Phys., 1803—1805.

Mémoires sur l'Influence de l'air dans la Germination, par Franç. Huber et Jean Senebier, 1 vol. in-8, Genève, 1801.

Бюстъ Сенебье, шестой по порядку предъ фасадомъ оранжереи ботаническаго сада, сдѣланъ въ Карартъ по поршрету, списанному съ него, когда ему

было около 30—35 лѣтъ. Одинъ портретъ его въ уменьшенномъ видѣ находился въ обществѣ художествъ; другой, писанный масляными красками, въ ботаническомъ хранилищѣ.

Родъ растений *Сенебіера*, ему посвященный, принадлежитъ къ семейству крестоцветныхъ. См. Mem. de la Soc. d'Hist. nat. de Paris. Г. Неккеръ далъ прежде это названіе роду, извѣстному подъ именемъ *Окотеи*.

Voyez J. P. Maunoir, Eloge historique de Senebier, Genève, in-8, 1810.

(Q) *Францискъ Вильгельмъ Морицъ* род. въ Женевѣ 1750 г., умеръ 1826. Издалъ:

Traité des Engrais, 1 vol. in 8, Genève, 1800; seconde édition, 1806.

Expériences sur la Température des arbres, comparée avec celle de l'air et du sol, publ. avec M. A. Pictet. Bibl. Brit., vol. I.

(R) *Маркъ Августъ Пиктетъ* род. въ Женевѣ 1752 года; былъ Профессоромъ Физики 1786; умеръ въ 1825 году.

Вмѣстѣ съ предыдущимъ дѣлалъ опыты надъ температурою деревъ. Ему посвященъ родъ растений *Пиктеція*.

Voyez Notice sur sa vie, Bibl. univ., Janv. 1825, p. 98.

(R*) *Карлъ Пиктетъ*, братъ предыдущаго, род. въ Женевѣ 1755, а умеръ 1824 года. Издалъ:

Traité des Assolements, 1 vol. in-8, Genève, 1801.

Agriculture de la Bibliothèque britannique et de la Bibliothèque universelle, des l'origine, en 1796, jusqu'en 1824, et reimprimée en partie sous le titre de Cours d'Agriculture anglaise, 10 vol. in-8, 1808.

(S) *Данилъ де-ла-Рошъ* род. въ Женевѣ 1743 года; Докторъ медицины Лейденскаго Университета 1766; умеръ въ Парижѣ 1815 года. Издалъ:

Specimen Botanicum inaugurale sistens descriptiones plantarum aliquot novarum praesid. F. A. Albino. Ludg. Batav. in-4, 1766, cum tab. aen. 5.

Родъ *Рошеа* изъ семейства *Жириковыхъ* посвященъ ему и его сыну. Первое отдѣленіе онаго названо *Daniela* а второе *Franciscaria*.

(S*) *Францискъ де-ла-Рошъ*, сынъ предъидущаго, род. въ Женевѣ 1782; получилъ степень Доктора медицины въ Парижскомъ Университетѣ; умеръ 1814 года. Издалъ:

Eryngiorum nec non generis novi Alepideae historia, 1 vol. in-folio, Paris, 1808, cum tab. aen. 50.

Сверхъ сего онъ одинъ издалъ тексты V VI и VII томовъ лилейныхъ растений Редуте, 3 тома въ листъ съ 1806 по 1813 годъ со 180 раскрашенными таблицами.

(Т) *Андрей Жюринъ*, сынъ знаменитаго Зоолога Лудовика Жюрина, род. въ Женевѣ 1780, умеръ 1804 г. въ Парижѣ. Издалъ:

Recherches sur l'Organisation des feuilles. Journ. de Phys., ventose an IX, 1802.

Върояно ему Г. Кассини посвятилъ родъ сложныхъ растений *Жюрина* (*Jurinea*.)

(V) *Вендиктъ Прево* род. въ Женевѣ 1755; былъ Профессоромъ въ Монпобанѣ въ Богословскомъ факультетѣ; умеръ 1819 года. Издалъ:

Mémoire sur la cause immédiate de la carie du charbon des blés, et sur ses préservatifs, in-4, Paris, 1807.

Voyez Notice historique sur Bénédict Prevost, par P. Prevost. in-8, Genève, 1820.

(V*) *Яковъ Некеръ Соссюръ* род. въ Женевѣ 1757 года; умеръ въ Октябрѣ 1825 года; былъ Профессоромъ Ботаники (1798). Издалъ:

Collection de Plantes alpines, qui croissent spontanément dans les montagnes du département du Léman et du Valais, recueillies et imprimées, 1 fasc. in-4, 1801.

Voyez Proc. verb. de la séance de la Soc. des Arts, n° VIII, 22 Juin 1826.

Собраніе растений его подарено его семействомъ въ Ботаническое хранилище. Онъ оставилъ двѣ рукописныхъ тетради подъ заглавіемъ: *Progrès de la végétation*.

(W) *Павелъ Госсенъ* родился въ Женевѣ 1720, а умеръ 1806 года; разводилъ многія рѣдкія деревья въ своей деревнѣ Бурдишъ. Между сими-по деревьями нашлось первое сдѣлавшееся извѣстнымъ въ Европѣ женское дерево *Ginko biloba*, отъ коего произошли всѣ другія встрѣчающіяся въ садахъ.

(X) *Гейнрихъ Альбертъ Госсе* род. въ Женевѣ 1754, умеръ 1815 года. Онъ много дѣлалъ ботаническихъ поисковъ на всѣхъ горахъ въ окрестностяхъ Женевы; въ 1805 и 1811 годахъ онъ читалъ курсы Ботаники и врачебнаго веществословія; онъ учредилъ пиломники альпійскихъ растений въ каналахъ города и содѣйствовалъ къ учрежденію сада физическаго общества. Онъ читалъ въ этомъ обществѣ большое число замѣчаній своихъ, оспавшихся неизданными, какъ по:

Sur la Conservation des bois;

Sur la Fabrication du charbon;

Sur le Principe actif médical de la violette;

Sur le Principe résineux extrait des bourgeons de peupliers;

Sur la Gomme-résine du hêtre;

Sur les Tubercules adhérents à la racine du faux acacia;

Sur les Feuilles du Ruscus.

Собраніе растений и веществъ врачебныхъ подарено сыномъ его въ Ботаническое наше хранилище. См. Notice sur Gossé par M. A. Pictet.

(Y) *Яковъ Ру* родился въ Женевѣ 1773, умеръ 1822 года; собиралъ травы въ Испаніи, въ Южной Франціи и въ Швейцаріи.

Растенія его подарены въ наше хранилище плѣмянникомъ его Г. Ру-Меспреза, коему доставались они по завѣщанію.

(Z) *Иванъ Жиродъ Лакоссадъ* род. 1786, умеръ 1822 года. Онъ ничего не издалъ, но тщательнo изучалъ отечественную флору. Его собраніе растений составляетъ нынѣ часть правохранилища Г. Кульшера.

(Z*) *Иванъ Петръ Колладонъ* род. въ Женевѣ 1755 года, умеръ 1830 года. Онъ издалъ:

Examen chimique de la matiere rouge qui a coloré le lac de Morat. Mém de la Soc. de Phys. et d'Hist. nat. de Genève, vol. III, 1826, p. II, p. 37—42 (avec J. Macaire et A. P. de Candolle).

Analyse de la terre de Sauvablin, comm. à la Soc. de Phys. et d'Hist. nat. (inédit).

Analyse de l'Hipophae rhamnoides, comm. à la Soc. de Phys. et d'Hist. nat. (inédit).

Его правоохранилище и библіотека подарены имъ въ наше хранилище, кромъ дара 200 ход. ливр. ботаническому саду.

Второй разрядъ.

СОВРЕМЕННЫЕ ЖЕНЕВЦЫ, ЗАНИМАЮЩИЕСЯ ИЗУЧЕНИЕМЪ РАСТИТЕЛЬНОГО ЦАРСТВА.

(а) *Францискъ Губеръ* род. 1749 года. Кромъ сочиненія своего о пчелахъ, онъ издалъ:

Mémoire sur l'Influence de l'air dans la germination, par Huber et Senebier, 1 vol. in-8, Genève, 1801.

Ему посвященъ родъ *Губерія* изъ семейства Черноусовыхъ.

(б) *Михаилъ Мишели* род. въ Женевѣ 1725 года; управлялъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ ботаническимъ садомъ Общества Любителей Физики и Естественной Истории, и преимущественно занимался садоводствомъ. Онъ чинилъ въ этомъ обществѣ и въ Обществѣ Земледѣлія многія записки свои, оставшіяся неизданными; а именно:

Sur la Culture des fraisiers;

Sur les effets de l'Incision annulaire de l'écorce des arbres;

Sur la Culture et la multiplication du cèdre;

Sur la Culture de la vigne;

Expériences sur la Propagation des pommes de terre par le moyen des semis;

Expériences sur la Force de végétation des pommes de terre ;

Observations sur la construction des serres ;

Expériences sur la végétation et la culture de l'*Arachis Hypogaea* ;

Tentative pour avoir des fleurs et des fruits hors de leur saison ;

Essai sur l'Enlèvement d'un anneau cortical, et son remplacement.

(с) *Иванъ Лудовикъ Саладинъ* род. въ Женевѣ 1756 года. Онъ издалъ :

Expériences sur les Changements que la lumière produit dans les couleurs des différents corps. Journ. de Phys. et d'Hist. nat., Juin 1779.

(d) *Иванъ, Петръ Воше* род. въ Женевѣ 27 Апрѣля 1763 года; Профессоръ церковной исторіи въ Академіи. Онъ издалъ :

Mémoire sur les Graines des Conferves. Journ. de Phys. 1800. Extr. dans le Bull. de la Soc. philom., vent. an IX.

Note sur la Fructification d'une nouvelle espèce de Conferve. Bull. de la Soc. philom. III, p. 187, vent. an IX.

Histoire des Conferves d'eau douce, 1 vol. in-4, avec planches, Genève, 1803.

Nouvelles Observations sur les Conferves. Bibl. univ. I, 1814, p. 27.

Notice sur le développement de la *Salvinia*. Annal. du Mus. d'Hist. nat. de Paris, vol. XVIII, p. 404.

Mémoire sur la Sève d'Août, dans ceux de l'Académie de Munich, vol. et dans les Mém. de la Soc. de Phys. et d'Hist. nat. de Genève, vol I, part. II (1822), p. 289 à 308. Extr. dans le Bull. des Sc. nat., V, p. 67.

Mémoire sur la Chute des feuilles, dans ceux de la Soc. de Phys. et d'Hist. nat. de Genève, vol. I (1821) p. 120—137. Extr. Bull. Sc. nat., VIII, p. 54.

Mémoire sur les Charagnes, dans ceux de la Soc. de Phys. et d'Hist. nat. de Genève, vol. I (1821), p.

168—180, avec une planche. Extr. Bull. Sc. nat., VIII, p. 78.

Monographie des Prêles, dans les Mém. de la Soc. de Phys. et d'Hist. nat. de Genève, vol. I, part. II (1822), p. 329—392, et à part, I vol. in-4, Genève, 1822, avec 14 planch. Extr. au Bull. des Sc. nat., VIII, p. 76.

Mémoire sur la Fructification des Prêles, dans ceux du Muséum d'Hist. nat. de Paris, vol. X (1823), p. 429—434, avec une planche.

Sur un Essai de culture des variétés de pommes de terres. Bibl. univ. Agric., vol. VIII, p. 36.

Mémoire sur la Germination des Orobanches, dans ceux du Mus. d'Hist. nat. de Paris, vol. X (1825), p. 261—273, avec une planche. Extr. dans le Bull. des Sc. nat., I, p. 136.

Monographie des Orobanches, I vol. in-4, Genève, 1827, avec 16 pl. color. Extr. Bull. Sc. nat., XII, p. 379.

Histoire physiologique des plantes d'Europe, Ier vol., in-8, Genève, 1830.

Родъ Вошерія, соспавляющій часть семейства Нипчапокъ, и который онъ опличилъ, не давъ ему имени, посвященъ ему въ 1801 году. Потомъ онъ самъ назвалъ его въ своей исторіи Нипчапокъ: Ectosperma.

(е) Николай Теодоръ Соссюръ род. въ Женевѣ 1767 года; съ 1802 года Почетный Профессоръ въ Академіи. Издалъ:

Essai sur cette question. *La formation du gaz acide carbonique est-elle essentielle à la végétation?* Journ. de Phys. 1798, vol. XLVI.

De l'Influence du sol sur quelques parties constituant des végétaux, Journ. de Phys. 1798, vol. XLVI. Extr. dans le Bull. de la Soc. philom. III, p. 124, mess. an VIII (1800).

Recherches sur l'Influence du gaz oxigène sur la Germination. Journ. de Phys. 1799, vol. XLIX.

Recherches chimiques sur la Végétation, I vol. in-8, Paris, 1804.

Sur l'Altération des matières végétales par l'ébullition. Bibl. britann., vol. LVIII, p. 180.

De la Conversion de l'amidon en matière, sucrée, in-8.

De l'Action des fleurs sur l'air, et de leur chaleur propre. Ann. de Chim. et de Phys., vol. XXI (1822), et à part, in-8.

De l'Influence des fruits verts sur l'air avant leur maturité. Mém. de la Soc. de Phys. et d'Hist. nat. de Genève, vol. I (1821), p. 245—287. Extr. dans Bull. Sc. nat., XI, p. 160.

De l'Influence du desséchement sur la Germination de plusieurs graines alimentaires. Mém. de la Soc. de Phys. et d'Hist. nat. de Genève, vol. III (1826), part. II, p. 1—28, et dans Ann. des Sc. nat., vol. X, p. 68. Extr. Bull. Sc. nat., XII, p. 54.

(f) *Маркъ-Николай Пуерари* род. въ Женевѣ 1768 года; учился Ботаникѣ въ Копенгагенѣ подъ руководствомъ Валя и составилъ значительное собрание растений, сравненныхъ съ Валевыми, и которое теперь составляетъ часть правохранителя Де Кандоллева.

Ему посвященъ родъ *Пуерарія* изъ семейства растений Бобовыхъ.

(g) *Яковъ Пешье* род. въ Женевѣ 1769 года. Издалъ касательно растительной Химіи:

Sur le fruit du Ginkgo biloba, Biblioth. univ., 1817, VII, p. 29, et sur l'acide ginkgoïque, *ibid.* XVII, p. 153.

Procédé au moyen duquel on met à nu la potasse contenue dans les végétaux. Ann. de Chim., 1817, vol. IX, p. 99.

Analyse des Farines d'orge et de froment, et la comparaison de la germination et de la fermentation paissière, prés. 1818 à la Soc. helv. des Sc. nat.

Analyse de la Racine de Ratanhia, et découverte de l'acide Kramerique. Journ. de Pharm. 1820, vol. VI, p. 34.

Recherches analytiques sur le Pavot somnifère de divers pays, la Ciguë, la Belladonne, la Jusquiame, les Aconits et la Stramoine. Nouv. Journ. de Pharm. de Tromsdorf, 1820, vol. V, p. 76, et VIII, p. 266.

Analyse de la partie charnue de l'intérieur du fruit de Baobab (*Adansonia digitata*), comm. en 1820 à la Soc. de Phys. et d'Hist. nat. (inédit).

Sur le Poivre cubèbe, le Poivre aromatique, le Piment et le Baume de Capahu, comm. à la Soc. médico-chirurgicale de Genève (inédit).

Analyse comparative du Polygala de Virginie, de celui à feuilles de buis, du vulgaire et de l'amer, comm. en 1821 à la Soc. helv. des Sc. nat, impr. dans le *Repertorium* de Buchner.

Sur le Caillot du lait de l'arbre de la Vache, communiqué en 1821 à la Soc. de Phys et d'Hist. nat. (inédit).

Sur l'Analogie et l'Identité que présentent certains principes immédiats dans les individus d'une même famille, comm. en 1821 à la Soc. d'Hist. nat. (inédit).

Découverte de deux principes alkalis particuliers dans le Quina jaune. Journ. de Pharm. de Tromsdorf, vol. V, p. 346.

Sur le Bolet soufré. Journ. de Pharm. de Tromsdorf, vol. IX (1824), p. 240.

Note sur la Neige rouge des Alpes. Bibl. univ., vol. XXVII (1824), p. 132. Bull. Sc. nat. IV, p. 65.

Sur les Bourgeons, dits Racines de la fougère mâle, et la découverte du principe qui détruit le Taenia. Bibl. univ., vol. XXX (1825), p. 205.

Analyse du Produit de la digestion dans l'éther sulfurique du bourgeon de la fougère mâle. Bibl. univ., vol. XXXI (1826), p. 324.

Sur l'Ecorce du grenadier sauvage, comm. en 1826 à la Soc. médico-chirurgicale de Genève (inédit).

Examen du Suc laiteux et du Suc par expression fourni par la laitue cultivée à longues feuilles. Journ. de Pharm. de Tromsdorf, vol. XVI (1826), p. 207.

Analyse des Fleurs et des Fruits de la Tanaisie commune. Journ. de Chim. méd., vol. IV (1826), p. 58.

Sur le moyen de séparer avantageusement la Solanine. Journ. de Ch. méd., v. III, p. 289.

Sur la Racine du Sélin des marais, comm. en 1827 à la Soc. helv. des Sc. nat. Journ. de Pharm. de Troms-dorf, vol. XIV.

Sur le Redoul (*Coriaria mirtifolia*), Mém. de la Soc. de Phys. et d'Hist. nat. de Genève, vol. IV, p. 189.

Recherches sur la Corydaline, *ibid.* vol. IV, p. 247—253.

Sur l'Anagyre fétide, le Cytise des Alpes et la Coronille bigarrée; comm. à la Soc. de Phys. et d'Hist. nat. de Genève, en 1829.

(h) *Иванъ Пеуше* род. въ Женевѣ 1774 года; Докторъ медицины Эдинбургскаго Университета. Издавъ :

Disputatio inauguralis de irritabilitate animalium et vegetabilium, in-8. Edinburg, 1797.

(i) *Августъ Пирамъ Декандолль* родился въ Женевѣ 4го Февраля 1778; съ 1802 года Почетный Профессоръ Жевевской Академіи. Профессоромъ въ Медицинскомъ факультетѣ въ Монпельѣ 1807; въ факультетѣ наукъ 1812 и Профессоромъ Естественной Исторіи въ Женевѣ съ 1817. Издавъ.:

Notice sur le *Reticularia rosea*. Exstr. Bull. de la Soc. phil. flor. an VI (1798), avec 1 pl.

Observations sur une espèce de Gomme qui sort des buches du hêtre, *ibid.*

Premier Essai sur la nutrition des Lichens, lu à la Soc. d'Hist. nat. de Genève en 1797; impr. Journ. de Phys. 1798, et à part, in-4, Paris.

Observations sur les Plantes marines. Imprimé par extrait dans le Bull. de la Soc. phil. nivose an VII (1799), avec une planche.

Notice sur quelques genres de Siliculeuses, et en particulier sur le nouveau genre *Senebiera*; dans les actes de la Soc. d'Hist. nat. de Paris, 1799, p. 140, avec deux planches, et par extrait, dans le Bull. Soc. philom., nivose an VII.

Histoire des Plantes grasses, avec des figures peintes par Redouté, en latin et en français, in-folio et in-4,

28 livraisons ; Paris , 1799 à 1803, avec 168 planches en couleur.

Note sur la Monographie des Légumineuses biloculaires. Bull. Soc. philom., messidor an VIII (1800).

Expériences relatives à l'Influence de la lumière sur quelques végétaux. Imprimé par extrait dans le Bull. Soc. philom., fructidor an VIII (1800). Journ. de phys. an VIII, et en totalité dans les Mém. des Savants étrangers de l'Institut, vol. I.

Mémoire sur les Pores de l'écorce des feuilles, imprimé par extrait dans le bull. Soc. philom., brumaire an IX (1801), et dans le Journ. de Phys. an IX; en totalité dans le I vol. des Sav. étr. de l'Inst.

Mémoire sur la végétation du Guy, impr. par extr. dans le Bull. Soc. philom., frimaire an IX (1801), et en entier dans le premier vol. des Mém. des Sav. étr. de l'Institut.

Mémoire sur la famille des Joubarbes , impr. par extr. dans le Bull. de la Soc. philom., germinal an IX (1801).

Rapport sur les Conservees, fait à la Société philomatique, impr. par extr. dans le Bull. Soc. philom., prairial an IX (1801), avec une planche, et en entier dans le Journ. de phis., an X; et à part, in-4, Paris.

Note sur le Reseda gaude et le Carthame des teinturiers, dans les Ann. des Arts, in-8, nivose et pluviôse an IX (1801), avec deux planches.

Note sur la graine des Nymphaea, dans le Bull. Soc. phil., frim. an X (1802), avec fig.

Description d'un nouveau genre de plantes nommé Strophanthus , impr. par extr. dans Bull. Soc. philom., messidor an X (1802), et dans les Ann. du Mus. d'Hist. nat., vol. I, p. 408, extr. par. N. Desfontaines, avec une planche; imprimé en totalité dans le vol. I des Mém. des Sav. étr. de l'Institut.

Les Liliacees, peintes par Redouté, décrites par D. C. dans les quatre premiers volumes, Paris, in-folio ; I ,

1802; II, 1805; III, 1807; IV, 1808, avec 240 planches en couleur.

Mémoire sur les genres *Astragalus*, *Phaca*, *Oxytropis*, *Colutea* et *Lessertia*, dans le Bull. philom., thermidor an X (1802).

Recherches sur les diverses espèces d'*Ipecacuanha* impr. par extr. dans le Bull. de la Soc. phil., messidor an X (1802), et en entier dans le premier volume (resté inédit) des Mém. de la Soc. des professeurs de l'École de Médecine de Paris.

Astragalologia, I vol. grand et petit in-folio, Paris 1803, avec 50 planches.

Mémoire sur la fertilisation des dunes. Ann. de l'Agric. franç., vol. XIII, an XI (1803), et à part, in-8.

Note sur le genre *Rhizomorpha*. Bull. Soc. philom., floréal an XI (1803), avec figure.

Mémoire sur le *Vieusseuxia*, genre de la fam. des Iridées; impr. par extr. Bull., Soc. philom., floréal an XI (1803), et en entier Annal. du Muséum d'Hist. natur. de Paris, vol. II, p. 156, avec une planche.

Note sur deux genres nouveaux de la fam. des Iridées, le *Diasia* et le *Montbretia*; Bull. Soc. philom., brumaire an XII (1804).

Examen d'un Sel recueilli sur le *Reaumuria*, avec M. Fréd. Cuvier; *ibid.*

Paquerette, *Parisette*, *Parnassie*, *Paronyque*, *Parthéne*, *Passerage*, *Pezize*. Articles remis à M. de Lamarck en 1798, et imprimés sans la participation de l'auteur en 1804, au vol. V de la part. botan. de l'Encycl. méthodique.

Essai sur les Propriétés médicales des Plantes, comparées avec leurs formes extérieures et leur classification naturelle, I vol. Paris, première édit. in-4, 1804. Seconde édit. 1816. Extr. Ann. Chim. vol. I. Bibl. univ. vol. III, p. 171. Trad. en allemand par K.-J. Perleb; Aarau, I vol. in-8, 1818.

Flore française de J.-B. de Lamarck, troisième édition, par A.-P. de Candolle, 5 vol. in-8, Paris 1805;—tom. VI, Paris, 1815.

Principes élémentaires de Botanique. Extr. du premier vol. de l'ouvr. précédent, 1805.

Note sur la Mousse de Corse, Extr. dans Bull. Soc. philom., nivose an XIII (1805).

Synopsis Plantarum in flora gallica descriptarum I vol. in-8, Parisiis, 1806; — edit. sec vide Duby, Bot. Gall.

Mémoire sur les Champignons parasites. Annal. du Muséum d'Hist. nat. de Paris, vol. IX (1807), p. 56.

Mémoire sur le Cuviera et quelques autres genres de Rubiacées. Annal. du Mus. d'Hist. nat. de Paris, vol. IX (1807), p. 216, avec 1 planche.

Icones Plantarum Galliae rariorum, 1 fasc. in-4 Parisiis, 1808, cum tab. aen. 50.

Mémoire sur le Drusa, nouveau genre de la fam. des Ombellifères; impr. par extr. Bull. Soc. philom., Fevr. 1808, et en entier Annal. du Muséum d'Hist. nat., vol. X, p. 466, avec 1 planche.

Note de quelques Plantes nouvelles trouvées en France. Bull. Soc. Philom., Avril 1808.

Rapports sur les Voyages botaniques et agronomiques, faits dans les départements de l'Empire français; impr. dans les Mémoires de la Société d'Agriculture de Paris. I et II, 1808; III et IV, 1810; V et VI, 1813. Réunis en un vol. in-8, 1813.

Géographie agricole et botanique. Article dans le Dictionnaire raisonné d'Agriculture, vol. VI (1809), p. 355.

Note sur les Georgina soit Dahlia. Insérée au n° XLVIII du Bulletin de la Société libre des Sciences et Belles-Lettres de Montpellier, et au vol. XV, p. 567 des Annales du Muséum d'Hist. nat. de Paris, 1810.

Observations sur les Plantes composées ou Syngénèses. Annal. Mus d'Hist. nat. de Paris, vol. XVI, 1810; premier Mem., p. 135, avec 1 pl. deuxième Mém. p. 181, avec 10 planch. — Extr. dans le Nouv. Bull. philom., vol. II, p. 223, 240.

Mémoire sur le genre *Chaillatia*. Annal. Mus. d'Hist. nat. de Paris, vol. XVII (1811), p. 153, avec une planche. Exstr. nouv. Bull. philom., vol. II, p. 205.

Mémoire sur les *Ochnacés* et les *Simaroubées*. Annal. Mus. d'Hist. nat. de Paris, vol. XVII (1811), p. 398, avec. 21 planch. — Exstr. Nouv. Bull. philom., vol. II, p. 206.

Monographie des *Biscutelles* ou *Lunetières*. Annal. Mus. d'Hist. nat., vol. XVIII, 1811, p. 292, avec. 16 planches. Recueil de Mém. et à part. in-4.

Mémoire sur les *Composées Labiatiflores*. Annal. du Muséum d'Hist. nat., vol. XIX 1812. p. 59, avec 5 planches.—Exstr. Nouv. Bull. philom., vol. III, p. 166.

Recueil de Mémoires sur la Botanique contenant les 5 articles précédents, I vol. in-4, Paris, 1813; avec 54 planches.

Catologus Plantarum horti botanici Monspeliensis, addito observationum circa species novas aut non satis notas fasciculo, I vol. in-8 *Monspel.*, 1813.

Théorie élémentaire de la botanique, I vol. in-8, première édit., Montpellier, 1813; seconde édit., Paris 1819.—Trad. en allemand par J.-J. Roemer, avec des additions, 2 vol. in-8, Zurich, 1814 et 1815.

Note sur la Cause de la direction des Tiges vers la lumière. Mém de la Soc. d'Arcueil, vol. II.

Mémoire sur les *Rhizoctones*, nouveau genre de Champignons qui attaquent les racines des plantes, et en particulier celle de la luzerne cultivée. Mém. Mus. d'Hist. nat., vol. II (1815), p. 209—216, avec 1 pl.

Mémoire sur le genre *Sclerotium*, et en particulier sur l'Ergot des Céréales. Memoir. Mus. d'Hist. nat., vol. II (1815), p. 401 à 420, avec une planche—Extr. Bull. philom. 1815, p. 169.

Mémoire sur la géographie des plantes de France considérée dans ses rapports avec la hauteur absolue, Memoir. de la Soc. d'Arcueil, vol. III (1817), p. 262—322.

Considérations générales sur les fleurs doubles, et en particulier sur celles de la famille des Renonculacés. Ibid. p. 385—404.

Mémoire sur le genre de Champignons parasites nommé *Xyloma*. Mémoir. Mus. d'Hist. nat. vol. III, 1817, p. 312—327, avec. 1 pl.

Mémoire sur les genre de Champignons parasites *Asteroma*, *Polistigma* et *Stilbospora*. Mémoir Mus. d'Hist. nat., vol. III, p. 328—340, avec 1 pl.

Systema Regni vegetabilis naturale, 2 vol. in-8 Parisiis, I, 1817; II, 1821.

Remarks on two genera of Plants to be referred to the family of the Rosaceae Kerria and Purshia. Trans. of the Lin. Soc. Lond., vol. XII, p. 11 (1818) p. 152—159. En Français avec le titre anglais.

Catalogue des Arbres fruitiers et des Vignes du jardin de Genève, in-8, 1820.

Essai élémentaire de Géographie botanique.—Dans le Dictionn. des sciences natur., vol. XVIII (1820), p. 359—422, et à part; I vol. in-8. Extr. dans la Bibl. univ., XVI, p. 220—255.

Mémoire sur les affinités naturelles de la famille des Nymphéacées. Mém. de la Soc. de Phys. et d'Hist. nat. de Genève, vol. I (1821), p. 209, avec 2 planch. Extr. Bull. Sc. nat. VIII, p. 66.

Conjectures sur le nombre total des Végétaux du Globe. Bibl. univ. VI, p. 119.

Projet d'une Flore physico-géographique de la vallée du Léman, in-8, Genève, 1821. Extr. Bull. des Sc. nat. II, p. 179.

Instruction sur les Collections botaniques à l'usage des Voyageurs, in-8. Genève; 1821.

Sur le *Ginkgo biloba*, Bibl. univ. VII, p. 150.

Mémoire sur la famille des Crucifères, dans ceux du Mus. d'Hist. natur. de Paris, vol. VII, 1821, p. 169—252, avec 2 pl.

Notice abrégée sur l'histoire et l'Administration des jardins botaniques. Dictionn. des Scienc. natur., vol. XXIV (1822), p. 165—181, et à part, in-8.

Mémoire sur la tribu des Cuspariées. Mém. Mus. d'Hist. nat. de Paris, vol. IX (1822), p. 139 — 154, avec 3 planches.

Premier Rapport sur les Pommes de terre. Etude comparative du produit des variétés, in-8, Genève, 1822. Bibl. univ. Agric. VII, p. 275.

Memoir on the different Species Races and Varieties of the Genus Brassica, and of the Genera allied to it, which are cultivated in Europa, Trans. Hort. Soc. of London, vol. V. (1822) p. 1—43, with pl. 1. In *Tilloch. phil Mag.* vol. LXI, p. 37—99, and 181 — 196, with notes En français, Annal. d'Agricult. française, 1812. Bibl. univ. Agr. VIII, p. 191.

Mémoire sur la famille des Ternstromiacées, et en particulier sur le genre Saurauja. Dans Mém. Soc. de Phys. et d'Hist. nat. de Genève, vol. I. p. 2, p. 393—430, avec 8 pl. Extr. Bull. des Sc. nat. II, p. 55.

Rapports sur les Plantes rares ou nouvelles qui ont fleuri dans le Jardin botanique de Genève. Mém. de la Soc. de Phys. et d'Hist. nat.; premier Rapp. vol. I, p. 2 (1822); sec. Rapp. vol. II, (1824), p. II p. 125; troisième Rapp. vol. IV (1830), à la fin. Extr. Bull. Sc. nat. II, p. 177; V, p. 249,

Mémoire sur quelques genres nouveaux de la famille de Buttnériacées. Mém. Mus. d'Hist. nat. vol. X (1823) p. 97—115, avec. 5 planch. Extr. Bull. de Feruss. I, p. 55.

Extrait de la Séance de clôture d'un Cours de botanique agricole, in-8. Genève 1823. Bull. de la Classe d'Agric., Avril. 1823 n. 8 et 9. Bibl. univ. Agric. vol. VIII, p. 119.

Prodromus Systematis naturalis regni Vegetabilis, in-8. Parisiis, I, 1824; II, 1825; III, 1828; IV, 1830.

Note sur le feuillage des Cliffortia, dans Annal. des Scienc. natur., vol. I (1824), p. 447. Extr. Bull. Sc. nat. III, p. 213.

Note sur la place de la famille des Cucurbitacées dans la série des familles naturelles. Mém. Soc. Hist. nat. de Genève, vol. III (1825), p. 53—57.

Notice sur quelques genres et espèces nouvelles de Légumineuses. Ann. Sc. nat., vol. IV, 1825, p. 90.

Mémoires sur la famille des Legumineuses, I vol. in-4. Paris, 1825, avec 70 planches.

Plantes Rares du Jardin de Genève, in-4, Genève, I et II, 1825; III et IV, 1826, réunis en un vol. 1829; avec 24 pl. en couleur. Extr. dans Bull. Sc. nat. VI, p. 364; VII, p. 220; IX, p. 50.

Extrait d'un Mémoire sur le nouveau genre nommé *Pictetia*, et sur ceux qui, comme celui-ci, avaient été confondus dans le *Robinia*. Bibl. univ., Mai 1825. Extr. Bull. des Sc. nat., VI, p. 60.

Note sur le *Trifolium Magellanicum*. Ann. des Sc. nat., Janv. 1825. Extr. Bull. Sc. nat. VI, p. 379.

Note sur les Myrtacées, Dict. classiq. d'Hist. nat. vol. XI, et à part, in-8; Paris, 1826.

Premier Mémoire sur les Lenticelles des arbres et le développement des racines qui en sortent. Annal. des Sc. nat. 1826, p. 1, avec. 2 planch. en coul.

Notice sur la culture de l'Olivier. Bibl. univ. Agric., vol. X, p. 3.

Mémoire sur les genres *Connarus* et *Omphalobium* ou sur les Connaracées Sarcolobées. Mémoires de la Soc. d'Hist. nat. de Paris, vol. II, et à part, in-4; Paris, 1826, avec trois planches.

Examen de la Matière organique qui a coloré en rouge les eaux du lac de Morat. Mém. de la Soc. de Phys. de Genève, vol. III, part. 2, avec une planche color.

Revue de la famille des Lythraires Mém. de la Soc. de Phis. et d'Hist. nat de Genève, vol. III, p. 2, p. 65—96, avec. 3 pl., et à part in-4; Genève. 1826 Extr. Bull. Scienc. nat. XIV, p. 557.

Cours de botanique, première partie. Organographie végétale, 2 vol. in-8. Paris, 1827, avec 60 planch. Trad. en allemand par M. Meissner, 2 vol. in-8. Tubingue.

Notice sur la Botanique du Brésil. Biblioth. iniv., Novemb. 1827.

Revue de la famille des Portulacées, dans *Mém. de la Soc. d'Hist. nat. de Paris*, vol. IV (1828), p. 174—194, et à part, in-4. Paris. 1827, avec 2 Planch. Extr. Bull. Sc. nat. XVI, p. 430.

Mémoire sur le *Fatioa*, genre nouveau de la fam. des Lythraires, dans ceux de la Soc. helvét. des Scienc. nat., vol. I, et à part, in-4, 1828. Zurich, avec 1 planch. Extr. Bull. Sc. nat. XVIII, p. 244.

Programme et Rapport sur les Pépinières du canton de Genève. Bull. de la classe d'Agriculture de Genève, in-8, 1822 et 1828.

Considerations sur la Phytologie ou Botanique générale, dans le Dict. classique d'Hist. nat. article Phytologie, vol. XIII, et à part, in-8. Paris, 1828.

Mémoire sur la famille des Combretacées, dans ceux de la Soc. de Phys. et d'Hist. nat. d. Genève, vol. IV, p. 1—46, avec 5 planch., et à part. Genève, in-4, 1828. Extr. Bull. Sc. nat. XX, p. 438.

Notes sur quelques Plantes observées en fleurs dans la serre de M. Saladin, à Pregny. *Mém. Soc. Phis. et Hist. nat. de Genève*, vol. IV, p. 85—90, et à part, in-4, 1829. Extr. Bull. Sc. nat. XVIII, p. 265.

Collection de mémoires pour servir à l'Histoire du Règne végétal, in-4, Paris.

I. Mélastomacées, 1828, avec 10 pl. Extr. Bull. Sc. nat., XII, 451. Bibl. univ. XL, p. 217.

II. Crassulacées, 1828, 13 pl. Extr. Bull. Sc. nat. XVI, p. 93. Bibl. univ. XL, p. 223.

III. Onagraires, 1829, 3 pl. Extr. Bull. Sc. nat. XVII, p. 240.

IV. Paronychiées, 1829, 6 pl. Extr. *ibid.*

V. Ombellifères, 1829, 19 pl. Extr. Bull. Sc. nat. XIX, p. 59.

VI. Loranthacées, 1830, 12 pl. Extr. Bibl. univ., Mars 1830, p. 303.

VII. Valérianées, sous presse, 1830, 5 pl.

De l'état actuel de la Botanique générale, dans la Rev. franç., Avril 1829, et à part, in-8.

Notice sur l'Aracacha et quelques autres racines légumières, de la famille des Ombellifères. Biblioth. univers., Janv. 1829, p. 74.

Notice sur les différents genres et espèces dont les Ecorces ont été confondues sous le nom de Quinquina. Bibl. univ., Juin 1829, p. 144. Extr. dans Flora, 1829, p. 539, et dans Bull. Sc. nat., Juin 1830, p. 437.

Notice sur la racine de Caïnca, nouveau médicament reçu du Brésil. Bibl. univ., Décembre 1829.

Notice sur la botanique de l'Inde orientale, et les encouragements que la Compagnie anglaise lui a accordés. Bibl. univ., Décembre 1829.

Revue de la famille des Cactées avec des observations sur leur végétation et leur culture, ainsi que sur celles des autres plantes grasses. Mém. du Mus. d'Hist. nat. vol XVII, p. 1—119, avec 21 planch., et à part, in 4, Paris, 1829. Extr. Bull. Scienc. nat. XVIII. p. 391, et dans Flora 1829, p. 626.

Résumé de quelques travaux récents sur le Mais. Bibl. Univ. Janv. 1830.

Н. В. Слѣдующія сочиненія приписываются ему не точно — или несправедливо :

Recherches sur la Botanique des anciens, par De Candolle et Encontre. Bull. de la Soc. des Sc., Lettres et Arts de Montpellier; et à part, in-8; entièrement rédigé par M. Encontre, qui a cru devoir y mettre le nom de De Candolle, lequel ne lui avait fourni que quelques notes verbales.

A. P. De Candolle's und K. Sprengel's Grundzüge der Wissenschaftlichen Pflanzenkunde zu Vorlesungen, I vol. in-8. Leipzig, 1820. Ouvrage entièrement rédigé par M. Sprengel, d'après ses propres idées, et auquel De Candolle est étranger.

Elements of the Philosophy of Plants, by A. P. De Candolle, and K. Sprengel, translated from the German (by Jameson). Traduction de l'ouvrage précédent.

Glossaire de botanique, ou Etymologie de tous les noms de classes, de genres et espèces, in-8, Paris, avec deux planches. Je ne connais pas cet ouvrage, mis à tort sous mon nom dans la Bibl. de Millitz. Serait-ce le Glossaire de M. Al. de Theis, faussement désigné?

(к) *Стефанъ Морикандъ* род. въ Женевѣ 1797 года. Издасть:

Flora Veneta seu enumeratio plantarum circa Venetiam nascentium, 1er v. Genève, 1820.

Plantæ americanæ rariores descriptæ et iconibus illustratæ. Genève, in-4, 1830.

Ему посвященъ родъ Морикандія изъ семейства крестоцвѣтныхъ. См. Prod. Règ. vég., I, p. 221.

(л) *Иванъ Яковъ де Рошъ* родился въ Женевѣ 1780 года; Докторъ медицины Эдинбургскаго Университета, Ординарный Профессоръ въ Женевской Академіи. Издасть:

Dissertatio medica de Humuli Lupuli viribus medicis, in 8. Edimburgi, 1803.

(м) *Петръ Дюфренъ* родился въ Ламурѣ въ Фосиньи 1786 года; 1816 года переселился въ Женеву; Докторъ медицины. Издасть:

Histoire naturelle et médicale de la famille des Valérianées, in-4; Montpellier, 1811, avec trois planches.

Ему посвященъ родъ Дюфренія изъ семейства Валеріановыхъ. См. Prodr. Règ. vég., vol. IV.

(н) *Лудвигъ Андрей Госсе* родился въ Женевѣ 1791 года; Докторъ медицины. Издасть:

Sur la Culture du Convolvulus Batatas. Bibl. univ. III, p. 18.

Notice sur les Plantes qui croissent en Suisse sans culture, et qui peuvent servir d'aliment. Bibl. univ. V, p. 67—73.

(о) *Августъ Лероіе* род. въ Женевѣ 1793 года. Издасть:

Du Principe actif contenu dans la Digitale pourprée. Bibl. univ., vol. XXVI, p. 102.

(р) *Филиппъ Дюнантъ* род. въ Женевѣ; составилъ значительный гербарій, котораго основаніемъ

было правоохранилище покойнаго Рейнле, и который онъ дѣлаешь полезнымъ наукѣ, дозволяя Ботаникамъ изучать его. Ему посвящены распенія *Roella Dunantii* и *Wahlembergia Dunantii*.

(q) *Иванъ Дюби* род. въ Женевѣ 1798 года. Издалъ:

A. P. De Condolle Botanicum Gallicum seu synopsis plantarum in Flora Gallica descriptorum secunda ex herbariis et schedis Candollianis propriisque digestum a I. E. Duby, 2 vol. in-8. *Parisiis*, I, 1828; II, 1830.

Mémoire sur les Céramiées, lu à la Soc. de Phys. et d'Hist. nat. de Genève en 1829, prêt à paraître.

Monographie des Primulacées, inédit, citée dans le *Botan. gallic.*

(r) *Лудовикъ Теодоръ Колладонъ* родился въ Женевѣ 1794. Докторъ медицины. Издалъ:

Histoire naturelle et médicale des Casses, I vol in-4; Montpellier, 1816, avec 20 planch.

Г. Шпренгель посвящилъ ему родъ *Колладонія*, который оказался совпадающимъ съ прежнимъ родомъ *Паликуреа*. Послѣ чего я посвящилъ уже ему одинъ родъ распеній зонтичныхъ См. *Prod.* IV, p. 240.

(s) *Исаакъ Макеръ Принсенъ* род. 1796 года въ Женевѣ. Издалъ:

Examen d'une substance particulière, qui se produit dans les manufactures d'acide pyroligneux, publ. avec M. Marcet, *Bibl. univ.*, Novembre 1823.

Sur la soudure naturelle des feuilles du *Gledistia triacanthos*, *Bibl. univ.*, vol. XVII, p. 142.

Mémoire sur les Bolets bleuissants, dans ceux de la Soc. de Phys. et d'Hist. nat. de Genève, vol. II, part. II (1824), p. 115—124. Extr. dans *Bull. Sc. nat.* V, p. 16.

Mémoire sur l'Influence des poisons sur les plantes douées de mouvements excitables, dans ceux de la Soc. de Phys. et d'Hist. nat. de Genève, v. III (1825), p. 67—77.

Examen chimique de la matière rouge du lac de Morat, Mém. de la Soc. de Phys. et d'Hist. nat. de Genève, vol. III, part. II (1826), p. 37—42.

Mémoire sur la Coloration automnale des feuilles, dans ceux de la Soc. de Genève, vol. IV, part. I (1828), p. 43—53, et dans Ann. de Chim. et Phys., 1828, p. 415—425. Extr. dans Ann. des Sc. nat., vol. XV, p. 351, et dans Bull. Sc. nat., Mars 1830.

Note sur l'empoisonnement des végétaux par les substances vénéneuses qu'ils fournissent eux-mêmes. Mém. de la Soc. de Phys. et d'Hist. nat. de Genève, vol. IV, part. I (1828), p. 91—95. Extr. Bull. Sc. nat. XII, p. 77, et XX, p. 437.

Analyse de la Neige rouge du Pôle, avec. M. Marcet, Mém. de la Soc. de Genève, vol. IV (1828).

Note sur le Pollen du Cèdre, Bibl. univ. Janvier 1830, p. 45—48.

Sur la Matière grasse produite par le *Vateria indica*, avec M. Marcet, Bibl. univ., Février 1830, p. 229.

Conversations sur la Physiologie végétale, par Mad. Marcet, traduites en français, 2 vol. in-8, Genève, 1830.

Ему посвященъ родъ *Макереа* изъ семейства Черноусовыхъ.

(t) *Яковъ Денисъ Шоази* род. въ Женевѣ 1799; Профессоръ Философіи 1824 года. Издавъ касательно Ботаники:

Prodromus d'une Monographie de la famille des Нуперіцинées, I vol. in-4, Genève, 1821, avec 5 planches.

Mémoire sur un nouveau genre de Guttifères, et sur l'arrangement méthodique de cette famille, dans les Mém. de la Soc. d'Hist. nat. de Paris, vol. I (1823), p. 210—252, avec deux planches. Extr. Bull. Sc. nat., I, p. 155.

Hypericineae, Guttiferae, Margraviaceae, in DC., Prod. Reg. veg., vol. I, p. 541—566.

Mémoire sur la famille des Sélaginées, dans ceux de la Soc. de Phys. et d'Hist. nat. de Genève, vol. II, p. 11 (1824), p. 71—114, avec 5 planches.

Note sur le genre *Prevostea*, Ann. Sc. nat., vol. IV (1825), p. 496. Extr. Bull. Sc. nat., VI, p. 374.

Mémoire sur les Cuscutées, lu en 1830 à la Soc. de Phys. et d'Hist. nat., et prêt à paraître.

Monographie des Convolvulacées, 1 vol. in-4, prêt à publier.

Родъ *Шоазія* (*Choysia*) изъ семейства Руповыхъ посвященъ ему Гг. Гумбольдтомъ, Бонпланомъ и Куншомъ. Nov. gen. Am. mer., VI, p. 4.

(v) *Августъ Артуръ Деларивъ* род. въ Женевѣ 1802; съ 1825 Профессоръ Физики. Издавъ касательно расписительнаго царства вмѣстѣ съ Альфономъ Декандоллемъ:

Note sur la Conductibilité relative pour le calorique de différents bois, dans le sens de leurs fibres et dans le sens contraire. Mém. de la Soc. de Phys. et d'Hist. nat. de Genève, vol. IV, p. 71.

(u) *Францискъ Марсетъ* род. въ Лондонѣ 1803 года.

Издавъ относительно расписительнаго царства:

Examen d'une substance particulière qui se produit dans les manufactures d'acide pyroligneux, avec M. Macaire, Bibl. univ., Novembre 1823.

De l'Action des poisons sur le règne végétal, Mém. de la Soc. de Phys. et d'Hist. nat. de Genève, vol. III (1825), p. 37—66, et dans Ann. de Ch. et Phys., 1825, vol. XXIX, p. 200.

Extr. dans Antologia, Oct. 1825, et dans Bull. des Sc. nat., vol. VII, p. 45 et vol. XII, p. 77.

Note sur l'Analyse de quelques substances végétales, Mém. de la Soc. de Phys. et d'Hist. nat., vol. III, part. II (1826), p. 217—224.

Analyse de la Neige rouge du Pole, avec M. Macaire, Mém. de la Soc. de Phys. et d'Hist. nat. de Genève, vol. IV (1828).

Note relative à l'action des Champignons sur l'aire et l'eau, Ann. de Chim. et de Phys., Mars 1829, p. 318. Extr. Bull. Sc. nat., vol. XIII, p. 54.

Note sur le changement de couleur qui a lieu dans le bois de certains arbres, Bibl. univ. Février 1830, p. 228.

Note sur la matière grasse produite par le *Vateria indica*, avec M. Macaire, Bibl. univ., Févr. 1830, p. 229.

Родъ *Марсеція* изъ семейства Черноусиновыхъ названъ по его имени.

(х) *Алфонсъ Декандоль* род. въ Парижѣ въ Октябрѣ 1816 года. Издалъ касательно Ботаники:

Note sur l'*Agaricus tubaeformis* de Schaefer, dans les Ann. Sc. nat. de 1824, I, p. 347, avec une planche. Extr. Bull. Sc. nat. III, p. 210.

Note sur les Raphides, dans les Mém. de la Soc. de Phys. et d'Hist. natur. de Genève, vol. III, p. 115.

Note sur la Conductibilité relative pour le calorique de différents bois, dans le sens de leurs fibres et dans le sens contraire, par MM. Aug. De la Rive et Alphonse De Candolle; dans les Mém. de la Soc. de Genève, vol. IV, p. 71. Extr. dans Edimb., Philos. Journ., Janvier 1830.

Monographie des Campanulées, I vol. in-4, Paris 1830 avec 20 planches. Extr. dans les Ann. Sc. nat. 1830, et dans la Bibl. univ., Juillet 1830.

Mémoire sur la Géographie botanique, lu à la Soc. de Phys. et d'Hist. nat. 1830 (inédit).

Третій разрядъ

Иностранцы, писавшие о Ботаникѣ въ Женевѣ.

(α) *Иоанна Марсетъ*, урожденная Галдимандъ, Англичанка, вдова Александра Марсета, Профессора Химіи въ Женевской Академіи. Касательно царства расписательнаго написала:

Conversations on vegetable Physiology, 2 vol. in-12. London 1829; trad. en français, Genève, 1830.

(β) *Николай Карлъ Серенжъ* родился во Франціи въ Лонгжюмо; переселился въ Женеву 1821 года. Издалъ:

Essai d'une Monographie des Saules de la Suisse, I vol. in-8, Berne, 1815.

Monographie des Céréales de la Suisse, I vol. in-8, Berne, 1818, avec une collection d'échantillons desséchés.

Mélanges de Botanique, in-8, vol. I, Berne, 1818, vol. II, Genève, 1826.

Musée Helvétique d'histoire naturelle, in-4, Berne, I et II 1818; III, IV, V et VI 1820.

Mémoire sur la famille des Cucurbitacées, dans ceux de la Soc. de Phys. et d'Hist. nat. de Genève, vol. III, p. 1; et à part, in-4, Genève, 1825, avec 5 planches. Extr. Bull. Sc. nat. XII, p. 91.

Caryophylleae, Medicago, Trigonella, Pockia, Melilotus, Trifolium, Dorycnium, Lotus, Tetragonolobus, Faba, Vicia, Ervum, Pisum, Lathyrus, Orobus, Amygdalus, Persica, Armeniaca, Prunus, Cerasus, Spiraea, Geum, Rubus, Fragaria, Potentilla, Agrimonia, Rosa, Epilobium, Gaura, Oenothera, Cucurbitaceae, Dieterica, Weinmannia, Hydrangea, Saxifraga, Leptarhena, Chrysosplenium, Mitella, Tiarella et Heuchera, in DC., Prod. Reg. veg., t. IV.

Mémoire sur les caractères généraux des Mélastomacées, vol. IV des Mém. de la Soc. de Phys. et d'Hist. nat. de Genève, 1830.

Bulletin botanique, ou Collection de Notices, etc., cinq fasc., in-8, Genève, 1830.

Collection d'échantillons desséchés et étiquetés des genres *Salix, Rosa, Hieracium*, et en général de toutes les plantes de la Suisse.

Г. Шпренгелъ назвалъ именемъ *Seringia* родъ растений, известный прежде подъ названіемъ *Pteleidium*. Такъ какъ эта перемѣна не принята Ботаниками, по Г. Гай далъ имя *Serenkia* одному роду изъ семейства Вьюнниевыхъ.

(6) Ома Культеръ родился въ Ирландіи; Докторъ Медицины; провель два года въ Женевѣ.

Здѣсь онъ сочинилъ и издалъ:

Mémoire sur les Dipsacées, dans ceux de la Soc. de Phys. et d'Hist. nat., vol. II, p. 11 (1824), p. 23—60, et à part, in-4, avec deux planches.

Теперь онъ находился въ Мексикѣ, и прислалъ въ ботаническій Женевскій садъ много новыхъ породъ Какповыхъ, коихъ исчисленіе и признаки можно видѣть въ сочиненіи: *Revue des Cactées*.

Гг. Гумбольдтъ, Бонпланъ и Кунтъ посвящали ему родъ *Culteria* изъ семейства Бобовыхъ. См. *nov. Gen. Am.* VI. p. 328.

(ε) Карлъ Фридрихъ Мейснеръ род. въ Бернѣ; Профессоръ Базельскаго Университета; провелъ два года въ Женевѣ и написалъ и издалъ здѣсь:

Monographiae generis Polygoni Prodrômus, in-4. Genevae, 1826, cum tab. aen. Extr. *Bull. Sc. nat.*, XII, p. 87.

Observations sur le genre Renouées, dans *Bibl. univ.*, et à part, in-8, Genève, 1826.

Ему посвященъ родъ *Мейснерія*. См. DC. *Mem. sur les Mélastomacées*.

(γ) Фридрихъ Жинжинсъ род. въ Бернѣ.

Представилъ Женевскому Обществу:

Mémoire sur la famille des Violacées, dans ceux de cette Société, vol. II (1823). p. 1—27, avec deux planches. Extr. *Bull. Sc. nat.*, III, p. 203.

Violariae. in DC., *Prod.* I. p. 287—316.

Histoire naturelle des Lavandes, I vol. in-8. Genève, 1827, avec quatre planches.

Ему посвященъ родъ *Жинжинсія* изъ семейства Портулаковыхъ. См. DC. *Revue des Portulacées*.

(ι) Филиппъ Мерсье, Французъ, род. въ Марпини, 1822 года поселился въ Женевѣ; составилъ значительный гербарій, коимъ могутъ пользоваться всѣ любители Ботаники.

Онъ написалъ неизданныя сочиненія: Монографію рода *Phlox* и описанія нѣсколькихъ новыхъ

распений. Ему посвященъ родъ *Merciera* изъ семейства Колокольчиковыхъ. См. Alph. DC. Monographie des Campanulées.

(φ) *Адольфъ Оттъ* род. въ Бернѣ. Сочинилъ въ Женевѣ спашью *Silene*, напечатанную въ первомъ томѣ Продрома. 1824.

(λ) *Иванъ Лудовикъ Берландье*, Французъ, родившійся въ Женевѣ. Издалъ:

Mémoire sur la famille des Grossulariées, dans les Mém. de la Soc. de Phys. et d'Hist. nat. de Genève, vol. III, p. 11 (1826), p. 45—60, avec trois planches. Extr. Bull. Sc. nat. XIV, p. 358.

Grossulariaceae, in. DC. Prod. Reg., III, p. 477—483.

(μ) *Гейнрихъ Видлеръ* родился въ Цюрихѣ; провелъ нѣсколько лѣтъ въ Женевѣ и здѣсь написалъ и издалъ:

Essai monographique sur le genre Scrofularia, dans les Mém. de la Soc. de Phys. et d'Hist. nat. de Genève, vol. IV, et à part, in-4, Genève 1828, avec cinq planches. Extr. Bull. Sc. nat., VVII, p. 243, et dans Flora, 1829, p. 583.

Онъ изслѣдовалъ въ ботаническомъ отношеніи оспровъ Порто-Рико и подарилъ въ наше хранилище собраніе распений сего оспрова.

Ему посвященъ родъ *Видлерія*, изъ семейства зонтичныхъ распений. См. Mémoire sur les Ombellifères.

(ν) *Иванъ Христофъ Кумплеръ*, прозванный Гейландомъ, родился во Франкфуртѣ на Майнѣ 1791, съ 1803 года живетъ въ Женевѣ. Онъ работалъ рисунки ко всѣмъ ботаническимъ запискамъ, изданнымъ Ботанистами, трудившимися и трудящимися въ Женевѣ съ 1820 года.

Ему посвященъ родъ *Гейландія* изъ семейства Бобовыхъ. См. DC. Mémoire sur les Légumineuses.

С. ФИЗИОЛОГІЯ.

3. О РАЗВИТІИ СВѢТА ВЪ ТѢЛАХЪ ОРГАНИЧЕСКИХЪ.

Сообщ. П. А. Ловецкимъ.

Къ числу произведеній, образующихся въ живыхъ тѣлахъ, посредствомъ пипапельно-опдѣлительнаго процесса (хотя не во всѣхъ случаяхъ), безъ сомнѣнія должно отнести и развитіе началъ невѣсомыхъ, извѣстныхъ подъ именемъ теплоты, свѣта и электричества. О теплотѣ была рѣчь прежде: теперь обратимъ наше вниманіе на развитіе свѣта въ тѣлахъ органическихъ, какъ на явленіе, извѣстное подъ именемъ *фосфоричности*, или *фосфорнаго сіянія*. Планъ нашего разсужденія объ этомъ предметѣ будетъ расположенъ такъ, что мы сперва укажемъ: а) на явленія, которыми онъ обнаруживается въ тѣлахъ органическихъ; б) на условія, при которыхъ развивается, а потомъ с) на то вліяніе, которое онъ оказываетъ на живопишную экономію.

Р а з в и т і е с в ѣ т а.

А. В ѣ р а с т е н і я х ѣ.

Давно говорятъ, что цвѣты нѣкоторыхъ растеній, въ ясные и теплые вечера, послѣ захода солнца, развиваютъ свѣтъ, похожій на сверканіе искръ. Это явленіе, извѣстное уже и древнимъ, было замѣчено дочерью знаменитаго *Линнея* въ цвѣтахъ капуцина (*Thymus praecox*). *Линней* утверждалъ, что свѣтовое сіяніе свойственно только цвѣтамъ, которыхъ лепестки окрашены желто - померанцовымъ цвѣтомъ. *Гагренъ* (*Haggen*) увѣрялъ, что онъ самъ видалъ искромешныя сіянія, выпекавшія изъ желтыхъ цвѣтовъ ноготковъ (*calendula officinalis*), лиліи (*lilium bulbiferum*) и бархатца (*oeillet d'Inde*), вскорѣ послѣ захода солнца, но только тогда, когда погода была ясная и сухая; во время же сырой погоды этихъ явленій никогда не замѣчалъ. *Юнстонъ* говоритъ, что видалъ искромешное сіяніе на цвѣткахъ многихъ растеній, особенно же на цвѣткахъ ноготковыхъ, лилейныхъ (*lilium bulbiferum et chalcedonicum*), подсолнечниковыхъ и пуберозныхъ. Цвѣты сего послѣдняго растенія, по его наблюденію, испускали свѣтъ во время весьма жаркихъ сумерекъ. При этомъ онъ замѣнилъ,

что при цвѣткѣ, которые начали вянуть, выбрасывали свѣтлыя искры желтоваатаго цвѣта и распространяли вокругъ себя чрезвычайно сильный запахъ: впрочемъ, при всѣмъ стараніи, ему не удалось найти ни малѣйшаго сходства между эфирными искрами и искрами электрическими. Говорявъ, что и цвѣтныя другихъ растений развивающъ изъ себя, во время ночи, слабый однообразный свѣтъ зеленоватаго цвѣта, переходящаго въ голубоватый. *Sznetz* представляеть въ примѣръ растение, называемое: *Phylolacca decandra*. *Мюррай* увѣряеть, какъ очевидный свидѣтель, что сокъ молочая, растущаго въ Бразиліи, свѣтитъ въ то время, когда онъ выпекаетъ изъ растения. *Марцій* подтвердилъ наблюденіе *Мюррая* и далъ этому растенію названіе: „*Euphorbia phosphorea*.“

Кромѣ явнобрачныхъ, есть и пайнобрачныя растенія, имѣющія способность свѣтитъ въ темнотѣ. Таковъ, по наблюденію *Линнея*, *byssus phosphorea* (*Demantium violaceum*, Pers); такова, по замѣчаніямъ *Функа* и *Бранденбурга* „*Schistotega osmundacea*“ растущая въ пещерахъ. *Бревстеръ* замѣтилъ, что „*Chara hispida et vulgaris*“ оказывали фосфоричность, особенно тогда, когда лежали на подо-

грѣломъ желѣзѣ. Подобное явленіе, по свидѣтельству *Неггерата* (Noeggerath), обнаруживаесть тайнобрачное распеніе, находимое на поверхности спариннаго лѣса (допомогнаго), лежащаго въ копахъ каменнаго угля, и извѣстное подъ именемъ „*Rhizomorpha*.“

Условія, при которыхъ фосфоричность болѣе или менѣе обнаруживается въ растеніяхъ, по изслѣдованію *Бишова* (Bischof), суть слѣдующія: а) чѣмъ моложе растеніе, тѣмъ фосфоричность сильнѣе; б) *почва*: растенія, прозябающія на влажныхъ и теплыхъ мѣстахъ, живѣе свѣплятся, нежели тѣ, которыя растутъ на мѣстахъ сухихъ и холодныхъ; в) *температура*: чѣмъ выше температура, тѣмъ живѣе сіяніе свѣта; д) *свойство среды*: *Rhizomorphae* лишаются способности свѣтиться въ безвоздушномъ пространствѣ и въ газахъ, не содержащихъ кислорода; но эту способность они снова получаютъ, если воздухъ будетъ имѣть къ нимъ свободный доступъ. Растенія живѣе свѣплятся въ кислородѣ, нежели въ обыкновенномъ воздухѣ. Если свѣпящіяся растенія будутъ находиться въ кислородѣ, то онъ исчезаетъ; на мѣсто его образуется угольная кислота, часть которой повидимому поглощается, ибо она не совершенно наполняетъ по про-

сранство, которое занимать исчезнувшій кислородъ. — У ризоморфовъ, съ прекращеніемъ жизни, прекращается и фосфоричность.

Причины фосфоричности у растений еще мало извѣсны. *Вольт* и нѣкоторые другіе считаютъ ее за электрическое явленіе, производимое плодотворною идио-электрическою пылью (pollen). Но эпотъ гипотезъ опровергается наблюденіями *Гаггена*, который, какъ самовидѣць, говоритъ, что свѣтъ выпекаетъ не изъ пыльныхъ головокъ пычинокъ, но изъ лепестковъ. По мнѣнію *Тидеманна*, фосфоричность, если она дѣйствительно существуетъ, есть явленіе, зависящее отъ испеченія горячаго вещества, похожаго на летучее масло, которое отъ вліянія воздуха и возвышенной температуры приходитъ въ нѣкоторый родъ горѣнія. Говорятъ, что ясенець (*Dictamnus albus*), во время жаркихъ сумерковъ, распространяетъ около себя атмосферу, которая, отъ приближенія къ ней съ горящимъ веществомъ, загорается и образуетъ яркое голубое пламя. Вѣроятно, что и фосфоричность тайнобрачныхъ растений зависитъ отъ медленнаго горѣнія.

Б. В ѣ ж и в о т н ы х ѣ.

Множество животныхъ, какъ водяныхъ, такъ и воздушныхъ, одарено способностію въ темнотѣ свѣтлится. Однакожъ число свѣтящихся между первыми далеко превосходитъ количество послѣднихъ. Большая часть морскихъ животныхъ, особенно инфузоріи, медузы, крапивники (асалефѣе), кольцеобразныя, многія изъ ракообразныхъ и слизняковъ, и даже нѣкоторыя рыбы имѣютъ свойство обнаруживать фосфорное сіяніе. По наблюденіямъ путешественниковъ около свѣта, отъ нихъ зависитъ фосфоричность морей, лежащихъ во всѣхъ поясахъ земнаго шара, но преимущественно между тропиками. Когда корабль плывимъ вѣтромъ плещетъ по водамъ Океана, то колеблющіяся волны, во время ночи, испускаютъ яркій и красноватый свѣтъ, который отъ нихъ, какъ отъ фонарей, лучеобразно распространяется по морю. Испытатели природы различно судятъ о причинѣ этого явленія. Бойль (Boile) приписываетъ его быстрому возмущенію самаго моря и зависящему отъ того тренію воздуха о поверхность воды; нѣкоторые считали это явленіе за электрическое, происходящее отъ тренія моря и соленыхъ частицъ; другіе— за слѣдствіе гніенія тѣлъ животныхъ, копо-

рому предшествуетъ разложеніе особеннаго свойства, образующее слизисто - масляное вещество, способное свѣпнись. *Зильбериллягъ*, *Боршъ* (Borsh) и другіе думали, что свѣпъ морей зависитъ отъ фосфора, находящагося въ морѣ. *Майеръ* и *Гельвицъ* приписывали это явленіе животнымъ, которыя будто бы днемъ поглощаютъ свѣпъ, а ночью обратно его испускаютъ.

Новѣйшія наблюденія, сдѣланныя *Вьянелли* и *Гризеллини* въ Венеціанскихъ лагунахъ (laguna), доказали, что фосфоричность морей зависитъ отъ живыхъ животныхъ. — Изъ числа морскихъ Инфузорій, многіе свѣпятся, особенно принадлежащія къ родамъ: *cercaria*, *volvax*, *vibrio*, также *trichoda granulosa et triangularis*, *lincothea echinoides*. *Тилезіусъ* замѣтилъ, что эти же мелкія животныя, будучи заключены въ стеклянный сосудъ наполненный морскою водою, всякой разъ обнаруживали фосфоричность, когда онъ возмущалъ воду, или производилъ въ ней колебаніе посредствомъ толчка объ сосудъ. Этотъ свѣпъ исчезаетъ вмѣстѣ съ жизнію животныхъ. Если налить разведенной сѣрной кислоты (*acid. sulph. dilutum*) въ сосудъ съ морскою водою, содержащею свѣпящихся Инфузорій, то онъ въ одно мгновеніе начинаютъ весьма ярко блестѣть; но этотъ блескъ потчасъ и исчезаетъ. Равно прона-

даешь онъ, когда прибавляютъ крѣпкой сѣрной кислоты и виннаго уксуса, убійственнаго для живопныхъ. *Перонъ*, путешествуя по берегамъ Новой Голландіи, видѣлъ свѣтъ, выходящій изъ серпуляріевъ (*sertularia*), горгоніевъ (*gorgonia*), морскихъ губокъ (*spongia*) и корольковъ (*isis*), находящихся на днѣ моря. — Фосфоричность пернапокъ (*pennatula phosphorea, grisea, rubra, argentea*) была замѣчена *Линнеемъ*, *Спаллинцани* и другими. По наблюденіямъ послѣдняго, производители фосфоричности въ пернапкахъ, суть маленькія осьміусыя живопныя (*homothalami*), сидяція по концамъ перышковъ, которыя, во время движенія, испускаютъ изъ себя свѣтъ; фосфоричность ихъ продолжается долго и послѣ смерти. При этомъ случаѣ выпекается изъ нихъ слизистая жидкость, которую *Спалланцани* считаетъ за источникъ свѣта.

Почти всѣ породы медузъ, особенно нѣ, которыя живутъ въ моряхъ пропическихъ, свѣтятся, какъ - то : *Medusa noctiluca, pelagica, scintillans; hemisphaerica, aurita, ovata, capillata, lucida* и проч.; фосфоричность обнаруживается во время движенія живопнаго, особенно около лучеобразныхъ ея отростковъ. — Замѣчено, что фосфоричность въ свѣтящейся медузѣ (*medusalucida*) умножается, когда она находится въ теплой водѣ.

Въ алкогольъ свѣпъ медузъ дѣлается живѣе, но животныя въ немъ поспѣшь погибають, равно какъ и свѣпъ ихъ пропадаетъ. *Спалланцани* замѣпилъ на поверхности медузъ отдѣленіе клейкой жидкости, которая имѣетъ вкусъ жгучій и производитъ на кожѣ чувство зуда (*pruritus*). Эта жидкость, будучи смѣшена съ водою, или съ молокомъ, свѣпится въ печеніе нѣсколькихъ часовъ, особенно если ее подогрѣвать и взбалтывать. Животныя умершія, потерявшія способность свѣпиться, получаютъ ее снова, когда прибавляютъ къ нимъ извѣстное количество прѣсной воды и возвышаютъ температуру отъ $+26^{\circ}$ до 37° .

Гумбольдтъ замѣпилъ, что пальцы его дѣлались свѣпящимися послѣ прикосновенія къ медузамъ: онъ также видѣлъ, что свѣпъ дѣлался живѣе, когда животныхъ подвергали вліянію гальванизма. Къ числу живот. лучистыхъ свѣпящихся принадлежатъ еще нѣкоторыя породы *ребросолосика* (*Beroe fulgens*, *ovatus*, *pileus*). Изъ числа *пузырчатыхъ* (*Physeta*, *Fisch. Acalephae hydrostaticae*, *Cuv.*) свѣпящаяся: *physalia*, *rhizophysa*, *stephanomia* et *physophora*.

Явленія фосфоричности обнаруживаются также и въ кольцеобразныхъ животныхъ (*annulata*), а именно: въ nereidaхъ (*nereis noctiluca*, *phosphoraus*, *cirrigeria*, *mucronata*) и

плоскушкахъ (*planaria retusa*). Дождевые черви (*Lumbricus terrestris*) также свѣтятся во время любви. Изъ числа слизняковъ (*Mollusca*) достойна порода камнепочца, называемая „*Pholias dactylus*“: о немъ уже и *Плиній* зналъ, какъ о животно́мъ свѣпящемся, а *Реомиоръ* и *Болонскіе Академики* производили надъ нимъ множество опытовъ. Свѣтъ этого животно́го, будучи изъ-бѣло-голубоваго цвѣта, тѣмъ бываетъ ярче, чѣмъ оно живѣе, бодрѣе и сочнѣе. Вообще тѣломъ и во время любви оно гораздо сильнѣе свѣтится, нежели во всякое другое время. Свѣтъ его происходитъ не изъ однихъ наружныхъ частей, но также изъ внутреннихъ. — Вода, вытекающая изъ этихъ животно́ныхъ, и клейкая слизь, ими испаряемая, также свѣтятся. Они сообщаютъ фосфоричность пальцамъ, къ нимъ прикасающимся, равно какъ рту и слюнѣ тѣхъ, которые ихъ ядятъ, такъ, что если ихъ ѣсть вечеромъ, то рты особъ ядушихъ будутъ казаться огненными. Свѣтъ ихъ пропадаетъ въ безвоздушномъ пространствѣ, но онъ снова появляется при доступѣ воздуха. Умѣренная температура усиливаетъ напряженность свѣта, между тѣмъ какъ холодъ и жаръ, равный кипѣнію воды, уничтожаетъ его. Если окропить камнепочца остывшею водою, или молокомъ; то свѣтъ

получаетъ болѣе живости, и, сверхъ того, какъ молоко, такъ и вода дѣлаются свѣтящимися. Фосфоричность продолжаетъ существовать нѣсколько времени въ маслѣ. Жидкіе растворы обыкновенной соли, селитры и нашатырнаго спирта усиливаютъ фосфоричность. Напротивъ, крѣпкіе растворы, уксусъ, вино, алкоголь, сѣрная кислота, купоросъ и сулема мгновенно ее уничтожаютъ. Она продолжается нѣсколько дней послѣ смерти, и истребляется при наступленіи гніенія. Когда животныя высохнутъ, то способность свѣтиться пропадаетъ; но она снова обнаруживается на нѣкоторое время, если ихъ перепить и намачивать осыпавшею водою. Къ числу свѣтящихся слизняковъ относятся еще, по наблюденіямъ *Тилезіуса*, *Перона* и др., бифоры и пирозомы (*Pyrosoma atlanticum* et *giganteum*).

Изъ класса ракообразныхъ считаются свѣтящимися слѣдующія породы: *Gammarus pulex*; изъ рода краба: *Cancer fulgens*; изъ числа длиннохвостыхъ раковъ: *Palaemon*, *Squilla*; такъ же *Limulus*, *Lynceus*, *Cyclops quadricornis* и др.

Въ классѣ рыбъ, повидимому, нѣтъ такихъ, которыя бы имѣли способность сами по себѣ „свѣтиться.“ Весьма вѣроятно, что фосфоричность рыбъ зависитъ отъ движенія, которое

онъ, во время плаванія, сообщаютъ инфузоріямъ и другимъ свѣпящимся морскимъ животнымъ.

Между животн. воздушными достойны замѣчанія, по фосфоричности, насѣкомыя. Изъ порядка жесткокрылыхъ (coleoptera) заслуживаютъ наше вниманіе породы „свѣпляка“ (*lampyris noctiluca*, *spendidula*, *italica*, *ignita*, *phosphorea*, *nitidula*, *lucida*, *japonica*, *pensilvanica* etc.), у котораго источникъ свѣта заключается въ брюхѣ. Также многія породы свѣпящіяся изъ рода „щелкуна (elater)“ особенно: *elater noctilucus*, *ignitus*, *phosphoreus*. *Elater noctilucus* водится на островахъ Антильскихъ и южной Америки; свѣпъ его имѣетъ опливъ изумрудно-зеленый; онъ выпекаетъ изъ двухъ очкообразныхъ бугорковъ груднаго щитика, и изъ основанія брюха. Животное (по наблюденію Curtis) можетъ элопъ свѣтъ, по своему произволению, возбуждать и уничтожать. Свѣпящееся вещество, вынутое поспѣе послѣ смерти насѣкомаго, продолжаетъ еще свѣпиться нѣсколько времени. По наблюденію Тревирана, свѣпящіяся: *Paussus sphaeroccephalus*, *buprestis ocellata* и фосфорическій жукъ (*scarabaeus phosphoreus*): у перваго свѣпъ выпекаетъ изъ послѣдняго суславца усиковъ; у втораго—изъ надкрыліевъ (*elytra*), а у послѣдняго — изъ брюха. Между прямо-

крылыми (Orthoptera), исключая Медвѣдки (*Gryllus gryllo-talpa*), нѣтъ такихъ, которыя бы издавали фосфорный свѣтъ.

Между полужесткокрылыми (hemiptera) отличаются фосфорнымъ сіяніемъ „ночной фонарекъ“ (*Fulgora laternaria et serrata*) изъ южной Америки: „*Pyrrhorhynchus*“ изъ Восточной Индіи, и „*Candelaria*“ изъ Китая. Свѣпящаяся часть тѣла ихъ — передняя часть головы, которая имѣетъ видъ надутаго пузыря. Оливье утверждаетъ, что и кобылки (*cicada*) также свѣтятся.

Изъ числа бабочекъ „*pyralis minor*“ имѣетъ брюшко свѣпящееся.

Между многоногими (Myriapoda) достойны замѣчанія, по фосфоричному сіянію, породы косянокъ: *scolopendra electrica*, *phosphorea*, *morsitans*. Изъ электрической косянки, по наблюденію Макарснея, выпекаетъ наружу свѣпящееся вещество, которое, будучи взято пальцами, издаетъ фосфорическое сіяніе въ печеніе нѣсколькихъ секундъ.

Фосфоричность насѣкомыхъ обрапила на себя вниманіе многихъ испытателей природы. Множество дѣлано было опытовъ съ цѣлію узнать условія и причины этого явленія, особенно въ породахъ свѣпляка (*lampyris*). Важнѣйшіе результаты этихъ изслѣдованій — слѣдующіе:

Главный источник свѣта заключается въ послѣднихъ кольцахъ брюха. Впрочемъ число и обширность свѣпящихся почекъ различна, по различію породъ. Вообще онѣ обширнѣе у самокъ, нежели у самцовъ. У такъ называемаго „*lampyris splendidula*“ желто-зеленоватый свѣпъ выпекается изъ желтоватыхъ пятенъ, лежащихъ на нижней поверхности трехъ послѣднихъ колецъ. У самцовъ (хотя нѣкоторые не вѣряпъ, чтобъ они свѣпились) онъ происходитъ только изъ двухъ почекъ. Ночной свѣпль (*lamp. noctiluca*) сіяетъ голубоватымъ или зеленоватымъ свѣпомъ, выпекающимъ изъ середины двухъ предпослѣднихъ колецъ, и изъ двухъ пятенъ, лежащихъ на бокахъ послѣдняго кольца. Четвертое кольцо его также имѣетъ съ задняго бока одну блестящую почку. У Италіянскаго свѣпльа (*lampyris italica*) два послѣднія брюшныя кольца свѣпяпся во всей своей обширности, изливая яркій голубой свѣпъ. Замѣчательно, что не одни только насѣкомыя совершенныя обоого пола, но даже и личинки ихъ (larvae), по наблюденіямъ Шеаммердама, Шмидта и друг., имѣютъ фосфорическое сіяніе. Макеръ (Macleay) говоритъ, что онъ видѣлъ двѣ свѣпоносныя точки на личинкахъ, выходящихъ изъ яичекъ, которыя (личинки) были длиною въ одну линію. Самыя

лички ихъ свѣпяіся наподобіе фосфора. — Очевидно, что развитіе свѣша не всегда состоитъ въ тѣсной связи съ актомъ рожденія, хотя *Миллеръ* и утверждаетъ, что свѣшо-развитіе гораздо бываетъ значительнѣйшее во время любви, нежели во всякое другое время; что оно съ живою продолжаетъ существовать у самокъ во время кладки личекъ, и что у самцовъ оно уменьшается, когда кончится время любви.

Испытатели природы не согласны между собою касательно существованія особыхъ органовъ, производящихъ фосфоричность. *Макартней* (*Macartney*), въ слѣдствіе своихъ наблюденій, полагаетъ, что свѣтъ происходитъ изъ жирнаго тѣла, лежащаго непосредственно подъ прозрачными покровами свѣпящихся частей. Сверхъ того увѣряетъ, что онъ видѣлъ, въ послѣднемъ кольцѣ брюха, два овальные мѣшечка, составленные изъ виннообразныхъ нитей, похожихъ на дыхала (*trachea*) и содержащихъ въ себѣ мягкое и желтоватое вещество. *Каррадори*, *Миллеръ* и *Мюррай* также утверждаютъ, что свѣтящееся вещество заключается въ пузырькахъ или маленькихъ мѣшечкахъ. *Тревиранъ* отвергаетъ бытіе особыхъ органовъ, служащихъ для развитія свѣша, и почиаетъ источникомъ этого явленія внутреннія дѣлородныя части. *Макеръ*, приподнявъ роговыя, тонкіе, прозрачныя и нѣжныя покровы,

замѣшилъ свѣпящіяся почки, полупрозрачное вещество и желтоватый бѣлокъ, который, будучи разсмаприваемъ подъ микроскопомъ, казался состоящимъ изъ вѣпвисныхъ волоконъ и нервныхъ нитей; къ волокнамъ прилипла зернистая матерія. Эта матерія издаетъ въ темноиѣ весьма яркій свѣшъ, когда бываетъ влажна; но дѣлаеиъ непрозрачною и перестаетъ свѣшнпъ, когда высохнепъ. На воздухѣ и въ водѣ она продолжаетъ издавать желто-зеленоватый свѣшъ въ теченіе двухъ или трехъ часовъ. Теплоша и дѣйствіе гальванизма снова оживотворяетъ фосфоричность, которая и продолжается до тѣхъ поръ, пока вещество высохнепъ. *Спалланцани* и *Каррадори* также знали, что свѣпящіяся части *Италіанскаго* свѣшляка издавали свѣшъ только тогда, когда онѣ были влажными. *Генрихъ* и *Тоддъ* (Todd) утверждаютъ, что по отдѣленіи этихъ частей отъ тѣла, и даже по высушеніи ихъ, онѣ продолжаютъ обнаруживать фосфоричность, если ихъ прогашъ или колопъ щипчиками. Когда *Макеръ* подвергалъ свѣшящееся вещество температурѣ, простирающейся до $+41^{\circ}$ Ц. Т., то оно блистало ярче прежняго; но когда онъ усилилъ жаръ, то свѣшъ уменьшился и принялъ красноватый оппѣнокъ; при 52° онъ совершенно уничтожился; свѣшя-

щееся вещество сдѣлалось бѣлымъ, непрозрачнымъ, похожимъ на свернувшійся яичный бѣлокъ. Опыты *Мюррая*, въ существенныхъ частяхъ, согласны съ наблюденіями, выше описанными. Свѣтъ исчезалъ въ безвоздушномъ пространстве и снова появлялся при доступѣ воздуха. Напробовавъ того, *Каррадори* утверждалъ, что свѣтъ продолжаетъ развиваться и въ безвоздушномъ пространстве. — Онъ пропадалъ только въ газахъ недыхательныхъ; но въ обыкновенномъ воздухѣ и кислородѣ опять обнаруживался. *Мюррай* же утверждаетъ, что недыхательные газы, каковы: угольная кислота, водородъ и селенородъ не мѣшаютъ свѣпящемуся веществу обнаруживать свой свѣтъ. Хлоръ, кислоты селитряная и сѣрная разрушаютъ навсегда фосфоричность свѣпящагося вещества. Оно, будучи подвергнуто дѣйствию огня, перестаетъ свѣтиться, горитъ и испускаетъ напашырный запахъ. Крѣпкія минеральныя и распирительныя кислоты сгущаютъ свѣпящееся вещество и лишаютъ его свѣта. Сѣрная кислота окрашиваетъ его зелено-голубымъ цвѣтомъ. Масляныя и жирныя матеріи испребляютъ блескъ свѣпящагося вещества, не растворяя однакожь его ни въ тепло, ни въ холодномъ состояніи. Вѣроятно, что эти вещества преграждаютъ свободный доступъ

воздуху къ свѣпящейся матеріи. *Каррадори* и *Мюррай* утверждаютъ, что фосфорическое сіяніе обнаруживается при обмазаніи масломъ. Эфиръ и Алкоголь уничтожаютъ его тотчасъ, и свѣпящееся вещество дѣлаютъ бѣлымъ и непрозрачнымъ. Камфорный спиртъ также испребляетъ свѣпъ, равно какъ и чистый поташъ. Растворъ сулемы и мѣдныхъ солей мгновенно испребляетъ явленія свѣпа, и сгущаетъ свѣпящуюся матерію.

Макеръ, въ слѣдствіе этихъ опытовъ, полагаетъ, что свѣпящаяся матерія есть вещество особенное, состоящее изъ полупрозрачнаго бѣлка, которое свѣпится только при вліяніи воздуха и умеренной теплоты, и что оно перестаетъ издавать свѣпъ, когда сдѣлается совершенно густымъ.

Условія, при которыхъ развивается фосфоричность въ живыхъ животныхъ, слѣдующія: сіяніе обыкновенно появляется къ концу сумерковъ: свѣпящіеся членики представляются тогда въ видѣ маленькихъ почекъ, которыя мало-по-малу увеличиваются. Если свѣпящихся животныхъ помѣстимъ въ темное мѣсто, предъ захожденіемъ солнца, то они начинаютъ свѣпиться гораздо прежде сумерковъ. Если ихъ вынести на свѣпъ въ то время,

какъ они свѣпяпся , по блескъ ихъ примѣтно уменьшается, но онъ скоро возстановляется въ темнотѣ. На-разсвѣшѣ фосфорическій свѣшъ исчезаетъ , выключая двухъ почекъ послѣдняго кольца, гдѣ свѣшъ, хотя слабый , еще продолжаетъ обнаруживаться, по наблюденіямъ *Разумовскаго* и *Макера*. *Макартней* замѣшилъ, что насѣкомыя не свѣпяпся вечеромъ, если они днемъ лишены были вліянія солнечнаго свѣша ; напрошивъ того *Мюррай* и *Тоддъ* (Todd) нашли , что всѣ породы свѣшляковъ , содержимыя во время дня въ темномъ мѣстѣ , вечеромъ свѣшились не менѣе прежняго, и даже больше, нежели когда они днемъ находились подъ вліяніемъ свѣша.

Каррадори , *Тревиранъ* и другіе замѣшили , что испеченіе свѣша зависитъ отъ произвола животныхъ. *Миллеръ* и *Мюррай* говорятъ , что фосфоричность зависитъ отъ воли, потому что животные могутъ отвлекать и прятать свои свѣшлящіеся органы за непрозрачныя частии. *Тревиранъ* приписываетъ это явленіе способности насѣкомыхъ ускорять или замедлять дыханіе , и вліянію воздуха , отъ котораго , по его мнѣнію, зависитъ напряженность свѣша. *Макеръ* утверждаетъ, что бѣльшая или мѣньшая сила фосфоричности происходитъ отъ вліянія нервовъ.

Фосфоричность живых животных находится въ зависимости отъ температуры воздуха. По опытамъ *Макера*, животные, при обыкновенныхъ обстоятельствахъ, не свѣтятся, если температура воздуха не превышаетъ $+12^{\circ}$. Если погрузить живое насекомое, еще несвѣтящееся, въ воду, имѣющую температуру $+13^{\circ}$, то свѣтъ появляется, когда вода будетъ нагрѣта до $+25^{\circ}$, или $+31^{\circ}$ и наконецъ до $+41^{\circ}$; но въ эту минуту животное умираетъ, хотя и не теряетъ фосфоричности: она уничтожается при $+57^{\circ}$. Если воду охлаждать, то свѣтъ пропадаетъ, когда степень теплоты уменьшится ниже $+25^{\circ}$. Если бросить живыхъ насекомыхъ въ воду, которой температура проспирается отъ $+43^{\circ}$ до 57° , то они тотчасъ умираютъ, испуская изъ себя весьма яркій свѣтъ. При $+62^{\circ}$ свѣтъ такъ уничтожается, что уже болѣе не восстанавливается. Тѣ же явленія обнаруживаются, когда животныхъ нагрѣваютъ въ воздухѣ, съ тою только разницею, что свѣтъ пропадаетъ только при температурѣ низкой. Солнечные лучи, дѣйствующіе на насекомого посредствомъ выпуклаго стекла, возвышаютъ силу фосфоричности. Если подвергнуть свѣтящихся животныхъ искусственному холоду, то блескъ ихъ мало-по-малу

уменьшается, и наконецъ исчезаетъ, когда температура понизится ниже 12° : при почкѣ замерзанія живошныя умирають; но теплота въ $+21^{\circ}$ можетъ возстановить ихъ свѣтъ.

Фосфоричность находится въ зависимости отъ воздуха атмосферическаго. *Макеръ*, посадивъ свѣпляковъ подъ колоколь воздушнаго насоса, замѣтилъ, что свѣтъ исчезалъ по мѣрѣ уменьшенія воздуха; но они начали опять весьма ярко свѣпиться, какъ скоро впущенъ былъ воздухъ. То же самое наблюдалось, посаженное въ стеклянную трубку, умирало скоро, когда изъ нее вытянутъ былъ воздухъ; и хотя эта трубка (безъ воздуха) была нагреваема до $+50^{\circ}$, однакожъ фосфорнаго сіянія въ живошномъ не обнаруживалось; но оно примѣнно возстановлялось, когда воздухъ былъ впущенъ въ трубку. Эти опыты, нѣсколько разъ повторенные, всегда имѣли одни и тѣ же результаты.

Свѣпляки, находясь въ кислородномъ газѣ, дѣлаются весьма бодрыми; и если, при этомъ случаѣ, бываетъ возвышенная температура, то они развиваютъ изъ себя весьма яркій свѣтъ, который сильнѣе блеститъ, нежели въ атмосферномъ воздухѣ. Когда *Макеръ* погружалъ свѣпляковъ въ кислородный газъ,

во время ихъ сіянія, по фосфоричность увеличивалась, но чрезъ нѣсколько времени уничтожалась. Справедливосць этихъ опытовъ подтверждается наблюденіями *Фостера*, *Лихтенберга*, *Спалланцани*, *Каррадора* и другихъ. Напротивъ того, *Гермштедъ*, *Генрихъ* и *Мюррай* говорятъ, что они не замѣчали умноженія свѣта, когда свѣпляки находились въ кислородѣ. По наблюденіямъ *Макера*, эти насѣкомыя умирали въ хлорѣ; однакожь, при помощи легкой теплоты обнаруживался въ нихъ красноватый свѣтъ, вмѣсто зелено-желтаго, который впрочемъ скоро пропадалъ. Фосфоричность быstro исчезала въ водородѣ; животныя умирали, и свѣтъ ихъ не могъ быть возстановленъ посредствомъ теплоты. Совершенно тѣ же дѣйствія производятъ, по наблюденіямъ *Спалланцани*, *Разумовскаго* и *Гермштеда*, газы: углекислый, сѣро-водородный, углеводородный и азотъ. *Девинъ* и *Мюррай* говорятъ, что они не замѣтили умаленія фосфоричности въ водородномъ газѣ. *Мюррай* утверждаетъ, что и угольная кислота не препятствуетъ ея развитію. Если свѣпляковъ погрузить въ воду во время ихъ сіянія, то свѣтъ ихъ чрезъ нѣсколько минутъ пропадаетъ. *Макеръ* приписываетъ это явленіе низкой температурѣ воды въ сравненіи

съ температурою воздуха, ибо фосфоричность продолжаетъ обнаруживаться въ водѣ, нагрѣтой до $+ 31^{\circ}$. Алкоголь уничтожаетъ фосфорическій свѣтъ въ двѣ минуты, такъ что никакая теплота возбудишь его не въ состояніи. Въ крѣпкихъ минеральныхъ кислотахъ онъ пошчасъ испребляется, а въ слабыхъ, чрезъ нѣсколько минутъ, и припомъ, въ обѣихъ случаяхъ, навсегда.

Макеръ подвергалъ свѣтляковъ, еще не свѣтящихся, дѣйствію электрическаго потока, но безъ примѣтнаго успѣха. Искра Лейденской банки также не производила въ нихъ ни малѣйшаго признака развитія свѣта. Свѣтлякъ живой, но еще несвѣтившійся, будучи поставленъ въ кругъ гальваническаго дѣйствія, начиналъ обнаруживать слабый свѣтъ. Развитие свѣта продолжалось тогда, когда живоп. подвергалось вліянію гальанизма, и температура его увеличивалась до $\frac{1}{2}$ градуса. Одинъ полюсъ гальванической колонны не возбуждалъ фосфоричности. Если опрѣзашъ у свѣтляка голову, и одну проволоку кондуктора погрузишь въ пуловище даже до свѣтящихся колець, а другую положишь на нѣсколько влажное плѣо насѣкомаго, словомъ: если образовашъ гальваническую цѣпь, сомкнушую въ живопномъ, то замѣчаешся развитіе яркаго

фосфорического блеска. Очевидно, свѣтляки, которые не могутъ сдѣлаться свѣтящимися отъ электрической искры, потчасъ получаютъ способность свѣтиться отъ дѣйствія гальванизма. Этого дѣятели, не возбуждая фосфоричности въ безвоздушномъ пространствѣ, развивающъ ее при доступѣ воздуха. По опытамъ *Тодда*, всѣ механическія и химическія раздраженія, производящія боль въ свѣтлякахъ, возбуждаютъ фосфоричность. Различные яды, каковы: спиртная настойка іода, черной чемерицы (*helleborus niger*), челибухи (*puch vomica*), синильнокислая ртуть и амміакъ, хотя, по наблюденіямъ этого физика, и убиваютъ животныхъ, однакожъ фосфорическій блескъ ихъ остающъ на нѣсколько времени и послѣ ихъ смерти. Когда отдѣляли голову отъ туловища у живаго наѣкомаго, или отрубывали свѣтящіяся кольца, то свѣтъ исчезалъ по испеченіи пяти минутъ.

Испытатели природы различнымъ образомъ разсуждаютъ о причинѣ фосфоричности свѣтляковъ. *Беккариа* (*Вессарія*) и *Монтिला* (*Montila*) сравнивала ее съ фосфоричностію минераловъ, которые свѣтятся послѣ лежанія на солнцѣ. *Каррадори* и *Брюнъятелли* (*Brugnattelli*) думали, что свѣтъ, соединенный съ су-

ществами органическими, входитъ въ насѣкомыхъ съ ихъ пищею, и что онъ развивается подъ формою, видимою для насъ, въ слѣдствіе жизненнаго процесса, отъ котораго происходитъ. *Спалланцани* и *Гроттусъ* (Grotthuss) разсматривали это явленіе, какъ дѣйствіе горѣнія, зависящаго отъ вліянія кислорода атмосфернаго воздуха. *Деві* и *Тревиранъ* приписывали его веществу, содержащему фосфоръ, который отдѣляется изъ влагъ живошняго во время жизни, соединяется съ кислородомъ атмосфернаго воздуха при дыханіи, и горитъ, испуская свѣтъ, какъ обыкновенный фосфоръ. Это мнѣніе основывается на присутствіи фосфорной кислоты во влагахъ животнохъ; на великомъ сходствѣ, находящемся между свѣтомъ фосфора, горящаго медленно, и свѣтомъ животнохъ; наконецъ на томъ, что свѣтъ насѣкомыхъ обнаруживается при тѣхъ же обстоятельствахъ, при которыхъ свѣтитъ фосфоръ; на томъ, что теплота и кислородъ дѣлають его ярче, а холодъ и недыхательные газы уничтожаютъ его. *Макартней* и *Тоддъ* почтываютъ это явленіе за непосредственный процессъ жизни, за жизненное дѣйствіе, или за обнаруживаніе жизненной силы. Они думаютъ, что внѣшнія вліянія, т. е. теплота, атмосферный воздухъ, кислородъ и другіе дѣя-

пели не иначе содѣйствуютъ къ произведенію фосфоричности, какъ возвышая жизненность животныхъ, преимущественно чувствительность свѣпящагося органа, и что они могутъ ее (фосфоричность) уменьшать или уничтожать, уменьшая или уничтожая жизнедѣятельность. Эпошь гипотезъ не лзя принять во вниманіе, потому, что свѣпящіяся части и вещество, изливающее свѣпъ, продолжаютъ также свѣпиться и по опдѣленіи ихъ отъ пѣла животного, и по уничтоженіи обнаруживанія жизни, какъ эпо выше было доказано многими опытами.

Соображая всѣ эти обстоятельство, кажется, что фосфоричность зависитъ отъ вещества, производимаго уподобительно-пищательнымъ процессомъ во время жизни, и что оно, по видимому, опдѣляется изъ массы соковъ особенными органами. Вѣроятно, эта жидкость содержитъ фосфоръ, или вещество, похожее на горючее, которое соединяется съ кислородомъ воздуха, или съ водою, насыпанною воздухомъ, при средней температурѣ, и производитъ развитіе свѣпа. Приготовление и опдѣленіе свѣпящагося вещества зависятъ отъ жизненныхъ дѣйствій, которыя измѣняются, умножаются или умаляются отъ внѣшнихъ дѣйствій; но фосфоричность нахо-

дился въ одинаковомъ отношеніи къ составу отдѣленнаго вещества, и не можетъ быть разсмаприваема какъ жизненное дѣйствіе, по тому что, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, она продолжается обнаруживаясь по цѣлымъ днямъ, даже послѣ смерти живошного. Польза свѣта для живошной экономіи свѣпящихся насѣкомыхъ, по видимому, состоитъ въ томъ, что приготовленіе и отдѣленіе свѣпящагося вещества служишь къ сохраненію жизни этихъ живошныхъ. Вѣроятно, что этошь свѣтъ содѣйствуешь обоимъ поламъ опыскивать другъ друга во время любви, и, можетъ быть, сохраняетъ ихъ отъ нападеній непріятелей.

Фосфоричность, между воздушными живошными высшихъ классовъ, есть явленіе, весьма рѣдкое. *Гриндлеръ* и *Штурмъ* увѣряють, что они видѣли свѣтъ, развивающійся изъ яицъ сѣрой ящерицы (*Lacerta grisea*). *Роландеръ*, живши въ *Суринамѣ*, замѣпилъ тамъ свѣпящуюся жабу. По наблюденіямъ *Азары* и *Лангсдорфа*, у нѣкоторыхъ млекопитающихъ моча издаешь фосфорное сіяніе, на пр. моча вонючки (*merphitis*), хорька (*putorius*). Случается, что иногда моча и потъ человѣческій свѣпятся.

Нѣкоторые испытатели природы, *Мейеръ*, и *Трезвианъ*, относятъ къ явленіямъ

фосфоричности и испечение свѣта изъ глазъ, по ночамъ, у нѣкоторыхъ млекопитающихъ, на пр. у кошекъ, собакъ, волковъ и у многихъ другихъ плотоядныхъ животныхъ, равно какъ у барановъ, коровъ и лошадей. *Палласъ* думалъ, что свѣтъ у этихъ животныхъ выпекается изъ нервной оболочки глаза, и почиталъ его за явленіе электрическое. *Превостъ* замѣтилъ сверканіе свѣта въ глазахъ не только у кошекъ и собакъ, у овецъ, коровъ, и лошадей, но и вообще у всѣхъ тѣхъ животныхъ, у которыхъ въ глазахъ находится *Руйшьева* разноцвѣтная оболочка (Tapis-tapetum). Подобное явленіе замѣчалъ онъ въ глазахъ нѣкоторыхъ змѣй и насекомыхъ, особенно въ глазахъ мертвоголового сфинкса (*Sphynx atropos*). Единственная причина этого явленія, по мнѣнію *Тидеманна*, есть отраженіе свѣта, вшедшаго въ глазъ. Справедливость сего мнѣнія, говоритъ онъ, доказывается тѣмъ, что глаза этихъ животныхъ, въ совершенной темнотѣ, не свѣтятся, и что испечение свѣта также не зависитъ ни отъ воли, ни отъ нравственнаго состоянія животныхъ (*). Опыты

(*) По моему сужденію, это явленіе есть фосфорическаго свойства. — Источникъ фосфоричности — стѣчатая оболочка глаза. У хищныхъ звѣрей глаза тѣмъ ярче свѣтятся, чѣмъ ночь темнѣе, и чѣмъ они свирѣпѣе.

Gruithuisen равномерно подтверждаютъ , что въ мѣстахъ совершенно темныхъ не бываетъ никакого испеченія свѣта изъ глазъ , и что это испеченіе имѣетъ мѣсто только тогда , когда внѣшній свѣтъ , хотя слабый , прошедши въ глазъ , назадъ отражается. Сверхъ того онъ замѣнилъ , что глаза у кошекъ , какъ живыхъ , такъ и у мертвыхъ , свѣтятся. Подобное явленіе замѣнилъ *Тидеманнъ* въ глазахъ кошки , кошорой голова , около сутокъ , была уже опдѣлена отъ пуловища: испеченіе свѣта изъ глазъ (въ темнотѣ) продолжалось до тѣхъ поръ , пока глазныя влаги сдѣлались мутными. Подобные опыты дѣлалъ недавно *Ессеръ* „надъ сіяніемъ глазъ“ и получилъ тѣ же результаты. Отраженіе свѣта происходитъ и въ глазахъ живописныхъ умершихъ , по разрывѣ оболочекъ роговой , радужной , и по вынутіи хрусталика. Очевидно , говоритъ *Тидеманнъ* , испеченіе свѣта , ночью , изъ глазъ нѣкопрыхъ ж. млекопитающихъ , не есть явленіе фосфорическаго свойства (*).

(*) Матеріалы для этого разсужденія , большею частію , заимствованы изъ Физиологій *Тидеманна*: *Traité complet de Physiologie de l'homme*; par *Fred. Tiedemann*, traduit de l'Allemand par *J—L Iourdan*; и изъ *Traité elementaire d'Anatomie comparée etc.* par *C. — G. Carus.* — 1855.

II. СЛОВЕСНОСТЬ и ИСКУС- СТВА.

ТЕОРИЯ СЛОВЕСНОСТИ.

4. ОСНОВНЫИ СИЛЫ ЭСТЕТИЧЕСКІЯ въ Трагедіи и Комедіи.

Изъ Лекц. Шлегеля.

Почему Драматическое произведеніе можетъ быть театральнымъ; почему оно можетъ съ успѣхомъ являться на сценѣ? Такъ какъ Драма въ самомъ дѣлѣ имѣетъ это преимущество; но разрѣшеніе этого вопроса въ частности иногда не легко. Особливо много было споровъ въ томъ случаѣ, когда самолюбіе автора и актера сходились на сценѣ; каждый слагаетъ вину неудачи на другаго, и тотъ, кто защищаетъ произведеніе сочинителя, ссылаясь на успѣхъ представленія, которое живо еще въ его памяти, но котораго средства ему неизвѣстны. Вообще отвѣтъ на эту вопросъ не представляетъ большаго затрудненія. Задача состоитъ въ томъ, чтоо-

бы подѣйствовать на собравшихся зрителей , привлечь ихъ вниманіе и возбудить соучастіе. Слѣдовательно, драматическій Поэтъ имѣетъ нѣчто общее съ Орапоромъ. Какими средствами достигаетъ послѣдній своей цѣли ? Ясностію , силою и выразительностію. Онъ долженъ рачительно избѣгать всего того, что превосходитъ обыкновенную мѣру терпѣнія и понятія. Собравшіеся зрители: разсѣянны и невнимательны, пока ихъ взоръ и слухъ не привлеченъ къ извѣстной цѣли, находящейся внѣ круга ихъ дѣйствованія. Посему драматическій Поэтъ такъ же, какъ и Орапоръ, долженъ при самомъ началѣ подѣйствовать сильными впечатлѣніями, пробудить своихъ слушателей и овладѣть ихъ внимательностію. Этому содѣйствуетъ Поэзія, которая слегка пробуждаетъ душу, настроенную къ однообразной задумчивости, подобно какъ тихое дуновеніе вѣтерка вызываетъ звуки изъ Золовой арфы. Эта Поэзія впрочемъ, какъ бы ни была изящна, безъ другихъ пособій прозвучитъ на сценѣ неслышанная. Плавная гармонія не способна воспламенять и располагать движеніями войска. Для этого нужны сильные, глубоко-проникающіе инструменты, нуженъ рѣшительный рѣмъ, который бы ускорилъ біеніе пульса и вызвалъ душу къ

быспрому полешу. Явишь эптошь риємъ въ Драмѣ—вошь первая попребность. Ежели эшо удалось, тогда Поэшь можешь оспановишь пылкое свое печеніе и предашься любимымъ своимъ склонноспямъ. Еспшь моменшпы, гдѣ разцвѣченное, изукрашенное повѣспованіе, одушевленная лира, глубокія мысли, иносказанія, замысловадая игра оспроумія, блистапельное, игривое, живое пареніе фанпазін уже на своемъ мѣстѣ, и гдѣ предуготовленные слушатели, даже и тѣ, которые не все могутъ обняшь, преслѣдуютъ эшо жаднымъ слухомъ, какъ бы вишая гармонію звуковъ музыки, наспроенной по ихъ чувспву. Поэшь можешь показашь свое искусство въ удачномъ сплепеніи пропивоположностей, пакъ на примѣрь, онъ можешь предспавишь пишину ненарушимаго спокойспвія, уединенное размышленіе, угнепеніе, изиуреніе несчастія, или сильные порывы бушующихъ спраспей. Вразсужденіи театральнаго исполненія Драмы, не должно оспавишь безъ вниманія того, что она всегда должна бышь согласована съ понятіями и обычаями общеспвенными, измѣняпсья по народамъ и спепеніи художественнаго образованія. Драматическая Поэзія, преимущественно предъ прочими родами Поэзии, можешь назвашься общеспввенною; она изъ пиши

вдохновенія творящаго духа не спрашивая предсказать въ этой живой, разнообразной толпѣ общественной жизни. Драматическому Поэту болѣе всѣхъ другихъ необходимо заботиться о снисканіи благоволенія и громкой хвалы. Но онъ долженъ казаться снисходительнымъ къ зрителямъ только изъ благоприспособленности; въ самомъ же дѣлѣ онъ обязанъ увлечь ихъ за собою, овладѣть ими совершенно.

Чтобы выразумѣть всю важность этого дѣйствія на собравшихся зрителей, необходимо замѣтить еще слѣдующія обстоятельства. Въ обыкновенномъ обращеніи люди показываются только съ внѣшней стороны. Недовѣрчивость и равнодушіе не позволяютъ имъ открывать всякому свои внутреннія ощущенія; говорятъ съ жаромъ и трогательно о томъ, что близко нашему сердцу, пропуская поспешно упоминанія упоминаннаго общества. Орапоръ и Драматикъ должны найти средства разорвать эти условныя узы общественныя. Когда они приводятъ своихъ слушателей въ состояніе ощущать живѣйшія движенія духа, которыя непримѣнно спираются всѣмъ внѣшнимъ условіемъ; тогда каждый изъ нихъ беретъ одинакое участіе въ умиленіи другаго, и такимъ образомъ люди, которые до того чуждались

другъ друга, внезапно впадаютъ на нѣсколько минутъ въ эту общую довѣренность. Слезы, копорыя Орапоръ или Поэтъ Драмы заставляеть пролить о спраданіи угнетенной невинности, или о смерти падшаго героя, сдружаютъ, сродняютъ ихъ всѣхъ. Невѣроятно, какая мощная сила это холодное обращеніе многихъ превращаетъ въ глубокое чувство, которое попомъ обыкновенно возвращается въ свое безмолвное одиночество, или только является при самой дружеской откровенности. Вѣра въ дѣйствительность этого чувства, при его развитіи, непоколебима; мы чувствуемъ въ себѣ довольно силы между столь многими собратіями, и всѣ души наши сливаются въ эпомъ неизмѣримомъ, неудержимомъ попокъ. Изъ этого видно то важное преимущество Драматическаго писателя, по коему онъ можетъ дѣйствовать на зрителей, выставивъ какое нибудь опаснѣйшее злоупотребленіе. Какъ можно ихъ одушевить безкорыстно ко всему благороднѣйшему и возвышеннѣйшему, почто также они легко попускають опустать себя обмансѣями софизма, ослѣпить ложнымъ блескомъ чивыми величія души, копорой честлюбивыя преступленія выставляются за добродѣтель и самоотверженіе.

Подъ приманчивою одеждою Краснорѣчія и Поэзіи, вмѣстѣ съ услажденіемъ слуха, вкрадывается нечувствительно убѣжденіе въ сердце слушаемыхъ. Всего этого долженъ преимущественно остерегаться Поэтъ комическій, всегда касающійся этого подводнаго камня; онъ не долженъ показывать желанія обнаруживать что-либо низкое и порочное въ человѣческой природѣ; но какъ только онъ хотя однажды снисходительно коснется этихъ унизительныхъ склонностей, какъ скоро нарушена эта скромность, которая обыкновенно удерживаетъ ихъ въ границахъ благопристойности: тотчасъ обнаружится расположеніе ко злу съ необузданною свободою.

Эта догматическая сила добра и зла въ Драмѣ съ давнихъ временъ обращала вниманіе правителей на зрѣлища. Всегда старались направлять ее къ истинной цѣли и отвращать отъ тѣмъ злоупотребленія. Задача состояла въ томъ, чтобы соединить эпическую непринужденную, для успѣха Изыячныхъ Искусствъ необходимую свободу, съ тѣмъ уваженіемъ, котораго требуютъ постановленія государства и общества. Въ Аѳинахъ театръ процвѣталъ подъ кровомъ самихъ боговъ, и чистые нравы народа долго сохраняли его отъ искаженія. Непонятныя, несходныя съ на-

шими нравами и непозволительными въ наше время Комедіи Аристофана, въ которыхъ народъ и республика клеймились нещадно насмѣшкою — вопль печать этой Аѳинской народной вольности. Платонъ, жившій въ тѣхъ же Аѳинахъ, видѣвшій, или по крайней мѣрѣ предчувствовавшій паденіе искусства, хотѣлъ совершенно изгнать драматическихъ Поэтовъ изъ своей идеальной республики. Нѣкоторыя области почли за необходимое подписать этотъ строгій приговоръ Платона; но другія совершенно отвергли его предложеніе и рѣшились предоставить театръ безъ всякаго надзора самому себѣ. Въ нѣкоторыхъ Христіанскихъ Государствахъ драматическое искусство, воспѣвая предметы духовныя, удостоивалось религіознаго значенія; особенно въ Испаніи это религіозное вдохновеніе породило множество драматическихъ произведеній, исполненіе которыхъ не вредило ни уваженію законовъ, ни Поэзіи. Въ другихъ государствахъ, при другихъ обстоятельствахъ, почивалось это предосудительнымъ соблазномъ, а потому и не могло быть принято. Такимъ образомъ не только сочинитель и актеры подвергались отвѣтственности за представленія на сценѣ, но даже всѣ подобныя сочиненія были предварительно пересматриваемы, и особенно почивали необходимымъ обра-

щать вниманіе на самое важнѣйшее, какъ на самое дѣйствительнѣйшее, именно: на духъ и выраженіе произведенія. Сообразно природѣ драматическаго искусства, сочинитель долженъ вложить въ уста своихъ дѣйствующихъ лицъ только то, что можетъ быть одобрено; онъ долженъ отдавать отчетъ въ своихъ намѣреніяхъ касательно исполненія цѣлаго. Но могло также случиться, что сочиненіе въ частности не заключало въ себѣ ничего предосудительнаго, и устраняло всякія припязанія, между тѣмъ какъ въ основаніи имѣло цѣлю вредныя дѣйствія. Въ наше время тѣ произведенія могутъ осчастливить Европу, которыя отъ избытка ощущеній добраго сердца вытекаютъ изъ теплой души Поэта, и въ которыхъ самый проникательный взоръ не найдетъ скрытыхъ намѣреній сочинителя—подкопать строгость нравственныхъ законовъ, уваженіе всего того, что человѣку должно быть священнѣйшимъ, и увлечь за собою малодушіе легкомысленныхъ, дремлющихъ современниковъ. Если бы кто вздумалъ подражать злословію Аристофана, вольности выраженій котораго по нашимъ понятіямъ совершенно не позволительны, то онъ долженъ по крайней мѣрѣ въ основаніи, въ цѣломъ своего сочиненія показывать доброе расположеніе благомыслящаго гражданина.

Все это предложено съ тою цѣлію, чтобы показать важность предмета нашего изслѣдованія. Театръ, гдѣ соединенно дѣйствуетъ вся прелесть искусства, гдѣ возвышеннѣйшая и самая глубокая Поэзія соединяется иногда съ образованнѣйшимъ сценическимъ искусствомъ, съ искусствомъ, которое увлекаетъ краснорѣчіемъ чувства и прогааетъ изяществомъ каршины, которое занимаетъ у архитектуры ея блистательныя формы, у живописи ея чарующія тѣни, которое призываетъ на помощь музыку, чтобы ея гармонією симпатизироваться съ душою слушателя, и, овладѣвши имъ, еще болѣе поражать, увлекать его; театръ, гдѣ все общественное и искусственное образованіе народа, плодъ непрерывныхъ усилій, можетъ въ нѣсколько часовъ предстать предъ васъ; театръ, говоря я, имѣетъ невыразимую прелесть для всякаго возраста, пола и состоянія, и былъ всегда любимѣйшимъ увеселеніемъ образованнаго народа. Здѣсь правитель, полководецъ видитъ, какъ развиваются по внутреннимъ своимъ причинамъ и отношеніямъ великія, міровыя событія древности, подобно тѣмъ, въ которыхъ онъ самъ можетъ участвовать; мыслитель находитъ здѣсь предметъ для глубокихъ размышленій о природѣ и назначеніи человѣчества; художникъ

преслѣдуетъ внимательнымъ взоромъ порхающія предъ нимъ разнообразныя, блистательныя группы, которыя онъ собираетъ въ своей фанпазіи, какъ зерна будущей картины ; пылкая юность открываетъ свое сердце для возвышенныхъ впечатлѣній ; спарикъ молодѣетъ воспоминаніемъ ; даже дитя сидитъ съ поскливымъ нетерпѣніемъ предъ испещреннымъ занавѣсомъ, который поднявшись долженъ открыть ему еще много чудесъ : всѣ находятъ опрадное услажденіе и приипное оидохиовеніе на нѣсколько часовъ отъ дневныхъ занятій, своихъ и неприятностей житейскихъ. Но такъ какъ Драмаиическое искусство , въ соединеніи съ другими, къ его услугамъ предспоящими искусствами, можетъ до того исказипсья отъ дурнаго направленія художника и зрипелей, что назначеніе теапра ниспадаетъ на спепенъ пустаго , безсмысленнаго , гибельнаго препровожденія времени ; то вѣрояпно не почипетъя маловажнымъ , ежели мы обратимъ вниманіе на разспотрѣніе тѣхъ произведеній , которыя извѣспнѣйшіе народы совершали въ лучшіе возрасты своей жизни, и на тѣ средства , которыми это высокое искусство можетъ облагороживапсья и достигапть своего совершенспва.

Довольно о важности нашей цѣли. Теперь еще предварительное замѣчаніе о раздѣленіи Драматической Поэзіи на два противоположные рода: *трагическій* и *комическій*, и объ основныхъ понятіяхъ каждаго.

Въ Поэзіи три главные рода: Эпическій, Лирический и Драмактический; всѣ другіе частные роды Поэзіи происходятъ или отъ одного изъ сихъ, или суть ихъ смѣшенія. Когда мы пожелаемъ представить себѣ эти три главные рода въ ихъ первобытной чистотѣ; то мы должны обратиться къ той формѣ, въ которой они явились въ Греціи. Теорія можетъ быть лучшимъ образомъ примѣнена къ исторіи Греческой Поэзіи; ибо она развивалась какъ бы по системѣ, и можетъ представить для каждаго отдѣльнаго, независимаго отъ опытности понятія удовлетворительнѣйшія объясненія и примѣры.

Достойно замѣчанія, что ни Лирическая, ни Эпическая Поэзія не представляютъ такого рѣзкаго дѣленія на два совершенно противоположные вида, какъ Драмактическая. Хотя и принимали за отдѣльный родъ такъ называемую шутливую Эпоею; но это есть случайный видъ, пародія Эпоса, которая состоитъ въ томъ, что къ маловажному и ничтожному предмету примѣняется эта торжественность

развитія, владычествующая въ Эпосѣ важнаго содержанія. Лирическая Поэзія также имѣетъ свои степени—Пѣснь, Оду, Гимнъ; но это ея виды, и они не имѣютъ такой разительной противоположности.

Духъ Эпического произведенія, какъ мы это видимъ въ общѣ Эпоса, Омирѣ, оплчается особеннымъ спокойствіемъ. Эпосъ есть спокойное представленіе минувшаго. Сочинитель повѣствуетъ трогательныя и забавныя происшествія равнодушно и держитъ ихъ, какъ минувшее, въ нѣкоторой отдаленности отъ нашего участія.

Лирическая Поэзія есть музыкальное выраженіе внутреннихъ движеній нашего духа въ словѣ. Сущность музыкальнаго одушевленія состоитъ въ томъ, чтобы мы изъ эпическихъ внутреннихъ движеній скорби или радости могли удержатъ что-либо съ удовольствіемъ и какъ бы увѣковѣчить въ нашемъ духѣ. А потому ея впечатлѣнія должны быть упоеннѣе, нѣсколько мягче, чтобы не вдругъ, не насильственно испоркали у насъ смѣхъ или слезы, но чтобы мы постепенно знакомились съ этимъ непостоянствомъ всеокрушающаго времени.

Драматическій Поэтъ, хотя такъ же, какъ и Эпическій, представляетъ внѣшнія обстоятельства, но въ дѣйствіи, въ настоящемъ.

Онъ овладѣваетъ нашимъ участіемъ съ самаго начала, но не съ такимъ довольствомъ, какъ Лирикъ, и гораздо безотчетнѣе долженъ насъ заставить смѣяться или плакать. Онъ вызываетъ всѣ внупренія, сокровенныя движенія нашего духа, которыя совершаются въ насъ при созерцаніи поступковъ и судьбы дѣйствующихъ лицъ, и долженъ разгадать эти движенія совокупностію дѣйствительнаго, сильнаго выраженія, для удовлетворенія гармонической наспроенности души. Драмастикъ близокъ къ жизни; онъ въ ней совершаетъ свои творенія; Эпикъ повѣствуетъ съ равнымъ расположеніемъ духа, Драмастикъ съ равною силою и выразительностію; онъ долженъ представить различныя отношенія бытія человѣческаго, и принудить своихъ слушателей раздѣлять съ нимъ свои ощущенія.

Обращаюсь къ простѣйшимъ и обыкновеннѣйшимъ формамъ выраженія Драмастика. *Трагическое* и *комическое* относятся между собою какъ *важное* и *шуточное*. Каждый по собственному опыту знаетъ эти ощущенія. Но въ чемъ состоятъ ихъ сущность и откуда они происходятъ—это требуетъ глубокаго, философскаго изслѣдованія. То и другое носитъ на себѣ отпечатокъ природы собственно человеческой, духовной; важное принадлежитъ нрав-

ственной, шуточное—чувственной ея области. Творенія, неодаренныя разумомъ, не способны къ этому важному и комическому, что исключительно соспавляетъ принадлежность человѣка. Хотя животныя и бывають иногда заняты работою, какъ бы предполагая цѣль и какъ будто распоряжая настоящими минутиами своего бытія для будущаго; хотя иногда рѣзвятся, ш. е. предаются безцѣльно опрадѣ своего бытія: но они не имѣють того сознанія, которое возвышаетъ и то и другое состояніе нашего духа до истинно важнаго и шуточнаго. Одинъ человѣкъ между всѣми твореніями усмремляетъ взоръ свой въ прошедшее и предчувствуетъ будущее, и онъ дорого заплатилъ за это высокое преимущество. Важное, принимаемое въ обширномъ смыслѣ, есть направленіе нашихъ душевныхъ силъ къ одной цѣли. Но какъ скоро мы обратимъ вниманіе на собственныя наши дѣйствія; то обыкновенно возносимъ эту цѣль выше и выше, наконецъ до этой высочайшей, всеобщей цѣли нашего бытія: и здѣсь прекращается свойственное нашему существу требованіе безконечнаго ограниченностію конечнаго, въ которомъ мы заключены. Все, что мы дѣлаемъ, создаемъ, конечно и бренно; повсюду смерть у самаго основанія, которая возводитъ страшный взоръ свой

на все доброе и злое одинаково. Въ счастливыхъ обстоятельствахъ, хотя иногда человекъ и достигаетъ безбѣдно цѣли жизни, назначенной ему природою ; но ему предстоить еще неизбѣжная разлука со всѣмъ тѣмъ, что дорого его сердцу. Нѣтъ союза любви безъ разлуки; нѣтъ наслажденія безъ горькаго сожалѣнія о поперѣ; и ежели мы взглянемъ на всѣ явленія нашего бытія до высшихъ границъ возможности; ежели представимъ всю эту неизмѣримую цѣпь зависимости причинъ и дѣйствій: то до какой степени находимъ себя слабыми и безпомощными, заброшенными на берегъ безвѣстнаго міра, въ бореніи съ насиліемъ эпѣхъ непоспѣжимыхъ силъ природы и неумолкающихъ спраспей ; какъ бы съ самаго рожденія мы носимъ въ себѣ эту разрушимость. Тогда мы ясно различимъ всѣ заблужденія и обольщенія наши, изъ которыхъ каждое можетъ быть гибельно; тогда увидимъ, какъ въ спрасяхъ мы носимъ смертельнаго врага своего у сердца ; какъ каждая минута, при имени священнѣйшаго долга, требовала отъ насъ пожертвованія самыми сладчайшими удовольствіями, и можетъ однимъ внезапнымъ ударомъ испугать все, съ трудомъ нами приобретенное; какъ съ увеличеніемъ нашей собственности увеличивается опасность потери, и мы тогда

только постигаемъ всю злобу непріязненнаго случая. Все это не исполняетъ ли душу нашу чувствомъ невыразимаго отчаянія, проливъ котораго нѣтъ другаго утѣшенія, кромѣ сознанія этого, надъ всѣмъ земнымъ раздающагося призыва? Вошъ вдохновеніе трагическое! Ежели мысль о возможномъ исходишь изъ глубины нашего духа, какъ живая дѣйствительность; ежели это вдохновеніе соединить и одушевить въ представленіи разительные примѣры насильственныхъ переворотовъ судьбы человѣческой, угнетенія силы духа: тогда происходитъ *Поэзія трагическая*. Отсюда частію уже видно, какое она имѣетъ основаніе въ самой природѣ нашей, и вопросъ, почему мы любимъ печальныя представленія, получаемъ удовлетворительный отвѣтъ: потому что мы можемъ найти въ нихъ что нибудь утѣшительное, возвышенное. Это вдохновеніе совершается непосредственно подъ вліяніемъ глубокаго чувствованія, и разногласію этихъ внутреннихъ движеній нашего духа, котораго не можетъ устранить Поэзія, оно должно пріискать по крайней мѣрѣ идеальную развязку.

Какъ нравственно-важное, возведенное на самую высшую свою степень, составляетъ сущность трагическаго; такъ забавное есть осно-

ваніе комическаго. Настроенность къ шуткѣ есть совершенное забвеніе всѣхъ этическихъ возмущающихъ душу размышленій, въ приятномъ ощущеніи настоящаго удовольствія. Въ такомъ состояніи всѣ впечатлѣнія принимаются живо, весело и скользя по душѣ, не останавливаясь. Несовершенства людей и ихъ непріязненные отношенія другъ къ другу не составляютъ въ комедіи предмета негодованія или сожалѣнія, но напропивъ иппають умъ и забавляютъ фантазію. Поэтъ въ комическомъ представленіи долженъ удаляться всего того, что можетъ возбудить нравственное отвращеніе къ поступкамъ или истинное участіе въ положеніи дѣйствующихъ лицъ; ибо тогда мы нечувствительно впадаемъ въ это нравственно-важное. Всѣ дѣйствія своихъ героев онъ долженъ выводить какъ бы изъ чувственнаго; всѣ ихъ непріятности изображать въ смѣшной необходимости, которая бы не имѣла никакихъ пагубныхъ слѣдствій. Въ Комедіи всегда господствуетъ эпическій случай, который однако уже имѣетъ примѣсь важнаго, какъ увидимъ впоследствии. Древнѣйшая Комедія Грековъ была вся основана на эпическомъ шуточномъ и составляла совершенную противоположность съ ихъ Трагедіею. Не только характеръ и положенія героев были изображаемы

въ картинѣ дѣйствія комически; но даже самыя общественныя постановленія, республика, природа и міръ боговъ подвергались произволу игривой фантазіи.

Ежели такимъ образомъ составимъ себѣ понятіе о трагическомъ и комическомъ по образцамъ Греческимъ; то мы въ состояніи будемъ распознать различныя смѣшенія обоихъ родовъ, какія находимъ у новыхъ, и разложимъ эти побочныя прибавленія на главные, составныя ихъ части.

Въ Исторіи Поэзіи и вообще Изыщныхъ Искусствъ Греціи господствуетъ вездѣ, какъ законъ, по коему совершается ихъ развитіе, строгое разграниченіе разнороднаго, также какъ соединеніе однороднаго, и возвышеніе, при внутреннемъ совершенствѣ, исполненія цѣлаго, къ самостоятельному, гармоническому единству. Посему у нихъ всѣ роды Поэзіи заключаюся въ свойственные каждому границахъ и дозволяютъ съ такою вѣрностію опредѣлять различный стиль cadaго. Не только по порядку времени, но и по здравому смыслу должно начинать съ Исторіи Греческихъ Искусствъ и Поэзіи.

Эрастъ Барсовъ.

III. К Р И Т И К А.

5. ОБЪ ОЗЕРОВЪ И ЕГО ТРАГЕДІЯХЪ.

(*О к о н з а н і е .*)

Должно думать, что успѣхъ Эдипа сильно поощрилъ Озерова, потому что ровно чрезъ годъ (*) послѣ этой трагедіи явилась на Петербургской сценѣ новая его трагедія: *Фингалъ*. Въ сочиненіи ея Озеровъ, можетъ быть, даже попорочился: *Фингалъ* у него единственная трагедія въ прехъ дѣйствіяхъ; а это опять *licentia poetica*, унижавшая цѣну трагедіи въ сужденіи спрогихъ криптиковъ. И въ самомъ дѣлѣ пренебрегаютъ словами Горация:

Neve minor, neu sit quinto productior actu

Fabula

сдѣлавшимися непремѣннымъ закономъ для сочинителей трагедіи, значило подвергать успѣхъ своего произведенія большому или мѣньшему упреку. Впрочемъ — вотъ что значитъ успѣхъ и одушевленіе, имъ вселяемое! — *Фингалъ* есть также трагедія, которая, въ своемъ родѣ, не

(*) Трагедія: *Эдипъ въ Афинахъ* была представлена 24 Ноября 1804 года, а *Фингалъ* — 1805 года Декабря 8.

можетъ не принести чести автору. Если чувство глубокое, поэтическое было основою Эдипа, то Фингала должно отнести къ области воображенія, прельщеннаго высокою поэзіею Оссіана. Вообще говоря, въ этой трагедіи почти тѣ же достоинства и недостатки, какъ и въ Эдипѣ въ Аѣнахъ, хотя первыя въ меньшей степени. Это относится въ особенности къ духу цѣлаго сочиненія. Но обозримъ трагедію: Фингаль, точно такъ же, какъ обозрѣли мы предшествовавшую ей.

Дѣйствіе первое. Палапа, открывая сводами въ садъ. Вдали на возвышеніяхъ видѣтъ храмъ Одена и холмъ могильный. Уллингъ, бардъ Фингаловъ, со своими поварищами, и дѣвы Локлинскія привѣщаютъ хоромъ Моину, дочь Спарна, Царя Локлинскаго.

Цвѣти, о красота Моины!
 Какъ въ утро раннее весной
 Цвѣтутъ прелестныя долины
 Благоуханной красою,

поетъ одна изъ дѣвъ и всѣ вмѣстѣ славятъ красоту Царевны и доблести ея жениха, Фингала, Царя Морвенскаго. Является Спарнъ и возвѣщаетъ, что Фингаль прибылъ въ его владѣнія, и что насталъ тотъ день, въ который рука Моины должна соединиться съ

рукою этого героя. Монна въ восхищеніи; но отецъ негодуешь на нее: при этомъ случаѣ онъ хочеть отмстить Фингалу за убійство Тоскара, его сына, — хочеть, чтобы дочь его была орудіемъ мести и находить въ ней только пламенную, слѣпую любовь къ убійцѣ брата ея. Прекрасны слова Спарна, когда онъ описываетъ Колаѣ, своему наперснику, грусть объ умершемъ сынѣ:

Безъ грусти я бы жить не могъ на свѣтѣ болѣ.
О, Кола! безъ нее, съ того плачевна дня,
Какъ сынъ въ бою погибъ, вокругъ Спарна, вокругъ
меня

Безмолвнымъ, мертвымъ все казалось бы въ природѣ.
Съ ней прелесть нахожу я въ буряхъ, въ непогодѣ;
Со мною говорятъ и вѣтровъ спрашный ревъ,
И моря грозный шумъ, и шумный скрипъ деревъ,
Во всемъ мнѣ слышатся сыновнія стenanья.
Я чувствую тогда тѣхъ камней содроганья,
Подъ конми лежатъ Тоскара хладный прахъ,
И онъ мнѣ зрится самъ со блѣдностью въ чершахъ.
Во персяхъ тяжкую указываешь рану,
Отмщенія, гласишь, и казнь и смерть тирану,
Котораго рукой намъ бѣдствія неслись.

Но за неапромъ слышенъ шумъ. Это — Фингалъ. Онъ является со своими бардами и воинами. Спарнъ, съ припворною радостію, привѣщиваетъ его и величъ званъ свою дочь. Она является. Спарнъ представляеть ее же-

ниху и самъ уходитъ , чтобы приготовить немедленное свершеніе брачнаго торжества. Свиданіе Фингала съ Моиною , въ коемъ въ длинныхъ монологахъ изъясняютъ они другъ другу свои чувства, прерывается входомъ барда Спарнова и возвѣщаетъ, что на жертвенникѣ пылаетъ уже огонь, и что Царь Локлинскій ожидаетъ ихъ. Всѣ уходятъ.

Дѣйствіе второе. По правиламъ трагедій Французской школы , оно начинается тѣмъ , чѣмъ оканчивается первое. Храмъ Одена. Кумиръ этого божества поставленъ въ срединѣ, съ курящимся предъ нимъ жертвенникомъ. Спарнъ, одинъ предъ кумиромъ, молитъ Одена помочь ему въ удачномъ свершеніи замысла и общается, если погибнетъ Фингаль, повѣсить въ капищѣ бога его доспѣхи. Входитъ Колла и доноситъ своему Царю, что воины не рѣшаются напасть на Фингала, потому что помнятъ силу его меча въ битвахъ. Спарнъ называетъ ихъ малодушными, съпугуетъ о томъ, что собственный родъ его долженъ имъ самимъ пресѣчься и общается опмстити Фингалу за сына, какъ и за дочь, которую онъ прельстилъ. Между тѣмъ являются на сцену Фингаль, Моина, Морна, первосвященникъ, жрецъ, барды Локлинскіе и Морвенскіе. Спарнъ встрѣчаетъ Фингала притворно-ласко-

выми словами и повелѣваетъ служителямъ боговъ воспѣть священную пѣснь Одену. Жрецы поютъ хоръ, въ продолженіе коего юноши и дѣвы Локлинскія пляшутъ, приносятъ вѣнки и цѣпи изъ цвѣтовъ, украшаютъ ими Фингала и Моину и ведутъ ихъ къ жертвеннику предъ кумиръ Оденовъ. Словомъ, поржество бракосочетанія началось, и Царь Морвенскій произнесъ уже обѣтъ. Очередь Моинѣ сдѣлать то же самое — но верховный жрецъ останавливаетъ ее и объявляетъ, что пѣнь брата воспрещаетъ ей произнести обѣтъ, и что она супругою Фингала быть не можетъ. Спарнъ восклицаетъ: рѣшительно мѣшечье! и въ самомъ дѣлѣ, положеніе — споль же странно, какъ и неожиданно. Какъ бы то ни было, послѣ долгаго пренія, соглашаются, чтобы Фингаль принесъ прежде очистительную жертву на могилѣ Тоскара. Царь Морвенскій, сопровождаемый Спарномъ и воинами его, уходитъ. На сценѣ остается Моина съ наперсницею. Ее терзаетъ какое-то предчувствіе, которое еще усиливается, когда входитъ Улинъ, спрашиваетъ провожаютъ ли Фингала его воины, и, узнавши противное, впадаетъ самъ въ подозрѣніе.

Дѣйствіе третіе. Дикій лѣсъ. Могила Тоскара. Фингаль преклоняетъ предъ нею ко-

льно и повелѣваетъ бардамъ воспѣть хвалу убиному герою. Барды поюшъ. Приносятъ чашу пиршества. Колла спавилъ ее на холмъ Тоскара. Здѣсь особенно хороши слова хора :

Во мракъ тучъ , какъ грозный громъ ,
(Тоскаръ) Ты не носись въ спрапахъ воздушныхъ ;
Но преселися въ горный домъ
Твоихъ опцевъ великодушныхъ ,
Сѣдящихъ въ радужныхъ кругахъ
Съ спокойствомъ свѣплымъ на челахъ.

Фингалъ вспоминаетъ о своихъ предкахъ и впадаетъ въ задумчивость. Спарнъ и Колла между тѣмъ сговариваются какимъ образомъ лишить его меча. Первый изъ нихъ предлагаетъ Царю Морвенскому починить память Тоскара играми и сраженіями , а чпобы воспламенить бѣльшее мужество въ воннахъ , просить его назначить храбрѣйшему изъ нихъ свой мечъ въ награду. Воины дѣлають примѣрное сраженіе и Фингалъ, исполнивъ просьбу своего будущаго тесня, остаётся безоруженъ. Въ эту самую минуту Спарнъ и его вонны устремляются на Царя Морвенскаго ; но сей послѣдній срываетъ съ дерева висѣвшій на немъ мечъ Тоскара и имъ защищается. Въ это время совершенно неожиданно Монна вводитъ воиновъ Морвенскихъ и тѣмъ спасаетъ своего жениха. Спарнъ прелещется отъ гнѣва и

Уч. Зал. Часть XII. 10

послѣ длиннаго монолога, бросается на Фингала, чтобы умертвить его; но дочь отводитъ руку отца и шѣмъ въпорично спасаетъ своего возлюбленнаго. Но отецъ, въ порывѣ гнѣва, поражаетъ ее кинжаломъ и потомъ ожесточенный закалается самъ. Фингаль въ отчаяніи, хочетъ то же самое сдѣлать съ собою; но Улдинъ останавливаетъ его.

Эпимъ оканчивается трагедія. Какъ видимъ, ея завязка основана на обманѣ, копорымъ Спарнъ хочетъ воспользоваться, чтобы отмстить Фингалу за смерть сына. Всего болѣе силы получаетъ она во въпоромъ дѣйствіи, когда первосвященникъ воспрещаетъ Моинѣ произнести обѣтъ для соединенія съ Фингаломъ узами брака. Эта завязка сама собою не представляетъ ничего особенно - высокаго, такъ что все зависитъ отъ того, какимъ образомъ разовьетъ ее сочинитель въ своемъ произведеніи. Посмотримъ какъ сдѣлалъ это нашъ Поэтъ.

Должно признаться, что ходъ и послѣдовательность дѣйствія въ трагедіи : Фингаль, вполне удовлетворительны, а потому единство дѣйствія соблюдено въ ней художнически: оно не нарушается никакими вставочными эпизодами, излишними сценами или чѣмъ-либо тому подобнымъ. Но главный, основной не-

доспапокъ этой трагедіи состоиптъ въ слабости, если можно сказать, безжизненности этого самаго дѣйствія. Этому причиною исключительно характеръ Спарна, на котораго очевидно должна падать вся сила дѣйствія, а потому вся энергія цѣлой трагедіи. Огъ, какъ мстиптель, какъ человекъ, спарающійся каждый случай привеспи къ своей цѣли, скрыпно долженъ управлятъ всѣмъ ходомъ дѣйствія. Повпоряемъ, сила воли должна быть его опличительнымъ свойспвомъ. Въ Фингалѣ напротивъ Спарнъ гораздо болѣе говоритъ въ длинныхъ монологахъ о своей швердоспи, нежели сколько это видно на самомъ дѣлѣ. Конечно въ концѣ предпьяго акпа, онъ рѣшается наконецъ исполнитъ свой замысель и нападаешъ на Фингала; но сколько къ этому приготовленій, и припомъ какъ робки эти приготовления, какъ явно выказывающъ они все малодушіе мстиптеля. Всего болѣе въ этомъ опношеніи не сообразно все второе дѣйствіе. Къ чему было выводипъ всю эту длинную сцену брачнаго торжества? къ чему было заставлятъ Фингала произнеспи обѣщъ, когда первосвященникъ долженъ былъ остановитъ всѣ дѣло запрещеніемъ Моинѣ вступатъ въ бракъ съ убійцею брата ея? Между тѣмъ эта медлительность, эта вялость дѣйствія вмѣсто того, чпобы занимать

чипашеля , только упоминаетъ его вниманіе , которое въ цѣлой трагедіи не усиливается ни однимъ новымъ положеніемъ , ни однимъ рѣзкимъ , энергическимъ поступкомъ. Замѣтимъ , что явленіе Моины съ воинами Морвенскими , въ послѣднемъ дѣйствіи , хотя само по себѣ довольно странное , повидимому , говоритъ однакожь противъ нашихъ словъ , но — этимъ явленіемъ трагедія развязывается. Въ завязкѣ же мы не находимъ ничего подобнаго. И такъ мы знаемъ , въ чемъ состоишь главный , существенный недоспапокъ разсмаприваемой нами трагедіи ; но такъ какъ эпоть недоспапокъ не есть еще важнѣйшій , то и въ трагедіи : Фингаль , оспается мѣсто многимъ достоинствомъ. Одно изъ этихъ достоинствъ есть , какъ уже сказали мы , правильный и естественный ходъ дѣйствія , единство коего соблюдено Озеровымъ во всей строгости. Нельзя однакожь не согласиться , что въ драматическомъ , какъ и во всякомъ другомъ произведеніи , это достоинство есть одно изъ самыхъ важныхъ.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію характеровъ дѣйствующихъ лицъ въ трагедіи : Фингаль. О характерѣ Старна , на которомъ , какъ имѣли мы случай замѣтить , основана вся за-

вязка трагедіи, мы уже говорили. Теперь оспается сказать вообще, что этого характеръ представленъ и развитъ Озеровымъ слишкомъ неоптчетливо. — Фингалъ — есть олицетворенный идеаль героизма, столь обыкновенный въ трагедіяхъ старинной Французской школы. Къ счастью, пламенная любовь, которую питаетъ онъ къ Моинѣ, ни сколько не унижаетъ этого героизма и не дѣлаетъ самого героя пустымъ искапелемъ приключеній. — Характеръ Моины, хотя самъ по себѣ гораздо ниже достоинствомъ, нежели характеръ Анпигоны, обрисованъ однакожъ несравненно удачнѣе сего послѣдняго. Не смотря на то, что Моина, по обычаю всѣхъ героинь старинныхъ трагедій, любитъ распространяться о своемъ характерѣ, своихъ чувствахъ, намѣреніяхъ въ монологахъ довольно длинныхъ и иногда припомъ во время самыхъ критическихъ минутъ, въ которыхъ, если позволено такъ выразиться, чувство забываетъ само себя; не смотря на это, характеръ Царевны Локлинской выдержанъ отъ начала до конца цѣлою трагедіи въ чертахъ, всегда болѣе или менѣе рѣзкихъ. Повторяемъ, ея длинные монологи не препятствуютъ ей поддерживать однажды принятый тонъ твердости и рѣшимости. Замѣнимъ еще, что авторъ умѣлъ при-

дасть этому характеру нѣкоторый оппѣнокъ героизма, сообщающаго ему особенную прелесть. Это главные дѣйствующія лица трагедіи: между ними круговращается все ея дѣйствіе. Уллинь и Колла наперсники, Морна — наперсница. Ничего болѣе объ нихъ говорить не должно, потому что въ трагедіяхъ старинной Французской школы наперсники и наперсницы по большей части лишены ясныхъ, опредѣленныхъ характеровъ и дѣйствуютъ совершенно согласно съ тѣми лицами, коимъ принадлежатъ они, по должностн, — дѣйствуютъ, уподобляясь, всего вѣрнѣе, ихъ тѣнямъ. Поэтому-то само слово: наперсникъ, есть слово довольно характеристическое.

Что касается до слога этой трагедіи, то замѣтимъ, что въ этомъ отношеніи она нисколько не ниже прочихъ трагедій Озерова, исключая, можетъ быть, Поликсену. Особенно хороши въ ней хоры, опличающіеся пипомъ величественности, спройности.

Въ 1807 году представлена была претрѣя трагедія Озерова: *Дмитрій Донской*. Предметъ ея, слишкомъ близкій сердцу каждаго Русскаго, конечно ставилъ автора въ выгодное положеніе въ отношеніи къ чипапелямъ; но должно признаться, Озеровъ худо воспользовался

эпимъ преимуществомъ. Справедливо сказалъ кто-то : уничтожьте въ трагедіи: *Димитрій Донской*, имена дѣйствующихъ лицъ—и въ ней не останется ничего Русскаго. По нашему однакожъ мнѣнію, въ этомъ случаѣ опять во многомъ виновна школа, которая не только не требовала отъ драматическихъ сочиненій самостоятельности и народности; но нѣкоторымъ образомъ искореняла эти достоинства своими произвольными требованіями. Будь высокій палацкъ Озерова образованъ иначе, въ другихъ правилахъ, съ другимъ взглядомъ на міръ, на искусство, — трагедія: *Димитрій Донской*, сіяла бы, можетъ быть, немерцаемымъ свѣтомъ изящнаго на горизонтѣ нашей литературы. Теперь же. . . . Озеровъ возвелъ въ ней до высшей степени всѣ несообразности стариннаго Французскаго театра.

Но обозримъ эту трагедію поочно такъ же, какъ это сдѣлали мы въ двухъ предшествовавшихъ случаяхъ.

Дѣйствіе первое. Совѣтъ Русскихъ Князей о томъ, начинать ли войну съ Татарами, или уступить ихъ требованіямъ и униженно платить дань. Князь Бѣлозерскій перебуетъ по-

слѣднѣяго, а Московскій, Тверскій—перваго. Съ сими послѣдними согласны всѣ прочіе. Великій Князь Дмитрій рѣшаетъ объявленіе войны, повелѣваетъ ввести Татарскаго посла, и выслушавши Мамаевы предложенія и угрозы, отвѣчаетъ ему ;

Мы Хану дань песемъ не златомъ, не серебромъ,
Нѣтъ , дани для него мы собрали шны,
Мечи будапные и стрѣлы каменья!

Мамаевъ посоль съѣзжаетъ подумавъ; напоминаетъ побѣды Батые; но, видя несолебимосць Великаго Князя, уходитъ, грозя местию Хана. Послѣ этого всѣ Князья , даже самъ Бѣлозерскій , эпотъ опытный, оспорожный старецъ, единодушно пребуютъ не ждаты перехода Татаръ чрезъ Непрядву и вступишь въ битву съ Татпарами. Прекрасны слова Дмитрія, коими заключаешся собраніе :

Мой долгъ въ день мира —судъ и мужество—
въ день брани !

Могу ли ратнику сказать: иди впередъ!

Коль духу мой примѣръ ему не придаетъ ?

И если Богъ судилъ, въ Своемъ благомъ совышъ,
Для счастья Россіянъ мнѣ дни продлить во
цвѣтѣ ,

Чего спрашиваешся ? Средь вражескихъ полове
Приостанить мѣня, какъ щипъ, Его покровъ.

Идите же, друзья, и войскамъ объявите,
Что къ утру бой рѣшенъ. Ихъ *ярость* воз-
будите,
Пролейте мести жаръ въ *рети*сы ихъ сердца.
Кто надъ могилою нль дѣда, нль отца
Не плакалъ о бѣдахъ Россійскаго народа?
Днесъ—мщенье предстоитъ, наградою—свобода,
Надеждой вѣрною—Богъ крепости и силъ,
Чей духъ Израиля въ пустынь предводилъ,
И былъ Кто некогда поборникъ Маккавею!

Князья уходящъ. На сценѣ остаются
Брянскій и Димитрій. Сей послѣдній открываешь теперь ясныя свои чувствованія: онъ не столько гордится своимъ подвигомъ, въ коемъ удалось ему соединить всѣхъ Князей Русскихъ противъ враговъ опечесства и смѣло идти на брань, сколько признаешь счастливымъ того, кто въ неизвѣстной долѣ свободно можетъ располагать своими чувствами; далѣе онъ объявляетъ Брянскому, что Ксенія, Нижегородская Княжна, произвела въ немъ эпопѣю *доблестный* жаръ, въ которомъ онъ спремится освободить опечесство и прославить свой народъ. Брянскій напоминаетъ Димитрію, что Ксенія уже обѣщана Князю Тверскому и что по волѣ родительской она вскорѣ прибудетъ въ станъ. Великій Князь не вѣринъ сему послѣднему; говоритъ, что Ксенія пылаетъ къ нему взаим-

ною страстію. Въ эту минуту является воинъ и возвѣщаетъ, что Ксенія, младшая дочь Князя Нижегородскаго, прибыла въ станъ и что шелковые шапры ея раскинуты уже среди Низовыхъ полковъ. Димитрій впадаетъ въ задумчивость, не слушаетъ Брянскаго, который увѣщаетъ его забыть Ксенію и стремиться въ подвигамъ ратнымъ. Онъ пылаетъ мщеніемъ и шутъ же идетъ во станъ Ксеніи:

Чтобъ укорять ее любовью лицемѣрной,
 Чтобъ при соперникѣ въ измѣнѣ обличить
 И ревностью—ея веселье помрачить.

Дѣйствіе второе, происходящее предъ шапрами Нижегородской Княжны. Ксенія, въ длинныхъ монодогахъ изливаетъ предъ Избранною свои чувствованія; говоритъ, что только по волѣ родителей пришла въ станъ Русскихъ Князей, но что никогда рука ея не соединится съ рукою Тверскаго Князя; что сердце ея принадлежитъ Димитрію. Является Великій Князь, сопровождаемый Брянскимъ, и укоряетъ Ксенію въ невѣрной любви. Княжна отвѣчаетъ, что прибыла въ станъ только по волѣ родителей и хочетъ объяснить ему свои чувства; но Димитрій, не дослушавъ ее, прерываетъ ее рѣчь, клянется не допустить ее соединиться бракомъ съ Тверскимъ, объ-

щаетъ мспитъ ея опцу и воздвигнутъ про-
тивъ него свои войска. Ксенія укоряетъ его
въ томъ, что онъ изъ личныхъ выгодъ гошовъ
подвергнутъ опечесство бѣдствіямъ междоусо-
бій. Но говоритъ она ему,

Тверской сюда идетъ; умѣря гнѣвъ, внимай.

Тверской входитъ и шупъ же начинаетъ
спраспное объясненіе, которое прерываетъ сама
Ксенія объясненіемъ обспоятельствъ, по ко-
имъ прибыла въ спанъ, Тверскій — въ
восторгъ. Димитрій — едва скрываетъ свое не-
годованіе. Но и восторгъ и негодованіе пере-
ходятъ въ совершенное недоумѣніе, когда
Княжна торжеспвенно объявляетъ свое рѣше-
ніе — отдатъ сердце и помышленія свои Богу,
избратъ жилищемъ келлію монастырскую, а
одеждою — врспище. Сказавъ это, она уходитъ.
На сценѣ остаются Великій Князь Димитрій,
Брянскій и Тверскій. Послѣдній изъ нихъ го-
воритъ, что не уступитъ даннаго ему оп-
цемъ Ксеніи права, касательно руки ея, и
что силою поведетъ ее въ храмъ. Димитрій
объявляетъ, что не допуститъ до этого. На-
чинаются угрозы, раздоръ. Тверскій Князь
говоритъ рѣшительно, что если Димитрій не
склонитъ Ксенію на бракъ съ нимъ, то онъ
предъ самымъ сраженіемъ опспунитъ съ сво-

имъ войскомъ. Великій Князь готовъ на это, и они расстаются врагами.

Дѣйствіе претіе. Князья собраны въ ставкѣ Великаго Князя, но Димитрія — нѣтъ. Тверскій Князь рассказываетъ о случившемся съ нимъ и всѣ, даже оспорожный и предусмотрительный Бѣлозерскій, принимаютъ его сторону и негодуютъ на Великаго Князя. Вскоръ является самъ онъ, сопровождаемый Брянскимъ, и возвѣщаетъ о предстоящей битвѣ съ Тапарами; но Смоленскій объявляетъ, что Князья Русскіе покорны ему только въ такомъ случаѣ, когда онъ примирится съ Тверскимъ Княземъ и будетъ содѣйствовать его браку съ Княжною Нижегородскою. Димитрій отвергаетъ это. Тверскій, пылая мщеніемъ, общается мечемъ Тапаръ изгладить свою обиду, и оставляетъ сцену. Смоленскій, съ своей стороны, также опклоняется отъ Великаго Князя, рѣшается покорить главу свою Мамаю и судьбинѣ, и уходитъ. За нимъ слѣдуютъ всѣ другіе Князья. Остаются на сценѣ: Великій Князь и Князья Брянскій и Бѣлозерскій. Сей послѣдній увѣщаетъ Димитрія прервать раздоръ, и, общая уговорить къ тому прочихъ Князей, также уходитъ. Великій Князь остается непреклоненъ и рѣшается только съ своими Москов-

скими и брашнинными Серпуховскими полками вступить въ битву. — Брянскаго, который одинъ остаеися вѣренъ ему, онъ посылаетъ извѣстить обо всемъ Ксенію.

Дѣйствіе четвертое. Сборное мѣсто возлѣ Велико-Княжескаго шатра. Разсвѣтъ. Дѣло приближается къ битвѣ. Димитрій узнаетъ отъ одного воина, что взяли въ плѣнъ какого-то знашнаго Ордынца, что сонмъ Боярь допросилъ уже этого плѣнника и ждетъ Великаго Князя въ его шатрѣ. Димитрій приказываетъ звать Боярь и сѣдуетъ о томъ, что близь чась сраженія, а Брянскій все еще не приноситъ ему отвѣта отъ Ксеніи. Являются Бояре. Одинъ изъ нихъ рассказываетъ, что Татарскій богатырь Челубей общаетъ Хану повергнувъ предъ ногами его главу Димитрія. Но Великій Князь презираетъ угрозами, предвѣщаетъ побѣду и приказываетъ Боярамъ устраивать войско въ ряды. Они уходятъ. Димитрій одинъ. Первая мысль его опять о Ксеніи; но — „благополучный часъ: зрю Ксенію!“ восклицаетъ онъ, и Ксенія является на сцену вмѣстѣ съ Брянскимъ и Избраною. Завязывается разговоръ продолжительный, скучный. Между тѣмъ входятъ Тверскій, Бѣлозерскій, Смоленскій и другіе Князья. Ксенія объявляетъ Тверскому, что любитъ Димитрія

и хочешъ, чшобъ за это онъ казнилъ ее. Тверскій сокрушается духомъ, проситъ и наконецъ требуетъ у нея согласія на бракъ. Ксенія упорствуетъ. Тогда раздраженный Князь клянется возбудить на нее проклятія отца. Княжна, испугавшись этихъ угрозъ, останавливаетъ его и предлагаетъ ему свою руку, но не въ знакъ любви, а страха. Тверскій Князь поржесивуетъ, хочетъ вести Ксенію во храмъ, Димитрій въ ярости бросается на него съ обнаженнымъ мечемъ; но Ксенія грудью своею защищаетъ его. Тогда Тверскій говоритъ Великому Князю:

Димитрій! пощадимъ взаимно другъ мы друга.

.

Пойдемъ и въ подвигахъ явимъ на равномъ полѣ,
Кто будетъ Ксеніи изъ насъ достоинъ болѣ.

И съ сими словами уводитъ Ксенію. За нимъ слѣдуетъ Избрана и всѣ Князья. Димитрій оспается одинъ съ Брянскимъ. Онъ въ ужасномъ волненіи духа; но раздается звукъ воинской трубы—это знакъ къ битвѣ.

Дѣйствіе пятое. Долина, покрытая лѣсомъ. Ксенія съ Избраною на сценѣ. Первая изъ нихъ въ ужасномъ безпокойствѣ. По дикимъ воцелямъ Ташаръ, по разстройству нашихъ войскъ, она думаетъ, что Великій Князь убитъ; но является Московскій Бояринъ и успокаиваетъ

вѣстію о побѣдѣ. Онъ рассказываетъ весь ходъ сраженія, но не знаетъ ничего о судьбѣ Великаго Князя. Это смущаетъ Ксенію и она спѣшитъ приказатъ Московскимъ воинамъ отыскивать Димитрія между ранеными и убитыми. Въ эту самую минушу на сценѣ показывается Димитрій въ видѣ простаго воина. Онъ раненъ, но весель духомъ какъ побѣдитель. Первая мысль его о Ксеніи. Между тѣмъ пуда же на сцену входятъ Князья Тверскій, Бѣлозерскій Ксенія, Избрана и др. Ихъ беспокоитъ участь Великаго Князя, котораго не узнаютъ они въ простомъ воинѣ, сидящемъ подлѣ нихъ. Безпокойство увеличивается еще болѣе, когда, вмѣстѣ съ доспѣхами непріятельскими, вносятъ Великокняженій шлемъ; бармы и цѣпь найдены на Брянскомъ, который такъ же, какъ и Смоленскій Князь, палъ убитымъ на полѣ сраженія. Между тѣмъ Димитрій вспаетъ; онъ ищетъ между Князьями Брянскаго, но не желая, чтобы его узнали, опускаетъ забрало. Не смотря на это, Бѣлозерскій узнаетъ его. Великій Князь открываетъ забрало; радость переходитъ въ печаль: всѣ видятъ, что онъ покрытъ ранами. Какъ бы то ни было, самъ Тверскій до того пронутъ подвигомъ Димитрія, что уступаетъ ему Ксенію, а вошедшій воинъ объявляетъ, что всеобщіи гласъ

войска наименоваль его Донскимъ. Трагедія оканчивается благодарственною молитвою, которую Великій Князь приноситъ Царю Царей.

Вотъ содержаніе и ходъ трагедіи Димитріи Донской. Нельзя не сожалѣть, что предметъ, столь поэтическій и притомъ столь близкій сердцу cadaго Русскаго, обработанъ Озеровымъ весьма неудачно. Первый и главнѣйшій недостатокъ этой трагедіи состоитъ въ ея завязкѣ, которая имѣетъ два узла вмѣсто одного; а именно: во первыхъ, соперничество между Димитріемъ и Княземъ Тверскимъ въ любви къ Нижегородской Княжнѣ; во вторыхъ, спасеніе отечества отъ ига Татаръ. Эти два событія, въ сущности слишкомъ отдаленныя между собою, соединяются въ трагедіи только ко вреду ея: они тѣснятъ другъ друга и взаимно препятствуютъ своему развитію, такъ что вниманіе читателя безпрестанно отвлекается двумя отдѣльными предметами. Второе изъ этихъ событій всего болѣе несогласно съ трагедіею, которая носитъ названіе: Димитрій Донской, и съ кою соединено одно изъ сладостнѣйшихъ воспоминаній; а потому первое, и. е. любовь Димитрія, является слишкомъ неумѣстнымъ. Умалчиваемъ о его неестественности. Между

пѣмъ Озеровъ , какъ бы на-перекоръ ожида-
ніямъ и папріопизму чипателей и зрителей ,
сосредоточилъ бѣльшую часть завязки на этой
плачевной любви Димитрія , такъ что спасе-
ніе опечесства отъ ига Тапаръ есть дѣло
побочное, коего развязка только содѣйствуетъ
развитію главной завязки. Отъ этого про-
исходитъ странное положеніе зрителя , ко-
порый ожидаетъ одного , что обѣцано ему
заглавіемъ трагедіи и довѣренностію къ автору,
и между пѣмъ находитъ совершенно дру-
гое , о чемъ онъ всего менѣе могъ думать.

Между пѣмъ здѣсь рѣзкая погрѣшность
въ основаніи должна была вести за собою
новыя несообразности въ развитіи. Въ са-
момъ дѣлѣ , ходъ дѣйствія въ трагедіи весь-
ма часто напоминаетъ о произволѣ автора.
Всѣ Князья вдругъ оставляютъ Димитрія и
попомъ , по какому-то странному случаю ,
опять соединяются съ нимъ. Димитрій ,
сначала рѣшающійся, во что бы то ни стало,
не допустить Тверскаго къ браку съ Ксенією;
попомъ , въ какомъ-то самозабвеніи , согла-
шается на это. Тверскій, съ своей стороны,
сначала готовый покориться Тапарамъ и
вмѣстѣ съ ними напасть на Димитрія, въ оп-
мщеніе за любовь, которую сеіи послѣдній ли-

таешъ къ Нижегородской Княжнѣ,—потомъ , по случаю побѣды , уступаетъ сопернику самую Княжну, свою невѣсту. Но изъ сдѣланнаго нами обозрѣнія этой трагедіи чисташель самъ могъ видѣть всю несообразность ея развитія.

Замѣтимъ, что единство времени соблюдено въ этой трагедіи во всей строгости, и отъ того въ ней весьма много случайностей, противорѣчащихъ обыкновенному порядку дѣлъ; что мѣсто дѣйствія хотя измѣняется въ ней, но это измѣненіе не выходитъ изъ круга прѣбываній Пипики. Перейдемъ къ разсмотрѣнію характеровъ.

Главное дѣйствующее лице, герой трагедіи, есть Димитрій , Великій Князь Московскій , проименованный Донскимъ. Нельзя безъ особеннаго , глубокаго чувства сожалѣнія не видѣть , какъ Озеровъ искажилъ въ своемъ произведеніи характеръ этого Великаго Князя, хотя неизвѣстный намъ въ положительныхъ подробностяхъ, но о великости своей дающій знать подвигомъ у Непрядвы. Во всякомъ случаѣ , приводя себя на память состояніе Россіи въ концѣ XIV ст. , вспоминалъ состояніе женскаго пола , бывшее въ то время въ Рос-

сін, вспоминая грубую образованность и суровые нравы того времени, мы всего меньше можем вообразить себя Димитрія пламеннымъ любовникомъ, который, для удовлетворенія любви, готовъ жертвовать и собственною жизнью, и успѣхомъ начатаго дѣла, и судьбою всей Россіи. Но кромѣ того, что эта любовь противорѣчитъ историческому ходу трагедіи, она не согласна даже съ законами вѣроятности. Чтобы только убѣдиться въ этомъ, стоить только представить себя положеніе, въ коемъ Димитрій и съ нимъ всѣ Князья Русскіе шли противъ побѣдителей при Калкѣ, Сипи, или угрожаемые съ одной стороны Литвою, а съ другой измѣнникомъ, Олегомъ Рязанскимъ. Въ это время, въ минуту самой бѣды — могло ли быть въ душѣ Великаго Князя Русскаго какое-либо другое чувство, кромѣ священнаго — спасши опеческиво отъ полупораславѣковаго ига. Справедливо замѣтили еще прежде, что Димитрій является въ трагедіи не героемъ Донскимъ, но простымъ искастелемъ приключеній. Озеровъ унижилъ Димитрія; а униживъ его, унижилъ и свое сочиненіе.

Надобно однакожъ замѣнить, что хотя Димитрій и является героемъ трагедіи, но завязка ея и само дѣйствіе сосредоточены бо-

лѣе въ лицѣ Ксеніи. Отъ нея зависить судьба Тверскаго и Великаго Князей, судьба всего отечества; за нее Князья гошовой возжечь пламя междоусобной войны, а нѣкоторые даже перейши на сторону Тапаръ; она примиряетъ Князей въ рѣшительную минушу бившы; ея рука служишь Димитрію наградою за побѣду. Характеръ Ксеніи, при всей своей нееспешственности, выдержанъ всюду съ одинаковою ровностію. Впрочемъ Княжна Нижегородская является какою-то героинею, со множествомъ пламенныхъ чувствъ въ сердцѣ, но безъ прямыхъ, положительныхъ цѣлей. Всего страннѣе ея появленіе въ соединенномъ станѣ Русскихъ Князей. Избрана есть наперсница Ксеніи, почто шакъ же, какъ въ отношеніи къ Димитрію эту должностъ исправляетъ Брянскій, его другъ и союзный Князь. Послѣ Великаго Князя Димитрія и Ксеніи, если не столь же важное, какъ они, по претѣ, главнѣйшее лице въ трагедіи есть Князь Тверскій. Трудно рѣшить, какимъ характеромъ одарилъ его Озеровъ; всего скорѣе это—безхарактерностъ. Въ первомъ дѣйствіи Князь Тверскій горитъ неперпѣніемъ сразиться съ Тапарами и опмститъ за дѣда, прадѣда, погибшихъ въ ужасныхъ мученіяхъ, въ Ордѣ; во второмъ — онъ общаетъ оспа-

вить Великаго Князя въ общемъ дѣлѣ спасенія опечесства отъ ига ; въ прешьемъ — онъ склоняеть къ этому прочихъ Князей и даже гоповъ соединиться съ Татарами, и все это по случаю приѣзда Ксеніи. Въ четвертомъ дѣйствіи онъ уже говоритъ Димитрію:

Пойдемъ и въ подвигахъ явимъ на ратномъ полѣ,
Кто будетъ Ксеніи изъ насъ достойнъ боль.

Наконецъ въ пятомъ дѣйствіи онъ добровольно уступаетъ Ксенію Великому Князю. Всѣ оспальныя лица суть впороспеленныя : Князь Смоленскій не наперсникъ Тверскаго, но во всѣхъ случаяхъ держитъ его спорону. Кромѣ того, это какъ бы предспавитель всѣхъ прочихъ Князей, которые въ продолженіе всей трагедіи молчатъ, и во всѣхъ дѣйствіяхъ и словахъ своихъ согласуются съ нимъ. Князь Бѣлозерскій, благоразумный, предусмотрительный, пришедшій на берега Непрядвы сразиться съ Татарами и все еще совѣтующій плашить имъ дань, есть лицо совершенно излишнее въ трагедіи: верхъ дѣйствій его въ сей послѣдней есть въ шу минуту, когда онъ останавливаетъ Великаго Князя, бросившагося съ обнаженнымъ мечемъ и въ ожесточеніи на Князя Тверскаго. Вотъ всѣ лица, дѣйствующія въ трагедіи „Димитрій Донской“. Трудно рѣшить, которое изъ нихъ изображено Озе-

ровымъ удачнѣе другихъ ; думаемъ однакожь , что это Ксенія.

Остается сказать о слововыраженіи. Въ эпомъ отношеніи трагедія: Димитрій Донской, не уступаетъ другимъ трагедіямъ Озерова. Въ ней столь же много прекрасныхъ монологовъ , исполненныхъ чувства и обличающихъ воображеніе ясное , иногда смѣлое , но всегда поэтическое.

Обозримъ теперь пятую и послѣднюю трагедію нашего Поэта: *Поликсену*. Она кончилась еще въ пиши деревни, въ 1809 г., когда она и была преспавлена на сценѣ. — Предметъ Поликсены, точно такъ же, какъ и Эдины въ Аоннахъ , до Озерова былъ обрабатываемъ многими писателями , изъ древнихъ Эврипидомъ и Сенекою. Озеровъ , сочиняя свою трагедію , пользовался каждымъ изъ нихъ въ свою очередь ; но мы уже имѣли случай сказать , что подобныя заимствованія въ старинной школѣ критиковъ и писателей были гораздо извинительнѣе , нежели нынѣ. Вотъ , что говорилъ по этому случаю критикъ Поликсены , покойный А. О. Мерзляковъ : „Озеровъ занималъ изъ своихъ предшественниковъ , но , кажется , болѣе изъ

Сенеки, нежели изъ Эврипида. Здѣсь все есть: и раскрытіе кургана и мечшательная спрасъ Поликсены, и пророчество Касандры, и хитрость Улисса, и безмолвіе жреца, и споръ Царей, и проч. Онъ измѣнялъ содержаніе, сокращалъ его, приводилъ къ большей простотѣ, далъ ходъ болѣе натуральный.“ Впрочемъ, создавай какъ хочешь, дѣло въ томъ, каково созданіе! Чпобъ судить объ эпосѣ, сдѣлаемъ почно такое же обозрѣніе прагедіи: Поликсена, какое сдѣлали мы въ предъидущихъ случаяхъ. Это возобновляетъ въ памяти чипапеля весь ходъ прагедіи и ставишь его въ возмозноспъ судить непосредственно самому.

Дѣйствіе первое. Греческій спанъ. Пирръ, сынъ Ахиллеса, одинъ близъ могильнаго холма своего опца. Онъ пылаетъ мщеніемъ за то, чпо прахъ сына Пелеева все еще не почпленъ жертвоприношеніемъ, и общаетъ исполнить это. Являются: Агамемнонь, Неспоръ и другіе вожди Греческіе. Пирръ объявляетъ имъ, чпо тѣнь Ахиллеса явилась надъ эпимъ могильнымъ холмомъ и претовала въ жертву погибшему герою благородной Троянки, и чпо, въ удовлетвореніе этого претованія, Улиссъ уже совѣщается съ Калхасомъ — чья кровь должна пролихся. Агамемнонь сопротивляется

этому : онъ находить , что уже и безъ того довольно пролило крови Троянской. Пирръ , раздраженный эпимъ , укоряетъ Агамемнона въ личной ненависти къ Ахиллу и въ порывѣ гнѣва общается — опияетъ у него самую Кассандру. Между тѣмъ Неспоръ старается примирить двухъ раздраженныхъ героевъ. Но приходитъ Улиссъ и не приноситъ ничего рѣшительнаго: боги безмолвствовали при вопросахъ Калхаса. Тогда Пирръ признаетъ самого себя исполковашелемъ воли боговъ и объявляетъ , что тѣнь пребовала себя въ жертву Поликсену , дочь Гектора и возлюбленную Ахиллеса. Агамемнонъ останавливаетъ его и говоритъ , что боги , въ гнѣвъ за пролитую кровь Троянцевъ , наказываютъ Грековъ безвъпріемъ , и что новыя жертвы будутъ только еще болѣе раздражать жителей неба. Пирръ не хочетъ ничего знать : онъ жаждетъ мщеніемъ , кровію Поликсены. Улиссъ хитро поддерживаетъ его требованія , предвѣщая народный мятежъ въ случаѣ неисполненія сихъ требованій. Неспоръ колеблется между двумя сторонами. Наконецъ Агамемнонъ , видя , что не можетъ убѣдить судей несправедливыхъ , уходитъ. Пирръ порицаетъ весь родъ Апридовъ и продолжаетъ настаивать въ своемъ требованіи. Неспоръ

сожалѣеть объ участи Гекубы, мапери Поликсены; но Улиссъ, чтобъ облегчить ея участь, соглашается даровать ей свободу, за извѣстный выкупъ. Пирръ общаетъ ему золотой преножникъ, хипрошвенныя шкани и—Улиссъ спѣшитъ привести Поликсену.

Дѣйствіе второе. Сланъ Улиссовъ. Плѣненные жены и дѣвы Троянскія, въ общемъ хорѣ, сѣтуютъ о своей участи. Гекуба выходитъ съ Поликсеною и приказываетъ прерывать пѣніе, которое только возобновляетъ раны ея сердца. Троянки, бывшія въ хорѣ, уходятъ. Мать оспаетъ на-единѣ съ дочерью. Поликсена открываетъ мапери, что все еще любитъ обрученнаго съ нею Ахиллеса, хопя гопова вѣчно раздѣлять несчастія мапери. Входитъ Кассандра, дочь Гекубы и плѣнница Агамемнона. Она рассказываетъ о явившейся пѣни Ахиллеса, о безпокойствѣ Агамемнона; но она не знаетъ ничего болѣе. Мать и объ дочери ея въ смущеніи. Является Улиссъ и объявляетъ Гекубѣ свободу, а Поликсенѣ велитъ готовиться къ смерти. Злополучная мать умоляетъ Кассандру испросить зацѣпу у Агамемнона. Напрошивъ Поликсена, въ какой-то безнадежной мечтательности, готова принять смерть. „О мать“, говоритъ она :

ри и умоляетъ ее , вспомнивъ свой родъ и санъ , съ твердостію перенесли новое несчастье. Готовая воспріяты смерть , она говоритъ ей :

Благослови меня послѣднимъ цѣлованьемъ !
Но духа моего ты не смущай рыданьемъ ,
И слезъ не лей : я ихъ не въ силахъ отереть.
Повѣрь, не стоишь жизнь , чтобы о ней жалеть.
И Гекторъ, и Пріамъ, и смертный сердцу мнѣ ,
Всѣ ждущъ меня, всѣ памъ за темною могилой ;
Тамъ мы увидимся. О матерь ! опусти ,
Прости въ послѣдній разъ ! и ты, сестра, прости !

Мать удерживаетъ еще Поликсену ; но воины Улисса испоргаютъ изъ рукъ ея несчастную жертву. Въ эту минушу входитъ Агемемнонъ. Онъ оспанаавливаетъ воиновъ , возвращаетъ Гекубѣ ея дочь и общаетъ несчастнымъ Троянкамъ не только приняты ихъ подъ свой кровъ, но и опразитъ силу силою.

Четвертое дѣйствіе. Спавъ Агамемнона. Кассандра и Поликсена выходятъ изъ шатра. Первая изъ нихъ, сострадая о Троянцахъ, которые должны будутъ погибнуть въ случаѣ бунта , и , влекомая любовію къ герою , уже умершему , рѣшается добровольно быть принесенною ему въ жертву. Кассандра увѣщаетъ ее, напоминаетъ о несчастной матери, но—напрасно. Въ эту минушу являються Ага-

мемнонь, Пирръ и Неспоръ. Между ними завязывается длинный и довольно скучный споръ о правахъ каждого изъ нихъ. Споръ эпосъ не оканчивается ничѣмъ рѣшительнымъ. Но Пирръ оспается непреклоннымъ въ своемъ намѣреніи и уходитъ вмѣстѣ съ Неспоромъ. Агамемнонь и Гекуба—на сценѣ. Вождь Греческій успокоиваетъ злополучную мать. Вдругъ нѣсколько военачальниковъ его являющіяся съ донесеніемъ, что Улиссъ произвелъ измѣну въ Аргосскихъ полкахъ, что большая часть воиновъ уже отдѣлилась отъ него. Но Агамемнонь не измѣняетъ своей твердости; онъ общается даже разрыть холмъ Ахиллеса. Разгнѣванный, онъ уходитъ, оставляя опчаяніе въ кругу женъ Троянскихъ, и общее смятеніе.

Дѣйствіе пятое. Приготовленіе къ жертвоприношенію. Ожидаютъ Пирра. Онъ является, но не приводитъ съ собою жертвы. Сынъ Ахиллеса жалуется воинамъ и народу на Агамемнона и клянется обложить могильный холмъ родителя коспрами изъ грудь закланныхъ плѣнницъ Троянскихъ. Въ это время входитъ Агамемнонь съ воинами. Пирръ готовъ сразиться съ нимъ, особенно въ ту минуту, когда непреклонный сынъ Априя увѣщеваетъ воиновъ срыть холмъ Ахиллеса. Но

въ эту минуту сама Поликсена вбѣгаетъ на сцену. Всѣ поражены эпимъ и безмолвствуютъ; Пирръ образумливается прежде всѣхъ :

Дождался наконецъ твоей я казни дня

говоришь онъ прелестной, но опчаянной дѣвѣ, и очень хладнокровно хочешь вести ее на холмъ для закланія. Она останавливаетъ его и проситъ милости: самой принести себя въ жертву. Пирръ пропивился и возобновляетъ свое покушеніе; но Поликсена предупреждаетъ его, схватываетъ жертвенный ножъ и спѣшитъ на холмъ. Прекрасны слова ея, когда она приближается къ сему послѣднему:

Но отъ чего робью? . . .

Проспертую жену я вижу предо мной!

Ты-ль, мать, хочешь путь мнѣ заградить собой?

Почто же ты въ слезахъ? Почто лице печально?

Утѣшься! дочь твою веселье ждетъ вѣнчально,

Куда тебя на пиръ я скоро призову.

О призри кто нибудь дѣпей ея главу,

Коль въ міръ естъ еще чувствительный къ несчастнымъ.

Она всходитъ на холмъ и закалается. Вдали раздается громъ. Агамемнонъ недоумѣваетъ. Пирръ дивится подобной твердости въ женщинѣ. Жрецы собираются очистишь жертву огнемъ, на костръ. Вбѣгаетъ Гекуба съ Кассандрою, но несчастную мать не допуска-

юсть къ дочери. Между тѣмъ Улиссъ объявляесть попуный вѣтръ для отплытія въ Грецію. Кассандра предсказываетъ Грекамъ гибель и месть за паденіе Трон. Пирръ пренебрегаетъ словами ея и утѣшается, что прахъ Ахилловъ опомщенъ. Эпимъ оканчивается трагедія.

Сдѣлавъ такимъ образомъ общее обозрѣніе трагедіи Озерова: Поликсена, разсмотримъ теперь въ ней преимущественно сторону изобрѣшенія. Надобно признаться, что предметъ Поликсены, самъ по себѣ далекій отъ понятій и нравовъ читателя, спановится въ поэтическомъ произведеніи еще незанимательнѣе, если его лишаютъ всякой народности и мѣстности. Авторъ долженъ перенести воображеніе читателя на берега Скамандра, въ эту Грецію, съ сонмами ея божествъ и героевъ, въ среду эпѣхъ игръ, празднествъ, таинственныхъ оракуловъ, словомъ: сдѣлать то же, что въ отношеніи къ Риму сдѣлалъ Шекспиръ въ своемъ Коріоланѣ и другихъ трагедіяхъ. У Озерова мы не находимъ и слѣдовъ чего-либо подобнаго. Его Поликсена есть безцвѣтное, слабое изложеніе въ драматической формѣ происшествія, принадлежащаго народнымъ преданіямъ древней Греціи. Предметъ эпоса конечно не могъ быть близокъ самому автору, —

не могъ прогнать его въ глубинѣ чувства; по-
тому что авторъ Эдипа и Поликлены былъ
образованъ иначе, нежели нужно для этого.
Припомъ же въ его время у насъ смотрѣли
на Грецію совершенно съ иной точки, нежели
въ послѣдніе годы, когда мы пѣснѣ сблужи-
лись съ образованною Европою. Какъ бы то
ни было, непосредственное слѣдствіе этой не-
удачи въ выборѣ предмета есть слабость и,
если можно сказать, холодность впечатлѣнія,
производимого всею трагедіею на душу чита-
теля. Въ судьбѣ Поликлены, не смотря на всю
ея прогнательность, не смотря даже на то,
что Озеровъ умѣлъ придать характеру этой
дѣвы какую-то мечтательность, въ высокой
степени поэтическую, — зритель принимаетъ
мало участія: съ одной стороны потому, что
видитъ въ жертвоприношеніи Поликлены волю
боговъ, на которую сама она не ропщетъ; съ
другой потому, что бѣдственная участь ея
обрисована очень слабо. Его гораздо болѣе
прогнать Гекуба, хотя и въ ея характерѣ
обрисовка очень слаба. Еще должно замѣтить,
что развязка этой трагедіи, хотя совершаю-
щаяся по волѣ боговъ, но удовлетворяющая
кровавой и слѣпой мести Пирра, противоре-
чить нравственному ходу событій въ жизни
человѣка.

Мы видимъ, что въ художественномъ отношеніи Поликсена имѣетъ существенный недостатокъ. Перейдемъ теперь къ расположенію самой трагедіи, зависящему отъ единства дѣйствія. Въ эпосѣ отношеніи нельзя не отдать полной справедливости эпосной трагедіи. Кромѣ нѣкоторыхъ сценъ, монологовъ и тому подоб., что само по себѣ не значительно, въ ней все клонится къ одной предположенной цѣли, все постепенно приближаетъ къ ней. Жаль только, что при всей правильности, при всей искусственности расположенія, оно нѣсколько распянуто: это происходитъ отъ недостатка дѣйствія въ самой баснѣ, служащей основаніемъ трагедіи. Эта распянутость, выдѣлается, принадлежитъ въ особенности третьему и четвертому актамъ. Но не смотря на всю скудость, которую Озеровъ не могъ не находить въ предметѣ своей трагедіи, ему надобно было составить эту трагедію изъ пяти актовъ, а эти пять актовъ надобно было чѣмъ нибудь наполнить! И вотъ Агамемнонъ гнѣвается на Улисса за то, что сей послѣдній вошелъ къ нему въ ставку съ воинами; Улиссъ, съ своей стороны, порицаетъ Агамемнона за то, что онъ задерживаетъ у себя въ станѣ его плѣнницъ; наконецъ Агамемнонъ обѣщаетъ срыть холмъ Ахиллеса; а

развѣ всего этого не доспапочно для того, чтобы склеить цѣлый актъ?

Въ разсужденіи единства мѣста, замѣтимъ, что А. О. Мерзляковъ, разбирая Поликсену, сказалъ весьма справедливо: несоблюденіе этого единства много повредило этой трагедіи. Дѣйствительно! вмѣстѣ того, чтобы водить эпѣхъ злосчастныхъ Троянскихъ плѣнницъ изъ спавки въ спавку, гораздо лучше было бы, какъ говоритъ крипикъ, сосредоточить дѣйствіе всей трагедіи въ сборномъ мѣстѣ Греческаго спана. Это придадо бы болѣе естесшвенности ходу цѣлой трагедіи, и, при нѣкоторыхъ условіяхъ, можно было бы оживить самый эпопѣ ходъ. Но — обратимъ на это вниманіе — крипикъ извиняетъ автора тѣмъ, что безъ этой перемѣны мѣста, которая, какъ выше видѣли мы, была поводомъ къ распрѣ между Улиссомъ и Агамемнономъ, соединенной съ нѣкоторыми другими обстоятельствомъ, весьма неважными: „онъ не имѣлъ бы большей половины „прешьяго, всего четвертаго и часши пятаго „акта. Сею же самою причиною“ продолжаетъ онъ: „можно извинить введеніе двухъ почти „недѣйствующихъ лицъ — Кассандры и Нестора.“ И такъ эпопѣ четвертый актъ и эпѣ двѣ часши двухъ другихъ были существенно необходимы?

Что касается характеровъ въ разсма-
триваемой нами трагедіи, то, къ чести авшо-
ра, должно замѣтить, всѣ они выдержаны
съ равною точностію отъ начала до конца;
но главный недостатокъ трагедіи въ этомъ
отношеніи есть тотъ, что одни изъ нихъ
слишкомъ слабы, другіе слишкомъ увлекающ-
ся своими спрасями. Къ числу первыхъ
принадлежахъ характеры Неспора, Кас-
сандры, Гекубы и даже Агамемнона, ко-
впорому — Улисса и въ особенности Пир-
ра. Поликсена изображена съ большимъ искус-
ствомъ, но въ чертахъ нѣсколько слабыхъ.
Разсмотримъ однакожъ каждый изъ этихъ ха-
рактеровъ порознь. Пирръ является не только
человѣкомъ жестокаго сердца, но злодѣемъ лю-
тымъ до звѣрства: онъ пребуеъ заколотъ
Поликсену на гробѣ Ахиллеса и ничего болѣе
знать не хочеть. Въ немъ не видно благого-
вѣнія къ подвигамъ родителя, ни даже любви
къ нему: онъ жаждеть местию слѣпою, кро-
вожадною и пошому для зрителя является въ
видѣ довольно унижительною. Агамемнонъ
представленъ человѣкомъ сострадательнымъ
и вмѣстѣ героемъ мужественнымъ и благо-
роднымъ, хотя въ обрисовкѣ этого ха-
рактера не лзя не замѣтить безцвѣтности.
Жаль только, что развязка трагедіи дѣлаеть
совершенно бесполезными всѣ его благородныя,

мужественныя и сострадапельныя усилія , а эпимъ самимъ унижаетъ ихъ. — Гекуба, какъ злосчастная , угнетенная судьбою мать , изображена нашимъ авторомъ хотя вѣрно, но нѣсколько слабо. По крайней мѣрѣ лицо Гекубы хотя занимаетъ значительную роль въ трагедіи, но не споймъ въ ней, какъ говорится, на первомъ планѣ. — А. О. Мерзляковъ обвиняетъ характеръ Поликлены въ неестественности и говоритъ , что мечпательная спрасъ ея къ Ахиллесу спранна; но спрашивается: почему же ? Развѣ рѣдки примѣры самой пламенной любви между лицами , принадлежащими къ двумъ попомспвенно враждебнымъ между собою племенамъ или семейспвамъ? Мечпательность же, въ большей или меньшей степени, соединена съ каждою любовью ; но она совершенно понятна въ томъ случаѣ, когда одно изъ лицъ перешло эд. предѣлы земной жизни, а другое готово соединиться съ нимъ. Тѣмъ болѣе эта мечпательность понятна въ Поликсенѣ: влюбленная во врага своего опечеспа и вмѣспѣ окруженная кровавыми бѣдспвіями своего семейспва и соопечеспвенниковъ , она видитъ въ доблеспномъ Ахиллесѣ, своемъ бывшемъ женихѣ, нѣчто высшее, геройское, что заставляетъ ее забыть ненависть къ его народу. Онъ прешель уже, но она еще

любить его и ей мнилось, что въ глубинѣ сердець они все еще тѣсно соединены другъ съ другомъ, и нѣчто невольное, таинственное влечетъ ее въ обитель, гдѣ можетъ она созерцать своего возлюбленного очами плѣсными. Эту мечпательность наконецъ питаешь всего болѣе появленіе тѣни, и въ этой-то мечпательности, по нашему мнѣнію, состоитъ все достоинство характера Поликсены. „Между тѣмъ“ продолжаетъ крипикъ: „характеръ Царевны остается всегда „любезнымъ и приятнымъ, хотя, признаться, и „гораздо болѣе люблю Поликсену Эврипидову— „она истинная Гречанка.“ — Съ своей стороны, мы не находимъ въ Поликсенѣ Озерова ни любезности, ни приятности, а напропивъ меланхолію поэпическую и оставляющую даже чувство нѣкотораго благоговѣнія къ себѣ, и думаемъ, что ъи Грековъ, ни Гречанокъ въ трагедіи Озерова искать нельзя. Справедливо, что Улиссъ представленъ Озеровымъ въ характерѣ слишкомъ низкомъ; но хорошо еще, что онъ не совсѣмъ лишенъ характера, какъ это сдѣлано съ Кассандрою и Неспоромъ, лицами совершенно безцвѣтными и припомъ лишенными въ трагедіи.

Наконецъ въ отношеніи къ стихотворческому языку и слогу этой трагедіи должно

замѣшить, что въ ней Озеровъ сдѣлалъ большой шагъ. Поликсена написана, по большей части, прекрасными, часто гармоническими стихами.

Говоря о Поликсентѣ, мы должны замѣнить, что „эпа трагедія“ какъ говоритъ биографъ Озерова; „сдѣлалась для автора испочинкомъ многихъ неприятностей, и чувствительное сердце поэта сохранило до гроба живую память о нанесенномъ оскорбленіи.“ Въ самой трагедіи мы не находимъ ничего, чѣмъ могло служить явнымъ поводомъ къ такому оскорбленію. Жаль однакожь, что биографъ упомянулъ объ этомъ обстоятельстве такъ поверхностно, такъ не подробно: въ жизни писателей, подобныхъ Озерову, каждое событіе само по себѣ любопытно; но если это событіе связано съ самимъ произведеніемъ, если оно оставляетъ въ душѣ поэта впечатлѣніе, которое онъ хранитъ до гроба, то это событіе получаетъ высокую степень занимательности.

Кромѣ пяти трагедій, Озеровъ оставилъ еще нѣсколько плановъ для другихъ трагедій и нѣсколько одъ, басенъ и посланій. Лучшее изъ сихъ мелкихъ стихотвореній, по нашему мнѣнію, есть: Благодарность автора Эдипа В. II. Каписпу за присланные стихи. Замѣтимъ

вообще, что въ одахъ Озерова видно гораздо менѣе чувсвива, нежели ума; его басни не выходящъ изъ круга обыкновенныхъ сочиненій эпического рода, и два его посланія: одно — выше упомянутое нами, а другое — къ Графу Каменскому суть, кажется, лучшія изъ мелкихъ его стихотвореній.

Вопль всѣхъ сочиненій Озерова. Нѣкоторыя изъ его трагедій были превосходно и во всей подробности разобраны А. О. Мерзляковымъ. Можно однакожь замѣтить, что существенный недоспадокъ эпическихъ разборовъ состоитъ въ неправильной точкѣ зрѣнія. Дѣйствительно! надобно было требовать отъ Озерова, какъ отъ трагика, гораздо большаго, извиняя ему многое, какъ писателю, принадлежащему своей школѣ, и главное — болѣе обращать вниманіе на достоинства его трагедій, нежели на ихъ недоспадки. Авторъ *Эдипа въ Афинахъ* заслуживаетъ эпического.

Какъ бы то ни было, Озеровъ принадлежитъ къ числу первостепенныхъ трагиковъ старинной школы. Въ Россіи же онъ безспорно занимаетъ первое мѣсто въ ихъ кругу. Когда явился Озеровъ, Русская Драма находилась еще въ состояніи младенческаго: трагедіи Сумарокова, Княжнина и нѣкоторыхъ

другихъ составляли незначительное достояніе нашей сцены. Надобно было ожидать генія, который бы, преобразовавъ опечистившую трагедію во всѣхъ отношеніяхъ, сообщилъ ей новую жизнь. Въ Лирикѣ подобный переворотъ былъ уже совершенъ Ломоносовымъ и особенно Державинымъ. Но высокимъ, вдохновеннымъ сочиненіямъ ихъ ничуть не соотвѣствовали сочиненія Драмы. Въ области сей послѣдней долженствовали явиться геній, который сдѣлалъ бы въ ней то же, что пѣвецъ Фелицы съ области лирическихъ сочиненій; который бы сообщилъ языку нашихъ трагедій то благородство, ту чистоту, которыми оды, гимны уже обладали. Съ другой стороны, несовременность трагедіи казалась еще болѣе явною по тому, что смежный съ нею родъ поэзіи, комедія, сдѣлала большіе успѣхи и стала на степенъ самобытности въ сочиненіяхъ Фонъ-Визина. Когда появилась первая трагедія Озерова, публика еще недоумѣвала, не могла предвидѣть въ сочинителѣ будущаго создателя Русской Драмы. И въ самомъ дѣлѣ! Трагедія: Ярополкъ и Олегъ, хотя имѣетъ нѣкоторыя достоинства, но обильна недоспапками. Публика приняла холодно первую трагедію автора, можетъ быть, по тому даже, что хотѣла быть строгаю въ сужде-

ніяхъ своихъ и о новомъ авторѣ. Но — что можетъ остановить генія? Чѣмъ болѣе зависть и обстоятельства гнетутъ его, тѣмъ сильнѣе спановится онъ, тѣмъ полнѣе его побѣда и поржество. Озеровъ написалъ *Эдиша*, и этого уже было достаточно, чтобы имя его осталось навсегда въ лѣтописяхъ опечетливенной литературы, въ числѣ именъ славныхъ. Прочія его трагедіи еще болѣе упрочили эту славу. Но на Озерова въ литературномъ отношеніи должно смотрѣть непременно съ той точки зрѣнія, съ которой на него смотрѣли современники и именно, какъ на писателя, принадлежащаго школѣ весьма обыкновенной въ то время, но неосновательной въ своихъ началахъ: только въ этомъ случаѣ онъ предстанетъ намъ, какъ писатель первоклассный. Если же мы будемъ искать въ трагедіяхъ его тѣхъ условій, которыя критика поставляетъ себя въ правѣ требовать отъ художественныхъ произведеній, послѣ того, какъ въ мірѣ знанія открытъ, кажется, подлинный источникъ искусства; то трагедіи Озерова: *Эдинъ въ Афинахъ*, какъ и *Ярополкъ* и *Олегъ*, являясь намъ въ видѣ болѣе незначительномъ. Ихъ обвинять — должно признаваться, не безъ основанія — и въ недослѣдствѣ оппечатка народности, мѣстности, въ неспешивен-

ности, въ неправильности характеровъ и въ множествѣ другихъ погрѣшностей.

Во всякомъ случаѣ, теперь, заключая свою статью, мы можемъ сказать то же самое, что сказали въ ея началѣ. Имя Озерова льститъ самолюбію народа и драгоценнѣе для сего послѣдняго именъ другихъ трагиковъ, ничуть не исключая и тѣхъ, кои тщеславились именемъ романшиковъ, драгоценнѣе потому, что Озеровъ, какъ и ни одинъ еще изъ нашихъ писателей, хотя не создалъ самобытной Русской Трагедіи, писалъ въ то время, когда не всѣ еще въ Европѣ хотѣли признать насъ Европейцами, и когда нужны были факты, чтобъ опровергнуть это мнѣніе. Озеровъ исполнилъ свое дѣло, какъ нельзя лучше. Его трагедіи, при всѣхъ обвиненіяхъ, которыя позднѣйшая критика въ правѣ вводить на нихъ, были органомъ своего времени, удовлетворили потребности эпохи; а въ правѣ ли мы отъ какого бы то ни было писателя требовать заслуги еще большей? Жребій людей, подобныхъ Шекспиру, Гете, есть рѣдкій даръ Неба. Но, кромѣ достоинствъ современности, въ трагедіяхъ Озерова находятся достоинства постоянныя, непреходящія: эпо, въ особенности, голосъ чувства, глубоко пронизавшаго и поэтическаго

въ высокой степени. Мы не скажемъ наконецъ, чѣмъ Озеровъ оказалъ значительную услугу Русскому языку; но справедливо замѣтили еще прежде, что въ трагедіяхъ его должно искать лучшихъ Александрійскихъ стиховъ на нашемъ опечесшвенномъ языкѣ.

Канд. Конст. Зеленецкій.

IV. С М Ъ С Ь.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

6. О СВАДЬБАХЪ И СВАДЕБНЫХЪ ОБРЯДАХЪ И ОБЫЧАЯХЪ РУССКИХЪ КРЕСТЬЯНЪ.

(Сообщено Профессоромъ Страховымъ.)

Свадьбы состоятъ изъ нѣсколькихъ дѣйствій, которыя происходятъ въ разные дни. Главнѣйшія изъ дѣйствій: *помолвка, сговоръ или рукобитье, двинишникъ, поѣздъ или отпускъ подъ вѣнецъ, Княжъ обѣдъ и спознать.*

П о м о л в к а.

Когда холостому парню наступитъ пора жениться, тогда его родители стараются провѣдать, нѣтъ ли гдѣ хорошихъ дѣвицъ, изъ которыхъ можно было бы взять ихъ сыну невѣсту. Найдя такую деревню, обыкновенно посылаютъ пуда своего сына *на смотръ*, погостить у знакомыхъ или у родныхъ о какомъ-нибудь праздникѣ, *на примѣръ*: о свяжкахъ, о масляницѣ, о Святой недѣлѣ. Тутъ молодецъ на играхъ и въ бесѣдахъ старается выказать весь свой разумъ, все свое удалство; высматриваетъ красныхъ дѣвушекъ и примѣчаетъ ихъ, которыя ему *покажутся*; однако же вслѣдствіи старается,

чтобы никто не проникъ въ его намѣренія. Воротившись домой, рассказываетъ родителемъ своимъ о замѣченныхъ имъ дѣвицахъ; шутъ сообща рѣшаютъ дѣло, какъ и какую лучше имъ сватать. Достоинства дѣвицы, на которую всего больше обращается вниманіе при этомъ выборѣ, состоятъ въ томъ, чтобы она была изъ доброй семьи, рукодѣльна, работающая, здорова тѣломъ и сильна; наружная красота не слишкомъ уважается: крестьянину почти все равно, хороша или дурна лицомъ его жена, только не былабъ недужна или уродлива. „Эхъ, молодецъ, какую нехорошую взялъ ты себѣ жену!“ шутя сказалъ я мужику, который пришелъ ко мнѣ съ женою и съ *овоцами* на другой день своей свадьбы. — „А на шпо мнѣ красавица?“ ошвѣчалъ дѣтина: „нашему брату — мужику жена не *икона*, а работница!“ Бабуя краса лишь до покосу — примолвила веселая *молодая*.

Какъ скоро отецъ и мать жениха согласятся въ выборѣ; то первый ищетъ, гдѣ бы повидѣться наединѣ съ отцемъ избранной ими дѣвушки; проситъ, или лучше сказать торгуетъ ее въ невѣсты за сына, и какъ скоро оба въ цѣнѣ сойдутся, бьютъ другъ другу объ руку; жениховъ отецъ даетъ невѣстину опцу задапокъ. Обыкновенно за невѣсту платились деньгами, иногда хлѣбомъ, иногда и тѣмъ и другимъ вмѣстѣ, смотря по договору. У крестьянъ-земледѣльцевъ не въ обычаѣ выдавать дѣвицъ замужъ съ приданнымъ; напротивъ того за такую опдачу семейство ея беретъ *ряды* или *выводу* рублей 60, или 100 и до 200. Такимъ образомъ невѣстинъ и жениховъ опцы, *помолвивши*, или *положивши на словъ*, какъ дѣлу быть, назначаютъ день когда бытъ и *сговору*, и до этого дня

помолвку свою держашъ въ тайнѣ, чѣобы никто не проведалъ и дѣло не пошлобъ въ огласку, если бы случилось ему зачѣмъ нибудь разладиться.

С г о в о р ъ.

На свадьбахъ наблюдается особенное *учливство* между дѣйствующими лицами: всѣ другъ друга величаютъ по имени и отчеству; и я не лишнимъ почишу ввести здѣсь поименно главныхъ дѣйствующихъ лица. Пусть будутъ:

Жениховъ отецъ, Григорій Савельевичъ,
Женихова мать, Палагея Демидовна,
Женихъ, Филиппъ Григорьевичъ,
Сважъ, Парамонъ Федосеевичъ,
Невѣстинъ отецъ, Ефимъ Денисьевичъ,
Невѣстина мать, Авдошья Анастасьевна,
Невѣстка, Агафья Ефимовна,
Сваха, Федора Сысоевна.

Въ назначенный для сговора день поуспру въ домѣ у жениха пекутъ изъ ситной, либо изъ пшенишной муки *пирогъ, сгибень*, съ кашею и съ яйцами. То же самое дѣлается и у невѣсты въ домѣ, гдѣ также готовятся и пиръ, то есть жареная *убоинка* или баранина, *ососокъ* или поросенокъ, гусь; варится свинина, яичница, молочная каша и ш. п.

Около вечеренъ, въ жениховомъ домѣ *сватъ*, кто-либо изъ родныхъ или знакомыхъ жениха, собирается ѣхать на сговоръ: кладетъ въ новый кулекъ *гостинцы*, то есть пряники, изюмъ, орѣхи, цареградскіе спручы, сушеную грушу и другія *сласти*,

и пироги; наливають боченокъ вина и другой пива; запрягаютъ лошадей въ сани.

Когда къ отъезду все будетъ готово, шепчуть свѣчу передъ иконами, всѣ домашніе молятся Богу и провожаютъ сваха приговаривая: „съ милостию Божіею, въ часъ добрый!“ — Сваха беретъ кулекъ и боченки, садится въ сани и отправляется къ невестинну двору. Лишь только онъ нудя подъѣдетъ, невеста уходитъ въ *топашку*; а гдѣ нѣтъ такой каморки, то садится въ углу на конекъ прошивъ печи, либо къ жернову.

Сваха входитъ въ избу, держитъ кулекъ подлѣвою мышкою; Богу молится, на всѣ спороны кланяется; потомъ, оборотившись къ отцу и къ матери невесты, говоритъ:

С в а т ь.

Ефимъ Денисьевичъ и Авдотья Аѳанасьевна, вамъ Григорій Савельичъ, Палагея Демидовна и Филиппъ Григорьевичъ кланяются хлѣбомъ да солью, милостию Божіею и своимъ даромъ.

О т е ц ь и м а т ь.

Милости просимъ, мы добрыми людьми не брезгуемъ и нами просимъ не брезговать.

Между тѣмъ хозяйка и другія бабы изъ семьи накрываютъ столъ скаперною и ставятъ свой пирогъ.

С в а т ь.

Ефимъ Денисьевичъ и Авдотья Аѳанасьевна, есть у васъ поварецъ, а у насъ есть покупщицы,

давайтепко роднитсья , святое дѣло зашѣвать ,
сужено ряжено вѣдь надобно брашь.

О Т Е Ц Ъ И М А Т Ъ .

И вѣдомо , Парамонъ Ѳедосенчъ !

Зажигають свѣчу передъ иконами, всѣ молясь
Богу приговаривая: „дай, Господи, святое дѣло зачать,
„также и кончать.“ — Помолившись, сващъ выни-
маетъ пирогъ изъ своего кулька, копорый кладетъ
къ споронѣ, беретъ пирогъ за одинъ конецъ обѣими
руками , прихватывая вмѣстѣ съ пирогомъ и *полу*
своей *шубы*; пожъ самое и невѣспинъ опецъ дѣлаетъ
съ своимъ пирогомъ. Оба сходясь посередъ избы,
до трехъ разъ бьютъ, или хлопаютъ пирогъ о пирогъ,
копорыми и мѣняются. Въ это самое время
невѣспа, сидя въ поплюшкѣ или у жернова, начинаетъ
вопить такъ :

Свѣтелъ мѣсяцъ , родимый батюшка ,
Красно солнышко , родима матушка ,
Не бейте вы полу о полу ,
Не хлопайте вы пирогъ объ пирогъ ,
Не пробивайте вы меня бѣдную ,
Не давайте вы меня горькую ,
На чужу дальну споронушку ,
Ко чужому опцу , къ чужей мащери ,
Какъ чужіе-то опецъ съ мащерью
Безжалосливы уродилися ,
Безъ огня у нихъ сердце разгораешся ,
Безъ смолы у нихъ гнѣвъ раскипаешся ,
Насижусь-то я у нихъ бѣдная ,
По конецъ стола дубоваго ,
Нагляжусь шо я , наплачуся.

Опець беретъ пирогъ у свапа и на блюде спавитъ его на столъ ; а сватъ, взявши пирогъ у опца, прячетъ въ свой кулекъ, изъ кошораго шустъ же вынимаетъ гостинцы или сласти , подаетъ ихъ матери, а она относитъ къ невѣстѣ.

Въ это время посылаютъ на деревню за роднею , за знакомыми и сосѣдями , выставляютъ на столъ ужинъ и привезенныя свапомъ вино и пиво. Гости сходятся , Богу молятся , со всѣми раскланиваются , здороваются съ хозяевами , которые просятъ ихъ садиться за столъ. Подносятъ гостямъ свашово вино, на закуску свашовъ пирогъ. Каждый гостъ , выпивая чарку и величая по имени и опчеству хозяевъ , поздравляетъ съ добрымъ дѣломъ. Пиръ идетъ весело , при чемъ однако же сватъ не пируетъ и посидѣвши , подымается домой. Все встаютъ съ мѣстъ ; опець и мать подходятъ къ свашу, прощаются , цѣлуются съ нимъ ; опець поручаетъ ему править поклоны жениху , и всѣмъ роднымъ изъ его семьи, величая каждого по порядку старшинства по имени и опчеству : мать же невѣстѣина подаетъ свашу на блюде дары для жениха и для всѣхъ его родныхъ, въ одной съ нимъ семьѣ живущихъ , для мушницъ полотенцы , для женщинъ рукава къ рубахамъ , и шже съ разборомъ : жениху полотенцо получше , опцу его и роднымъ похуже ; матери его рукава получше , а прочимъ бабамъ и дѣвкамъ похуже. Подавая сіи дары , старуха приговариваетъ : „свашушка любезный , Парамонъ Ѳеодосенъ , дары примите, мое сокровище полюбите, „не годятся въ ручки, поверните на онучки.“

Сватъ, принявши дары , опкланявшись и распрощавшись , уѣзжаетъ и съ собою увозитъ невѣ-

спинѣ пирога. За сватомъ подымающся ко дворамъ и гости, и какъ скоро всѣ разойдущся, невѣста выходитъ къ столу и садится на лавкѣ; начинаютъ сходитьсь дѣвки, подружки, сосѣдки, знакомыя. При входѣ ихъ въ избу невѣста къ нимъ *вопитъ на разпльѣ* жалобнымъ голосомъ:

Голубушки мои, бѣлыя подруженьки,
Присупишесь ко мнѣ горько-бѣдненькой,
Пособишечко мнѣ горюшко мыкаши,
Не означаи-шо ко мнѣ горе привалилося,
Прикочнулося мнѣ горе не малое,
Запоручилъ-шо меня дѣвицу красную,
Свѣшелъ мѣсяцъ, родимый бапюшка,
Запоручила-шо меня бѣдну, горькую
Красно солнышко, родима мапушка,
За поруки за крѣпкія,
За замки вѣковѣчныя.

Въ это время дѣвицы съ невѣстою здороваются, цѣлуются, поздравляютъ съ женихомъ. — Ежели взойдешъ какая-нибудь родсвѣenniца, на примѣръ пещка невѣсты, тогда она начинаетъ къ ней *завывать* такъ:

Подишко ты сюда, родима пещушка,
Тещушка моя ты, Машрена Михеевна,
Не знаешь, не вѣдаешь моего горя великова,
Ко мнѣ горе прикочнулося, да немалое,
Какъ продумали меня бѣдну, горькую
Свѣшелъ мѣсяцъ, родимый бапюшка,
Красно солнышко, родима мапушка,
На чужу дальну споронушку,
Ко чужому-шо опцу, къ чужой матери.

Такъ она завываеиъ каждой родной , каждому родному , причипая ихъ по имени и опечесиву , также и къ поспороннимъ женщинамъ.

Принявши своихъ подругъ , невѣспа усаживаетъ ихъ вмѣстѣ съ собою за столъ. Мать подаетъ на столъ жениховы госпинцы и сласти , поичиваетъ дѣвицъ , невѣспа имъ кланяется. По угощеніи , дѣвицы прощаются съ невѣстою , цѣлуются и расходятся. Когда онѣ всѣ уйдутъ , невѣспа садится на средипѣ лавки у краснаго окна и начинаеиъ завываиъ къ опцу и мапері такъ :

Родимый ты , мой батюшка ,
Родима ты , моя мапушка ,
Куда вы меня пробиваете ,
Али я у васъ не работница ,
Али я у васъ не заботница .

Мать спарается ушимаиъ ее , подаетъ ей ужинаиъ и укладываетъ спать .

Между пѣтмъ какъ все это дѣлаеиъ у невѣспы , сватъ притезжаетъ домой къ жениху ; входитъ въ избу , Богу молился , всѣмъ правитъ поклоны опѣ новыхъ родныхъ , вынимаетъ изъ кулька невѣспинѣ пирогъ , ставишъ на столъ , кошорый накрытъ заранѣе ; подаетъ невѣспины дары , кому слѣдуетъ изъ семьи . По разборѣ даровъ , всѣмъ домомъ саяиъ за столъ , пьютъ вино за здоровье спарыхъ и новыхъ родныхъ , затѣаютъ невѣспинымъ пирогомъ , наконецъ ужинаютъ . Такъ оканчивается день сговора .

На другой день къ невѣспѣ приходятъ съ поздравленіями знакомые и родные , не бывшіе на сговорѣ ; невѣспа ихъ встрѣчаетъ съ такимъ же

пѣньемъ какъ и прежде. Это бываетъ и въ послѣдующіе дни, пока она *сидитъ сговореною* и пока ее навѣщаютъ родные и знакомые. Во все это время невѣспа слышитъ *сговореною*.

Д ѣ в и ш н и к ѣ.

Наканунъ свадьбы вечеромъ къ невѣсѣ собираются *на дѣвишникъ* ея подруги дѣвицы, а къ опцу и къ мащери сосѣди и сосѣдки; всѣ ожидаютъ свата, кошорый притѣзжаетъ съ *передатью*; невѣспа сидитъ тамъ же, гдѣ была и во время сговора.

Передать составляютъ: шерстяные съ зачосомъ чулки, копы или босовики, зеркало, проицкій красный ларчикъ съ мыломъ, бѣлилами, румянами и гребнемъ; пирогъ или курникъ съ курицею, яйцами и кашею; жареная курица, поросенокъ, баранина; пряники, орѣхи и прочія сласти; вино, пиво. Вся *передать* уложена въ *коробь* и замкнута замкомъ, а вино и пиво въ боченкахъ.

Сватъ входитъ въ избу, вноситъ *передать* и ставитъ ее къ споронѣ; молился Богу, на всѣ стороны раскланивается и правитъ поклоны хозяйну съ хозяйкою шакъ:

С в а т ѣ.

Ефимъ Денисьевичъ, Авдопья Аѳанасьевна, вамъ Григорій Савельичъ, Палагея Демидовна и Филиппъ Григорьевичъ кланяются хлѣбомъ да солью, милостію Божіею, нашъ даръ примите, насъ полюбите, къ себѣ въ гости пустите, за своихъ сочпите; а мы васъ шакже за родныхъ почли.

М а т ь и о т е ц ѣ.

Милости просимъ, свашушка любезный Парамонъ Ѳедосеевичъ; на дарахъ вашихъ покорно благо-

дарствуемъ. Каково поживаетъ, здоровъ ли Григорій-то Савельевичъ?

С В А Т Ъ.

Все, слава Богу, здоровъ, благополученъ и вамъ поклонъ свой прислалъ со мною (кланяется имъ).

ОТЕЦЪ И МАТЬ (откланиваются).

Ну, слава Богу; покорно благодарствуемъ; а Палагея Демидовна все ли въ добромъ здоровъ.

С В А Т Ъ.

И она, слава Господи, здравствуетъ и вамъ кланяется. (Дѣлаетъ поклонъ I.)

Такимъ образомъ отецъ и мать продолжаютъ спрашивать обо всѣхъ живущихъ въ одной семьѣ, то есть въ одномъ дворѣ съ женихомъ, на примѣръ: о дядѣ, о его женѣ, о старшемъ братѣ, о его женѣ, о женихѣ, о сесстрахъ, словомъ сказавъ, обо всѣхъ опъ велика до мала, по порядку старшинства, величая ихъ по имени и отчеству, хотя бы шупъ были и поворожденные младенцы.

Свасть, стоя по срединѣ избы, на каждый спросъ отвѣчаетъ съ поклономъ. Во все это время отецъ и мать невѣспины, родные и гости также стоятъ на ногахъ.

Кончався спросы, свасть опмыкаетъ коробку вынимаетъ всю передачу, накрываетъ своею скатертью столъ, ставитъ на него припасы: круглый пирогъ или курникъ, жареное мясо; а дары и сласти подаетъ невѣспѣ въ поплюшку, приговаривая: „Агафья Ефимовна, вотъ шебъ Филиппъ Григорьевичъ даритъ и кланяется, госпинцевъ изволь сама по-

кушашъ и подружекъ попроси.“ Невѣста, принимая дары, цѣлуется со свашомъ и завываетъ:

Родимый пы, мой бапюшка,
Родима пы, моя мапушка,
Не мечишесь на золопо, на серебро,
Не кидайшесь на сласпи, на пряники,
Не берите вы бѣлили бѣлыхъ,
Не примайте румянъ красныхъ,
Не мѣняйте меня ни нашо:
Безъ золопа я у васъ богатехонька,
Безъ сласпей-шо у васъ я сыпехонька,
Безъ бѣлили-шо я у васъ бѣлехонька,
Безъ румянъ-шо я у васъ краснехонька.

Хозяинъ и хозяйка просятъ сваха, гостей и глѣдпльщиковъ садиться за столъ, каждого вызывая, по имени и опчеству, и припомъ однихъ только женатыхъ и замужнихъ; а холостыхъ парней и дѣвицъ не сажаютъ. Начинаютъ угощать свашовымъ пивомъ, виномъ и ужиномъ. Дѣвушки запѣваютъ слѣдующую пѣсню, припѣвая напередъ къ сваху:

Пойдемъ-ко мы по ряду,
По всей чеспной бесѣдѣ,
Дойдемка до умнова,
До разумнова до свашушки,
До Парамона Ѳедосеича.
Онъ охочъ по пирамъ ходить,
Онъ охочъ и пѣсенъ слушати,
Да гораздъ вѣдъ и пѣвицъ дарить.
Не рублемъ дари полпиною,
Золошой своею гривною,
Изъ гривны по три денежки,
На пѣвицу по копѣчкѣ.

Свапть сидитъ и какъ будто бы не слышитъ ;
дѣвицы поютъ :

Слышишь ли ты , чуешь ли ,
Парамонъ свѣтъ Федосеичъ ,
Мы тебѣ пѣсни поемъ ,
Тебѣ мы честь воздаемъ.
Какъ бѣлый сыръ на блюдѣ лежитъ ,
Что сахарный кусъ на тарелочкѣ
Какъ маковъ цвѣтъ въ огородѣ спитъ ,
То свапушка нашъ за столомъ сидитъ .

Свапть сидитъ и ухомъ не ведетъ ; дѣвицы продолжаютъ :

Ты , свапушка , дари ,
Расхорошенькой дари ,
Станешь насъ дарить ,
Не будемъ-те бранить .
Какъ Парамона-то жена
На дѣвишничекъ сряжала ,
Въ плащъ полпину завязала ,
Опущаючи приговаривала :
Ты поѣдешь , другъ , на свадьбу
Тамъ дѣвицы тебѣ красныя
Станутъ пѣсни павити ,
Тебя , мово друга , величаютъ ,
Ты дари ихъ не скупися ;
Золотой казной распутися ,
Ворона коня тебѣ не купиши ,
По гостямъ тебѣ не гостини .
Ты свапушка догадайся ,
Расхорошенькой смекни ,
Распахни шубу овчинну ,
Доспавай мощну сафьяну ,

Вымай-ко гривну золошую,
Изъ гривны по три денежки,
На пивцу по копѣчкѣ.

Свапъ беретъ спаканъ съ нивомъ, кладетъ
шуда мѣдныхъ денегъ, или смотря по доспашку
серебряной пяпачокъ, либо гривеничекъ, подноситъ
дѣвицамъ, которыя, принявши, поюшъ, ежели онъ
далъ имъ довольно:

Спасибо тѣ, свашушка, на дару пивомъ,
Ужъ пивой ковшъ мы весь выпили,
Золошую гривну выпили,
То намъ на бѣлыя бѣлилы,
То намъ на красныя румяны.

Когда же свашъ положитъ имъ денегъ мало,
то начинаютъ его корить:

Штобы тѣ свашу по міру ходишь,
По міру ходишь, суму волочишь.
Ужъ какъ свашъ по бережку похаживаешь,
Въ числу рѣчишку поглядываешь;
Да вѣдь самъ себя похваливаешь;
Ужъ и какъ же я хорошъ,
Ужъ и какъ же я пригожъ,
Самъ-то шеспомъ, голова шеспомъ,
Рожа пряслицею, глаза раковицею, и проч.

Ту же пѣсню поюшъ и къ другимъ госпямъ,
припаравливая къ каждому: такимъ образомъ она
повшоряется для каждого гостя, для каждой гостыи.
Невѣста во все это время поетъ заунывно.

Когда гости притѣяпъ свашово кушанье, свашъ
всѣ оставшіеся на столѣ куски завершываетъ
въ свою скаперть, и прячетъ въ свою коробку,
для того, что не вѣжливо оставлять въ гостяхъ
свои куски и крохи. Лишь только свашъ соберетъ

со стола , хозяинъ и хозяйка накрываютъ свою ска-
першъ и подають свой ужинъ ; пущъ пируетъ и
сващъ , какъ первый гостъ , и ежели запируется и
долго не собирается домой , тогда дѣвицы поють :

Ты , сватушка , ненаѣда , догадайся ,
Ко дворамъ скорѣй подымайся .
Ужь какъ сващо-шъ ненаѣдъ
Съѣлъ корову да быка ,
Насѣдку съ цыплятками ;
Какъ у сваща косые-шо глаза ,
По полицамъ все глядяшъ ,
Они каши знаютъ хопяшъ ,
Каши масляной , ложки крашеной .

Когда сващъ подыметъся домой , тогда невѣ-
спина мать подаетъ ему дары тѣмъ же порядкомъ ,
какъ и на сговорѣ . Сващъ , распрощавшись , уѣзжаетъ ,
увозяшъ съ собою коробку и пустые бочки . За-
нимъ и гости расходясь всѣ , кромѣ дѣвицъ , ко-
торыя оспаютъся . Невѣспа выходяшъ къ ошцу и
къ матери , завывая *въ голосъ* :

Свѣшелъ мѣсяцъ , родимый бапюшка ,
Красно солнышко , родима мапушка ,
Мнѣ не надобно ни золота , ни серебра ,
Прошу вашего честнаго благословенія .

Мать зажигаетъ свѣчу передъ иконами : всѣ
молятся Богу ; отецъ снимаетъ съ полки образъ ,
оборачивается лицомъ къ людямъ и держащъ образъ
передъ собою ; невѣспа съ воплемъ молящся об-
разу , кладетъ при земныхъ поклоне , при каж-
домъ поклонѣ подруги поднимають ее подъ руки ;
невѣспа крестится , прикладывается къ образу ,

цѣлуется съ опцомъ , который передаетъ образъ машери. Сія , принявши образъ , спановишся въ опцово мѣсто и благословляетъ дочь свою шѣмъ же порядкомъ. По благословеніи , дѣвицы собираются вести невѣсту въ баню: берутъ съ собою кувшинъ пива и привезенныя свашомъ въ ларчикъ мыло , бѣлилы , румяны , гребень , зеркало. Когда нѣтъ въ деревнѣ бани , тогда попятъ пожарче избу у шого изъ сосѣдей , у кого печь попросторитъ , чшобы можно было въ ней парипсья. Идучи въ баню , невѣспа воешъ въ голосъ , а дѣвушки поюшъ пѣсню :

Распопися , банюшка , распопися ,
Разгорися , каменка , разгорися !
Ты разсыпсья бѣль крупень жемчугъ
Да по апласу , да по бархашу ,
По серебряному блюдечку.
Ты распачсья , Агафьюшка ,
Ты распачсья , свѣшъ Ефимьевна ,
Передъ своимъ роднымъ батюшкой :
Государь ты мой родимый батюшка ,
Ты на што , про што пиво варишь ,
Ты къ чему зелено вино куришь ?
Ты дипя-ль мое дипятко ,
Ты дипя-ль мое милое ,
Я пиво-шо варю и вино-шо курю :
Да пвоихъ-шо бояръ поипъ ,
Твоево большова барина ,
Филиппа свѣшъ Григорьича.
Распопися , банюшка , распопися ,
Раскалися , каменка , раскалися.
Ты разсыпсья бѣль крупень жемчугъ
По апласу да по бархашу ,
По серебряному блюдечку ,

Ты расплячься , Агафьюшка ,
Ты расплячься , свѣтъ Ефимьевна ,
Передъ своей родной мапущкой :
Государыня моя родима мапущка ,
Ты куда , кому дары несешь ?
Ты дия-ль мое дияшко ,
Ты дия-ль мое милое ,
Я песу-ль твоихъ бояръ дарить ,
Твоево большова барина ,
Филиппа свѣтъ Григорыча .

Приходятъ въ баню , поддають на камешку или въ печку пивомъ , которое принесли съ собою въ кувшинѣ , моются и моютъ невѣсту , сама же она ни дочего не *дотыкается* . Вымывшись , одѣваются , бѣлются , румянятся , въ зеркало смотрятся ; одна только невѣста не бѣлилась , не румянилась и не смотрится въ зеркало . Изъ бани идутъ домой пѣтъ же порядкомъ ; невѣста плачетъ , а дѣвушки поютъ пѣсню :

При дѣвичьемъ было при вечерѣ ,
При Агафьиномъ-то дѣвишничкѣ ,
Не трубынька трубила рано по зарѣ ,
То плакала Агафьюшка по русой косѣ ;
Свѣтъ моя косынька , русая коса ,
Разобьютъ тебя косыньку на шесть доль ,
Заплешутъ тебя косыньку на двѣ косы ,
Дополтъча косыньку дѣвушки плели ,
Теперича косыньку свахъ ужъ плести ;
Укрушятъ тебя косыньку вокругъ головы ,
Повязуютъ по косынькѣ бабю красосу ,
Бабя красота на печи въ углу ,
Дѣвичья красота въ полѣ на лугу .

Когда придуть изъ бани домой, отецъ и мать встрѣчаютъ невесту съ образомъ шакъ же почю , какъ и при оппускѣ въ баню. По благословеніи , подруги сажаютъ невесту за столъ на скамейкѣ , на столъ спавялтъ передъ нею блюдо , возмъ копорого кладутъ гребень. Каждая подруга подходитъ къ невестѣ , беретъ со стола гребень , чешетъ ей волосы , кладетъ гребень на столъ и въ блюдо положишь пѣсколко денегъ , на примѣръ: пятакъ , либо два , а богатая серебряной пяпачокъ , либо гривенничекъ. Когда всѣ подруги это дѣло окончатъ , тогда заплетаютъ косу лентною подѣвичьи; невеста обращается къ общу къ маперн :

Свѣтелъ мѣсяцъ , родимый бапюшка ,
Красно солнышко , родима мапушка ,
Вы разспавляйте столы дубовые ,
Накрывайте вы скаперши браныя ,
Вы сажайте красныхъ дѣвушекъ ,
Угощайте моихъ бѣлыхъ подруженекъ.

Накрываютъ столъ , всѣ дѣвушки садятся , вмѣстѣ съ ними и невеста , и переспаетъ плакать. Подаютъ ужинъ , послѣ ужина сласпи , привезенныя свапомъ. Во весь ужинъ невеста не ѣстъ ни крохи , лишь только подругамъ кланяется и проситъ кушать. Вспавни изъ-заспола дѣвушки молятся Богу , собираются ко дворамъ ; каждая подходитъ къ невестѣ , цѣлуется съ нею и прощается приговаривая : „оспавайся , душа , да будь щасплива.“

Когда всѣ дѣвушки разойдутся , невеста садится на лавкѣ у краснаго окна и жалобно поетъ :

Свѣтелъ мѣсяцъ , родимый бапюшка ,
Красно солнышко , родима мапушка ,
Не мечипесь на золото , на серебро , и проч. и проч.

Попомъ, обращаясь къ мапери :

Родима пы, моя мапушка,
Поучи меня уму да разуму ,
Какъ мнѣ жить, да бышь на чужой споронѣ.

Мапъ, обнимая поешъ въ шопъ же голосъ :

Ты, родимо мое дыпяшко,
Ужъ живи да привыкай-ко пы
Ко чужой дальной споронушкѣ ,
Ко чужому опцу , мапери !

Наконецъ мапъ уводитъ невѣсту въ поплюшку
или въ чуланъ , тамъ подаешъ ей ужинашъ и укла-
дываетъ спать.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

7. ЗАМѢЧАНІЕ О НОВОМЪ ПРИЗНАКѢ ГРУДНОЙ ВОДЯНКИ.

Сообщено отъ Профессора Сокольскаго.

Если съ помощію Ленекова цилиндра, или, что лучше, простымъ приложеніемъ уха къ боку груди, въ продолженіе 8 — 10 минутъ выслушивать дыханіе спраждующихъ воспаленіемъ грудной перепонки (plevritis), то удобно можно въ нѣкоторыхъ минутахъ замѣтить особенный, чистый, рѣзкій звукъ, продолжающійся не долѣе $\frac{1}{2}$ секунды и чрезъ нѣсколько минутъ опять появляющійся. Сей звукъ имѣетъ большое сходство съ шѣмъ, когда наполнивъ до $\frac{3}{4}$ простую водою шестипуговую сплянку, зашкнупъ пробкою, и приведя въ горизонтальное положеніе, слегка покачивая по длинѣ; тогда жидкость, колеблясь о стѣнки сосуда, произведетъ звукъ, весьма похожій на сказанный. Сей опытъ лучше дѣлать, приложивъ сплянку къ уху. — Равнымъ образомъ, если разоткнувъ ту же сплянку, наполненную до половины водою, поставивъ на сукно или другую мягкую поверхность, и въ опверстіе капая водою, тогда каждая упдающая капля произведетъ звукъ, также весьма сходный съ замѣченнымъ въ груди.

Первоначально я думалъ, что сей звукъ происходитъ не въ груди, а въ животѣ, и рождается отъ движенія жидкостей, содержимыхъ въ кишечной полоси; однако при повторныхъ наблюденіяхъ замѣтилъ:

1) Что шумъ отъ поступательнаго движенія жидкости въ кишечной полоси бываетъ гораздо продолжительнѣе, часто 2, 4 секунды.

2) Не столь рѣзокъ и чистъ, и явственно походитъ не на капаніе, а на переливъ жидкости.

3) Обыкновенно бываетъ послѣ питья, особенно холоднаго.

4) Легко производится перемѣною положенія тела.

5) Бываетъ у здоровыхъ и больныхъ.

Напроставъ упомянутый рѣзкій звукъ:

1) Никогда незамѣтилъ я у здоровыхъ людей, но исключительно у спраждающихъ грудными припадками.

2) Въ больной споронѣ груди.

3) Движеніе больного нимаю его не ускоряю.

4) А предшествовавшее пищеніе нимаю не усиливало появленія онаго.

5) Гораздо слышнѣе бываетъ въ средней части груди, нежели въ самой низшей или ближайшей къ животу.

И такъ я не сомнѣвался болѣе, что упомянутый звукъ происходилъ не въ полости живота, но въ груди. Дальнѣйшія наблюденія и прупосѣченія научили меня даже предугадывать по обстоятельству появленіе и пропаданіе онаго. Явленія, предшествующія оному, суть слѣдующаго рода: 1) уменьшеніе дыхательнаго звука (*réspir. vesiculaire*) въ той споронѣ и части груди, гдѣ больной чувствуетъ тяжесть и боль. 2) Глухой тонъ при поколачиваніи той же части груди. 3) Въ нѣкопрыхъ случаяхъ явственный звукъ *aegorphoniae*. 4) Колюще въ боку; спѣшенное, ускоренное и короткое дыханіе, кашель, скорость и жесткость жилобіенія.

Сія явленія убѣждаютъ думать, что упомянутый звукъ происходитъ отъ *скопленія и колеба-*

нія скопившейся жидкости, представляющей въ миниаюрѣ *Гипократову суккусію*. Лучшимъ подтвержденіемъ сего положенія безъ сомнѣнія было бы постепенное появленіе аегорфоніае въ началѣ болѣзни, но въ нашемъ климатѣ весьма рѣдко удается замѣтить сей припадокъ, вѣроятно по причинѣ частаго сращенія легкихъ съ грудными стѣнками. Впрочемъ и самая аегорфонія точно ли происходитъ отъ выпотѣнія жидкости, убѣдительно еще не доказано.

Обстоятельства, при которыхъ упомянутый звукъ пропадаетъ, суть слѣдующія :

1) Постепенное уменьшеніе припадковъ грудныхъ и переходъ болѣзни въ совершенное здоровье, при чемъ не рѣдко появляеися на нѣкоторое время *bruit de frottement*.

2) Постепенное возрастаніе боли и обильное выпотѣніе серозной жидкости въ грудную полость: въ семъ случаѣ дыханіе ускоряется, шоска и одышка возрастаютъ, ясность дыхательнаго звука, въ нижней части больной стороны, иногда же и въ цѣлой сторонѣ, совершенно пропадаетъ; звучность груди также гложнетъ. Больные при сихъ обстоятельствахъ обыкновенно погибаютъ, и въ прупахъ находима удивительное количество жидкости, сжатіе легкаго въ половинный объемъ, и прижатіе онаго къ позвоночному столбу.

Касательно происхожденія водяной грудной, то я не замѣтилъ въ семъ случаѣ никакой разницы въ тонѣ колеблющейся жидкости: онъ казался мнѣ одинаковымъ въ водяной груди — острой и длительной; одно количество жидкости дѣлало оный болѣе или менѣе примѣшнымъ.

Причину сего звука безъ сомнѣнія должно искать въ колебаніи или движеніи жидкости, выпотѣнной въ грудную полость; ибо всякая жидкость, доколе остається въ покоѣ, не можетъ производить звуковъ.

Но спрашивается, какимъ образомъ заключенная въ грудной полости жидкость можетъ приходить въ движеніе? Въ здоровомъ состояніи легкіе совершенно наполняютъ собою грудныя полости, такъ что не находится ни малѣйшаго пустаго пространства между легкими и грудными стѣнками; если случается выпотѣніе, то сіе безъ сомнѣнія также находится въ тѣхъ же границахъ, и не можетъ дѣлать ни переливу, ни шуму, подобно жидкости, въ полномъ сосудѣ заключенной и закупоренной. И такъ вѣроятнымъ кажется, что при болѣзненныхъ выпотѣніяхъ въ грудныя полости вмѣстѣ съ капельною образуется нѣсколько воздухообразной жидкости, и сія доставляетъ первой подвижность отъ дѣйствія грудныхъ мышцъ. Сіе тѣмъ болѣе вѣроятно, что и въ настоящемъ пневмоthorax при аккуратнѣйшемъ шрупосъченіи не всегда удается найти разрывъ воздушныхъ пузырьковъ или омершвѣніе грудной перепонки. — Газообразная жидкость опредѣляется въ семъ случаѣ или особеннымъ патологическимъ процессомъ, (какъ на пр. въ *tympanitis peritonacalis*), или образуется изъ жидкаго патологическаго продукта. И то и другое можно подтвердить наблюденіями.

Я даже имѣю причины думать, что образованіе газа есть постоянный спутникъ выпотѣвающейся въ грудную (даже и брюшную) полость жидкости. Надѣрзывая со всею осторожностію трупы грудныхъ гидрориковъ, я замѣнилъ, что даже при сильнѣйшихъ

скопленіяхъ (еструета Laennec), верхняя часть грудной полости постоянно была пустою, изъ которой иногда, по сдѣланіи прокола, со свистомъ выходилъ воздухъ. Равно при *поколачиваніи* въ той же болѣзни, легко примѣшивъ, что давая больному разные положенія тѣла, верхняя часть груди (по положенію) всегда показываешь ясный звукъ, хотя соотвѣтствующая оной часть легкаго или совершенно сжата, или, что чаще бываетъ, сдвинута взадъ. Покрайней мѣрѣ на худощавыхъ больныхъ сіе различіе звука всегда было для меня примѣпно.

Какъ бы впрочемъ сіе явленіе ни происходило, но присущствіе онаго, то есть, *звукъ капанія*, я счишаю вѣрнымъ признакомъ грудной водянки, и тѣмъ болѣе немаловажнымъ, что онъ появляется въ то время, когда количество экссудата невелико и следовательно спасеніе больного во многихъ случаяхъ бываетъ возможно.

Такъ какъ извѣстнѣйшіе изслѣдователи о семъ обстоятельстве ничего не сообщали, а равно и въ практическихъ о выслушиваніи объ ономъ не упоминается, то я сообщаю публикѣ мое наблюденіе для дѣланія дальнѣйшихъ повѣрокъ оному.

8. НЕКРОЛОГІЯ.

Недавно ученый свѣтъ лишился одного изъ отличныхъ сподвижниковъ на поприщѣ наукъ физическихъ въ лицѣ *Леопольда Нобили*, умершаго 5 Августа 1835 года. Въ *Bibliothèque Universelle*, гдѣ обыкновенно помѣщались его сочиненія и открытія, находилъ его некрологія, которую сообщаемъ нашимъ читателямъ.

Послѣ чисто теоретическаго изученія магнетизма и свѣта, *Нобили* съ 1825 года началъ заниматься опытными изслѣдованіями. Первымъ его шагомъ на этомъ поприщѣ было изобрѣтеніе общепринятаго гальванометра о двухъ спѣткахъ, оказавшаго споль много услугъ Физикъ; описаніе этого снаряда помѣщено въ *Bibl. Univ.* т. XXIX, стр. 119. Впослѣдствіи онъ присоединилъ къ этому изобрѣщенію новый сравнительный гальванометръ. Но всего болѣе *Нобили* извѣстенъ ученому свѣту изслѣдованіями надъ цвѣтами, появляющимися на металлическихъ пластинкахъ, служащихъ полюсами при электро-химическомъ разложеніи различныхъ растворовъ. Открытіе сего блестящаго явленія и изслѣдованіе всѣхъ обстоятельствъ, сопровождающихъ или измѣняющихъ образованіе цвѣтныхъ колець, составляющъ предметъ двухъ важныхъ записокъ, которыя были сперва помѣщены въ *Bibl. Univ.* (XXXIII и XXXIV), а потомъ перепечатаны въ большей части Ученыхъ Журналовъ.

Продолжая свои изслѣдованія касательно того же предмета, *Нобили* доказалъ причину электро-химическихъ движеній ртутіи (*Bibl. Univ.*, т. XXXV, стр. 161), и открылъ въ происходящемъ, при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, видоизмѣненіи цвѣтныхъ призраковъ, существованіе взаимнаго дѣйствія электрическихъ попоковъ, соотвѣтствующаго явленію узловъ свѣта (*Bibl. Univ.*, т. XXXVI, стр. 3); нѣсколько лѣтъ спустя, онъ снова принялся за изслѣдованіе вопросовъ, относящихся къ формѣ и образованію сихъ электро-химическихъ призраковъ, и помощію ихъ слѣдилъ за основными электрическими попоками въ ихъ развитіи, распредѣленіи и способѣ

соединенія. Отсюда онъ вывелъ также важныя заключенія относительно внутренняго механизма Вольпова столба и способа распредѣленія въ немъ движущагося электричества (*Bibl. Univ.*, т. LVI, стр. 150).

Изучая явленіе электро-химическихъ призраковъ, съ намѣреніемъ объяснить помощью ихъ все, что касается электрическихъ попоковъ, *Нобили* разсматривалъ его также въ отношеніи приложенія къ искусству. Онъ описалъ въ длинной запискѣ (*Bibl. Univ.*, т. XLIV, стр. 337, т. XLV стр. 35) всѣ приемы, помощью коихъ удалось ему составить изъ электро-химическихъ призраковъ, хроматическій масштабъ, представляющій всѣ степеніи и всѣ различныя опытки цвѣтовъ; сочиненіе сіе содержитъ также весьма много остроумныхъ взглядовъ на теорію цвѣтовъ вообще. Цвѣты, получаемые по способу *Нобили*, прекрасны и весьма разнообразны; примомъ продолжительность ихъ весьма замѣчательна; рано или поздно искусства, безъ сомнѣнія, воспользуются его опытами. Впрочемъ Ипаліаскій ученый почти не занимался изысканіемъ причины явленія электро-химическихъ призраковъ; намъ кажется несомнѣннымъ, что они происходятъ отъ осадка, образующагося при разложеніи электрическимъ попокомъ вещества, плотно пристающаго весьма тонкими слоями къ металлическимъ пластинкамъ.

Разсмотрѣніе электро-фізіологическихъ явленій въ лягушкѣ и слѣдствій, которыя можно извлечь изъ нихъ для животнаго электричества, составляло для *Нобили* предметъ многотрудныхъ изслѣдованій (*Bibl. Univ.*, т. XLIV, 48 и 165). Въ одномъ изъ предшествовавшихъ своихъ сочиненій, подъ заглавіемъ: *Сравненіе двухъ чувствительнѣйшихъ гальваномет-*

ровъ, лягушки и мультипликатора о двухъ стрѣлкахъ (*Bibl. Univ.*, т. XXXVII, стр. 10), доказавъ, что лягушка можетъ сама собою безъ содѣйствія вѣшняго дѣтеля, производить электрическій пошокъ, онъ изслѣдовалъ его направленіе и обстоятельство, измѣняющія его напряженность. Но въ первой изъ упомянутыхъ нами записокъ, онъ изложилъ вполнѣ явленія, происходящія отъ совокупнаго дѣйствія пошока лягушки и пошочковъ вѣшнихъ, и достигъ до замѣчательныхъ результатовъ касательно вліянія направленія сихъ послѣднихъ на происходящія изъ нихъ слѣдствія въ живописной экономіи. Недавно онъ снова возвратился къ тому же предмету (*Bibl. Univ.*, т. XLVII, ст. 174), не столько для присоединенія новыхъ фактовъ, какъ для того, чтобы оспорить мнѣнія Г. *Маріанини*, который, занимаясь этимъ вопросомъ, достигъ совершенно отличныхъ результатовъ. Справно, что два отличные физика, каковы *Нобили* и *Маріанини*, могли посвятить такъ много времени изслѣдованію столь частнаго предмета, гдѣ такъ трудно достигнуть точнаго и опредѣленнаго результата.

Въ упомянутой запискѣ (*Сравненіе*, и проч.) и въ послѣдовавшемъ примѣчаніи (*Bibl. Univ.*, т. XXXVII, стр. 174), *Нобили* говоритъ о многихъ примѣчательныхъ опытахъ надъ развитіемъ электрическихъ пошочковъ помощью химическаго дѣйствія. *Деві* оспаривалъ образованіе электрическихъ пошочковъ посредствомъ химическихъ дѣйствій; *Нобили* сдѣлалъ сей фактъ несомнѣннымъ, и указалъ это образованіе какъ въ простыхъ растворахъ и двойныхъ разложеніяхъ, такъ и въ прочихъ химическихъ дѣйствіяхъ. Онъ не нашелъ никакого отношенія между напряжен-

ностію найдепніхъ попоковъ и напругенностію химическаго дѣйствія, или електрическимъ свойствомъ соединенныхъ началъ. Но когда онъ, дѣйствуя теплою на тѣла жидкія или мокрая (какова на примѣръ смоченная глина), открылъ осязательные потоки; тогда онъ заключилъ, что електрическіе потоки, образующіеся при химическихъ дѣйствіяхъ, происходятъ отъ сопровождающей ихъ теплоты. Преслѣдуя сію мысль, онъ развилъ ее полнѣе въ запискѣ подъ заглавіемъ: *О свойствахъ электрическихъ потоковъ* (*Bibl. Univ.*, т. XXXVII, стр. 118). Въ этомъ сочиненіи авторъ разсматриваетъ потоки, имѣющіе мѣсто безъ химическаго дѣйствія, или *термо-электрическіе*, и потоки, сопровождаемые химическимъ дѣйствіемъ, или *гидро-электрическіе*. Занимаясь первыми, онъ тщательнѣе разсматриваетъ случаи: когда на *пути потока* находится только одинъ металлъ, когда два, когда путь бываетъ мокрый, когда смѣшанный. Въ двухъ послѣднихъ случаяхъ потоковъ, по его мнѣнію, идетъ всегда отъ теплой части къ холодной; а въ двухъ первыхъ случаяхъ—этоотъ законъ, по вѣдому, подлежащій исключеніямъ. Разсматривая електрическіе потоки, *Нобили* находилъ еще, что електрическія дѣйствія соотнобязуются съ развитіемъ теплоты: они становящіяся осязательнѣе въ случаѣ, когда одно изъ началъ бываетъ твердое, потому что въ семъ случаѣ сосредоточивается теплота болѣе, нежели когда оба начала бываютъ жидкія; ибо теплота въ нихъ разсѣвается. Сообразивъ всѣ доказательства пождеств теплотвора и электричества, онъ доходилъ наконецъ до заключенія, что електрическій потокъ есть не что иное, какъ движущійся теплотворъ. Такимъ же путемъ можно бы-

мо бы достигнуть обратнаго заключенія, что тепло-творъ естъ не что иное, какъ движущееся электрическое; вѣроятно ни одно изъ сихъ двухъ пождесствъ, надъ которыми такъ долго останавливаются Физики, не заключающъ въ себѣ истины.

Впрочемъ каково бы ни было сужденіе ученыхъ относительно упомянутой теоріи, трудъ *Нобили* останется всегда примѣчательнымъ, по причинѣ любопытныхъ фактовъ, которыми онъ обогатилъ науку. Съ этого времени Италіанскій ученый не оставлялъ изслѣдованій термо-электрическихъ попоковъ, и наконецъ успѣлъ сдѣлать термо-электричскій столбецъ самымъ чувствительнымъ изъ всѣхъ термоскопическихъ снарядовъ. Первые его попытки касательно сего предмета помѣщены въ *Bibl. Univ.*, Т. XLIV, стр. 225; впоследствии, вмѣстѣ съ *Меллони*, онъ показалъ, посредствомъ нѣкоторыхъ изслѣдованій надъ прохожденіемъ лучистой теплоты сквозь стекла, всю пользу, которую могутъ извлечь Физики изъ этого новаго снаряда. Всѣмъ извѣстно, на какія блестящія открытія употребилъ его *Меллони*, но не должно забывать, что первая мысль принадлежила *Нобили*. Еще недавно (*Bibl. Univ.*, Т. LVII, стр. 1) онъ издалъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми любопытными результатами, описаніе двухъ новаго устройства термо-электрическихъ столбцовъ, для усиленія степени ихъ чувствительности, и безъ того уже весьма значительной; это усовершенствованіе сдѣлало снарядъ способнымъ для изслѣдованій надъ теплопою, въ которыхъ онъ не могъ служить въ своемъ первомъ состояніи.

Нобили занимался также и магнитизмомъ, (*Bibl. Univ.*, т. LVI, стр. 82); онъ особенно изучалъ магнитное состояніе, въ которое прихо-

дять часто проволоки гальванометра въ сосѣдствѣ магнитныхъ спиртокъ. Но всего болѣе онъ обращалъ вниманіе на явленіе потоковъ, образующихся опъ вліянія магнитовъ. При первомъ дошедшемъ до него извѣстїи объ открытіи *Фарадея*, онъ принялся, вмѣстѣ съ *Антипори*, за изслѣдованіе этого новаго и любопытнаго предмета (*Bibl. Univ.*, т. XL, стр. 127). Подобно *Фарадею*, они открыли всѣ дѣйствія электрическихъ потоковъ, упоминая только вліяніе магнита; имъ въ особенности удалось произвести этимъ путемъ электрическую искру, и доказать, что опытъ вертящагося кружка *Араго* весьма легко объясняется электрическимъ вліяніемъ магнитовъ.

Вообще въ продолженіе десяти лѣтъ, которыя *Нобили* посвящилъ наукамъ, онъ въ особенности занимался электричествомъ и магнетизмомъ; результаты его многочисленныхъ и любопытныхъ изслѣдованій касательно этой части Физики, могутъ быть раздѣлены слѣдующимъ образомъ:

1) Усовершенствованіе гальванометровъ и изобрѣтеніе усиленнаго термоскопа.

2) Открытіе электрическихъ призраковъ, и изслѣдованіе распредѣленія электрическихъ потоковъ.

3) Изысканія надъ электро-физиологическими явленіями.

4) Изслѣдованія касательно развитія электричества теплотою и химическими дѣйствіями, и отношеній, имѣющихъ мѣсто съ сими двумя способами развитія.

Пройсшествія 1831 года прервали на нѣкоторое время занятія *Нобили*; но недавно онъ опять приступилъ къ нимъ съ новою дѣятельностію. Находясь въ томъ самомъ Флорентинскомъ Музѣ, въ которомъ трудились Академики *del Cimento*, имѣя въ своемъ распоряженіи всѣ пособія, представляемыя Фло-

ренціей, столь достойною своихъ богатыхъ воспоминаній, почтенный благосклонностію Государя, любилелл и просвѣщеннаго друга наукъ, окруженный первостепенными сотрудниками, — чего бы не могъ сдѣлать *Нобили*, который, посвятивъ свою молодость военному искусству, при слабыхъ способахъ, представляемыхъ его опечествленнымъ городомъ (Реджіо), успѣлъ приобрѣсти чрезъ пять лѣтъ ту ученую славу, которою онъ пользовался въ 1830 году! Для чего преждевременная смерть разрушила столь основательныя надежды, и похищила у Физики одного изъ самыхъ умныхъ и ревностныхъ ея сподвижниковъ!

ПОГРѢШНОСТИ КЪ NO 9, МАРТА 1836.

Страниц.	Слр.	Напечатано :	Читай :
427	10	половъ, пеперь	половъ. Теперь
428	3	сквозь выгнутое спекло	въ фокусъ.
—	13	въ собственныхъ	въ соопвѣстственныхъ
429	1	живую	жидкую
—	17	между коими впа- чалъ	между коими находящи- ся капальцы впа-чалъ
—	20	кровью,	кровью, —
438	5	почки и	почки
439	10	Верно,	Верно
—	12	въ чувствѣнности	въ чувствительности
—	23	при прикоснове- ніи онаго	при прикосновеніи къ оному
441, 14, 15, 16		и не смотря и (не смотря на то, на то, что въ что въ дѣлѣ оправ- дѣлѣ оправле-ленія онаго онъ въ то ніа онаго, они же время бывають въ то же время слѣдствіемъ и при- бывають слѣд-чною) ствіемъ и при- чиною ,	

Fig. 1.

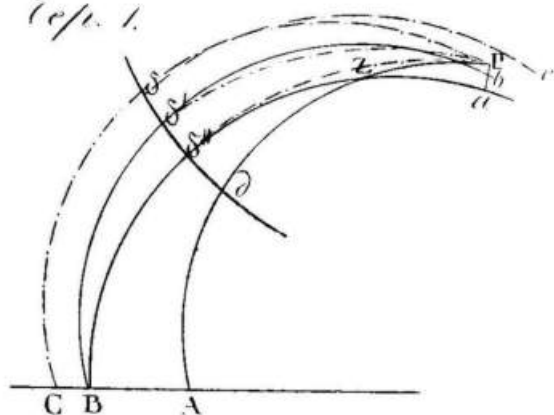

Fig. 2.

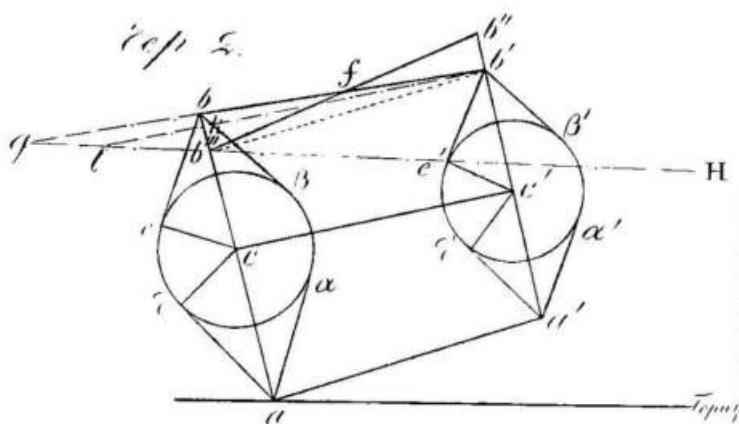
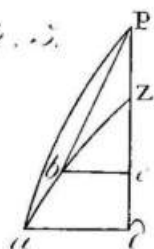

Fig. 3.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ
ИМПЕРАТОРСКАГО МОСКОВСКАГО
УНИВЕРСИТЕТА.

1856. Май. N° XI.

I. НАУКИ.

A. ЛОГИКА.

**1. О СПОСОБАХЪ ПОЗНАНІЯ УМОЗРИТЕЛЬНОМЪ И
ОПЫТНОМЪ.**

Сообщено Профессоромъ Давыдовымъ.

Всякое познаніе предполагаетъ два условія: лице познающее и предметъ познаваемый. Познающею способностію бываетъ всегда духъ нашъ; предметы же познанія измѣняются. Всякой здравомыслящій человекъ, успремивши хощя малое на это вниманіе, съ перваго взгляда можетъ примѣнить два различные міра, доступные нашему разумѣнію. Въ то время, какъ онъ своими глазами, руками и другими чувствами приобретаетъ понятія о предметахъ вещественныхъ, внѣ его находящихся,

другимъ способомъ онъ познаетъ то , что составляетъ внутреннее его бытіе. Наслаждается ли онъ, или спраждаетъ, вѣритъ ли, или сомнѣвается , желаетъ ли чего , или рассуждаетъ о чемъ, все это знаетъ точно такъ же, какъ имѣетъ понятіе о предметахъ внѣшнихъ, круглы ли они , или четвероугольны , большіе или малые, жесткіе или мягкіе , твердые или жидкіе. Всякой по этому познаетъ себя и все , что въ немъ самомъ находится , равно какъ онъ знаетъ предметы внѣшніе и все , что внѣ его. Способы познания этихъ двухъ міровъ различны. Помощію пяти чувствъ познаетъ онъ міръ внѣшній ; для изслѣдованія внутренняго своего бытія онъ не имѣетъ въ нихъ надобности. Силою внутренняго чувства и сознанія онъ переселяется въ нѣдра своего духовнаго бытія, и хотя не можетъ осязашь явленій своего духа, но тѣмъ не менѣе ни одинъ феноменъ не можетъ ускользнуть отъ его уразумѣнія.

Повторимъ : всякой здравомыслящій человекъ легко и неоспоримо различаетъ два міра , доступные его познанію : міръ внѣшній , подлежащій его чувствамъ , и міръ духовный , постигаемый его внутреннимъ чувствомъ.

При всемъ этомъ надобно замѣтить, что люди не равно пользуются этими двумя спо-

сообразностями. Возьмемъ въ примѣръ Естествоиспытателя; предметъ его изученія находится внѣ его; онъ наблюдаетъ и разбираетъ его помощію чувствъ, всякое познаніе пріемлетъ онъ способомъ опытнымъ; вниманіе его совершенно устремляется на міръ внѣшній; безъ сомнѣнія, онъ не переспааетъ имѣть познанія о внутреннемъ своемъ бытіи, но къ этому онъ приводится какъ бы невольно. Почти такъ важными только тѣ открытія, которыя производятся силою чувствъ, онъ часто забываетъ, что подобныя открытія онъ можетъ произвести въ другомъ мірѣ, инымъ образомъ. Постигая все помощію зрѣнія или осязанія, онъ почтишаетъ несомнѣнными только тѣ понятія, которыя онъ приобретаетъ этимъ способомъ, и убѣждается, что можно и должно вѣрить только глазамъ и рукамъ.

Теперь, наоборотъ, представьте себѣ такого человѣка, каковъ Декартъ: онъ всю жизнь посвящаетъ наблюденіямъ надъ дѣятельностію мысли, надъ игрою спрасей, опыскиваетъ причины, порождающія наши обычаи, и свои внутреннія размышленія оставляетъ только для удовлетворенія необходимымъ житейскимъ потребностямъ; онъ, такъ сказать, блуждаетъ въ видимомъ мірѣ, ничего не примѣчая, не слыша, погруженный въ созерцаніе того, что

заключается въ немъ самомъ. Предметъ его занятія происходитъ изъ внупренняго сознанія, а не опъ глазъ и рукъ, какъ у натуралиста. Весь его разумъ погружается въ изслѣдованіе его духа. Хотя чувства служатъ ему средствомъ, доставляющимъ познаніе объ отношеніи и свойствахъ предметовъ внѣшнихъ; но такое приобрѣтеніе знанія усвоется ему безъ его наблюденій; онъ почерпаетъ эти свѣдѣнія спрадательно, и, такъ сказать, по обычному употребленію. Міръ внѣшній также чуждъ для него, какъ міръ внупренній для естествоиспытателя. Онъ точно знаетъ все, что внупри его; это представляется ему дѣйствительнымъ, яснымъ и очевиднымъ; все прочее онъ усматриваетъ какъ бы вдали. Изъ сего онъ заключаетъ, что умозрѣніе есть единственный способъ истиннаго знанія; онъ вполнину только вѣритъ своимъ чувствамъ; даже иногда покусается принимать міръ вещественный за призракъ или мечту.

Предложимъ теперь пому и другому вопросу: *что можемъ мы знать достоверно?* Естествоиспытатель укажетъ на предметы внѣшніе, подлежащіе его чувствамъ, а умозритель — на явленія внупреннія, доступныя его сознанію. Вотъ начало двухъ противоположныхъ мнѣній о способахъ знанія умозри-

и опытом. Не лзя сказать, чтобы всѣ натуралисты отрицали несомнѣнное существованіе духовнаго знанія, равно и умозрители не будутъ отвергать существованія чувствъ; но въ глазахъ первыхъ чувство внутреннее не составляетъ столь важнаго предмета, какъ чувство внѣшнїя, представляющїяся не столь важными въ глазахъ послѣднихъ; сверхъ того можно предположить, что найдутся между нѣми и другими отважные и одно-сторонніе умы, которые будутъ отрицать, съ одной стороны, несомнѣнное бытіе умозрительнаго вѣдѣнія, а съ другой—существованіе міра внѣшняго. Наконецъ, если завяжется между ними споръ, то каждая сторона признаетъ нелѣпыми требованія спорной противоположной, исключительно будетъ увѣрена въ своемъ мнѣніи и признаетъ его несомнѣннымъ.

Не споримъ, что мнѣніе естественнаго наблюдателя очевидно, нежели мнѣніе умозрителя. По потребности человека-младенца призываютъ его въ міръ внѣшній; въ это время образуется способность—понимать, посредствомъ внѣшнихъ чувствъ; съ теченіемъ времени это способъ познанія замѣняется другимъ. Въ этомъ заключается причина того, что мы встречаемъ мало такихъ людей, которые разсматривали бы наиболее природу внутреннюю;

наоборотъ, умозрители, удовлетворяя своимъ требованіямъ, никогда не въ состояніи заглушить въ себѣ совершенно увѣренности въ справедливости чувствъ. Жизненные потребности, общественныя обязанности опхло-няютъ ихъ опѣ любимыхъ размышленій и призываютъ иногда въ міръ внѣшній.

Спранно быlobъ допустить, что одно изъ эпихъ двухъ мнѣній, разсмащриваемое порознь, справедливѣе другаго. Мы не можемъ познавать внутренняго своего бытія глазами и руками: глаза не видятъ духа, руки его не осязаютъ. Съ другой спороны, не въ состояніи посред-спвомъ умозрѣнія поспигають міра внѣшняго: онъ внѣ насъ находится. И такъ способы познанія эпихъ двухъ міровъ различны. Вну-треннюю природу свою мы можемъ чувсство-вать, внѣшнюю осязать; эпи два различные способа необходимы въ совокупности. Но способностію, приѣмлющею въ себя понятія о внѣшнемъ и внутреннемъ, всегда бываетъ только умъ. Опсвергаютъ силу его свидѣтельствъ въ одномъ случаѣ, значить не надѣяться на него въ другомъ. Вѣрить опыту и не вѣрить умозрѣнію, или наоборотъ, довѣ-рять умозрѣнію и не вѣрить опыту, значить не вѣрить, въ одно и то же время, уму; и потому мнѣнія естествоиспытателя,

довѣряющаго только чувствамъ, и умозритель, полагающагося на размышленіе, взаимно исключаютъ себя—они несправедливы. Таковыя заблужденія ума человѣческаго происходятъ отъ его слабости, отъ того, что онъ, одну сторону истины обнимая, почитаетъ понятія свои совершенными. Мыслящій вѣрится и внѣшнимъ чувствамъ, и внутреннему сознанію; онъ не сомнѣвается въ своей способности мыслить, равно видя, что извѣстное нѣбо имѣетъ пространство, не сомнѣвается и въ его вещественности. Но это равновѣсіе исчезаетъ для того, кто довѣряетъ своимъ чувствамъ болѣе, нежели умозрѣнію, и для того, который болѣе познаетъ посредствомъ умозрѣнія, нежели помощію чувствъ; уваженіе къ первому способу увеличивается на счетъ униженія послѣдняго, и частію умозрѣніе, частію опыты мѣняются между собою преимуществомъ, тогда какъ они должны быть равны въ своей силѣ.

Отсюда произошли предпочитающіе первый способъ познанія, *эмпирики*, и слѣдующіе предпочтительно другому способу—*идеалисты*.

Мы не говоримъ, что эти два мѣтнія представляютъ точно то, что разумѣютъ

обыкновенно подъ матеріализмомъ и спиритуализмомъ ; матеріализмъ , въ истинномъ значеніи этого слова , состоить въ отрицаніи духовнаго бытія , а спиритуализмъ отвергаетъ существованіе вещества. Но мы подъ первымъ разумѣемъ преимущественное довѣріе опыту, подъ вторымъ — предпочтительное довѣріе умозрѣнію.

Не относя противоположныхъ рѣшеній къ двумъ враждующимъ школамъ ; не говоря о Декартѣ и Лейбницѣ, Гассенди и Кондильякѣ, какъ о ревностныхъ послѣдователяхъ Платона и Эпикура , покажемъ , какимъ образомъ отрицаніе духа или отрицаніе вещества соприкасаются къ мнѣніямъ о познаніи.

Для человека , который вѣритъ тому , что онъ постигаетъ глазами и руками внѣ себя , и тому , что чувствуетъ въ себѣ самую силу сознанія , существуютъ два различные , но равно дѣйствительные міра явленій. Во внѣшнемъ онъ примѣчаетъ пространство , фигуру , твердость ; во внутреннемъ онъ чувствуетъ удовольствіе , мысль , дѣятельность. Но его умъ не ограничивается такими свѣдѣніями. Онъ думаетъ , что пространство , твердость , фигура не пустые наружные признаки , но что есть нѣчто , чего сіи явленія суть только свой-

ства : онъ вѣритъ въ это *нѣчто* и называетъ его *веществомъ*. Равно также , размысливъ хотя мало , онъ не можетъ предположить , что удовольствіе и неудовольствіе не относяся къ самому предмету , наслаждающемуся или спраждающему — что въ насъ есть мысль , дѣятельность. По этому онъ допускаетъ дѣйствительность въ явленіяхъ внутреннихъ , равно какъ и во внѣшнихъ. Но какъ эти роды явленій не сходны , по , по его мнѣнію , и самые виды дѣйствительности различны : одну дѣйствительную внутреннюю природу онъ называетъ разумѣніемъ , а другую внѣшнюю — веществомъ.

И такъ для человѣка мыслящаго существуютъ неоспоримо два дѣйствительные міра : внѣшній , доступный его чувствамъ , пространство , фигура , цвѣтъ , вещество ; внутреннихъ , постигаемый силою внутреннего чувства — природа дѣятельная , понимающая , чувствующая , нашъ духъ.

Представьте себѣ человѣка , рожденнаго безъ какихъ-либо органовъ чувствъ ; онъ не видитъ , не осязаетъ предметовъ міра внѣшняго ; въ такомъ случаѣ не будетъ ли онъ сознать дѣятельность , разумѣніе , волю внутреннего существа , хотя никогда не постигнетъ какого нибудь внѣшняго предмета , ни пространства ,

ни фигуры, ни цвѣта? Онъ никогда не получитъ познанія о веществѣ.

Наоборотъ, допустимте существованіе человека, лишеннаго всякаго сознанія внутренней природы: онъ созерцаетъ только внѣшній міръ, въ немъ онъ находитъ пространство, фигуру, цвѣтъ—не уже ли онъ когда-либо представитъ себѣ существо мыслящее, чувствующее, свободно дѣйствующее? Развѣ есть что-либо въ пространствѣ, цвѣтѣ и фигурѣ тѣлѣ, что могло бы внушить и возродить въ немъ такія идеи?

Такимъ образомъ первый изъ двухъ не зналъ бы одной половины предметовъ — внѣшнихъ, не зналъ бы вещества и всѣхъ его свойствъ; другой не имѣлъ бы понятія о внутренней природѣ, то есть о духѣ, всѣхъ его дѣйствіяхъ и измѣненіяхъ; оба не спали бы вѣрить тому, чего не знаютъ, и представляли бы себѣ, что существуетъ только то, что доступно ихъ знанію, или духъ, или вещество, міръ внутренней, или міръ внѣшній. Но почему знаніе и вѣра у нихъ такъ искажены? Это зависитъ отъ того, что они пользуются въ познаніи однимъ только способомъ изъ двухъ, дарованныхъ намъ Провидѣніемъ. Идеалистъ имѣетъ чувства, но онъ не вѣритъ тому, что открывается ими; эмпирикъ имѣетъ сознаніе, но не вѣритъ его дѣйствіямъ; отъ

того одинъ какъ будто не имѣеть чувствъ , а другой сознанія, и одинъ опровергаетъ существованіе вещества , а другой бытіе духа.

Когда здравый смыслъ говоритъ то , а знаніе другое, то рѣдко случается, чтобы самый смѣлый умъ не подчинился и не успушлъ въ иномъ первому. Если бы въ самомъ дѣлѣ были идеалисты , то они не занимались бы веществомъ и даже не произносили бы этого названія; ибо чувства для нихъ какъ бы не существовали и не могли бы ихъ снабжать познаніями о вѣншнемъ. Равно буквально взявшіе эмпирики должны бы были признавать отсутствіе міра внутреннихъ явленій и не произносить даже словъ духа и души. Но первые не выполняютъ этихъ требованій : они имѣють глаза ; послѣдніе сознають внутреннюю жизнь. Общая вѣра оглашаетъ ихъ словами духа и вещества ; они не въ состояніи заглушить въ себѣ здраваго смысла, поборающаго тайно непереносимостъ ихъ началъ. — И вмѣсто того , чтобы изъ своихъ мнѣній почто вывести исключительное существованіе или духа , или вещества , эмпирики въ своей системѣ чувствовали нужду въ объясненіи названія : духъ , а идеалисты въ изъясненіи слова: вещество. Изъ этого

слѣдуетъ, что первые хотѣли постигать душу своими глазами и руками, а послѣдніе—силою внутренняго чувства искали пониманій о веществе. — Здѣсь-то обнаруживаются заблужденія ума человѣческаго въ составленіи его односпрошннхъ системъ.

Идеалистъ живо чувствуетъ существованіе внутренней дѣйствительности, какъ причины дѣйствующей, мыслящей и чувствующей. Эта причина простая составляетъ для него основаніе всякой дѣйствительности; и дѣйствительность онъ постигаетъ только подъ этою формою, что онъ не понимаетъ того, какимъ образомъ быть можетъ существо не дѣйтельное, не чувствующее, не понимающее, каково вещество. Не смотря на это, онъ допускаетъ существованіе другой дѣйствительности. Но, будучи вѣренъ своему началу и способу—опыскивать все силою сознанія, онъ пытается узнать, чему можно научиться касательно вещества помощію этого сознанія. Разбирая различныя явленія міра внутренняго, онъ примѣчаетъ, что онъ двухъ родовъ: одні производенія самаго духа, а другія приемлются нами извнѣ. Сіи раздѣляются на два класса: на ощущенія припрныя или непрпрныя, и идеи или образы протранства, формъ и цѣтовъ. Вопрь все, что

мы знаемъ о внѣшнемъ и слѣдственно о вещеспвѣ. Но всѣ сіи ощущенія или образы суть только явленія въ насъ, точно такъ же, какъ наши мысли, наши воспоминанія, дѣйспвія; между тѣми и другими только по различіе, что первыхъ мы не можемъ производить, а послѣднія зависятъ отъ нашего произвола. Что доказываютъ намъ эти явленія? Чему мы научаемся опсюда о внѣшнемъ? Ничему, кромѣ того, что внѣ насъ есть одна или многія причины, производящія такіе феномены, и пошому узнаемъ, что мы одни еще не составляемъ собою причины дѣйствующей: есть другія причины, дѣйствующія на насъ, производящія въ насъ впечатлѣнія, равно какъ мы дѣйспвуемъ и производимъ на нихъ впечатлѣнія. И такъ въ этомъ мірѣ заключаются причины, враждующія одна противъ другой и взаимно измѣняющіяся. Ошибка эмпириковъ состоитъ въ томъ, что они идеи пространства, твердости и формы принимаютъ за дѣйспвительныя качеспва предмета внѣшняго, и внутреннее принимаютъ за внѣшнее; это значитъ измѣняемости предмета приписать независимое бытіе. Что бы было, безъ нашихъ чувствъ, сладкое и горькое, теплое и холодное? Это только ощущенія, въ насъ производимыя. Что бы значили идеи пространства,

формы и твердости, безъ разумѣнія? Это только представленія, въ немъ происходящія. Подъ міромъ внѣшнимъ обыкновенно разумѣють собраніе явленій, производимыхъ въ насъ внѣшними причинами; но дѣйствительно внѣшній міръ — самыя причины.

Полагая всю силу своего разумѣнія и пониманія въ глазахъ и рукахъ, эмпирикъ, вопреки идеализму, хорошо понимаетъ вещество твердое, имѣющее пространство и форму. Оно дѣлается для него типомъ всякой реальности, и онъ не въ состояніи себѣ представить предмета, который бы не имѣлъ твердости, формы, пространства, который бы былъ невидимъ и неосязаемъ; онъ не въ состояніи постигнуть такого начала, которое только бы дѣйствовало, чувствовало, познавало, — словомъ, онъ не можетъ выразумѣть того, что называется духомъ. Однакожъ въ этихъ словахъ, по его мнѣнію, должно что нибудь заключаться; для этого нужно опыскавъ, какія явленія могли довести до такихъ спранныхъ идей. Вѣрный, какъ идеалистъ, своему познавательному началу, онъ хочетъ имѣть понятія о душѣ при помощи глазъ и рукъ, и вопіъ что онъ открываетъ: міръ есть масса тѣлъ, къ числу коихъ относится

и человекъ. Во всѣхъ тѣлахъ есть постоянныя качества или свойства; всѣ они сложены изъ частей, имѣющихъ пространство, фигуру, и т. д. Но кромѣ этихъ принадлежностей, въ тѣлахъ замѣчаются явленія или разныя видоизмѣненія, отличающія ихъ. Такъ растеніе имѣетъ силу расщипельную, въ камнѣ нѣтъ; въ животномъ находится пищевареніе, въ растеніи этого не замѣчается; и такъ въ этихъ трехъ родахъ тѣлъ примѣчаемъ такія различныя свойства, коими они отдѣляются одни отъ другихъ. Но на вопросъ, почему извѣстныя явленія находящіяся въ одномъ и не существующія въ другомъ тѣлѣ, въ отвѣтъ получаемъ, что части, изъ коихъ составлено тѣло, должно различать по сущности и по устройству. И потому тѣла, обнаруживающія въ себѣ одинаковые феномены, составлены изъ одинаковыхъ частей, одинаково устроенныхъ; напротивъ тѣла съ различными явленіями, или сложены изъ разныхъ частей, не одинаково устроенныхъ, или и изъ одинаковыхъ частей, но не одинаково расположенныхъ. Свойство частей и ихъ устройство, иначе, *организация* — вотъ что отличаетъ тѣла и обнаруживаетъ въ нихъ различныя явленія. Допустивши это, спрашиваемъ, что такое душа и гдѣ она находится?

Ошвѣчаютъ : душа есть существо мыслящее, чувствующее и дѣйствующее. Согласны ; но въ этомъ вопросѣ представляются намъ два предмета : существованіе извѣстныхъ явленій особеннаго свойства, и попомъ существованіе предмета , различнаго съ тѣломъ , обнаруживающимъ сіи явленія. Если же нельзя оспорить существованія этихъ явленій , которыя дѣйствительно существуютъ ; то оспается спросить , почему ихъ приписываютъ другому предмету , а не тѣлу. Для доказательства нужно или видѣть душу, или представить себѣ , что тѣло не въ состояніи производить подобныхъ явленій. Напрасно анапомическимъ ножомъ будемъ разсѣкать части тѣла : мы не найдемъ искомаго. Теперь слѣдуетъ узнать ; не лзя ли и къ тѣлу отнести подобныхъ явленій , которыя приписываются дѣйствіямъ души? Но какъ приписать тѣлу такіа дѣйствія , какъ мышленіе , добродѣтельный поступокъ , изящное твореніе искусства? Вотъ новое доказательство , что одностороннее мнѣніе эмпириковъ и идеалистовъ доводитъ до крайностей , и одно соприкасается матеріализму , другое спиритуализму.

Такимъ образомъ идеалисты и эмпирики или внѣшнее объясняли внутреннимъ , или на-

оборонѣ внутреннее внѣшнимъ, и одни, усматривая матеріальныя явленія въ дѣйствіяхъ внутренней природы, а другіе явленія духа въ измѣненіяхъ внѣшнихъ предметовъ, принимали явленія вещества за явленія духа, а явленія духа за явленія вещества, и видимый предметъ представляя въ умѣ, или духъ низводя на степень внѣшняго предмета.

И можно ли удивляться подобному заключенію? Идеалистъ, не призывая на помощь чувствъ, ищетъ вещества въ себѣ самомъ, и не находитъ; эмпирикъ, не пользуясь силою сознанія, старается опыškai душу внѣ, и также не находитъ. Чѣмъ можетъ быть естественнѣе этого? Первый удивляется, какъ можно вѣрить въ существованіе вещества, а другому кажется непонятнымъ, чѣмъ можно вѣрить въ бытіе духовнаго сознанія; оба питаютъ взаимную ненависть одинъ къ другому; чѣмъ можетъ быть этого простѣе и въ то же время спротивнѣе? Вотъ исторія двухъ существъ, изъ коихъ одно лишено чувствъ, а другое сознанія. Идеалистъ и эмпирикъ двѣ половины человѣка, или лучше, люди, искажившіе міръ въ своихъ системахъ.

Есть одинъ способъ найти духъ, — помощію внутреннего чувства; найти всѣхъ —

помощію осязанія. Повторяю, существо разумное можетъ ли находитьсѣ внѣ себя или находить въ себѣ то, что не составляетъ его самого? Себя самого человекъ можетъ сознавать. Духъ нашъ не сознаетъ того, что не онъ, и не можетъ не созерцать самого себя: онъ осязаетъ предметы внѣшніе, себя онъ чувствуетъ; но въ обоихъ случаяхъ главнымъ дѣятелемъ бываетъ самый духъ. Изъ этого явствуетъ, что для истиннаго познанія необходимы оба способа въ совокупности — умозрительный и опытный.

Александръ Окатовъ.

В. ПСИХОЛОГІЯ.

2. ВООБРАЖЕНІЕ, ПАМЯТЬ И ФАНТАЗІЯ.

Сообщено Профессоромъ Давыдовымъ.

Воззрѣнія и соотвѣтствующіе имъ предметы исчезающъ, и еслибъ они исчезали навсегда, то чувственная познавательная сила ограничивалась бы только мгновенными, скоропреходящими впечатлѣніями, и не лзя бы было различить многообразныхъ воззрѣній, а еще менѣе приобрѣсти чрезъ нихъ какое-либо опредѣленное познаніе. Но духъ сохраняетъ въ себѣ образы чувственныхъ предметовъ, или лучше, онъ въ состояніи воссоздать ихъ снова, такъ какъ онъ создалъ ихъ первоначально; это воссозданіе есть уже дѣйствіе болѣе свободное, а другое болѣе необходимое. Сила воззрѣнія, производящая образы произвольно, называется вообще *силою воображенія*.

Всякое духовное дѣйствіе въ началѣ своемъ бываетъ произвольнымъ, хотя дѣятельность составляетъ вообще сущность человеческого духа; онъ представляетъ совокупность свободной дѣятельности и необходимости, которыя, по видимому, оспариваютъ одна у другой

надъ нимъ господство ; но всякое образованіе спремится къ тому, чтобъ освободить его отъ вещественной необходимости и духу передать совершенное первенство. Чѣмъ необразованнѣе человѣкъ , тѣмъ произвольнѣе обнаруженія его духовной дѣятельности. Духъ со всѣми своими возможными способностями , или силами, есть существо, не во всякое время способное къ дѣйствіямъ произвольнымъ ; напропавъ , онъ подлежитъ общимъ законамъ всякаго бытія , и развивается постепенно. И потому онъ, въ своемъ развитіи , спремится къ тому , чтобъ быть въ состояніи довершивъ произвольно то , что онъ произвелъ первоначально какъ бы по необходимости.

Съ пробужденіемъ самосознанія начинается свободная дѣятельность духа; сознаніе есть уже освобожденіе отъ состоянія необходимости, возвышеніе надъ нимъ ; потому что съ сознаніемъ вообще уже непременно соединено и это сознаніе.

Поэтому сила возрѣнія , дѣйствующая первоначально по необходимости, можетъ посредствомъ сознанія возвыситься надъ нею и создавать образы по произволу.

Сила вообразительная , создающая произвольныя возрѣнія, можетъ частію повпорять

уже прежде приобретенное въ состояніи необходимости, или творить совершенно новое; въ первомъ случаѣ она называется силою *воспроизводящею*, а во второмъ *творческою*; въ томъ и другомъ случаѣ является она самодѣятельною, слѣдовательно творящею, и упомянутое раздѣленіе относится только къ особенному роду возрѣній, а не къ самой образующей дѣятельности.

Сила воображенія воспроизводящая предполагаетъ въ духѣ безсознательное присутствіе прежде приобретенныхъ ощущеній, и новое созданіе ихъ есть возобновленіе въ сознаніи. Безсознательное присутствіе уже составленныхъ представленій и возможность снова по произволу приводить ихъ въ сознаніе есть одно изъ превосходныхъ качествъ духа, хотя иногда неоспориваемое и несомнѣнное, но по связи своей съ испекающими изъ него понятіями, необъяснимое для человѣческаго разума. Оно служитъ непосредственнымъ свидѣтельствомъ того, что духъ человѣческій безконеченъ въ самомъ себѣ, или что онъ полнота безконечно многихъ существъ; онъ вообще не способенъ ни къ какому образу или представленію, концы возможности въ немъ уже не заключаются; дѣйствительные предме-

пы и всѣ впечатлѣнія на него служатъ ему только поводомъ приводить ихъ въ сознаніе. Всякое воззрѣніе и познаніе есть развитіе чего-то первоначально неразвитаго, изъ чего сформировавшись понятною и гармонію между предметомъ и его образомъ.

Первоначально чувственное воззрѣніе, которое есть самостоятельное созданіе образа или духовное впечатлѣніе предмета въ душѣ, возбуждаетъ съ тѣмъ вмѣстѣ самосознаніе и свободную дѣятельность духа; посредствомъ сего онъ покоряетъ своей власти всѣ образы и представленія, обращаетъ ихъ въ свою собственность, и тогда уже приобретаетъ возможность употреблять ихъ по произволу. Свободная дѣятельность есть основная сущность человеческого духа; но она должна быть возбуждена, и въ такомъ случаѣ духъ можетъ уже сдѣлаться властителемъ надъ своимъ внутреннимъ міромъ. Въ этомъ заключается возможность сохраненія представленій и ихъ воссозданія.

И такъ сила воображенія есть то же чувство, только внутреннее, возведенное на высшую степень развитія. Отсюда происходитъ, что первая занимаетъ у впо-

раго свои образы, или по крайней мѣрѣ элементы для ихъ созданія, и свободу дѣйствій своихъ обнаруживаетъ преимущественно въ расположеніи и соединеніи сихъ элементовъ.

Произвольно дѣйствующая вообразительная сила относится къ произвольной волѣ возрѣнія, какъ субъективное къ объективному, и сія послѣдняя должна быть всегда первою и начальною, изъ копорой уже развиваются постепенно всѣ прочіи духовныя дѣятельности, становясь болѣе и болѣе независимыми. Сила воображенія находится въ ближайшемъ отношеніи къ образамъ, произведеннымъ чувствомъ въ первый моментъ его дѣятельности: она или вѣрно подражаетъ имъ, или создаетъ изъ нихъ новые образы.

Хотя съ пробужденіемъ вообразительной силы начинается и свободная дѣятельность духа, но она и здѣсь еще не всегда бываетъ совершенною; напротивъ дѣйствіе ея, иногда произвольно, смотря по тому, пользуется ли она, или нѣтъ, свойственною ей свободою, или покоряется произвольному ходу своего образованія: она такъ же, какъ и духъ вообще, дѣйствуетъ сообразно съ законами, и, будучи однажды приведена въ дѣятельность, создаетъ и образуетъ произвольно.

Но и въ такомъ случаѣ, когда она возсоздаетъ многоразличные образы, также согласуется съ правилами, основанными частію на связи и послѣдовательности тѣхъ предметовъ, къ которымъ они относятся, частію на первоначальныхъ законахъ самаго духа. Общій законъ, служащій основою произведеніямъ силы вообразительной, есть законъ *соединенія* или *согласованія* идей, по которому представленія одно за другимъ возбуждаются въ сознаніи. Этотъ законъ взаимнаго сопряженія представленій проявляетъ свою дѣятельность въ весьма многоразличныхъ отношеніяхъ, которые равнымъ образомъ основываются на определенныхъ законахъ, каковы: законъ современности, послѣдовательности, сходства и противоположности представленій, и т. д.

Что сила вообразительная есть основаніе памяти и воспоминанія, видно изъ того, что память представленія свои соединяетъ съ чувственнымъ знаками, посредствомъ которыхъ она снова приводитъ ихъ въ сознаніе. И потому она находится въ весьма тѣсной связи съ закономъ соединенія идей и имъ поддерживается; воспоминаніе есть только особенное проявленіе всей силы памяти; ибо чего нельзя вспомнить, то и не удерживается въ памяти.

Память есть дѣйствіе безконечности нашего духа, по которой онъ можетъ создавать безконечно многообразныя представленія, удерживать ихъ, и по произволу возобновлять въ сознаниі; она есть многостороннее воспріятіе и соединеніе образовъ и представленій. Память столь же существенное, какъ и въ высшей степени важное проявленіе духа, которымъ вмѣстѣ обуславливается всякое чело-вѣческое образованіе; она доставляетъ намъ возможность приобрѣтать множество познаній, сравнивать наши представленія, чтобы видѣть ихъ сходство, различіе и взаимное между ними соотношеніе; безъ нея не можетъ быть благо-разумія въ жизни, ни связи прошедшаго съ настоящимъ и будущимъ, и вообще въ обла-сти духовнаго образованія не можетъ быть совершенно ничего значительнаго безъ всеобъ-емлющей, вѣрной и сильной памяти.

Какъ духъ вообще, такъ и память въ особенностяхъ, подлежитъ совершенствованію и находится съ первымъ въ тѣсной связи; и потому - по давно уже думали о средствахъ усиливать память до такой степени, чтобы она могла легко обнимать многіе предметы, сохраняя ихъ долго въ точности и по про-

изволу возобновлять въ сознаніи. Изъ этого образовали особенное искусство , возбуждать , усиливать и направлять эту силу; оно должно служить средствомъ противъ забывчивости , представлять вѣрное руководство , какимъ образомъ подчинять память сильной волѣ ; но это искусство можетъ только направлять насъ , совершать методически и произвольно то , что хорошая память дѣлаетъ уже сама собою естественно ; оно не можетъ и не должно вредить никакой другой посторонней способности , напоминая все онѣ чрезъ него должны приобретать болѣе силы и дѣятельности.

Какъ энергія духа у разныхъ людей бываетъ различна, точно также и память; онѣ служатъ одна для другой взаимнымъ свидѣтельствомъ; послѣдняя принадлежитъ свободно дѣйствующей силѣ воображенія. Различныя степени естественной силы памяти , такъ же какъ и постепеннаго ея совершенствованія , можно означить въ слѣдующихъ видахъ.

а) На нисшей степени она является еще въ темномъ , поверхностномъ и одностороннемъ соединеніи представленій, схватываетъ только особенно поразительное и необыкновенное въ

чувственихъ ощущенійхъ, и не въ состоянніи привести въ одно цѣлое множества образовъ и мыслей. Дѣти, люди необразованные и разсѣянные, слабые и поверхностные служатъ тому примѣромъ. b) За симъ слѣдуетъ живая и легкая память знаковь и словъ, которая быстро объемлетъ и удерживаетъ въ себѣ частности, предметы видимые и отношенія ихъ, требуетъ размысленія, сравненія и разсужденія для своего приобрѣтенія, при томъ съ большимъ трудомъ; она замѣчается у нѣкоторыхъ людей, коихъ кругъ дѣйствованія ограниченъ, коихъ знанія большею частію простираются только на внѣшность, на имена, числа и раздѣленія. c) Третью степень занимаетъ обширная и многосторонняя память, которая легко воспринимаетъ и удерживаетъ въ точности многія представленія различныхъ родовъ, не соединяя съ этимъ однакожь оспроумнаго и проникающаго ума. Такіе люди часто съ излишнею жадностію работаютъ памятью, обременяютъ ее, впадаютъ въ заблужденіе и многочисленныя приобрѣтенія, въ ней заключающіяся, почитаютъ обыкновенно настоящимъ образованіемъ духа.

d) Совершеннѣйшая память та, которая не только съ легкостію и точностію

усвоиваетъ себѣ многое, вѣрно сохраняетъ и совокупляетъ близкое и отдаленное между собою, но которая поддерживается также и другими способностями духа: разумомъ, оспроуміемъ, глубокомысліемъ и фантазією. Она замѣчается у всѣхъ опличныхъ паланіновъ и свидѣтельствуетъ о силѣ божественнаго духа, который, приобрѣтая себѣ безконечное множество познаній, въ состояніи подчинить ихъ себѣ и совокупить въ единство одного цѣлаго.

Хотя память принадлежитъ воспроизводящей силѣ воображенія, но она помогаетъ духу при всѣхъ его прочихъ образахъ дѣйствования, особенно творческой вообразительной силѣ, или *фантазіи*, когда она изъ чувственныхъ представленій, сохраняющихся въ сознаніи, создаетъ произвольные образы; эта сила уже не воспроизводитъ, а творитъ новые образы и вещество для нихъ заимствуетъ изъ чувственного міра, уже усвоеннаго духу.

Эта чувственно-творческая сила воображенія дѣйствуетъ частію произвольно, частію свободно, смотря по тому, сама ли по себѣ она производитъ и совокупляетъ образы, безъ руководства воли и разума, или умъ и воля управляютъ ею, и она свои образы долж-

на располагають по понятіямъ и идеямъ. Какъ въ помъ, такъ и въ другомъ случаѣ, *соедине-
ніе идей* имѣеть на произведенія ея большое
вліяніе, особенно при созданіяхъ ея произ-
вольной дѣятельности, когда она безопаченно
производитъ и совокупляетъ образы. Чѣмъ
болѣе эта произвольная игра вообразитель-
ной силы преимуществуесть въ какомъ-либо
человѣкѣ, тѣмъ вреднѣе становится она для
прочихъ духовныхъ силъ его, особенно для
глубокаго размышленія и для рѣшительнаго,
опредѣленнаго дѣйствія. Такихъ людей обыкно-
венно называютъ мечтателями, у коихъ она
простирается до того, что они свои непра-
вильныя соединенія образовъ почтываютъ дѣй-
ствительностью.

Произвольно-творческая сила воображенія,
напрощивъ, есть вмѣстѣ условіе всякаго разу-
мѣнія; ибо всякое познаніе и разумѣніе есть
созданіе того, что познано въ сознаніи, и
каждый человѣкъ столько можетъ понимать
предметы, сколько онъ въ состояніи внушрен-
но воспроизводить или создавать новые образы,
такъ же какъ и неспособность разумѣнія есть
признакъ недостатка этой творческой силы;
она обуславливаетъ возможность всякаго разу-
мѣнія въ выраженіи посредствомъ слова: тогда

только мы понимаемъ какую-либо рѣчь, когда можемъ обдумывать смыслъ сказаннаго, соединять его съ членораздѣльными звуками, и по и другое разсмапривать въ ихъ единствѣ.

Помощію этой одной творческой силы можемъ мы представлять себѣ отдаленныя въ пространствѣ, и прошедшія, и будущія отношенія предметовъ во времени, соединять ихъ въ одно цѣлое. Чувствами созерцаемъ мы предметы только отдѣльно, а силой воображенія приводимъ множество отдѣльныхъ образовъ въ единство; съ помощію ея можемъ мы, руководствуясь исторіей, воскрешать прошедшее, котораго сами не были свидѣтелями, и вызывать предъ себя отдаленныя страны міра; чрезъ нее мы приобретаемъ возможность, опираясь на прошедшее и настоящее, составить себѣ понятіе и о будущемъ.

Наконецъ творческая сила воображенія оказываетъ чрезвычайно важныя услуги уму, даруя мыслямъ и понятіямъ опредѣленность, ясность и красоту. Опредѣленность мыслей состоитъ въ ихъ точномъ распредѣленіи, по которому каждая отличается отъ другихъ своимъ содержаніемъ и сама по себѣ дѣлается доступною знанію; соотвѣтственное распредѣленіе дѣлаетъ мысли очевидными; ясность

условливается уже опредѣленностію и очевидностію, такъ же какъ сравненіями и примѣрами, копорые сила вообразительная присоединяетъ къ мыслямъ по законамъ сродства и пропиво-положенія. Когда же истина, опредѣленность и ясность являющіяся въ совокупности; тогда происходитъ красота въ выраженіи и представленіи нашихъ мыслей. На этомъ основывается способность говорить правильно и красиво, и рядъ мыслей соединять въ одно изящное цѣлое.

Фантазія занимаетъ высшую степень, нежели воображеніе, и справедливо почитается совершеннѣйшимъ развитіемъ созерцательной силы: въ ней господствуетъ величайшая дѣятельность и красота въ созданіи. Между тѣмъ какъ сила вообразительная при всѣхъ своихъ созданіяхъ привязана еще къ временному, дѣйствительному и конечному міру, фантазія возвышается надъ всякою дѣйствительностію, освобождаетъ духъ отъ всего конечнаго и создаетъ совершенно новый собственный міръ, копорому хотя она и даетъ видъ временной дѣятельности, но онъ отъ нея независимъ и составляетъ особенное, на своихъ собственныхъ законахъ основанное цѣлое. Фантазія есть чувство всего отвлеченнаго; она созерцаетъ то, что не подвержено никакимъ чувствамъ и

соединяетъ въ нашихъ представленіяхъ и познаніяхъ чувственное и отвлеченное вмѣстѣ ; она обнаруживается въ различныхъ проявленіяхъ.

Фантазія есть также творящее начало, необходимое для языковъ ; ибо всякая рѣчь рождается непосредственно изъ духа , приведеннаго въ дѣятельность, который по своему первоначальному чувству прежде всего осуществляетъ въ себѣ каждую мысль , представляетъ ее очевидно и потомъ уже изводитъ ее изъ себя въ членораздѣльныхъ звукахъ. Языкъ есть непосредственное свидѣтельство самостоятельно дѣйствующей силы возрѣнія или фантазіи, которая осуществляетъ мысли, сами по себѣ отвлеченныя, и такимъ образомъ только ихъ сознаетъ. Языкъ относится къ мыслямъ, а не къ самымъ предметамъ, и смотря по тому, какъ сѣи послѣдніе въ умѣ представляются, они такъ и выражаются въ рѣчи. Слѣдовательно всѣ мысли, по необходимому закону духовнаго организма, дѣлаются доступными для чувствъ и обращаются въ образы; тогда онѣ являются духу какъ предметы и становятся для него понятными. Въ этомъ отношеніи мысль можно назвать внутреннею рѣчью, разговоромъ духа съ самимъ собою ; онъ долженъ мысли свои пред-

спавишь себѣ въ образахъ и попомъ обращаешься съ ними, или самъ хочешь понять ихъ.

Съ выраженіемъ мысли въ образахъ необходимо соединяется *слышимый голосъ и членораздѣльный звукъ*, новое осуществленіе мысли, которое непосредственно исходитъ изнутри: ибо звукъ и голосъ въ природѣ, опъ твердыхъ металловъ до человѣка, суть выраженія особеннаго одушевленія предметовъ, и какъ звукъ въ предметахъ неодушевленныхъ рождается при каждомъ ихъ движеніи, такъ и въ человѣкѣ онъ обнаруживаетъ состояніе души движимой и саму себя приводящей въ движеніе; онъ есть тѣло мысли, и какъ душа ощущаетъ внѣшній міръ только тѣлесными впечатлѣніями, такъ она познаетъ и все свое богатство мыслей только въ образахъ фантазій и въ звукахъ, имъ соопвѣпствующахъ. Тѣло споль же многообразно можетъ опредѣляться извнѣ, какъ многообразны самыя внѣшнія предметы; звукъ, какъ непосредственное тѣло духа, приведеннаго въ дѣяпельность, по сродству своему съ послѣднимъ, въ такой же степени способнѣ къ опредѣленности и образовательности, въ какой самъ духъ внутреннимъ существомъ и мыслями богаче, нежели внѣшній міръ предметами: звукъ,

по удободвижимости и изобразительности, совершенно способенъ осуществлять мысли и чувствованія духа; въ немъ отражаются всѣ его состоянія, и онъ, по своей безконечной образовательности, есть совершеннѣйшее средство для представленія особенной и общей жизни предметовъ, по мѣрѣ того какъ она приемлется и обрабатывается духомъ.

Что же преимущественно даетъ звуку такой видъ и образъ, что онъ служитъ совершеннѣйшимъ выраженіемъ каждой мысли? Творческая фантазія: она есть умъ или самый духъ, когда осуществляетъ свои мысли и располагаетъ въ образахъ; по нимъ же самымъ законамъ, по коимъ рождаются мысли и по ихъ особннымъ свойствамъ, фантазія измѣняетъ и звуки, членораздѣляетъ ихъ и соединяетъ въ одно цѣлое, подобно самымъ мыслямъ; и потому членораздѣльный языкъ и мысли взаимно соотвѣпствуютъ и составляютъ только два различныхъ явленія одного и того же существа. Возбужденный духъ непосредственно производитъ мысли, а въ совокупности съ фантазіею, выражаетъ ихъ въ словъ, по непреложнымъ своимъ законамъ. Отсюда понятно, почему каждый особенно сильный и самостоятельно дѣйствующий

щій духъ , производить весьма значительное влияние на образование и употребленіе языка , и почему языки такъ сильно дѣйствуютъ на образованіе духа.

Всѣ словесные языки первоначально суть осуществленія духовнаго мышленія помощію созерцательной силы или высшей ея дѣятельности — фантазіи ; они представляютъ совокупность всѣхъ образовъ , въ которыхъ духъ нашъ непосредственно отражаетъ самого себя и познаетъ вселенную ; онъ не понимаетъ ни себя , ни вѣшняго міра до тѣхъ поръ , пока свойства того и другаго не явятся ему какъ предметы въ словѣ , которое даетъ ему возможность созерцать и его собственное мышленіе. Безконечное движеніе жизни и всѣ отношенія предметовъ въ природѣ разсматриваются въ духѣ и оглашаются въ такой же безконечной опредѣлительности изъ потрясенной груди человека. И потому всѣ языки чѣмъ ближе къ своему первоначальному источнику, тѣмъ чувственнѣе и заключаютъ въ себѣ болѣе поэзіи ; но чѣмъ болѣе они подвергаются обработкѣ мыслящаго ума, тѣмъ замѣннѣе упрата ихъ первоначальной очевидности и тѣмъ болѣе они различаются одни отъ другихъ ; ибо какъ всѣ языки

въ первыхъ , проспыхъ своихъ звукахъ еще и теперь чрезвычайно близки, то и очевидно, что они въ своемъ первоначальномъ соспоянніи звучали весьма сходно, и только въ продолженіе времени такъ опдѣлились одинъ отъ другаго. Это понятно также изъ того , что одни и тѣ же предметы на разныхъ людей производятъ различныя впечатлѣнія, и что одинъ и тотъ же предметъ представляетъ различныя стороны, которыя служили поводомъ къ различнымъ его представленіямъ. Это многообразіе предмета и индивидуальность духа въ различныхъ людяхъ, суть единственныя причины различія языковъ.

Какъ фантазія есть образовательница языка , такъ она составляетъ необходимое условіе поэзіи и всѣхъ искусствъ вообще; ибо весь міръ искусства основывается на представленіи мыслей въ приличныхъ имъ чувственныхъ формахъ. Оригинальность мысли принадлежитъ уму , а внѣшнее выраженіе ея — фантазіи , и тогда только творятся истинныя произведенія искусства , когда и мысль и выраженіе находятся на одинакой степени совершенства. — Міръ искусства есть совокупность идеаловъ , а идеаль есть понятіе , созерцательно представленное. Различныя

искусства составляютъ особенный міръ образовъ, приведенныхъ къ различнымъ единствамъ фантазіею, средствами, исключительно ей принадлежащими. Произведенія и образы искусства, такъ же какъ распредѣленіе ихъ и соединеніе, принадлежатъ фантазіи; и они имѣють свои собственные законы, подобные законамъ мыслящаго ума.

Особенное дѣйствіе фантазіи есть также *острота*, состоящая въ быстромъ нахожденіи скрытыхъ сходствъ между предметами, и вообще языкъ образовъ и сравненій, который особенно предпочитается живою фантазіею.

Кромѣ того фантазія вспомоществуетъ уму при изслѣдованіи и познаніи отвлеченной природы вещей; потому что умъ не можетъ ясно сознать свойства и образы дѣйствованія отвлеченнаго, пока его необходимыя мысли объ этомъ не представляются ему въ предметахъ, въ образахъ: тогда только можетъ онъ опредѣленно познавать ихъ по ихъ принадлежностямъ, сходству, различію и взаимному соотношенію. Философъ—изслѣдователь природы физической и человеческой, занимающійся познаніемъ законовъ, скрытыхъ отъ чувственныхъ ощущеній, не

доспигнеть своей цѣли безъ живой фантазіи ; онъ долженъ воспроизводить въ себѣ внутреннюю жизнь и взаимодействіе силъ природы, и по мѣрѣ того , какъ ему удастся создавать образы, соотвѣтствующіе дѣйствующимъ силамъ, обнаруживается предъ нимъ и истинная сущность ихъ ; чѣмъ болѣе углубляется онъ въ ихъ дѣйствіе и механизмъ и прежде обдуманное въ понятіяхъ вмѣстѣ индивидуализируетъ фантазією, тѣмъ обильнѣе будутъ плоды его изслѣдованій. Нельзя быть настоящимъ философомъ-изслѣдователемъ природы и чело-вѣчества безъ истинно поэтическаго духа.

Наконецъ фантазія въ созданіяхъ своихъ отражаетъ образъ мыслей и намѣреній или характеръ чело-вѣка, и тѣмъ самымъ дѣйствуетъ на него обратно. Всѣмъ первоначальнымъ стремленіямъ , спраснямъ и намѣреніямъ даетъ она свойственные имъ видъ и цвѣтъ, и показываетъ ихъ какъ въ зеркалѣ ; эти образы суть собственно тѣ, въ которыхъ выражается индивидуальность каждаго; они, подобно идеаламъ , представляются чело-вѣку, съ ними сообразуется онъ обыкновенно во всѣхъ своихъ мысляхъ и намѣреніяхъ. Также точно, наоборотъ, зависитъ отъ фантазіи образъ дѣйствования внѣшняго міра на характеръ чело-вѣка ;

господствующее расположеніе духа опредѣляетъ свойство образовъ , коими располагаемъ фантазія, особенныя спороны, ею избираемыя — и эти идеалы обратнo дѣйствуютъ на расположеніе духа ; ибо духъ судитъ по нимъ о самой природѣ вещей.

Михаилъ Соминъ.

С. МАТЕМАТИКА.

3. О РѢШЕНИИ ЧИСЛОВЫХЪ УРАВНЕНІЙ.

Профес. при Лицѣхъ Кн. Безбородки, К. Кунфера.

§ 1. Представимъ чрезъ $f(x)=0$ какое нибудь алгебраическое уравненіе степени m

$$A + Bx + Cx^2 + Dx^3 + Ex^4 + \dots = 0,$$

въ которомъ корни несоизмѣримы, и по крайней мѣрѣ, если входить въ расчетъ не знакъ, но только числовая величина, одинъ корень $< \frac{1}{2}$. Очевидно, что это уравненіе представитъ успѣшное приближеніе къ сему корню въ такомъ случаѣ, когда коэффициенты x , начиная съ B , постепенно уменьшаются, такъ что $B > C > D > E$ и т. д.; чѣмъ быстрее они уменьшаются, тѣмъ уравненіе будетъ удобнѣе для приближенія къ корню. Посему спрашивается, можно ли всякое данное уравненіе привести къ такому виду? По крайней мѣрѣ возможно то, чтобы коэффициентъ B значительно превышалъ каждого изъ прочихъ коэффициентовъ; а того и достаточно. Вотъ способъ къ достиженію сей цѣли.

Положимъ сперва, что $x < \frac{1}{2}$, но коэффициенты не имѣють требуемаго свойства. Должно опъискать для x два такіе предѣла вида $\frac{1}{a}$ и $\frac{1}{a'}$, чѣмъ между ними заключалось не болѣе одного корня, и чѣмъ a и a' между собою разнились не болѣе какъ на единицу. Это обыкновенно весьма легко сдѣлать. Произведши это, предположимъ самый неудобный для приближенія случай, т. е. чѣмъ a было $= 2$. Тогда предѣлы будутъ $\frac{1}{2}$ и $\frac{1}{3}$ или $\frac{1}{2}$ и $\frac{1}{a'}$, гдѣ a' заключается между 2 и 3; разность сихъ предѣловъ будетъ $= \frac{1}{2 \cdot 3}$ или $< \frac{1}{2 \cdot 3}$. Одинъ изъ нихъ подойдетъ ближе къ настоящей величинѣ корня x , нежели другой, т. е. или $\frac{1}{2} - x$, или $x - \frac{1}{3}$, а шѣмъ наче и $x - \frac{1}{a'}$ будетъ $< \frac{1}{2 \cdot 3}$. Слѣдственно, если положимъ $x = \frac{y}{2}$, или $x = \frac{y}{a'}$, смотря по тому, будетъ ли $\frac{1}{2}$ или $\frac{1}{a'}$ ближайшій предѣлъ; то x' необходимо будетъ $< \frac{1}{4}$, если будетъ принято $y = 1 \pm x'$. Тогда, употребивъ ближайшій предѣлъ корня x , составимъ уравненіе по x' , которое означимъ чрезъ $f(x') = 0$, а ближайшій

предѣлъ корня x' представимъ чрезъ $\frac{1}{b}$; также и x'' будетъ $< \frac{1}{2b}$, когда положится $x' = \frac{y'}{b}$, $y' = 1 + x''$. Но мы знаемъ, что b не менѣе 4, слѣдовательно величина x'' должна быть $< \frac{1}{8}$. Если такимъ же образомъ, какъ вывели x'' изъ x' , и x' изъ x , выведемъ x''' изъ x'' , x'''' изъ x''' , и т. д., а чрезъ $\frac{1}{c}$, $\frac{1}{d}$ и т. д. означимъ ихъ ближайшіе предѣлы; то будетъ $c > 2b$, $d > 2c$ и т. д., т. е. знаменатели предѣловъ должны возрастать до безконечности. Вообще: когда означеннымъ образомъ изъ какого-либо даннаго уравненія $f(x) = 0$, составимъ уравненіе $f(x') = 0$, то корень сего послѣдняго будетъ по крайней мѣрѣ вдвое менѣе корня перваго уравненія $f(x) = 0$.

Теперь посмотримъ, выйдетъ ли опъ того и увеличеніе коэффициента B , достаточное для того, чтобы онъ превышалъ числовою величиною прочіе коэффициенты. Если положимъ $f(x) = u$, то это уравненіе будетъ представлять какую нибудь кривую линію. Вспавивъ $\frac{y}{a}$ вмѣсто x въ урав. $f(x) = u$, и умноживъ попомъ на a^m , мы умножимъ ординаты на a^m и увеличимъ абсциссы въ a разъ. Попомъ поло-

живъ $y = 1 + x'$, мы сдѣлаемъ ни что иное, какъ перенесемъ начало ординатъ въ близкое разстояніе отъ точки пересѣченія кривой линіи съ осью абсциссъ. Но тѣмъ не перемѣняется свойство кривой линіи. Слѣдовательно по произволію можемъ либо прежде умножить послѣдовательно на $a^m, b^m, c^m \dots$ а потомъ перенести надлежащимъ образомъ начало абсциссъ, либо попеременно умножать и переносить начало абсциссъ. Посему данная кривая линія превратится въ другую, коей ординаты весьма быспро увеличиваются или уменьшаются, если достаточно повторыны будутъ вышеозначенныя дѣйствія; припомъ начало абсциссъ перенесется весьма близко къ точкѣ пересѣченія кривой линіи съ осью абсциссъ; именно на разстояніе, изображающее одну изъ величинъ $x, x', x'' \dots$ вышеупомянутыхъ, которое теперь означимъ чрезъ z . Уравненіе для опредѣленія z означимъ чрезъ

$$F(z) = A' + B'z + C'z^2 + D'z^3 + \dots = 0.$$

Очевидно, что часть кривой линіи, соотвѣствующая абсциссѣ z , подойдетъ весьма близко къ прямой линіи. Слѣдовательно въ этомъ мѣстѣ кривой уравненіе $f(z) = 0$ изобразитъ весьма близко уравненіе прямой линіи, т. е. коэффициенты высшихъ степеней z должны быть не

значительны въ отношеніи къ B' . И такъ B' больше каждаго изъ прочихъ коэффициентовъ. Притомъ, если обратимъ вниманіе на составленіе коэффициентовъ, убѣдимся, что въ сложности вообще будетъ $B' > C' > D'$, и т. д.

§ 2. Когда корень уравненія $f(x) = 0 > \frac{1}{2}$, тогда вставляя въ уравненіе $s + z$ вмѣсто x , гдѣ s означаетъ цѣлое число, можно дойти до того, что $\pm z$ будетъ $< \frac{1}{2}$. При томъ очевидно, что для a и a' можно всегда выбрать два послѣдовательныхъ цѣлыхъ числа, когда разности корней не слишкомъ малы. Слѣдовательно поимѣнявъ при семъ дѣйствія должно причислить къ удобнымъ для вычисленія.

§ 3. Изъ предыдущихъ §§ выводился слѣдующее правило для приближенія къ несоизмѣримымъ корнямъ числовыхъ уравненій.

Пусть будетъ дано уравненіе

$$f(x) = A + Bx + Cx^2 + Dx^3 + Ex^4 \dots = 0.$$

Числовая величина искомаго корня будетъ или $< \frac{1}{2}$ или $> \frac{1}{2}$, причемъ знакъ корня не принимается въ уваженіе.

I. Первый случай: $x < \frac{1}{2}$.

Должно отыскать предѣлы $\frac{1}{a}$ и $\frac{1}{a'}$ искомаго корня, если возможно, такіе, чпобъ были a, a' цѣлыя числа и $a' = a \pm 1$. Легко при этомъ обнаружится, который изъ нихъ

дасть меньшій числовой выводъ для $f(x)$.
 Означимъ эптоь вѣрояпно ближайшій предѣль
 чрезъ $\frac{1}{a}$. Вставивъ $\frac{y}{a}$ вмѣсто x въ уравне-
 ние $f(x) = 0$, выведи уравненіе по y , а изъ
 сего уравненіе по x' , подставивъ $y = 1 + x'$.
 Означимъ сіе уравн. чрезъ $f(x') = 0$. Если
 въ немъ x' окажется $> \frac{1}{4}$, то это служить
 знакомъ, что предположеніе было ложное, и
 вмѣсто $\frac{1}{a}$ должно взять для преобразованія

другой предѣль $\frac{1}{a'}$. Надъ x' и $f(x') = 0$,
 положивъ $x' = \frac{y'}{b}$, а $y' = 1 + x''$, гдѣ $\frac{1}{b}$
 означаетъ ближайшій предѣль корня x' , должно
 повторишь такое же дѣйствіе, какое произвели
 надъ x , и тѣмъ выведши $f(x'') = 0$; потомъ
 то же надъ $f(x'') = 0$, чтобы выведши $f(x''') = 0$
 и т. д., гдѣ x''' относительно x'' означаетъ
 то же, что x'' относительно x' , и т. д.
 Если положимъ, что такимъ образомъ най-
 дены предѣлы $\frac{1}{a}, \frac{1}{b}, \frac{1}{c}, \frac{1}{d}$ и т. д. для
 x, x', x'', x''' и т. д., то будетъ

$$x = \frac{1}{a} + \frac{1}{ab} + \frac{1}{abc} + \frac{1}{abcd} \text{ и т. д.}$$

Такъ какъ числа $a, b, c, d, \dots$ необходимо
 должны значительно возрастать, то такимъ

образомъ получимъ весьма быстрое приближеніе къ искомому корню.

II. Второй случай : когда $x > 1$.

Тогда посредствомъ поспановки $c + z$ вмѣсто x , гдѣ c означаетъ цѣлое число, достигнемъ того, что $\pm z$ будетъ $< \frac{1}{2}$. Потомъ должно поступать такъ, какъ показано въ I.

§ 4. П р и м ь р ы.

I.

Пусть будетъ $f(x) = x^4 + 2x^2 + 2x - 1 = 0$

Предѣлы x : $\frac{1}{a} = \frac{1}{3}$, $\frac{1}{a'} = \frac{1}{2}$; $x = \frac{y}{3}$ даетъ

$y^4 + 18y^2 + 54y - 81 = 0$; $y = 1 + x'$ даетъ

$$x'^4 + 4x'^3 + 24x'^2 + 94x' - 8 = 0.$$

Предѣлы x' : $\frac{1}{b} = \frac{1}{12}$, $\frac{1}{b'} = \frac{1}{13}$.

Положивъ $x' = \frac{y'}{12}$, и $y' = 1 + x''$, получимъ

$$x''^4 + 52x''^3 + 3606x''^2 + 169492x'' + 49 = 0.$$

Предѣлы x'' : $\frac{1}{c} = \frac{-1}{3459}$, подходитъ весьма близко къ x'' ,

$$\frac{1}{c'} = \frac{-1}{3458}$$

$$x = \frac{1}{3} + \frac{1}{3.12} - \frac{1}{3.12.3458}$$

$$\frac{1}{3} = 0,33333333$$

$$\frac{1}{3.12} = 0,02777777$$

$$\frac{-1}{3.12.3458} = -0,00000803$$

$x = 0,36110308$ вѣрно больше, чѣмъ на 10 й знакъ, если продолжится дѣленіе.

II.

$$f(x) = x^4 - 8x^3 - 4x^2 - 2x + 2 = 0.$$

Предѣлы x : вѣроятно ближайшій предѣлъ

$$\frac{1}{a} = \frac{1}{3}, \quad \frac{1}{a'} = \frac{1}{2}, \quad x = \frac{y}{3}, \quad y = 1 + x';$$

выйдетъ :

$$x'^4 - 20x'^3 - 102x'^2 - 194x' + 49 = 0.$$

Пред. x' : $\frac{1}{4}$ и $\frac{1}{3}$; слѣдовательно предположеніе

было ложное. Посему положивъ $x = \frac{y}{2}$,

$y = 1 + x'$, получимъ :

$$x'^4 - 12x'^3 - 58x'^2 - 92x' - 15 = 0;$$

предѣлы x' : $\frac{1}{b} = -\frac{1}{5}; \quad \frac{1}{b'} = -\frac{1}{6}, x' = \frac{y'}{5}, \quad y' = -1 + x''$

$$x''^4 + 64x''^3 - 1264x''^2 + 8784x' + 736 = 0;$$

предѣлы x'' : $\frac{1}{c} = -\frac{1}{12}; \quad \frac{1}{c'} = -\frac{1}{13}$

$$x = \frac{1}{2} - \frac{1}{2.5} + \frac{1}{2.5.12} \quad \text{и} \quad x = \frac{1}{2} - \frac{1}{2.5} + \frac{1}{2.5.13}$$

пределы x : 0,4083 и 0,4077.

III.

Послѣ нѣкоторыхъ дѣйствій, при послѣднемъ можно къ знаменателю предѣла безъ затрудненія прибавить нѣсколько десятичныхъ знаковъ. На пр.

$$f(z) = z^5 - 3z^3 + 2z^2 - z - 1 = 0,$$

$z > \frac{1}{2}$. Слѣдовательно положивъ $z = 2 + x$, получимъ

$$x^5 + 10x^4 + 37x^3 + 64x^2 + 51x + 13 = 0;$$

$$\text{пред. } x: \quad \frac{1}{a} = -\frac{1}{2}; \quad \frac{1}{a'} = -\frac{1}{3}; \quad x = \frac{y}{2}; \quad y = -1 + x';$$

$$x'^5 - 15x'^4 + 78x'^3 - 188x'^2 + 161x' + 17 = 0;$$

$$x' = -\frac{1}{11} \text{ и } -\frac{1}{10}; \quad x' = \frac{y'}{11}, \quad y' = -1 + x'',$$

$$x''^5 + 170x''^4 + 10108x''^3 + 279542x''^2 + 2886636x'' - 120834 = 0;$$

$$\text{пред. } x: \quad \frac{1}{23} \text{ и } \frac{1}{24}, \text{ ближе } \frac{1}{23,986} \text{ и } \frac{1}{23,985}.$$

$$\text{Пределы } x: \quad -0,4526504 \text{ и } -0,4526500 \\ z: \quad 1,5473496 \text{ и } 1,5473500.$$

IV.

$$f(z) = z^2 - q = 0.$$

$$z = a + x \text{ даетъ}$$

$x^2 + 2ax + a^2 - q = 0$, гдѣ a означаетъ
меньшій предѣлъ z въ цѣлыхъ числахъ. Озна-
чивъ $q - a^2$ чрезъ D , получимъ

$$x^2 + 2ax - D = 0;$$

$$\text{пред. } x = \frac{D}{2a}$$

$$x = \frac{y}{\left(\frac{2a}{D}\right)};$$

$$y^2 + \frac{4a^2}{D}y - \frac{4a^2}{D} = 0,$$

$$y = 1 + x',$$

$$x'^2 + \left(\frac{4a^2}{D} + 2\right)x' + 1 = 0;$$

$$\text{пред. } x' = \frac{-1}{\left(\frac{4a^2}{D} + 2\right)} = \frac{1}{b},$$

$$x'' = \frac{y'}{b}$$

$$y'^2 + b^2y' + b^2 = 0;$$

$$y' = -1 + x''$$

$$x''^2 + (b^2 - 2)x'' + 1 = 0;$$

положивъ $c = b^2 - 2$, получимъ

$$\text{пр. } x'' = \frac{-1}{c}, \quad x''' = \frac{y''}{c}; \quad y'' = -1 + x''',$$

$$x'''^2 + (c^2 - 2)x''' + 1 = 0,$$

$$x = \frac{D}{2a} + \frac{D}{2ab} + \frac{D}{2abc} + \frac{D}{2abcd} + \frac{D}{2abcde} + \dots$$

гдѣ $d = c^2 - 2$, $e = d^2 - 2$, и т. д.

Уч. Зап. Часть XII.

Можно сказать, что это даетъ весьма быстрое приближеніе, и удобное, когда $2a$ дѣлится на D безъ остатка. Пусть будетъ $q = 2$. Тогда $a = 1$, $D = 1$, $b = -6$, $c = 34$, $d = 1154$, $x = 0,5 - 0,083333... - 0,002451... - 0,000002... = 0,414213...;$

$\sqrt{2} = 1,414213... q = 7$ даетъ $a = 3$, $D = -2$; $2a = b$; $b = 16$; $c = 254$,

$\sqrt{7} = z = 3 - 0,33333... - 0,020833... - 0,000082... = 2,645752...;$

V.

$$f(z) = z^3 - 2 = 0$$

Уравненія по x , x' , x'' :

$$1, x^3 + 3x^2 + 3x - 1 = 0,$$

$$a = 4$$

$$2, x'^3 + 15x'^2 + 75x' - 3 = 0;$$

$$b = 25$$

$$3, x''^3 + 3.126x''^2 + 3.126^2x'' + 3.126 - 2 = 0;$$

$$c = -126$$

$$x = \frac{1}{4} + \frac{1}{4.25} - \frac{1}{4.25.126} = 0,05 + 0,01 - 0,0000793 = 0,2599207;$$

$$z = \sqrt[3]{2} = 1,259921.$$

Д. Ф И З И К А.

4. О П Р И Ч И Н Ъ С В Ъ Т А.

Записка Тальбота ().*

1. Разсмащривая внимательнѣно новѣйшія отккрытія въ Оптикѣ, получаемъ особенныя понятія о натурѣ свѣта, — понятія, которыя для неразмышлявшихъ съ основательностью о семъ трудномъ предметѣ кажутся весьма сомнительными и подлежащими многимъ возраженіямъ. Если допустимъ гипотезу волнообразныхъ сопрясеній, то принуждены будемъ принять, что свѣтъ, или — почтѣе — эфиръ, коего сопрясенія производятъ явленія свѣта, существуетъ во всякомъ мѣстѣ, во всякое время, и всегда готовъ распространять сопрясенія своихъ часпицъ по всѣмъ направленіямъ и на всякое разстояніе: какимъ же образомъ объяснить темноту ночей? — Вотъ затрудненіе, которое не встрѣчается въ

(*) См. Bibliothèque Universelle, Декабрь, 1835 г. —
Переводъ.

гипотезъ истеченія.—Но мы знаемъ, что многія явленія прошиворѣчаютъ свидѣтельству чувствъ, а между тѣмъ дѣйствительность ихъ существованія не подлежитъ никакому сомнѣнію; таково, на примѣръ, двойное движеніе земли; слѣдовательно гипотезу сопрясеній должно отвергнуть только въ томъ случаѣ, когда увѣримся, что она недоспапочна для удовлетворительнаго объясненія другихъ явленій.

2. Весьма замѣчательно, что иногда можно возбуждать яркій (intense) свѣтъ при обстоятельствахъ, изъ которыхъ, повидимому, совсѣмъ нельзя объяснить его происхожденія. Всѣ знаютъ явленіе при погруженіи извести въ пламя горячей смѣси кислорода съ водородомъ: но какимъ образомъ объяснить сіе явленіе? Его приписывали возстановленію и постепенному сгорѣнію кальція: — въ сей мысли съ перваго взгляда можно замѣтить прошиворѣчіе, и ни въ какомъ случаѣ нельзя найти для нея доказательствъ. Сильный жаръ разсѣиваетъ извѣсть: но это обстоятельство случайное, и не есть необходимое слѣдствіе опыта, и потому для точнаго понятія причины явленія надобно сдѣлать опытъ при иной температурѣ, отъ которой извѣсть не разсѣивается. Такой опытъ

въ первый разъ произведенъ *Камерономъ* и *Брюстеромъ* 1820 г. Лоскупокъ бѣлой бумаги дѣлается влажнымъ опъ раствора соленокислой извести (*muriate de chaux*); потомъ опрѣзывается опъ него продолговатая полоска, которая однимъ концомъ погружается въ пламя спиртовой лампы. Чрезъ одну или двѣ минуты бумага, превратившаяся въ уголь, исчезаетъ, и остается одна известь въ видѣ совершенно бѣлой ткани, которая потомъ раскаляется и начинаетъ испускать голубоватое пламя. Раскаленіе сіе оканчивается только съ погашеніемъ лампы.

3. Въ семь опытъ прежде всего заслуживаетъ вниманіе неизмѣняемость вѣса извести; слѣд. причину свѣта, исходящаго изъ извести, не должно искать въ ея горѣніи, подобно свѣту горящей свѣчи. Для опредѣленія, до какой степени увеличивается свѣтъ пламени присутствіемъ извести, вмѣсто широкой свѣтильни надобно употребить весьма тонкую, сдѣланную изъ одной нити. Въ этомъ случаѣ пламя превращается въ шарикъ величиною съ горошину, и свѣтъ его ослабѣваетъ столько, что становится едва видимымъ въ темной комнатѣ. Когда въ такое пламя положится маленькій кусочекъ извести, тогда онъ раскаляется немедленно, и свѣтъ пламе-

ни усиливается до того, что на разстояніи нѣсколькихъ шаговъ можно различать часы и минуты на карманныхъ часахъ. И такъ можно полагать, что опъ извѣсти увеличился свѣтъ не менѣе какъ разъ во сто.

4. Вотъ какимъ образомъ я объясняю описанный опытъ. Сопряженіе всякаго тѣла сообщается упругой окружающей его *средѣ*: это дѣйствіе есть чисто механическое; примѣръ его видимъ въ атмосферѣ, копорая всякимъ сопрясающимся тѣломъ приводится въ колебательное движеніе; для сего нѣтъ надобности въ сродствѣ между воздухомъ и звенящимъ тѣломъ; надобно только, чпобъ части его колебались правильно и съ надлежащею скоростью. Предположимъ теперь, что скорость сопрясеній увеличивается до неизмѣримости: не трудно понять, что тогда онѣ могутъ быть сообщены окружающему эиру, въ которомъ образуются *свѣтлыя волны*, или — другими словами — тогда тѣло, коего части находящіяся въ соспояніи такого колебанія, дѣлаются свѣящимся. Осприца *теоретическую* возможность сего явленія, должно въ то же время допустить, что эиръ не имѣетъ свойствъ упругой среды, и опвергнувъ всякую аналогію между звукомъ и свѣтомъ; но этого мало: *физическая* возможность такого

происхожденія свѣта пребуесть доказательства, что часпицы твердаго тѣла способны возбуждашь сопрясенія съ быспрошою, необходимою для свѣплыхъ волнъ. Извѣстные механическія средства не могушь производить подобнаго дѣйствія: но принимая тепло за причину, нарушающую равновѣсіе часпиць, полагаю, что оно имѣесть доспапочную для того силу. И пакъ, по моему мнѣнію, яркій свѣтъ отъ часпиць извеспи возбуждается тепломъ, которое приводитъ сіи часпицы въ то быспрое сопрясеніе, которое можесть сообщаться окружающей средѣ и производить въ ней свѣплыя волны.

5. Изъ сего объясненія слѣдуетъ, что всякое вещество, котораго часпицы могушь колебаться въ холодномъ состояніи, способно свѣплить собспвеннымъ свѣпомъ. Таковы сунъ тѣла фосфороносныя. Солнечные фосфоры, лежава на солнечныхъ лучахъ, продолжають испускашь свѣтъ и въ темнотѣ. Касательно сего предмета недавно сдѣланы важныя наблюденія *Озанномъ*; они показываютъ, что свѣтъ фосфора въ кислородѣ не увеличивается, а въ водородѣ не уменьшается; слѣд. здѣсь нѣтъ горенія; однакожь вспрѣчаемъ и нѣкоторое запрудненіе: не ужели въ часпицахъ тѣлъ, приведенныхъ въ быспрое сопря-

сеніе солнечными лучами, можетъ продолжаться сіе соприсеніе и безъ дѣйствія солнца? Мнѣ кажется, что вопросъ сей разрѣшается слѣдующимъ опытомъ: лоскутокъ бумаги намочилъ я растворомъ соленокислаго серебра (*muriate d'argent*),—веществомъ, которое чернѣетъ отъ солнца; въ зимній день положилъ его на солнце такъ, что только одна его половина была подвержена дѣйствію лучей; чрезъ нѣсколько минутъ я взялъ бумагу и не нашелъ никакой разности между ея половинами, лежавшею въ солнечномъ свѣтѣ, и укрытой отъ него. Послѣ того я положилъ бумагу въ другую комнату, которая зимою не освѣщалась солнцемъ, и чрезъ нѣсколько часовъ съ удивленіемъ увидѣлъ, что часть ея, бывшая на солнечныхъ лучахъ, почернѣла, другая же часть осталась бѣлою. Сіе наблюденіе не ясно ли доказываетъ, что дѣйствіе солнечныхъ лучей продолжалось въ бумагѣ и по прекращеніи непосредственнаго ихъ вліянія? — Сравнивая сіи различныя наблюденія, я считаю вѣроятнымъ, что дѣйствіе, достаточное для разложенія соленокислаго серебра, можетъ быть также достаточно для произведенія фосфоричности. Допустивъ сіе, можемъ принять, что фосфоричность прекращается въ то время, когда соприсающіяся частицы прихо-

дѣлѣ въ состояніе покоя, изъ котораго онѣ могутъ быть выведены посредствомъ новаго сопряженія, на примѣръ, посредствомъ электрическаго удара. Дѣйствительно, *Пирсаль* (Pearsall) доказалъ, что электрическія искры оживляютъ фосфоричность. Сверхъ того, новѣйшіе опыты *Озана* подтвердили, что фосфоричность производится единственно лучами фиолетовыми, т. е. тѣми же лучами, которые дѣйствуютъ на соленокислосое серебро, не перемѣняющееся отъ другихъ лучей цвѣтнаго призрака. Въ этой аналогіи я нахожу оправданіе моего мнѣнія.

6. Касательно природы свѣта, выведемъ теперь вѣроподобныя заключенія изъ наблюденій надъ *поглощеніемъ* онаго газомъ селитрянымъ и другими цвѣтными газами. Сіе любопытное явленіе открыто Док. *Брюстеромъ* (*). Поглощеніе свѣта, производимое парами іода, по описанію Проф. *Миллера*, означается черными полосами (*raies*), которыхъ число равняется почти 100, и которыя находятся въ равныхъ разстояніяхъ одна отъ другой; но производя точнѣйшіе опыты, я нашелъ, что разстоянія между сими полосами не суть равномерны: въ цвѣтномъ призракѣ онѣ уменьшаются къ

(*) См. *Manuel d'Optique*, par Brewster, том. 1, стр. 181 и слѣд. Исп.

концу голубаго цвѣта. Баронъ *Вреде* сдѣлалъ то же заключеніе и подтвердилъ его непосредственнымъ измѣреніемъ. Такое сближеніе полосъ постепенно и кажется подчиненнымъ какому-то общему закону. Припомъ на каждомъ концѣ призрака находятся пространства, въ коихъ не видно ни одной полосы. Въ началѣ сей записки я предположилъ, что сотрясенія свѣта и частицъ вещества могутъ оказывать взаимное дѣйствіе: посмотримъ, нельзя ли изъ той же гипотезы объяснить явленіе поглощенія. Извѣстно, что нѣкоторыя газы, не соединяющіеся въ темнотѣ, быстро соединяются при дѣйствіи свѣта: я думаю, что свѣтъ въ частицахъ газовъ производитъ такія сотрясенія, которыя вводятъ ихъ въ сферу взаимнаго притяженія, и, какъ изъ упомянутаго явленія, такъ и изъ многихъ другихъ того же рода, заключаю, что свѣтъ, проходя сквозь прозрачную среду, способенъ возбуждать сотрясенія въ ея частицахъ. Допустивъ сіе, предположимъ, что пары іода состоятъ изъ частицъ, могущихъ приходиться въ сотрясеніе со скоростью, почти равною скорости волнообразнаго движенія частицъ свѣта; а какъ разноцвѣтность лучей, по гипотезѣ сотрясенія, состоитъ въ разности между скоростями сотрясеній, то одинъ изъ сихъ сотрясеній мо-

гупъ бытъ согласными, а другіе — несогласными съ сопрясеніями паровъ іода: каждое изъ послѣднихъ въ цвѣтномъ призракъ должно производить черную полосу, или безцвѣтное проспанство; потому что въ этомъ мѣстѣ сопрясеніе луча прекращается; сіе-то явленіе называемъ *поглощеніемъ* свѣта.

7. Баронъ Вреде недавно сдѣлалъ извѣстными свои мысли о томъ же предметѣ; выводимыя имъ слѣдствія клонятся также къ подтвержденію гипотезы сопрясеній; но онъ предполагаетъ, что частицы паровъ іода неподвижны и дѣйствуютъ на свѣтъ какъ отражающія плоскости, раздѣленные между собою небольшими разстояніями, и по закону *узловъ* (*interférence*) въ свѣплыхъ волнахъ, нѣкоторыя изъ нихъ распространяются, а другія уничтожаются, смотря по отношеніямъ ихъ протяженій къ разстояніямъ частицъ.

II. СЛОВЕСНОСТЬ И ИСКУССТВА.

А. ТЕОРІЯ СЛОВЕСНОСТИ.

5. Чувство изящнаго, искусство и изящное въ искусствѣ.

Изъ Лекцій Профессора Давыдова.

Человѣкъ, какъ гражданинъ неба и земли, одаренъ умомъ и волею: помощію ума, поспешенно развивающагося и въ точности направляемаго, онъ познаетъ видимый міръ и себя самого — становится владѣльцемъ земли помощію воли, выражающейя въ дѣйствіяхъ и нравственныхъ поступкахъ, онъ стремится къ небу, къ источнику свѣта свѣтовъ. Благороднѣйшее назначеніе человѣка, въ отношеніи къ міру, состоитъ въ уподобленіи окружающей природы себя самому, въ преобразованіи, въ запечатлѣніи ея умомъ и волею.

Сими двумя направленіями духа человѣкъ опыскиваетъ родныя ему идеи, разлитыя въ твореніи Божіемъ — идеи истины и добро-

ты. Въ открытіи законовъ, по копорымъ опы-
вѣчности вращаются свѣтила надъ нашими
главами, по коимъ ежегодно весна живоотво-
рять всю окружающую насъ природу, по ко-
имъ ниспадаетъ благодатный дождь, и необо-
зримый океанъ не выплываетъ изъ береговъ
своихъ — въ открытіи всѣхъ сихъ законовъ
откликается духу нашему идея истины, та
самая, по копорой мы въ сознаніи нашемъ со-
единяемъ согласныя понятія и сужденія, раз-
дѣляемъ противорѣчія, пребуемъ связи и по-
слѣдовательности въ заключеніяхъ.

Но посмотрите на исторію рода челове-
ческаго: одни общества смѣняюшя другими,
юные и сильные народы заспупаютъ мѣста
одряхлѣвшихъ и изнѣженныхъ; на развалинахъ
обществъ, оживившихъ вѣкъ гражданственно-
сти, возникаютъ новыя, части свѣта размѣ-
ниваются своими богатствами; вѣка переда-
юшъ другъ другу умщвенныя свои сокровища;
въ исторіи описывается внутреннему гласу
человѣка идея доброты. Плодъ опытовъ воли
въ исторіи есть законъ, исторія нравствен-
наго долга.

Въ двухъ направленіяхъ духа нашего, по-
знаваніи и хонѣніи, или дѣйствованіи, не лзя
не различить двухъ противоположныхъ началъ—
вещественной необходимости и нравственной

свободы: къ одной привязывается насъ тѣло; другая обличаетъ въ насъ образъ и подобіе Божества. При всемъ этомъ, въ изслѣдованіяхъ природы и исторіи духъ нашъ спѣсняется предѣлами мѣста и времени; въ міръ дѣйствительности ему нѣтъ простора; просвѣщенный испытаніями ума и утомленный дѣйствованіями воли, онъ успокоивается, когда сосредоточивается въ себѣ самомъ. Разберитесь самихъ себя при созерцаніи голубаго свода небесъ, усыяннаго яркими звѣздами, при размышленіи о подвигѣ великодушія — при воззрѣніи на лице, изъ котораго проглядываетъ доброе сердце: въ этомъ состояніи духа вы не ищете истины, вы не дѣйствуете волею вашею; но объятые чувствомъ, какъ бы превращаетесь въ одно чувство, возвышающее васъ надъ здѣшнюю жизнь. — Это претѣе состояніе восторженнаго духа нашего, среднее между знаніемъ и дѣйствованіемъ, выражается *чувствомъ*; оно пробуждается отъ соприкосновенія съ идеей *изящнаго* — съ идеей красоты безпредѣльной, неограниченной никакимъ мѣстомъ, и вѣчной, неограниченной временемъ. Эта идея, занимающая средоточіе духа нашего, влечетъ къ себѣ все наше бытіе; безпрестанное приближеніе къ ней составляетъ духовное наше наслажденіе. Здѣсь-то гармонія

жизни нашей, состоящей въ бытіи и дѣйствованіи, оглашается *искусствомъ*.

Міръ искусства сколько же истиненъ и дѣйствителенъ, сколько истиненъ и дѣйствителенъ міръ физическій и историческій. Представьте себѣ то существо, которое взидало на первые дни вселенной и человека, видѣло землю послѣ сотворенія ея Создателемъ и все красоты вѣхнихъ дней; которое смотрѣло на прелестные образы природы, слышало очаровательные погодшіе звуки — короче, существо, взиравшее на міръ первобытный, представьте это существо среди насъ, среди чудесъ науки и искусства: могло ли бы оно узнать обиталище свое, куда какъ бы низшло высшее твореніе и преобразило всю землю?

Слѣдуетъ, что *искусство есть проявленіе идеи изящнаго*, воссозданіе новаго міра, самый духъ въ видимости, чувственное представленіе, олицетвореніе идей. Оно, имѣя основаніе во внутреннемъ существѣ человека, выражаетъ всю его духовную природу, соединяетъ все силы его бытія въ одно стройное цѣлое. Съ нимъ искусствомъ не должно смѣшивать искусство, имѣющихъ главнымъ предметомъ удовлетвореніе нуждъ нашихъ, и пребывающихъ болѣе силы плѣсной, нежели духовной — искусство ме-

ханическихъ. Напротивъ, истинное искусство, или искусство по преимуществу, по идеѣ, имъ выражаемой, называемое изящнымъ, открываетъ внутреннюю природу нашу, всѣ тайны бытія въ чувственныхъ формахъ. Оно опредѣляетъ и высшую цѣль изящнаго искусства, стремленіе или возведеніе дѣйствительности къ совершенству. Обыкновенно говорятъ, что механическія искусства назначаются для пользы, а изящныя для удовольствія, или для самихъ себя. Но развѣ занятіе силъ душевныхъ не составляетъ также необходимой потребности души человѣческой?

Изъ этого очевидно существенное различіе между наукою и искусствомъ. Наука занимается разсматриваніемъ предметовъ въ природѣ, или событій въ исторіи, искусство — ихъ преобразованіемъ. Въ наукѣ умъ нашъ опы частныхъ явленій восходитъ къ общимъ о нихъ началамъ: въ искусствѣ, наоборотъ, опы идей нисходитъ къ предметамъ. Наука тамъ оканчивается, гдѣ искусство начинается; и обратно, искусство тамъ кончится, гдѣ наука начинается. Въ наукѣ всѣ высшіе предметы разрѣшаются въ общія понятія: въ искусствѣ мысли превращаются въ предметы. Въ самомъ искусствѣ открытіе законовъ его рожденія и развитія составляетъ также предметъ науки.

Искусство въ существѣ своемъ одно, равно какъ идея изящнаго одна. Но вѣчная идея изящества, неходя изъ глубины духа нашего, можетъ открыться только въ формахъ и предѣлахъ нашихъ воззрѣній. Сии формы и предѣлы воззрѣній нашихъ суть пространство и время; все, что должно быть предметомъ нашего познанія, необходимо являеися или въ пространствѣ, или во времени, или во времени и пространствѣ вмѣстѣ. Изъ этого очевидно слѣдуетъ, что изящное искусство также неминуемо должно проявлять высшую идею изящества или преимущественно въ пространствѣ, или во времени, или въ томъ и другомъ вмѣстѣ. Въ пространствѣ существуютъ тѣла, въ протяженіи своемъ ограниченныя, предметы осязанія и зрѣнія; вообще являющееся въ пространствѣ представляется какъ *образъ*. Во времени происходитъ движеніе, предметы слуха или внупренняго нашего ощущенія; все являющееся въ послѣдовательности времени, представляется какъ *звукъ*. Но когда предметъ зрѣнія и осязанія сливается съ предметомъ слуха и внупренняго ощущенія, или когда виѣшнее сливается съ внупреннымъ; тогда образъ становится слышимъ, и звукъ становится видимъ. Такой созердаемый звукъ, или слышимый образъ есть *слово*. Отсюда въ

искусствѣ происходятъ при отрасли, зависящія отъ способовъ выраженія идеи изящнаго: одні представляють изящное въ образахъ, дѣйствуя на зрѣніе, и называющіяся *пластическими*, или *образовательными*; другія представляють изящное во времени, посредствомъ звуковъ дѣйствуя на слухъ, и называющіяся *тоническими*; наконецъ представляющія изящное въ пространствѣ и времени совокупно посредствомъ слова, дѣйствующія на воображеніе, называющіяся *словесными*. Сими отраслями искусства соотвѣтствуютъ: *Пластика, Музыка и Поэзія*.

Мы сказали, что идеи наши, для осуществленія своего, должны проявились въ пространствѣ и времени — должны принять опредѣленную форму: поэтому существенная часть произведенія искусства заключается въ *формѣ*, какъ *выраженіи идеи*. Форма изящнаго произведенія всегда запечатлѣна бываетъ тѣми душевными способностями, подъ вліяніемъ которыхъ духъ нашъ производитъ, именно: воображенія, чувства и фантазіи. Правильность, относящаяся къ образамъ, зависитъ отъ воображенія; гармонія, принадлежащая другой сферѣ слова — звуку, находится подъ вліяніемъ чувства; наконецъ полнота, жизнь, совершенный организмъ словесный, есть твореніе

фантазиі. Отсюда происходят существенныя качества произведеній искусства вообще: 1) единство, 2) гармонія и 3) полнота. Художественное произведение должно выражать одну идею, при гармоническом сліяніи всѣхъ тоновъ ея въ одинъ основной тонъ, и во всей ея полнотѣ. Изъ этого слѣдуетъ, что область искусства опредѣляется не особенными какими-либо предметами, но качествами *выраженія духа*, принимающаго извѣстную форму, съ показанными совершенствами.

Кромѣ общихъ условій изящнаго, составляющихъ необходимую принадлежность искусствъ, каждое изъ нихъ въ особенностяхъ имѣетъ свое отличительное качество. — Поэзія не можетъ выразить чувствованій съ такою силою и быстротою, какъ выражаетъ ихъ музыка; она не потрясаетъ души нашей непосредственно, какъ музыка, но представляетъ чувствованія воображенію описаніемъ, выраженіемъ ихъ по производимымъ ими переменамъ. — Поэзія не можетъ также со всею прелестью живописи изобразить нѣсколько предметовъ въ совокупности; она тоже послѣдовательно описываетъ. — Въ замѣнъ же этого, Поэзія имѣетъ преимущество надъ музыкою въ изображеніи тѣхъ физическихъ, даже опвлеченныхъ понятій. Моцартовы и Бетховеновы звуки не выражаютъ

Державина оды „Богъ“, не представлять посланія Ломоносова къ Шувалову о спеклѣ. Поэзія имѣеть преимущество надъ живописью изображеніемъ также отвлеченныхъ понятій и предметовъ въ дѣйствіи. Представитъ ли живописецъ споль полныя карпины Каспія и Ермака, сколь полны онѣ у Державина и Дмишріева?

Изъ этого сравненія способовъ выраженія, свойственныхъ тому или другому искусству въ особенности, открываются тайны, копорыми дѣйствуетъ Поэзія: она изображаетъ то, чего другія искусства изобразить не могутъ—предметы физическіе въ движеніи, чувствованіи по перемѣнамъ, какія опъ нихъ происходятъ, общія истины въ частныхъ представленіяхъ. Этимъ сравненіемъ также проясняется значеніе Поэзіи, какъ *выраженія идеи изліцаго въ словъ*.

Умъ, воля и чувство развиваются постепенно, начиная съ проявленій грубыхъ и оканчивая проявленіями чистѣйшими. Въ гармоническомъ развитіи всѣхъ силъ духа состоить совершенствованіе духовнаго организма. Идея истины не есть одно какое-либо понятіе, или одно изъ началъ: она содержитъ въ себѣ всѣ понятія и начала. Если бы человеку дарована была способность обнять од-

нимъ взглядомъ всѣ законы и возможные отношенія вещей; то онъ созерцалъ бы идею истины во всей ясности. Но, по ограниченности ума нашего, выводящаго заключенія свои послѣдовательно, именно чрезъ понятія, сужденія и умствованія, идея истины остается непоспигимою въ цѣлости; мы достигаемъ ее по частямъ и поспешенно. Опъ того всякое знаніе есть приближеніе къ идеѣ истины. Какъ умъ живетъ въ идеѣ истины: такъ воля стремится приблизиться къ идеѣ блага и добродѣтели, проходя чрезъ побужденія, желанія—до закона нравственнаго долга. Наконецъ чувство подаетъ намъ свѣдѣніе не о качествѣнности вѣшняго міра, но о внутреннемъ нашемъ состояніи, въ отношеніи къ удовольствію и неудовольствію. Оно занимаетъ средину душевныхъ способностей; въ немъ заключается совершенное единство и равновѣсіе духовнаго организма. Все, проникающее чувство, сотрясаетъ струны этого организма: въ ихъ согласіи или несогласіи выражается удовольствіе или неудовольствіе. Истина постигается умомъ; доброта совершается волею; а изящное должно быть возчувствовано. Все, переходящее въ чувство, получаетъ теплошу жизни; въ этой способности происходитъ гармоническая дѣятельность всѣхъ силъ душевныхъ. Къ области чувства принадлежатъ воображеніе и фантазія: произведенія воображе-

нія суть представленія чувственныхъ предметовъ ; произведенія фантазіи суть идеалы , представленія понятій опвлеченныхъ. Однѣ произведенія относящяся къ другимъ, какъ частное къ общему, или какъ конечное къ безконечному. Каждое представленіе воображенія есть только отраженіе идеала. *Совершенство эстетическое состоитъ въ приближеніи къ идеаламъ фантазіи.*

Непосредственное выраженіе чувства есть слово ; отсюда происходитъ могущественное дѣйствіе фантазіи на произведенія слова. Искусство—также швореніе чувства, а потому органъ всякаго искусства фантазія. Ипакъ въ чувствѣ внутреннемъ, какъ въ сѣмени, зашипы всѣ силы человѣческаго организма. Начало жизни нашей—младенчество и отрочество, представляють полношу чувства, то соспоаніе, когда вся духовная жизнь наша соспоишъ изъ непрерывнаго чувствованія. Съ возрастомъ чувство разрозняется на отдѣльныя направленія духа ; съ одной стороны оно является способностью познавательною, съ другой—желательною. И обратнo, всѣ приобрѣтенія истины и всѣ дѣйствія блага, сосредоточиваясь въ чувствѣ, составляютъ возвышенное нравственное наслажденіе, гармонію силъ умственныхъ и нравственныхъ.

Посему мысль и дѣйствіе суть двѣ полярныя противоположности , произникающія изъ

чувства, равно какъ истина и благо суть двѣ полярныя крайности, объемлемыя изящствомъ. Наоборотъ, чувство изящнаго слагается изъ двухъ элементовъ — идеи истины и блага. Ни истина сама по себѣ, ни благо не исполняютъ чувства нашего изящнымъ: для сего необходима совокупность той и другой идеи.

Чувство, занимая средину душевныхъ способностей, съ одной стороны сливается съ познавательною способностью, съ другой — съ нравственною. Отсюда происходятъ два особыя проявленія души, двѣ новыя силы: *вкусъ* и *гений*. Созерцаніе изящнаго умственное, или представленіе его въ понятіяхъ принадлежитъ вкусу; творческая дѣятельность, проявляющаяся въ изящныхъ произведеніяхъ, составляетъ гений. Полное развитіе художественной дѣятельности, полное эстетическое совершенствованіе требуютъ изоцренія вкуса и воспитанія гения.

Совершенствованіе эстетическое начинается съ изученія природы въ ея изящныхъ явленіяхъ. Духовный организмъ нашъ развивается соприкосновеніемъ съ вѣчными предметами. Но изученіе природы лишь только развиваешь въ насъ чувство изящнаго, устремляешь насъ къ творчеству; для направленія же чувства къ художественной дѣятельности необходимо

изученіе искусства. Мы наслаждаемся въ природѣ разнообразіемъ цвѣтовъ, не различая въ нихъ гармоническаго сліянія цвѣтовъ радуги; это разложеніе безконечнаго разнообразія красокъ на семь элементовъ доступно только въ призмѣ. Такъ и изящное, съ безконечными своими проявленіями, уловляется только въ творческомъ произведеніи искусства.

Изъ этого понятія о *вкусь* видно, что эта способность ощущать или созерцательно познавать изящное и чувствовать отъ того удовольствіе, какъ въ естественныхъ, такъ и въ искусственныхъ произведеніяхъ, есть способность сложная: чувство служитъ основаніемъ; въ составъ же ея вливается способность или познавательная, или желательная. Въ отношеніи къ произведеніямъ Словесности, та разборчивость, посредствомъ которой открываются красоты и недостатки въ мысляхъ, выраженіяхъ и словахъ, есть та же самая способность духа — *вкусь*.

Но премоу главнымъ силамъ души нашей, *вкусь*, отъ преимущественнаго вліянія одной изъ силъ, раздѣляется на три вида: чувство *умственное*, *правственное* и собственно *эстетическое*. Открытіе достоинствъ произведеній искусства со стороны правильнаго соединенія частей, составляющихъ цѣлое,

надлежащаго употребленія средствъ искусства — эпо есть дѣло чувства *умствениаго*. Такъ въ Поэзіи и Краснорѣчіи эпошь видъ вкуса обнимають все твореніе, соображаютъ его части, разсмаприваютъ удобность и приличіе, силу и красоту доводовъ, наблюдаютъ внѣшнее украшеніе истины.

Правственнымъ чувствомъ называется способность ощущать впечатлѣнія добра и зла. Посредствомъ сего чувства изящныя творенія обогащаются высокими и благородными мыслями, и напропивъ все низкое и непристойное не имѣють въ нихъ мѣста. Посему нравственное чувство содержится во вкусѣ, какъ видъ въ родѣ.

Ощущеніе безкорыснаго удовольствія отъ изящныхъ предметовъ называется *эстетическимъ*. Когда человѣкъ стремится къ предмету, имѣя въ виду собственную пользу; тогда въ немъ нѣтъ свободного расположенія. Нѣтъ также свободного расположенія и тамъ, гдѣ стремленіе ограничивается удовлетвореніемъ внѣшнимъ чувствамъ. Напропивъ, свободное расположеніе духа владычествуетъ надъ собою и природою. Такъ мы стремимся къ истинному и доброму, когда любимъ истинное пошому, что оно истинно, и доброе пошому, что оно добро. Таково стремленіе къ Божеству, которое есть одна исти-

на и одно добро. Состояніе духа, въ которомъ чувство умственное и чувство нравственное сливаются — сознаніе всеобъемлющаго дѣйствія духа *живаго и вспреняго*, неизъяснимаго, однако ощущаемаго, такое состояніе духа называемъ мы чувствомъ *эстетическимъ*.

Вкусъ предполагаетъ внутреннія свойства: удобопріемлемость, тонкость и правильность. *Удобопріемлемость* есть способность живо и скоро ощущать впечатлѣнія изящныхъ предметовъ. Это даръ врожденный, развиваемый и управляемый умомъ и опытомъ. Усмапривать красоты и недосмажки въ произведеніяхъ, даже самые сокровенные, принадлежишь *тонкости вкуса*. Это плодъ долговременнаго упражненія въ сочиненіяхъ и сравнительныхъ разборахъ писателей. Слѣдствіе оплеченія истинныхъ красотъ опъ ложныхъ, опредѣленіе степени достоинства сочиненій — это составляетъ *правильность вкуса*. Высшая степень правильности вкуса является тогда, когда по одному опрывку, по одному выраженію, узнаемъ писателя и составъ сочиненія.

Внѣшнія качества вкуса — *всеобщность и одинаковость*. Изящное состоитъ изъ соединенія истины и добра; душа, по природѣ своей, познаетъ истину, любитъ добро; также естественнo познаемъ мы и изящное.

Эта способность есть общая всемъ и каждому. Не смотря на безчисленное различіе вкуса, зависящее отъ различныхъ почекъ зрѣнія на изящные предметы, отъ различныхъ странъ и образованія народнаго, отъ различныхъ свойствъ каждого и воспитанія, вкусъ хорошій одинъ, господствующій во всехъ народахъ и во все времена; есть одна почка, въ которой соединяются вкусы всехъ странъ, временъ и народовъ. По мѣрѣ отдаленія отъ нея, вкусы бываютъ болѣе или менѣе вѣрны. Отъ того образцовые писатели направляются во все времена и во всехъ странахъ.

Сила духа, познающая и изобрѣщающая съ особенною легкостью и живостью, дѣйствующая съ рѣшительною волею и постоянствомъ, творящая съ изяществомъ—такая сила духа называется *геніемъ*. Это не есть особая способность души, но внутреннее чувство, обращенное въ теоретическую дѣятельность духа: отъ того геній представляетъ соединеніе всехъ способностей въ высшей степени. Отличительныя свойства генія: со стороны познавательныхъ способностей, всеобъемлемость ума; со стороны воли, непреодолимое стремленіе къ предмету; со стороны фантазіи, творчество. Это есть полнота, гармонія всехъ силъ и способ-

ностей. Гений объемлетъ всего челоѣка, всю жизнь, всю природу.

Образъ, коимъ дѣйствуетъ гений, можетъ быть разсматриваемъ двояко: или *въ отношеніи къ предмету*, или *въ отношеніи къ себѣ самому*. Въ отношеніи къ предмету, произведеніе гения, называемое по превосходству творческимъ, имѣетъ основаніе свое въ природѣ; гению принадлежитъ раскрытіе или изображеніе существующаго. Исторически изображается то, что есть; творчески, что можетъ и должно быть. Посему изображаемый гениемъ предметъ природы съ возможнымъ совершенствомъ представляется въ новомъ и лучшемъ видѣ, возсоздается, опъ міра идеальнаго и непремѣняемаго переносится въ кругъ видимой, премѣняемой дѣйствительности, въ міръ явленій. Но и произведеніе гения касательнo совершенства своего есть только относительное; это совершенство можетъ простирается до безконечности, предѣлы его суть мысли и желанія нашего духа. При всемъ томъ произведеніе гения, показывая въ себѣ соединеніе дѣйствительно существующаго съ возможнымъ, вещественнаго съ идеальнымъ, временнаго съ вѣчнымъ, справедливо называется творческимъ.

Въ отношеніи къ творящему духу, гений долженъ быть въ особенномъ состояніи; это состояніе чувства нашего мы называемъ *состоргомъ*. Въ восторгъ всѣ силы духа направляются къ одной мысли, къ одному предмету, съ свободою къ нему любовью. Чувство, съ какимъ гений проявляетъ внутреннюю глубину свою, сообщаетъ предмету новую жизнь. Одаренные способностью воодушевляться, приходятъ въ восторгъ, показываютъ особенную чувствительность, съ какою, такъ сказать, превращаются во всѣ лица, участвуютъ во всѣхъ положеніяхъ. Отсюда происходятъ живость изображенія, быстрые переходы, одушевленіе природы неодушевленной, возвышенность мыслей надъ жизнью людей обыкновенныхъ. Въ этомъ состояніи духъ нашъ чувствуетъ въ себѣ призваніе къ высшему, назначеніе не для одной земной жизни, влеченіе къ небу. Посему и произведеніе гения должно носить на себѣ знаменіе новоси, или самобытности, въ изобрѣшеніи, расположеніи и выраженіи.

Отъ преимущественнаго дѣйствія трехъ главныхъ способностей души: ума, воли и чувства, гений проявляется или въ открытіи истины, или въ правдивости дѣятельности, или

въ искусствѣ. Но какъ искусство раждается въ чувствѣ, котораго степени проявленія суть воображеніе, фантазія: то и геніи въ искусствѣ различаются по преобладанію въ нихъ: чувства, воображенія, фантазіи. То же самое различеніе повторяется въ каждомъ искусствѣ: въ Поэзіи видимъ преимущественно вліяніе или чувства, или воображенія, или фантазіи.

Вкусъ и геніи возникаютъ сами собою изъ полноты чувства; но ихъ дѣйствія, будучи противоположны, имѣютъ нужду во взаимности. — Геній постигаетъ всѣ отношенія между вещами, прикосновенными къ его предмету, опредѣляетъ имъ видъ и образъ; но, упоенный чувствомъ могущества, иногда увлекается въ одушевленіи своемъ до своеволія. Вкусъ, полагая предѣлы своевольному воображенію, приспращаясь къ правильности и порядку, иногда проспираетъ власть свою до излишней строгости. Геній, при всей обширности своей, иногда бываетъ неисправенъ: здѣсь требуется помощь вкуса. Равно и геніи помогаютъ вкусу, приводя его въ состояніе постигать мысли и чувствованія образцовыхъ писателей. Посему вкусъ долженъ наблюдать за геніемъ внимательно, но крошечко; а геній, уважая опытность вкуса, долженъ слѣдовать

его внушеніямъ. На этомъ примиреніи генія и вкуса зиждется совершенство творческой дѣятельности нашего духа.

Предметъ генія и вкуса, или источникъ эстетическаго удовольствія, есть *изящное*. Изящное не одно съ истиннымъ и добрымъ: предметъ, существующій по закону порядка, мы называемъ истиннымъ; предметъ, существующій сообразно съ цѣлю бытія своего, называемъ добрымъ; но изящно то, что нравится — это явленіе истиннаго и добраго въ совокупности.

Объ изящномъ были и продолжаются споры и недоразумѣнія: во первыхъ, потому что *изящное съ природою смѣшивается съ изящнымъ съ искусствомъ*; во вторыхъ, потому что не различается въ изящномъ значеніе *подлежащее отъ подлежательнаго*.

Въ природѣ каждая идея выражается особымъ порядкомъ міра: идея истины обнаруживается въ мірѣ физическомъ; идея доброты въ жизни; идея изящнаго въ искусствѣ. Разсматривая только изящное въ идеѣ, мы можемъ достигнуть до понятія о его развитіи и сущности; но идея, представляемая искусствомъ, въ природѣ изображается цѣлымъ порядкомъ бытія существъ: поэтому изящное принадлежитъ собственно искусству; все прочее мы называемъ изящнымъ переносно.

Въ отношеніи подлежательному изящное пребуешь соединенія въ чловѣкѣ возвышеннаго ума съ нравственнѣмъ чувствомъ. Отъ того законъ изящнаго одинаковъ для всѣхъ вѣковъ и народовъ, и сполько же поспояненъ, сполько поспоянно истинное и доброе. Въ какомъ же состояніи долженъ находишься предметъ, чпобъ произвести въ насъ чувствованіе изящнаго? Изслѣдованіе этого вопроса объяснитъ изящное въ значеніи подлежательному.

Платонъ—первый говорилъ объ изящномъ въ нѣкопрыхъ мѣстахъ своихъ разговоровъ, именно въ Гиппій и Федрѣ. Онъ описываетъ творящую силу духа чловѣческаго, призывающую къ себѣ вдохновеніе, какъ магнитъ влечетъ къ себѣ желѣзо припаяніемъ, ему врожденнымъ. Платонъ придаетъ изящному небесное начало, называя его отраженіемъ Божественной сущности.

Аристотель, обширными знаніями своими обнимающій весь міръ, не обобщилъ идеи изящнаго. Другіе Греческіе Философы упоминали объ изящномъ еще неудовлетворительно. *Неоплатоники* придерживались ученія Платона, и понимали его въ глубочайшемъ смыслѣ.

Въ первыя времена Христіанства, изящныя искусства исчезли, а съ ними исчезло изъясненіе изящнаго. Въ среднія времена господст-

спововало ученіе Аристотеля, неблагопріят-
спововавшее развитію понятій объ искусствахъ.

Въ XVIII сп. появилось множество теорій изящнаго. Наука, освободившись отъ спро-
гихъ формъ схоластическихъ, хотѣла объяс-
нить изящное, занимаясь разсмотрѣніемъ чело-
вѣка по часнямъ, рапсодически, а не въ сово-
купности, не въ цѣломъ организмѣ. Объ изящ-
номъ разсуждали систематически Локкъ и
Лейбницъ. Локкъ, поборникъ эмпириі, полагалъ
основаніемъ мысль, что всякое знаніе происхо-
дитъ отъ чувствительности. Это ученіе доведено
было до нелѣпой крайности Энциклопедистами.
Эмпирики заблуждались въ томъ, что пред-
ставляли всеобщими такія положенія, которыя
справедливы только въ ограниченномъ порядкѣ
вещей. У нихъ самый умъ является вещеспвен-
нымъ.

Бурке, развившій ученіе Локка, утверж-
далъ, что произведеніе изящнаго есть механиче-
ская работа. Всѣ послѣдовавшіе писатели ви-
дѣли изящное только въ томъ, что обѣщало
чувственные наслажденія. Какова же и была
Поэзія XVIII вѣка?

Ученіе *Лейбницева* было глубокое; но оно
не образовало школы, потому что мысли объ
изящномъ были разбросаны по разнымъ со-
чиненіямъ. Это ученіе совершенно пропивопо-

ложно Локкову, утверждая, что чувства доспавляють намъ знанія неполныя.

Баумгартенъ — первый отдѣлилъ ученіе объ изящномъ отъ прочихъ знаній, назвавъ его *Эстетикою*. Анализируя эстетическое чувство, онъ вовсе не видывалъ произведеній великихъ художниковъ.

Сульцеръ и *Мендельзонъ* слѣдовали *Баумгартену*, а *Лессингъ* держался *Вольфа* и *Лейбница*.

Въ духъ истинно-философскомъ объ изящномъ первый началъ писать *Кантъ*. Онъ показалъ, что существенный характеръ изящнаго есть непосредственное проявленіе безконечнаго духа въ конечныхъ образахъ видимой природы. Не бывши однако знамокомъ въ изящныхъ искусствахъ, онъ не могъ сдѣлать надлежащихъ приложеній.

Еще надобно упомянуть о *Винкельманнѣ*, который избѣжалъ ложнаго направленія своего вѣка, но часто смѣшивалъ понятія. Все, что говоритъ онъ о прекрасномъ, заимствовано имъ у Платона. Важнѣйшая заслуга его состоятъ въ оживленіи древности: онъ научилъ насъ съ благоговѣніемъ приближаться къ произведеніямъ Древнихъ и тщательно изучать ихъ изящество.

Не болѣе удачны изслѣдованія о прекрасномъ *Менгса*, *Гемстергюза*, *Морица*.

Изъ всѣхъ извѣстныхъ въ прошломъ вѣкѣ основаній, главнѣйшее было то, что изящное искусство состоить въ *подражаніи природѣ*. Сюда принадлежатъ положенія, что изящное состоить въ *опредѣленной величинѣ* и въ *порядкѣ*, въ *единствѣ цѣлаго*, при разнообразіи частей, въ *совершенствѣ*.

Всѣ сіи опредѣленія болѣе или менѣе правильны; но ни одно изъ нихъ не можетъ быть положительнымъ началомъ для изящнаго.

Еще говорятъ, что для изображенія изящнаго должно выражать идеалы, подражать изящной природѣ, т. е. собирать красоты, разсѣяныя по многимъ недѣлимымъ. Но что разумѣемъ мы подъ *идеаломъ*? Все то, что творческая сила генія можетъ произвести безъ содѣйствія чувствъ. Человѣкъ всегда болѣе или менѣе возвышается надъ дѣйствительностью, по мѣрѣ силъ своихъ: высшій предѣлъ, до котораго душа наша въ произведеніи можетъ простирается, называется высшимъ идеаломъ. Очевидно, что идеаль есть такое изображеніе, которое не существуетъ въ природѣ, а существуетъ только въ мысли высшей природы разумной, или природы человѣка.

Но составляетъ ли идеаль изъ соединенія многихъ изящныхъ предметовъ? Трудно вообразить, чибобъ составлялось изящное цѣлое

изъ часпей, принадлежащихъ другимъ цѣлымъ; потому что прекраснѣйшее въ одномъ предметѣ иногда становится безобразнымъ для другаго предмета. Красота въ сочиненіяхъ, подобно красотѣ распеній, на чужой почвѣ увядаетъ.

Дабы разрѣшить недоумѣніе, нужно прежде всего прояснить понятіе о природѣ. Если природу разсматривать какъ вещество, какъ что-то внѣшнее, мертвое, смѣшеніе безжизненныхъ силъ: то ничего нельзя вывести изъ понятія о подражаніи природѣ въ пользу искусства; подражаніе такой природѣ представляло бы рабское списываніе, которое не возбуждало бы въ насъ чувства изящнаго. Принимая природу за совокупность всего существующаго, за неисшощимое возсозданіе, можемъ согласиться, что природѣ въ этомъ значеніи должно подражать, или другими словами, стараться достигнуть творящаго могущества, какое видимъ въ природѣ. Здѣсь подражаніе представляется творчествомъ; оно возвышается до изображенія того, что составляетъ сущность всѣхъ предметовъ — до идей. Въ этомъ значеніи природа столь возвышенна, что подражаніе, или произведеніе человѣческое никогда не можетъ имѣть той жизни, которая разлитая столь щедро въ твореніи Божіемъ.

Явствуетъ , что творчество въ Поэзіи состоитъ въ раскрытіи сущности вещей. Для мыслящаго наблюдателя природы существуютъ два міра: внутренній, или духовный, и внѣшній, или вещественный; въ первомъ видитъ онъ возможность существъ, въ другомъ ихъ явленіе; въ первомъ видитъ безпредѣльно, въ другомъ ограничено. Изъ этого открывается, что для совершеннаго изображенія предмета не нужно прибѣгать къ міру внѣшнему, который составленъ по образцу міра внутреннего; но должно заимствовать изображеніе изъ міра внутреннего, изъ міра возможностей, сущностей. Такія - по изображенія собственно суть идеалы. Следовательно идеаломъ называть должно раскрытіе идеи во всѣхъ возможныхъ отношеніяхъ. Такой идеалъ представляетъ совокупность внутренней сущности предмета и его внѣшняго образа. Идеальныя произведенія искусства и естественныя находятся въ такомъ же отношеніи, въ какомъ мы принимаемъ роды и виды: что изображаетъ искусство въ произведеніи своемъ, то принадлежитъ цѣлому порядку однородныхъ предметовъ въ природѣ. Изящное въ искусствѣ столько же превосходитъ изящное въ вещественной природѣ, сколько духъ самопознающій выше природы бессознательной.

Итакъ изящное въ искусствѣ есть олицетворенная идея. Въ изящномъ открываемъ соединеніе безконечнаго духа съ конечными проявленіями природы. Въ самой природѣ мы любуемся изящнымъ, по мѣрѣ открытія въ предметахъ идеи. Поэтому въ изящномъ произведеніи должно оплечать два элемента: изображаемое и изображеніе — *идею и форму*. Необходимо также заключить, что въ изящномъ произведеніи идея или превышаетъ форму, или подчиняется ей, или равна формѣ. Отсюда различныя проявленія изящнаго: *высокое, прекрасное, прелестное*.

Мы сказали, что изящное есть олицетворенная идея, выраженіе безпредѣльнаго духа въ конечной формѣ. Если переведемъ на споронъ безконечнаго; если идея не можетъ быть совершенно выражена въ произведеніи: тогда происходитъ *высокое*. Отъ того высокое дѣйствіемъ своимъ пробуждаетъ въ насъ то же чувство безконечнаго. Это чувство объемлетъ весь духъ нашъ.

Высокое обнаруживается или въ природѣ, или въ духѣ человѣческомъ. Въ природѣ оно является или какъ нѣчто *внѣшнее*, н. п. неисчерпаемая полнота, огромность, пространство; или *внутреннее*, н. п. непоспимая сила, быстрота, могущество. Также и въ

духъ оно выражается или внутреннимъ дѣйствіемъ, какъ сила мысли: такова мысль Колумба о существованіи открытой имъ части свѣта, мысль Ньютона о всемірномъ тяготѣніи; или вѣншимъ дѣйствіемъ, какъ поступокъ: вся жизнь Петра Великаго есть нравственно - высокое.

Когда въ изящномъ мы видимъ совершенное сліянiе безконечнаго духа съ конечною формою природы, равенство идеи съ формою: тогда мы называемъ его *прекраснымъ*. Все прекрасное представляешь намъ совокупность духовнаго и умственнаго, но совокупность гармоническую, чувственно созерцаемую.

Въ прекрасномъ, которое собственно принадлежитъ чувству, также различается *прекрасное умственное, нравственное и эстетическое*. Первое состоитъ въ проспой и естественной выраженной мысли: второе—въ поступокъ, сообразномъ съ нравственнымъ закономъ, при томъ свободномъ и чистосердечномъ; третье — въ живомъ изображеніи истины и блага.

Наконецъ въ *преlestномъ* перевѣсъ бываетъ формы надъ идеею.

Это психологическое изслѣдованіе изящнаго оправдываетъ Исторія Поэзіи. Въ древней Поэзіи, соотвѣтствующей юности человечества, господствуетъ по преимуществу

форма: въ новой, въ Поэзіи возмужалости
человѣческа, преимущесвуесть идея. Отъ
того характеръ древней Поэзіи — прекрасное;
характеръ новой — высокое. Поэзія древняя
представляесть ваяніе въ словѣ; Поэзія но-
вая — живопись въ словѣ.

Заклучимъ, что Искусство вообще естъ
проявленіе идеи изящнаго; Поэзія также со-
стоитъ въ олицетвореніи идеи изящнаго, но
только посредствомъ слова. Это изящное
искусство, какъ плодъ внутренней полноты
духа, основаніе имѣесть въ его существѣ:
внутреннее чувство наше соединяесть всѣ
силы бытія въ одно спройное цѣлое.

В. ИСТОРИЯ СЛОВЕСНОСТИ.

6. ГРЕЧЕСКАЯ ТРАГЕДИЯ.

(Изъ Авт. Шлегеля.)

Сообщено Профессоромъ Давыдовымъ.

Теперь мы приступаемъ къ разсмотрѣнiю самой сущности Греческой Трагедiи. Всѣ согласны въ томъ, что представленiе ея идеально. Это не должно понимать такъ, что бы лица, представляемыя въ ней, были совершенно идеальны. Между такими лицами не могло бы быть противоположности, необходимой для развитiя Драмы. Въ нихъ видны слабости, ошибки, пропуски, но ихъ нравы всегда выше дѣйствительности, и каждое имѣетъ въ себѣ столько важности и величiя, сколько это возможно по ихъ участию въ дѣйствii. Идеальность въ представленii особенно зависѣла отъ того, что представленiе переносилось въ высшую сферу. Трагическая поэзiя хотѣла образъ человѣка, ею представляемый, совершенно отдѣлить отъ дѣйствительнаго мiра, къ которому человѣкъ прикованъ, какъ невольникъ. — Какимъ же образомъ могла она это сдѣлать? Не ужели она

представляла людей какими-либо эфирными существами?—Сверхъ того она должна была освободить ихъ отъ закона необходимости, лишивъ его земной снхѣи и всего тѣлеснаго. Не рѣдко то, что въ искусствѣ называется идеальностію, бываетъ совершенно вещественнымъ. Изъ этого выходятъ однѣ воздушныя тѣни, которыя не могутъ имѣть на сердце продолжительнаго дѣйствія. Но Греки умѣли соединить въ своемъ искусствѣ высшее величіе, превосходящее человѣческую природу, съ истинною, и дать явленію идеи самую выразительную тѣлесность. — Ихъ образы не безъ выраженія лепали въ пустомъ пространствѣ; они ставили статуи человѣчества на вѣчномъ, неизблемомъ основаніи нравственной воли человѣка; она была неизблема, потому что имѣла собственнѣйшій свой вѣсъ: она образовалась изъ камня, мѣди, и нѣжнѣйшей массы, подобно живымъ человѣческимъ фигурамъ, и при самомъ возвышеніи и пониженіи, не отступала отъ закона необходимости. Внутренняя свобода и внѣшняя необходимость, вотъ два полюса трагическаго міра. Полное проявленіе каждой изъ сихъ идей зависить отъ противоположенія другой. Если чувство самопознанія возвышаетъ человека надъ неограниченною властію побужденія,

природнаго инстинкта, однимъ словомъ, освобождаетъ его отъ силы природы; по необходимости, допускаемая въ Трагедіи, не можетъ быть простою, естественною необходимостію; она должна ширяться въ безконечномъ, и быть выше чувственнаго міра. Вотъ, почему она представляется, какъ неизслѣдимая сила судьбы, и возвышается выше міра боговъ. Греческіе боги суть только силы природы, и хотя неизмѣримо выше смертнаго, однако предъ безконечнымъ — на одной ступени съ человѣкомъ. Сямъ объясняется, почему они различно представлены у Омира и у Трагиковъ. У Омира являются они съ случайнымъ произволомъ и сообщаютъ эпической поэмѣ только прелесть чудеснаго; у Трагиковъ, напротивъ, служителями судьбы и исполнителями ея воли; или представляются божественными, по свободному своему дѣйствованію, но испытываютъ такія же боренія, какія испытываетъ человѣкъ. Это составляетъ сущность Трагедіи въ смыслѣ Древнихъ. Мы привыкли всѣ ужасныя или плачевныя происшествія называть трагическими. Точно, Трагедія преимущественно избираетъ такіе предметы, хотя печальный конецъ не есть необходимость Трагедіи, и многія древнія Трагедіи, каковы: Эвмениды, Филоклетъ,

также Эдипъ Колонейскій , не упоминая о многихъ сочиненіяхъ Эврипида , имѣють веселый конецъ. — Почему именно Трагедія избираетъ для себя такіе предметы , которые такъ ужасно противорѣчаютъ желаніямъ и потребностямъ нашей нравственной природы? На этотъ вопросъ , весьма часто задаваемый , отвѣчали большею частію не совсѣмъ удовлетворительно. — Одни говорили , что удовольствіе , ощущаемое нами въ такихъ представленіяхъ , происходитъ отъ сравненія нашего вѣрнаго и обезпеченнаго состоянія съ бурями и замѣшательствами , причиняемыми спорами . Но принимая живое участіе въ драматическихъ лицахъ , мы забываемъ уже самихъ себя , а если мы шутъ думаемъ о себѣ , это знакъ , что мы принимаемъ только слабое участіе , и что Трагедія не имѣетъ надлежащаго дѣйствія . Другіе находили это удовольствіе въ чувствѣ нравственнаго исправленія , которое производитъ въ насъ картина поэтическаго правосудія , награжденія добродѣтели и казни злобы . Но тогда , для котораго бы въ самомъ дѣлѣ , картина такихъ ужасныхъ примѣровъ могла быть спасительною , ощутилъ бы въ себѣ низшее чувство , далеко отстоящее отъ истинной нравственности , почувствовалъ бы въ себѣ ско-

рѣе униженіе, нежели возвышеніе духа. Сверхъ сего эпо правосудіе не есть вещь необходимая, для сущности хорошей Трагедіи: Трагедія можетъ оканчиваться страданіями добраго и порождествомъ порочнаго, и воздаяніе зависить часто отъ совѣсти и отъ взгляда на будущее время. Не объяснимъ эпого вопроса, если скажемъ вмѣстѣ съ Аристотелемъ: Трагедія имѣетъ цѣлю очищать наши страсти, возбуждая въ насъ состраданіе и ужасъ. Что касается до перваго, то многіе не согласны даже въ смыслѣ сего положенія и прибѣгаютъ къ самымъ натянутымъ исполкованіямъ. Посмотримъ на драматургію Лессинга. Онъ объясняетъ эпо особеннымъ образомъ, и видитъ въ Аристотелѣ поэпическаго Эвклида; но математическія доказательства не подвержены никакой двусмысленности, и геометрическая ясность не можетъ быть принаровлена къ теоріи Изыщныхъ искусствъ. Если предположимъ, что Трагедія, возбуждая въ насъ печальныя чувства, ужасъ и состраданіе, производитъ эпимъ нравственное цѣленіе; то почему мы съ удовольствіемъ ощущаемъ ея дѣйствіе? — Эпо также необъяснено.

Нѣкоторые говорили, что насъ привлекаетъ къ прагматическимъ представленіямъ необходимость сильныхъ потрясеній, извлекаю-

щая насъ изъ круга обыкновенной жизни. Я соглашался съ эшимъ мнѣніемъ, говоря объ очарованіяхъ театра; это послужило началомъ цирку у Римлянъ, даже гладіаторскимъ играмъ. — Но мы, не столь жестокіе, способные къ нѣжнѣйшимъ ощущеніямъ, не ужели должны пребоавать, чптобы полубоги и герои сходили въ Трагедіяхъ въ кровавую арену, подобно ничтожнымъ гладіаторамъ, чптобы потрясти нервы наши своими страданіями? — Нѣтъ, не картина страсти составляетъ прелесть Трагедіи, или цирка, или даже звѣринаго боя: въ послѣднихъ зрѣлищахъ раскрываются проворство, сила, мужество, родственныя духовнымъ и нравственнымъ способностямъ человека; но въ прекрасной Трагедіи доставляетъ намъ удовольствіе, если только принимаемъ мы участіе въ представляемыхъ затруднительныхъ положеніяхъ и поразительныхъ страстяхъ, чувство достоинства нравственной природы, возбужденное великими образцами, или слѣды высшаго устройства вещей, таинственно проявляющіеся повидимому въ неправильномъ ходѣ происшествій, или то и другое вмѣстѣ. И такъ истинная причина, почему прагматическое представленіе не отвергаетъ даже жестокостей, состоитъ въ томъ, что духов-

ная и невидимая сила измѣряется только противоборствомъ, которое она оказываетъ видимой и чувственно измѣряемой силѣ. Нравственная свобода человѣка можетъ только проявиться въ борьбѣ съ чувственными побужденіями: пока нѣтъ высшаго требованія, заставляющаго ее имъ противодѣйствовать, она или дремлетъ въ немъ дѣйствительно, или какъ бы находится въ дремотѣ, и человѣкъ представляется существомъ чисто физическимъ. Только въ борьбѣ проявляется нравственность, и если бы цѣлю Трагедіи было назиданіе, оно было бы слѣдующее: утвердить права души на внутренней божественности, считать за ничто земное существованіе и для сего переносить всѣ спораданія, преодолевая всѣ препятствія. Все, что касается до сего предмета, можно видѣть въ изслѣдованіяхъ книги о высокомъ, которымъ для превосходства недостаетъ только болѣе опредѣленнаго сужденія о Трагедіи Древнихъ.

Приступаю къ другому свойству, отличающему древнюю Трагедію отъ новой, къ хору. Мы должны принимать его за олицетворенную мысль представляемаго дѣйствія, за олицетворенное участіе поэта, принимаемое въ представленіи, за посредника со стороны человѣчества. Это его настоящее пипическое

значеніе, которое для насъ здѣсь можетъ быть важнымъ и которое не проливорѣчитъ тому, что хоръ имѣлъ мѣстное начало при торжествахъ Вакха и у Грековъ особенное народное значеніе. Въ нѣкоторыхъ Трагедіяхъ хоръ выражалъ обычаи народные, а попомъ всеобщее участіе человѣчества, былъ идеальнымъ зрителемъ. Онъ смягчалъ впечатлѣнія, глубоко потрясавшія и прогавшія, лирически, или музыкально передавая дѣйствительному зрителю собственныя свои чувствованія и перенося его въ область созерцанія. Новѣйшіе крипики не знали, что дѣлать съ хоромъ. Этому не должно удивляться; самъ Аристотель не предлагаетъ о немъ удовлетворительнаго сужденія. Лучше объясняетъ назначеніе хора Горацій, приписывая ему общій голосъ нравственнаго участія, назиданія и предостереженія. Главную цѣль хора нѣкоторые крипики полагали въ томъ, чтобы пеатръ никогда не оставался пустымъ, хотя мѣсто его было совсѣмъ не на сценѣ; другіе порицали его, какъ излишнее украшеніе, основываясь на мнимомъ неудобствѣ показывать предъ народомъ нѣкоторыя тайны, и почитали его нарушеніемъ единства мѣста, потому что поэтъ не могъ его ни перенести, ни уничтожить, для чего впрочемъ онъ не имѣлъ ника-

кой причины. Наконецъ думали, что хоръ случайно оспался опъ первыхъ началъ Трагедіи, что очень легко могло бытъ ; ибо пѣніе хора у новѣйшихъ прагиковъ, на примѣръ у Эврипида, часто не связывается съ содержаніемъ Трагедіи, и бываетъ часто эпизодическимъ украшеніемъ. Изъ этого заключали , что Греки сдѣлали бы шагъ впередъ въ драматическомъ искусствѣ, если бы совсѣмъ хоръ уничтожили. Для опроверженія эпихъ поверхностныхъ мнѣній довольно того, что самъ Софокль, вопреки правиламъ другихъ поэшовъ , писалъ о хорѣ , гдѣ онъ не почиаетъ его случайнымъ, но, какъ мыслящій художникъ, ошдаетъ опчетъ въ его дѣйствіи. Новые Поэты пыпались , съ возстановленія изученія Древнихъ, помѣщая хоръ въ своихъ твореніяхъ, не имѣя большею частію настоящаго понятія о его назначеніи. Мы не имѣемъ ни приличнаго пѣнія , ни приличнаго мѣста для хора, по успроенію нашего театра, и потому едва ли намъ удастся перенести его на нашу сцену. Вообще Греческая Трагедія въ своемъ первоначальномъ видѣ , на нашемъ театрѣ , навсегда оспанетъ чуждымъ расшеніемъ, за развитіе котораго нельзя поручиться , даже въ театрѣ ученыхъ обработываній.—Какъ Греческая мнѳологія , источникъ древней Трагедіи , такъ ся форма , и

театральный образъ представленія чужды для большей части зрителей. Мифологию называлъ я преимущественно источникомъ прагматическимъ. Правда, мы знаемъ двѣ дошедшія до насъ Греческія трагедіи, коихъ содержаніе взято изъ исторіи, именно: взятіе Милета—Фринихія, и Персы Эсхила; но это рѣдкія исключенія, явившіяся въ ту эпоху, когда сей родъ еще не достигъ зрѣлости, и опровергаемыя тысячу примѣровъ. Сужденіе Аѳинянъ, порицавшихъ Фриниха за слишкомъ рѣзкое изображеніе современныхъ несчастій, можетъ показаться жестокимъ и своевольнымъ; но въ эпосѣ сужденіи видно знаніе законовъ искусства. Духъ, пресожимый мыслію о дѣйствительныхъ несчастіяхъ, не можетъ имѣть той степени спокойствія, которое необходимо для ощущенія прагматическихъ впечатлѣній. Жизнь героевъ, напропавъ, всегда выходила изъ дѣйствительнаго міра, представлялась чудесною, а чудесное имѣетъ по преимуществу, что ему можно вѣрить и не вѣрить.

Мифологія Греческая состояла изъ народныхъ мѣстныхъ преданій, служившихъ дополненіемъ языческой Религіи и предисловіемъ къ Исторіи. Живо сохраняемая въ народной жизни, посредствомъ обычаевъ и памятниковъ, и различнымъ обрабатываніемъ безчисленныхъ эпиче-

скихъ и миѳическихъ поэповъ, спала потребность искусства и высшей Поэзіи.—Такимъ образомъ прагматика къ Исторіи прививала Поэзію. Въ эпосъ родъ божескаго происхожденія, и давно сошедшемъ на землю, священные преданія облагораживали все, даже самыя заблужденія и слабости. Эпосъ герои изображались съ сверхъестественною силою, также съ непогрѣшительною добродѣтелію и мудростію и вмѣстѣ съ сильными неукротимыми спрассями. Это было тихое, юное время. Почва нравственности, невоздѣланная орудіемъ общественнаго порядка, производила и благодѣшныя, и гибельныя событія, съ полною творческой природы. Все ужасное и чрезвычайное не почитали нравственную порчею—это возможно только въ состояніи развитой законности.

Поэты угождали народу, когда представляли, какъ Аѳиняне, еще въ героическій вѣкъ, отличались предъ прочими народами Греціи справедливостію, человеколюбіемъ и уваженіемъ къ Эллинскому праву. Всеобщій переворотъ, соединившій всѣ независимыя области древней Греціи въ единое общее плѣно, опдѣлилъ героическій вѣкъ отъ вѣка общественнаго и поощаилъ генеалогію нѣкоторыхъ еще существовавшихъ родовъ.

Это было очень выгодно для идеальнаго возвышенія фигуръ ; дѣла человѣческія не могутъ выдержать такого строгаго испытанія, не открывши наготы своей. Мѣрило гражданской и домашней нравственности не принадлежитъ къ тѣмъ обстоятельствамъ , когда жили сѣи герои; мы должны были обратиться къ первымъ элементамъ человѣчества. Прежде, нежели надлежащимъ образомъ развились правленія, понятія о правахъ , владѣтели были и законодателями въ подчиненномъ имъ мірѣ. Впрочемъ и тогда послѣдственные дома представляли разительные примѣры внезапной перемѣны счастія , такъ какъ во времена позднѣйшія. Въ этомъ отношеніи высшій разрядъ лицъ былъ существеннымъ для Трагедіи , или , по крайней мѣрѣ болѣе благопріятствовалъ ей , но не въ томъ , какъ нѣкоторые изъ новѣйшихъ понимаютъ: что судьба лицъ, имѣющихъ вліяніе на счастіе и несчастіе многихъ , сама по себѣ достаточна для возбужденія нашего участія , и что внутреннее величіе чувствъ должно быть облечено внѣшнимъ блескомъ, дабы возбудить удивленіе и уваженіе. — Греческіе прагики изображаютъ намъ своихъ героевъ безъ отношенія къ народу ; въ нихъ представляютъ они чело-вѣка, и хотя облачаютъ ихъ пурпуровою одеж-

дою, однакожь сквозь блескъ ея дають намъ проникать въ сердце, перзаемое спраспиями.— Они не могли заимствовать черпы изъ настоящаго быта: эта жизнь ничего не имѣла прагматическаго. — Тамъ, гдѣ оставляють они свои идеальныя изображенія и нравы опдаленныхъ вѣковъ, впадаютъ въ тѣсныя границы формальности, копорыя для смѣлаго очерка характеровъ убійственныѣ спѣсненныхъ гражданскихъ обычаевъ. Когда пробѣгаешь имена поперянныхъ сочиненій, во многихъ запрудняешься представить себѣ, какимъ образомъ мноы въ томъ видѣ, въ какомъ мы ихъ знаемъ, могли имѣть сполько матеріала, чпобы составить объемъ цѣлой Трагедіи. Конечно, спихотворцы имѣли здѣсь большой запасъ для изобрѣшенія: они могли выходить изъ предѣловъ преданій, и иногда шакъ измѣняли обспоятельствва какого-либо происшествія, что у одного и того же поэта встрѣчаются пропнворчія. Мифологія способствовала прагматическому искусству; это мы можемъ видѣть изъ закона, копорый находимъ въ исторіи Греческаго образованія и копорый соспоншь въ томъ, чпобъ соображать господствующую силу.—Героическое преданіе, развиваясь со всѣми своими оппѣнками, для полноты и многообразія эпоса, своею важностію,

выразительностію и іѣсною связію происшествій удовлетворяло пошребностямъ Трагедіи. Но если въ немъ что по образовательной опдѣлкѣ не годилось для Трагедіи; то дѣлалось предметомъ шуточнаго, однако идеальнаго представленія сапиры. Греческій эпосъ въ поэзиі естъ то, что барельефъ въ скульптурѣ; а Трагедія — опдѣльная группа. Какъ поэзія. Омира связывается съ тѣми сказаніями, изъ коихъ она заимствована: такъ и фигуры барельефа не разлучны съ тѣмъ основаніемъ, на коемъ утверждены. Въ фигурахъ барельефа округляется одна только поверхность: такъ и въ эпосѣ рисуется одно прошедшее опдаленное; характеры въ поэмѣ характеризуются самымъ простымъ образомъ, и чаще представляются въ профиль, не совсѣмъ соединяются, а слѣдуютъ одна за другою; такъ въ поэмахъ Омира герои являются порознь. Замѣчено, что Иліада не окончена; въ ней можно предполагать и предъидущее, и послѣдующее; равно и барельефъ не ограниченъ; его можно дополнять со всѣхъ сторонъ. Древніе въ эпосѣ опношеніи всего лучше выбирали такіе предметы, которые можно было пропнать на неопредѣленное пространство: священные ходы, хороводы, ряды войскъ и п. д. Посему же ставили они барельефъ на круглыхъ основаніяхъ, сосу-

дахъ, на ропондѣ, гдѣ оба конца, по изгибамъ своимъ съ обѣихъ сторонъ не видны, а когда ходимъ вокругъ нихъ, то одни являюся, другіе исчезаютъ. Чтеніе Омировыхъ пѣсенъ можно сравнить съ подобнымъ явленіемъ; онѣ останавливаютъ читателя на главномъ предметѣ, скрывая отъ него предъидущее и послѣдующее. Въ свободно споящей группѣ, какъ въ Трагедіи, скульптура и поэзія представляютъ передъ глазами нѣчто самостоятельное, въ себѣ заключающееся цѣлое. Чтобы отдѣлить эпо цѣлое отъ дѣйствительности, она ставитъ его на основаніи, какъ будто на идеальной землѣ. Посему Скульптура отдѣляетъ, сколько возможно, всѣ чуждыя, постороннія прибавленія для того, чтобы остановить глазъ на существѣ дѣла, на самыхъ фигурахъ. Совершенствую ея, съ какимъ выдѣлана форма фигуръ, отвергаетъ очарованіе цвѣта и представляетъ въ однообразной массѣ созданіе не скоропреходящее въ жизни, но одаренное высшимъ существованіемъ; красота есть цѣль Скульптуры. Самое выгодное положеніе ея—спокойствіе; но спокойствіе украшаетъ одну фигуру. Соединеніе фигуръ можетъ быть только посредствомъ дѣйствія. Въ группѣ красота въ движеніи; но верхъ совершенства зависитъ отъ соединенія спокойствія и движенія въ высшей спе-

пени. Прекрасно бы было, если бы художник нашелъ средство, при сильныхъ душевныхъ и плѣсныхъ спраданіяхъ, смягчашъ выраженіе мужеспвеннымъ перпѣніемъ, тихимъ величіемъ и внутреннею добродѣпелію, чтобы при всей поразительной истинѣ, черты красоты не были бы обезображены. Сравненіе здѣсь барельефа съ древней трагедіей пѣмъ болѣе прилично, что, какъ извѣстно, Эсхиль и Софокль написали: первый Ніобу, а второй Лаокоона. — Въ Лаокоонѣ, съ удивительнымъ искусствомъ, соединены спраждающія усилія плѣа съ пропиво-борспвующими силами души. Умоляющія о пощадаѣ дѣши — предметы одного соспраданія, а не удивленія, обращающъ наши взоры на опца, пщепно умоляющаго боговъ. Вокругъ обвившіяся змѣи представляющъ намъ неумолимую судьбу, которая часто такъ ужасно поражаетъ людей въ семъ мірѣ; прекрасная симметрія и легкость очерковъ ничего не теряющъ отъ этой борьбы, и хопя нѣкоторыя черты поразительны для чувства, а въ цѣломъ разлипа какая-то прелестъ, успокоивающая сердце зрипеля. Въ Ніобѣ ужасъ и соспраданіе соединены съ совершенспвомъ. Ужасъ невидимо сходитъ съ неба; его пщепно умоляющъ вверхъ обращенные взоры и отперспыя уста матери. Рыдающая дочь на груди матери съ дѣпскою не-

винностию заботишься только о самой себѣ: никогда такъ нѣжно не изображалось наше природное влеченіе къ самосохраненію. — На другой сторонѣ какой образецъ геройскаго самопожертвованія: Ніоба, изгибалась, хочешь собою опразить гибельную спрѣду. Гордость и негодованіе испаваяють въ нѣжной материнской любви. Спраданіе не обезображиваетъ неземнаго благородства очертаній; сообразно съ этой важною баснею, она, съ умноженіемъ ударовъ, приходишь въ оцѣпенѣніе. Предъ этою фигурою одушевленною, предъ этимъ предѣломъ человѣческихъ спраданій, всякой невольно проливается слезы. Въ насъ оспасется еще какое-то впечатлѣніе, заманивающее насъ къ размышленію. Такъ и древняя Трагедія влечетъ насъ къ какимъ-то высшимъ размышленіямъ о нашемъ существованіи и его неразгаданномъ значеніи.

Николай Горнъ.

С. ТЕОРІЯ ИЗЯЩНЫХЪ ИСКУССТВЪ.

7. КРАСОТА ВЪ ЖИВОПИСИ И ВЯЯНІИ.

Сообщено Профессоромъ Давыдовымъ.

При различіи, какое можно видѣть во вкусахъ, спрашиваютъ: кого признать законодатель въ области искусствъ? Найдутся люди, даже изъ тѣхъ, кои въ особенности предались искусствамъ, которые скажутъ вамъ общимъ мѣстомъ, что о вкусахъ нельзя спорить, т. е. что каждый въ этомъ дѣлѣ можетъ быть судьей и рѣшатель, что прекрасно и что не нравится по собственному своему воззрѣнію и чувству.

Однако легко замѣтить, что въ народахъ, стоящихъ на весьма различныхъ степеняхъ образованности, существуетъ извѣстное согласіе, какія-то природныя и общія свѣдѣнія объ изящномъ; ежели и есть народы, какъ Кафры и Гошпенпопы, коимъ природа — матица отказала въ нихъ, то это исключеніе. Прежде всего мы обратимъ вниманіе на племена, въ коихъ пробудилось бо-

жественное стремленіе къ произведенію прекраснаго.

Человѣкъ по природѣ стремишься высвободиться изъ этого положительнаго міра, гдѣ ему тѣсно. Взирая на себя, какъ на произведеніе собственныхъ дѣлъ своихъ, онъ хочетъ окружить себя міромъ, имъ самимъ созданнымъ, и одни только искусства могутъ даровать ему этотъ фантастическій міръ. Искусства не были плодомъ ни необходимости, ни роскоши со всѣми ея причудами; они выпекаются изъ источника благороднѣйшаго, изъ этой безконечной потребности духовной, которую получили небомъ одаренные люди, ничего не нашедшіе въ мірѣ сѣмъ, чѣмъ отвѣчала голосу души ихъ, старающіеся перевести его на новое нарѣчіе и осуществивъ свои внутреннія видѣнія.

Въ жизни человѣческой едва ли есть такія эпохи, гдѣ бы отсутствіе чувства изящнаго было такъ значительно, чѣмъ съ перваго взгляда нельзя было усмотрѣть нѣкоторыхъ понятій объ искусствѣ. Въ самыя древнѣйшія времена мы видимъ поэзію и музыку, слипныя въ пѣніи, безъ всякаго механическаго орудія. Позднѣе являющіяся иск. подражательныя, какъ зародышъ, ожидавшій только минуты своего развитія.

Ежели по справедливости осуждали философію XVIII в. за то, что она подчинила духъ нашъ чувственности и веществу; мы съ своей стороны однако не спанемъ отвергать истинной ихъ между собою связи; только необходимо, чтобы чувственность была вдохновляема свыше и облагороживаема духомъ. Касательно же чувства низшаго разряда, которое, какъ вкусъ и обоняніе, не могутъ быть полезными въ дѣлѣ изящныхъ иск., мы о нихъ умолчимъ; что же касается до осязанія, человекъ вѣроятно былъ еще слишкомъ грубъ, и эта способность была въ немъ не довольно усовершенствована, для приведенія его въ сообщеніе съ произведеніями искусствъ. Остается зрѣніе; но не одно оно даетъ намъ понятіе о формѣ, а какое-то внутреннее чувство. И въ самомъ дѣлѣ, мы, кажется, гораздо болѣе видимъ, нежели что представляетъ сущность. Всегда одиѣ только поверхности отражаются, какъ въ зеркалѣ, въ очахъ нашихъ; мы видимъ однако предметы въ рельефахъ и округлостяхъ, потому что съ раннихъ лѣтъ это внутреннее чувство научило насъ знать эти предметы въ ихъ истинномъ видѣ. Угловатое и шероховатое всегда производитъ на зрѣніе неіріятное впечатлѣніе; тоже самое и въ опі-

ношеніи къ осязанію; также точно и то, что плоско и округло равно приятно для того и другаго чувства.

Это убѣждаетъ насъ въ томъ, что чувство изящнаго въ насъ есть чувство врожденное, и что вкусъ къ изящному есть всеобщій и единый.

Чтожъ составляетъ красоту въ человѣкѣ? Покушенія единожды опредѣлить размѣры и формы человѣка, могли бытъ только неудачными; красота не можетъ бытъ вычисляема математически; линіи волнистыя хотя и приятны для зрѣнія, но не всѣ входятъ въ область прекраснаго. Шиллеръ, съ эшимъ гадательнымъ чувствомъ, которое всегда открывало ему истину, различаетъ красоту архитектурическую отъ красоты выраженія. Первая заключается въ формахъ, очеркахъ и размѣрахъ человѣческаго тѣла; вторая въ благородныхъ чертахъ его лица. Но неужели по одной физіогноміи человѣка должно судить о красотѣ его, и прочія части тѣла не много ли ей содѣйствуютъ?

Древніе очень много занимались наукой, по наружности человѣка заключають о познаніи того, что происходитъ въ душѣ его.

Но по вѣрно, что человекъ отъ природы фізіогномистъ, и что ежели онъ часто ошибается въ своихъ заключеніяхъ, за то часто находитъ онъ въ нихъ спасительныя предостереженія.

Опыты Лафатера, часто неудачные, хотья всегда остроумные, не могли образовать науки фізіогноміи; однако въ человекѣ таится какое-то чувство, родъ гадательности, коимъ художникъ никогда не долженъ пренебрегать.

Послѣ Лафатера мы укажемъ на Тишбейна; онъ судитъ о человекѣ по аналогіи съ животною праводными и плошодными; или съ духами высшей природы: такъ онъ сравниваетъ Микель - Анджело со львомъ, Корреджіо съ ягненкомъ, а Рафаэла съ Ангеломъ. Но ему довольно основательно возражали, что совершенно случайно носъ Микель - Анджело, въ его дѣствѣ, былъ сплюснутъ отъ ушиба, и что поршреть Корреджіо довольно справедливо можно считать за подложный; ибо сей живописецъ скончался во цвѣтѣ лѣтъ своихъ, между тѣмъ какъ онъ изображенъ съ головою лысою.

Лице человека не есть единственная книга, въ которой изображенъ внутренній міръ его;

надобно еще изучать голосъ и движеніе его. Слѣды, могущіе вести къ сему, суть проявленія рода: 1-е физіогномія; 2-е характерныя движенія, выдающіяся въ пылу страсти или ненависти; 3-е тѣлодвиженія, коими сопровождаются рѣчи, для лучшаго вразумленія. Эти движенія какъ-то невольно и естественнo привлекаютъ или отвращаютъ; простое подражаніе чертамъ лица человѣка никогда не даетъ понятія о его душѣ. Сильныя и частыя ощущенія нарисовываются на его наружности; а привычка къ копорыхъ страстей обыкновенно оставляетъ долговременныя слѣды. Но ежели мы положимъ, что душа имѣетъ большое дѣйствіе на тѣло, ею измѣняемое; то должны также допустить, что оно получаетъ много впечатлѣній и снаружи. Природа всегда послѣдовательна въ своихъ способахъ дѣйствія: измѣненіе одной части всегда производитъ измѣненіе и въ другихъ, гдѣ причиняетъ противодѣйствіе такъ, что внутреннія расположенія несвободны, и такимъ образомъ физіогномистъ можетъ впасть въ заблужденіе. Черты лица бываютъ уже большею частію развиты, когда человѣкъ еще не достигъ до своей моральной зрѣлости; посему часто можетъ случиться, что природой благоустроенное, послѣ искажается, или его образован-

ное съ недоспащками , можетъ быть исправлено постояннымъ напряженіемъ духа и разума. По этой причинѣ Сократъ не почелъ для себя обиднымъ сужденіе одного фізіогномиста , который находилъ на лицѣ его признаки пороковъ ; Сократъ самъ признался ему , что , и въ самомъ дѣлѣ , природа ни къ чему доброму его не предназначила , но что онъ самъ успѣлъ превзойти себя. Человѣкъ не можетъ совершенно измѣнить фізіогномію , дарованную ему опъ природы ; но онъ можетъ , навыкомъ приобретенныхъ качествъ дасть выраженію другой опшѣнокъ.

Галль , въ своей Кранологіи , видитъ признаки нравственныхъ чувствъ и способностей человѣка въ расположеніи частей его головы. Нельзя , конечно , оспаривать у него услугъ , оказанныхъ имъ , какъ анатомистомъ , этой части человѣка ; но въ отношеніи знанія души , выводимаго имъ изъ нея , его теорія нелѣпа ; по его мнѣнію , душа была бы помѣщена въ головѣ , какъ въ различныхъ отдѣлахъ , наподобіе растительнаго нароста , который , развиваясь , поднималъ бы сферическую оболочку , въ коей онъ заключенъ. Въ его сочиненіяхъ нѣтъ ничего для искусства.

Каммеръ также избралъ голову человѣка предметомъ своего изученія; а дабы опредѣлишь красоту, онъ измѣряетъ лицевой уголь, т. е. уголь, образуемый линіями, проведенными отъ лба до рта, и отъ рта до ушей. Чѣмъ острѣе уголь, тѣмъ болѣе фигура приближается къ живописному; Греческій профиль во всей своей чистотѣ совершенно почти доспигаесть до прямого угла. Это ученіе, при всемъ своемъ остроуміи, имѣетъ пошъ недоспадокъ, что все относитъ къ профилю.

Мы также скажемъ и о заслугахъ Блауменбаха въ изслѣдованіяхъ его о различныхъ породахъ человѣка. Дабы разсуждать о преобладаніи сихъ породъ, надобно спросить исторію просвѣщенія, и она рѣшишь въ пользу отрасли Кавказской, которая, вышедши изъ центральной площади Азіи, распространялась по берегамъ Ганга и по Европѣ.

Состояніе образованности каждаго народа всегда выражается въ его народномъ быту; это ясно видно въ Кипайцахъ, которые никогда не могли спастъ выше искусствъ, число механическихъ, и съ помощію воображенія всплунуть на обширное поприще умственныхъ открытій.

Изящныя произведенія Греческихъ художниковъ остались для насъ пиномъ идеальной красоты. Ни одинъ народъ не посвятилъ столько трудовъ изображенію человѣческаго тѣла; но и ни одинъ народъ не имѣлъ столько приязни къ красоту. Смотри на ихъ произведенія, можно подумать, что они присутствовали въ совѣтѣ ихъ боговъ, собиравшихся для созданія человѣка.

Природа разила красоту на все цѣлое человѣка; а Греческіе художники воспроизвели его такимъ, какимъ онъ долженъ былъ выдти изъ рукъ Создателя, въ идеальномъ совершенствѣ. Но нигдѣ они такъ не явили своего чувства красоты и приличія, какъ въ томъ, что изображали безъ покрываль только тѣ божества свои, копоры находились еще въ пѣжной юности, какъ Вакка, Аполлона, Меркурія; Венера и Грація принадлежатъ еще къ этимъ лѣтамъ, столь близкимъ дѣтству; и замѣчательно, что Фидій первый изобразилъ ихъ безъ всякаго другаго украшенія, кромѣ ихъ собственной красоты. Но величественныя одежды облакающъ тѣхъ изъ ихъ боговъ, коихъ возрастъ и достоинство, казалось, воспротивились бы полной наготѣ; такъ Юлимеръ, Нептунъ,

гордая Паллада-Аѳина, непорочная Діана, строгая Юнона, всегда покрыты. Сподь высоко было ихъ искусство, что сквозь драпировку они всегда оставляли угадывать формы, не оскорбляя приличія.

Михаиль Строевъ.

III. К Р И Т И К А.

8. О РАЗСУЖДЕНИИ КОШИ *Sur la résolution des équations numériques et sur la théorie de l'élimination.* О РАЗРѢШЕНИИ ЧИСЛОВЫХЪ УРАВНЕНІЙ И О ТЕОРИИ ИСКЛЮЧЕНІЯ.

Профессора Зернова.

Сие разсужденіе помѣщено въ 40 и 41 тетради періодическаго изданія: *Exercices de Mathématiques*, которое Коши, начиная съ 1826 года, составлялъ изъ собственныхъ практатовъ о различныхъ предметахъ Числой и Прикладной Математики. Первый § его содержишь рѣшеніе ур. первой и второй степени съ дѣйствительными коэффициентами и свойства величинъ мнимыхъ. Здѣсь заключаесться нѣсколько теоремъ о мнимыхъ корняхъ, хотя весьма простыхъ, но замѣчательныхъ. При всякомъ разсужденіи о мнимомъ выраженіи $\alpha + \beta\sqrt{-1}$, Коши разсматриваетъ особое количество $\sqrt{\alpha^2 + \beta^2}$, которое онъ называетъ модулемъ. Такой взглядъ явственнѣе ука-

зывается на зависимость мнимыхъ количествъ отъ функций тригонометрическихъ : ибо если положимъ

$$\alpha = r.\cos\varphi, \beta = r.\sin\varphi$$

то

$$\alpha^2 + \beta^2 = r^2, \frac{\beta}{\alpha} = \operatorname{tg}\varphi;$$

а потому r и φ всегда могутъ быть определены, и тогда

$$\alpha + \beta V - 1 = r(\cos\varphi + \sin\varphi V - 1),$$

Коши и самъ раскрываетъ сію зависимость въ *Analyse algébrique* ; даже Эйлеръ намекаетъ, кажется, на оную, упоминая при интегрировании преобразованные количества второй степени въ такомъ видѣ :

$$aa - 2abxcsg + bbxx, \text{ или } 1 - 2zcs g + zz,$$

кои будучи приравнены нулю, даютъ корни

$$x = \frac{a}{b}(csg \pm \sin g V - 1), z = csg \pm \sin g V - 1.$$

Но упомянутыя теоремы въ *Exercices*, *Коши* доказываетъ независимо отъ тригонометрическихъ функций, и чрезъ сіе даетъ возможность относить ихъ къ Начальной Алгебрѣ ; впрочемъ истинное достоинство ихъ понятно только въ Высшей, при разложеніи многочлен-

наго на производители впокой степени. Главныхъ изъ сихъ теоремъ можно считать четыре, и онѣ относяся къ четыремъ главнымъ дѣйствіямъ, производимымъ съ мнимыми величинами: а потому сію приуготовительную теорію можно назвать исчисленіемъ мнимыхъ. Поелику на Русскомъ языкѣ она изложена въ III книжкѣ Ручной Матем. Энциклопедіи въ томъ видѣ, какъ въ Exercices; а разсмотрѣніе количествъ мнимыхъ въ зависимости отъ функций тригонометрическихъ кажется мнѣ изыщѣе; по счѣтаю позволительнымъ здѣсь предложить сіи теоремы въ семъ последнемъ видѣ. Самъ Коши въ Analyse algébrique доказалъ двѣ изъ нихъ, относящіяся къ умноженію и дѣленію мнимыхъ въ такомъ же видѣ.

1) Складывая два мнимыя количества, получимъ также мнимое

$$r(cs\varphi + sn\varphi V - 1) + r'(cs\varphi' + sn\varphi' V - 1) = (rcs\varphi + r'cs\varphi') + (rsn\varphi + r'sn\varphi')V - 1$$

Квадратъ модуля сей суммы будетъ

$$R^2 = (rcs\varphi + r'cs\varphi')^2 + (rsn\varphi + r'sn\varphi')^2 = r^2 + r'^2 + 2rr'cs(\varphi - \varphi')$$

ясно, что сіе выраженіе менѣе $(r + r')^2$ и болѣе $(r - r')^2$: слѣд.

$$r - r' < R < r + r'$$

т. е. модуль суммы есть величина средняя между суммою и разностью модулей слагаемыхъ.

2) Вычитая два мнимыя выраженія, получимъ опять мнимое

$$r(cs\varphi + sn\varphi V - 1) - r'(cs\varphi' + sn\varphi' V - 1) = (rcs\varphi - r'cs\varphi') + (rsn\varphi - r'sn\varphi')V - 1$$

Квадратъ модуля разности будетъ

$$R'^2 = (rcs\varphi - r'cs\varphi')^2 + (rsn\varphi - r'sn\varphi')^2 = r^2 + r'^2 - 2rr'cs(\varphi - \varphi')$$

Посему и модуль разности есть также величина средняя :

$$r - r' < R' < r + r'$$

3) Умножая двѣ мнимыя величины, имѣемъ

$$r(cs\varphi + sn\varphi V - 1) \times r'(cs\varphi' + sn\varphi' V - 1) = rr'(cs(\varphi + \varphi') + sn(\varphi + \varphi')V - 1)$$

слѣд. модуль произведенія равенъ произведенію модулей. Легко усмотрѣть, что модуль всякой степени или корня мнимой величины будетъ степень или корень модуля оной.

Умножая сопряженные величины, должны

$r(cs\varphi + sn\varphi V - 1) \times r(cs\varphi - sn\varphi V - 1)$ принимать второе φ отрицательнымъ : а посему произведение будетъ

$$r^2(cso + snoV - 1) = r^2 ;$$

слѣд.

$$r(cs\varphi + sn\varphi V - 1) = \frac{r}{cs\varphi - sn\varphi V - 1}$$

4) На основаніи сего, найдемъ частное двухъ мнимыхъ величинъ

$$\frac{r(cs\varphi + sn\varphi V - 1)}{r'(cs\varphi' + sn\varphi' V - 1)} = \frac{r}{r'}(cs\varphi + sn\varphi V - 1)(cs\varphi' - sn\varphi' V - 1) =$$

$$\frac{r}{r'}(cs(\varphi - \varphi') + sn(\varphi - \varphi')V - 1)$$

п. е. модуль частнаго есть частное модулей

§ 2 содержитъ рѣшеніе ур. первой и второй степени съ коэффициентами мнимыми; § 3 — рѣшеніе ур. двучленныхъ, коихъ показатели сначала берутся въ видѣ 2^m , а потомъ нечетные. Главная цѣль сихъ §§ есть не собственно нахожденіе корней сихъ ур., но обнаруженіе вида ихъ

$$\alpha + \beta V. - 1.$$

Поелику они не служатъ лемами для общаго предложенія, содержащаго ихъ въ себѣ, какъ частные случаи, и помѣщеннаго въ § 5: то они кажутся мнѣ излишними.

§ 4 „О рѣшеніи ур. какой-либо степени съ коэффициентами дѣйствительными“, состоитъ въ особенности изъ разбора ур., имѣющаго одну только переменную въ знакъ. Здѣсь доказывается существованіе одного только положительнаго корня въ семь ур.,

хотя не весьма строго: ибо для сего оно чрезъ дѣленіе на x^{n-m} приводится въ видъ

$$x^m + \rho_1 x^{m-1} + \dots + \rho_m - \left(\frac{\rho_{m+1}}{x} + \dots + \frac{\rho_{n-1}}{x^{n-m-1}} + \frac{\rho_n}{x^{n-m}} \right)$$

и объясняется, что первая сумма, между $x = 0$ и $x = \infty$, увеличивается отъ ρ_m до ∞ , а вторая уменьшается отъ ∞ до 0. Но когда бы сіе увеличиваніе и уменьшеніе спанивались нѣсколько разъ по быстрѣе, по медленнѣе; тогда бы сіи суммы могли нѣсколько разъ дѣлаться равными. Знаемъ впрочемъ, что дѣйствительно сего бытъ не можеть.

Здѣсь же опредѣляется высшій предѣлъ корней ур. въ двухъ извѣстныхъ видахъ.

Вопъ сущность § 5, наиболѣе замѣчательнаго въ цѣломъ сочиненіи. Вставивъ $\alpha + \beta V - 1$ въ функцію.

$$f(x) = x^m + px^{m-1} + qx^{m-2} + \dots + sx^2 + tx + u$$

въ которой коэффициентъ перваго члена приведенъ уже къ 1, а коэффициенты прочихъ дѣйствительные или мнимые, имѣемъ

$$f(\alpha + \beta V - 1) = f\alpha + \beta V - 1. f'\alpha - \beta^2 f''\alpha + \dots =$$

для краткости $P + QV - 1$. Пусть модуль R сего выраженія не обращается въ 0. Вставимъ еще

$$x = \alpha + \beta \sqrt{-1} + z;$$

погда

$$f(\alpha + \beta \sqrt{-1} + z) = f(\alpha + \beta \sqrt{-1}) + z f'(\alpha + \beta \sqrt{-1}) + \frac{z^2}{2} f''(\alpha + \beta \sqrt{-1}) + \dots + z^m$$

Если положимъ здѣсь

$$z = - \frac{f(\alpha + \beta \sqrt{-1})}{f'(\alpha + \beta \sqrt{-1})},$$

то первые два члена уничтожились; но возьмемъ

$$z = - \varepsilon \cdot \frac{f(\alpha + \beta \sqrt{-1})}{f'(\alpha + \beta \sqrt{-1})},$$

гдѣ ε количество действительное; погда

$$f(\alpha + \beta \sqrt{-1} + z) = f(\alpha + \beta \sqrt{-1}) - \varepsilon f(\alpha + \beta \sqrt{-1}) + \frac{\varepsilon^2 f^2(\alpha + \beta \sqrt{-1}) f''(\alpha + \beta \sqrt{-1})}{2 f'^2(\alpha + \beta \sqrt{-1})} + \dots$$

или сдѣлавъ

$f(\alpha + \beta \sqrt{-1})$ общимъ множителемъ,

$$f(\alpha + \beta \sqrt{-1} + z) = f(\alpha + \beta \sqrt{-1}) \{ 1 - \varepsilon + c_1 \varepsilon^2 + c_2 \varepsilon^3 + c_3 \varepsilon^4 + \dots + c_{m-1} \varepsilon^m \}$$

разумѣя подъ $c_1, c_2, c_3, \dots, c_{m-1}$ мнимыя величины. Пусть модули ихъ будутъ соотвѣстственно

$$\xi_1, \xi_2, \xi_3, \dots, \xi_{m-1};$$

погда модули количествъ

$$c_1 \varepsilon^2, c_2 \varepsilon^3, c_3 \varepsilon^4, \dots, c_{m-1} \varepsilon^m$$

будутъ

$$\xi_1 \varepsilon^2, \xi_2 \varepsilon^3, \xi_3 \varepsilon^4, \dots, \xi_{m-1} \varepsilon^m.$$

Взявъ всѣ сии модули съ знаками $+$, по первой и второй изъ предложенныхъ выше теоремъ

заклучимъ , что модуль ряда , содержащагося въ скобкахъ ,

$$\theta < 1 - \varepsilon + \xi_1 \varepsilon^2 + \xi_2 \varepsilon^3 + \xi_3 \varepsilon^4 \dots + \xi_{n-1} \varepsilon^n :$$

ибо дѣйствительную величину $1 - \varepsilon$ можно принять за ея собственнѣйшій модуль.

Но уменьшая произвольное $\varepsilon < 1$, можемъ сдѣлать отрицательный членъ $-\varepsilon$ болѣе суммы всѣхъ послѣдующихъ положительныхъ , отъ чего будетъ

$$\theta < 1$$

Поскольку же $f(\alpha + \beta\sqrt{-1+z})$ есть произведение разсмотрѣннаго ряда на $f(\alpha + \beta\sqrt{-1})$, котораго модуль R: то модуль $f(\alpha + \beta\sqrt{-1+z})$ есть θR и

$$\theta R < R ;$$

слѣд. всегда можно выбрать такое ε , а потомъ и z , прибавку къ вставкѣ $\alpha + \beta\sqrt{-1}$, чтобы модуль результата уменьшился. Послѣ того Коши повтораеетъ доказательство сей теоремы для того случая, когда нѣсколько изъ функций сряду

$$f'(\alpha + \beta\sqrt{-1}), f''(\alpha + \beta\sqrt{-1}) \dots$$

равны нулю, и наконецъ заключаеетъ, что уменьшая модуль результата R такимъ выборомъ z послѣдовательно, можно всегда довести его до нуля, а слѣд. всегда удовлетворишь ур. выраженіемъ, подобнымъ $\alpha + \beta\sqrt{-1}$.

Эвклидъ, желая строго доказать, что разности между соизмѣримою и несоизмѣримою

величинами, между площадью круга и многоугольника, и ш. д. могутъ бытьъ менѣе всякой желаемой величины, постановилъ признакомъ величинъ уменьшающихся по произволу такое ихъ свойство, что извѣстными дѣйствіями ихъ можно уменьшать безчисленное множество разъ, а припомъ каждый разъ по крайней мѣрѣ вдвое. Нынѣ, при большихъ успѣхахъ науки числительной, въ точности знаемъ, что всякая дробь, напр. 0,9999, сколько бы она ни была близка къ единицѣ, можетъ имѣть столь большого показателя m , чтобы степень ея была менѣе всякой другой дроби, напр. 0,0001: ибо не трудно по логарифмамъ рѣшить неравенство

$$(0,9999)^m < 0,0001.$$

Посему, дабы удостовѣриться, что какая-либо величина можетъ уменьшаться по желанію, необходимо доказать, что она можетъ уменьшаться безчисленное множество разъ въ какомъ угодно отношеніи, но постоянномъ, или приближающемся постепенно къ нѣкопкой постоянной величинѣ, какъ предѣлу, < 1 .

Поелику же въ доказательствѣ Коши дробь θ можетъ имѣть весьма различныя величины, конхъ законъ измѣненія не раскрытъ: то, по моему мнѣнію, его нельзя поставитъ въ число изслѣдованій строгихъ, истинно

Математическихъ. Всякой сходящійся рядъ (спашья, на которую самъ Коши обращаетъ особое вниманіе) можетъ представить примѣръ такихъ дробей, въ отношеніи коихъ уменьшая величину, спашемъ приближать ее къ какому-либо конечному, постоянному предѣлу, но не къ нулю. Напр. уменьшая единицу послѣдовательно въ отношеніи дробей

$$1-0,3, \frac{1-0,33}{1-0,3}, \frac{1-0,333}{1-0,33} \dots$$

или

$$\frac{7}{10}, \frac{67}{70}, \frac{667}{670}, \frac{6667}{6670} \dots$$

будемъ приближаться къ

$$(1-0,3)\left(\frac{1-0,33}{1-0,3}\right)\left(\frac{1-0,333}{1-0,33}\right) \dots = 1-0,3333 \dots$$

$$= 1 - \frac{1}{3} = \frac{2}{3}$$

или къ

$$\frac{6666 \dots}{10000 \dots} = \frac{2}{3}.$$

Также, уменьшая единицу въ отношеніи дробей

$$1 - \frac{1}{2}, \frac{1 - \left(\frac{1}{2} + \frac{1}{2 \cdot 3}\right)}{1 - \frac{1}{2}}, \frac{1 - \left(\frac{1}{2} + \frac{1}{3 \cdot 3} + \frac{1}{2 \cdot 3 \cdot 4}\right)}{1 - \left(\frac{1}{2} + \frac{1}{2 \cdot 3}\right)},$$

$$\frac{1 - \left(\frac{1}{2} + \frac{1}{2 \cdot 3} + \frac{1}{2 \cdot 3 \cdot 4} + \frac{1}{2 \cdot 3 \cdot 4 \cdot 5}\right)}{1 - \left(\frac{1}{2} + \frac{1}{2 \cdot 3} + \frac{1}{2 \cdot 3 \cdot 4}\right)}$$

или

$$\frac{2-1}{2}, \frac{2.3-(3+1)}{2.3-1}, \frac{2.3.4-(3.4+4+1)}{2.3.4-(3.4+4)},$$

$$\frac{2.3.4.5-(3.4.5+4.5+5+1)}{2.3.4.5-(3.4.5+4.5+5)} \dots$$

или

$$\frac{1}{2}, \quad \frac{2}{3}, \quad \frac{7}{8}, \quad \frac{34}{35}, \quad \frac{203}{204}, \quad \frac{1420}{1421} \dots$$

будемъ приближаться только къ

$$1 - \left(\frac{1}{2} + \frac{1}{2.3} + \frac{1}{2.3.4} + \frac{1}{2.3.4.5} + \dots \right)$$

$$= 1 - (e - 2) = 3 - e,$$

гдѣ e есть основаніе Неперовыхъ логарифмовъ.

Кромѣ того знаемъ, что

$$x \left(1 - \frac{x^2}{\pi^2}\right) \left(1 - \frac{x^2}{2^2 \pi^2}\right) \left(1 - \frac{x^2}{3^2 \pi^2}\right) \left(1 - \frac{x^2}{4^2 \pi^2}\right) \dots = \sin x$$

$$\left(1 - \frac{2^2 x^2}{\pi^2}\right) \left(1 - \frac{2^2 x^2}{3^2 \pi^2}\right) \left(1 - \frac{2^2 x^2}{5^2 \pi^2}\right) \left(1 - \frac{2^2 x^2}{7^2 \pi^2}\right) \dots = \cos x$$

и многіе другіе примѣры (см. въ *Intorductio in Anal. infinitorum* Эйлера главы XV de seriebus ex evolutione factorum ortis).

Дѣло другое, если бы, выбравъ модуль R произвольный, мы могли найти соотвѣтствующую прибавку z къ x , копорая давала бы другой модуль меньшій. Но здѣсь R не произ-

волень, а получится изъ выкладки для данной величины $x = \alpha + \beta V - 1$. Такъ почто для даннаго числа сторонъ многоугольника, описаннаго около круга, можно опредѣлить его периметръ или площадь, а потомъ, увеличивая сіе число, уменьшая сколько угодно разъ оныя; но будутъ ли они приближаться произвольно къ нулю?

Всякое изысканіе о предметѣ уже извѣстномъ предпринимаеиъ вповѣ, по причинѣ недостатка или строгости, или общности, или по крайней мѣрѣ простоты въ предшествоующемъ. Привожу въ примѣръ самую исторію вида мнимыхъ корней.

Съ тѣхъ поръ, какъ были найдены общія формулы для корней ур. третей и четвертой степени, способныя въ случаѣ мнимости принимать видъ $\alpha + \beta V - 1$, родилось подозрѣніе, что сей послѣдній принадлежитъ мнимымъ корнямъ всякаго ур. высшей степени. Д'Аламбертъ первый разсмапривалъ сей вопросъ съ надлежащею общностію въ сочиненіи о вѣпрахъ и въ Mémoires de l'Acad. de Berlin 1746. Онъ доказалъ впервыхъ, что всякая алгебраическая функція отъ $\alpha + \beta V - 1$ приводится къ сему же виду. Въ его интегриціи, служащей для опредѣленія вида функціи $(x + yV - 1)^{m + nV - 1}$,

входящъ даже количество $\sqrt{x^2+y^2}$; только онъ не называетъ его *модулемъ*. Однако же его заключеніе о видѣ корня ур. не могло считаться удовлетворительнымъ: ибо основывалось на параллелограммѣ Ньютона, дающемъ для онаго сходящійся рядъ.

$$y = ax^{\frac{m}{n}} + bx^{\frac{r}{s}} + cx^{\frac{t}{u}} + \dots ;$$

а коэффициенты сего ряда могли зависѣть отъ новыхъ ур. съ мнимыми корнями — *petitio principii*.

Болѣе спрогимъ было заключеніе Ле Сёра (Le Seur) о возможности разложить всякое многочленное на трехчленные произведени въ второй степени: ибо оно основывалось на томъ, что коэффициенты частнаго, происшедшаго отъ дѣленія многочленного степени m на другое степени n , зависятъ отъ ур. нечетныхъ степеней; но сіе относилось только къ степенямъ вида $4p+2$. Вѣроятно, это было только распространеніе подобныхъ замѣчаній Декарта и Сондерсона о многочленныхъ четвертой степени, а Тюда о многочленныхъ шестой степени, при дѣленіи ихъ на трехчленное второй степени.

Подобныя соображенія предложилъ Эйлеръ въ *Mémoires de l'Acad de Berlin* за 1749, напе-

чапанныхъ 1751. Онъ разсматриваль сначала ур. степени 2^m , и доказываль, что оно всегда разлагается на два другія, коихъ степень вполонину менѣе: ибо коэффициенты сихъ послѣднихъ зависящъ отъ ур., содержащаго одни чешные показатели, изъ коихъ старшій дѣлился только одинъ разъ на 2, а послѣдній членъ есть квадрапомъ нѣкопной функціи корней предложеннаго ур. съ знакомъ(—). Эйлеръ предполагалъ, что сію функцію всегда можно выразить рационально по коэффициентамъ даннаго ур., а потому квадрапъ ея долженъ бытъ всегда положительнымъ. Но сіе ясно было только для ур. чешвертой степени, по вышеупомянутому замѣчанію Декарта; а для прочихъ степеней надлежало доказатъ. Далѣе Эйлеръ обнаруживаетъ существованіе дѣйствительныхъ дѣлителей 2, 4, 8 ой степени, для ур. $2i$, $4i$, $8i$ степеней (гдѣ i нечетное), приводя ихъ въ зависимость отъ ур. нечетныхъ степеней; но все не устраняетъ вышеупомянутаго недостатка спрососи.

Замѣчательно, что нѣсколькими годами прежде, въ *Introductio in Anal. infin.*, Гл. 2 чл. 31 и 32, сей знаменитый Математикъ разлагаетъ пятичленное чешвертой степени $z^4 + Az^3 + Bz^2 + Cz + D$ на производители мнимые

$$\{z^2 - 2(q+pV-1)z + r+sV-1\} \cdot 2 \{z^2 - 2(p-qV-1)z + r-sV-1\}$$

основываясь на томъ, что другаго вида мнимыхъ производимелей нельзя вообразить. Далѣе говоритъ: „хотя такой способъ доказательства нельзя распространить на многочленные высшихъ степеней; но кажется несомнѣннымъ, что то же свойство относится ко всякому числу мнимыхъ производимелей.“ После сего понятное значеніе гипотезъ въ Физикѣ, если онѣ сопровождали даже изысканія математическія: ибо я не умѣю иначе называть подобныя допущенія.

Наконецъ первое довольно строгое доказательство вида мнимыхъ корней предложилъ Фонсене (Fonsenex) въ Туринскихъ *Miscelanea* напеч. 1759, основанное на томъ, что въдѣлитель $x^2 - ux + V$ многочленного степени $2^\mu i$ коэффициентъ u , какъ сумма двухъ корней зависить, по теоріи сочетаній, отъ ур. степени $\frac{2^\mu i(2^\mu i - 1)}{2} = 2^{\mu-1} i(2^\mu i - 1)$, количество же V чрезъ u всегда выражается рационально. Если $\mu = 1$: то $2^{\mu-1} i(2^\mu i - 1)$ нечетное; если $\mu = 2$: то изъ ур. счислени $2^{\mu-1} i(2^\mu i - 1)$ мож-

но произвеси другое нечетной степени, и т. д.

Но Лагранжъ, замѣшивъ, что въ случаѣ равныхъ корней ур. степени $2^{\mu-1}i(2^{\mu}i-1)$ и неравныхъ производителей даннаго ур., количество V можетъ зависѣть отъ новаго ур. степени числа равныхъ корней, почелъ нужнымъ возобновить изысканія сего рода. Онъ послѣдовалъ пути, избранному Эйлеромъ, и дополнилъ недостапокъ строгости въ ономъ, введя произвольные множители. Послѣ того Лапласъ въ урокахъ нормальнаго училища показалъ простѣйшій способъ удостовѣряться въ той же истинѣ, подражая анализу Фонтене, только упоминая вмѣсто дѣлителя $x^2 - ix + V$, особое количество $u + \alpha V$ (гдѣ α произвольное), которое будетъ корнемъ ур. степени $\frac{m(m-1)}{2}$, если данное было степени m . Сие изысканіе Лапласа помѣщалось во всѣхъ учебныхъ Алгебрахъ, до появленія доказательства Коши.

Симъ исторія вида мнимыхъ корней должна бы окончиться: ибо Лапласово изысканіе заключало всѣ желаемыя качества, т. е. строгость, простоту и общность. Правда, Коши беретъ ур. съ мнимыми коэффициентами, ме-

жду тѣмъ какъ до сихъ поръ они были предполагаемы дѣйствительными; но эту обстоятельство, мнѣ кажется, не дѣлаетъ его изслѣдованіе болѣе общимъ: ибо члены, содержащіе знакъ $\sqrt{\quad}$, всегда могутъ быть исключаемы.

Послѣ сего опуступленія, возвращаюсь къ излагаемому сочиненію Коши: § 6 содержитъ опредѣленіе симметричныхъ функций корней даннаго ур. Въ немъ предлагается способъ находить сіи функции посредствомъ послѣдовательнаго дѣленія, который совершенно удовлетворителенъ.

§ 7 „Объ опредѣленіи дѣйствительныхъ корней ур.“ не представляетъ никакихъ особыхъ для сего способовъ, кромѣ Лагранжева ур. съ квадрадами разностей; но содержитъ формулу числа, меньшаго всѣхъ разностей, которая основана на свойствахъ упомянутаго ур., и которою можно пользоваться, не раскрывая онаго. Правда, послѣ способа Фурье, она не можетъ имѣть той цѣны, какую имѣла бы прежде, но удобство ея употребленія заслуживаетъ всякое вниманіе. Вотъ выводъ сей формулы: пусть n корней ур. будутъ $a, b, c, d \dots$, и r высшій предѣлъ положительный или отрицательный, взятый положительно,

смотря по тому, который изъ нихъ будетъ болѣе. Посему $2r$ будетъ болѣе каждой изъ разностей

$$a - b, a - c, b - c \dots$$

и $(2r) \frac{n(n-1)}{2} - 1$ болѣе произведенія всѣхъ ихъ, кромѣ одной, какой бы то ни было. Пусть произведеніе квадратовъ ихъ, или послѣдній членъ ур. съ квадратами разностей будетъ N^2 : тогда дробь

$$\frac{N}{(2r) \frac{n(n-1)}{2} - 1}$$

должна быть менѣе всякой изъ предъидущихъ разностей, а слѣд. и наименьшій. Но какъ N^2 , будучи симметричною функціею, можетъ выразиться цѣлою функціею коэффициентовъ даннаго ур.; то принимая сіи послѣдніе за цѣлыя числа, чего всегда можемъ достигнуть дѣйствительно, будемъ имѣть и N^2 цѣлое число, слѣд. всегда N не меньше 1, и предъидущую дробь можно замѣнить такою:

$$\frac{1}{(2r) \frac{n(n-1)}{2} - 1}$$

Прибавлю къ сему, что $2r$ можно замѣнить суммою $r+r'$ положительнаго предѣла и оп-

рицательнаго, взятаго положишельно, что до-
спавипъ нѣкоторую выгоду, увеличивъ предъ-
идущую дробь, безъ нарушенія ея свойства.

§ 8 содержитъ теорію исключенія по-
мощію симметричныхъ функций. Сію оспроум-
ную теорію можно найши на русскомъ языкѣ
въ курсѣ Математики Франкёра и въ Мате-
матической Энциклопедіи.

IV. С М Ъ С Ъ.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

9. О СВАДЬБАХЪ И СВАДЕБНЫХЪ ОБРЯДАХЪ И ОБЫЧАЯХЪ РУССКИХЪ КРЕСТЬЯНЪ.

(Сообщено Профессоромъ Страховымъ.)

(Окончаніе.)

На утро послѣ дѣвшника, къ жениху въ домъ собираются дѣвушки, поютъ свадебныя пѣсни и помогаютъ домашнимъ стряпать обѣдь и ужинъ; дѣлаютъ *коровай* и *курникъ* или круглый пирогъ съ курицею, яйцами, кашею, который дѣвушки *рядятъ*, то есть, каждая дѣлаетъ изъ пѣста какую-нибудь *диковинку*, *человѣчка*, *птичку*, или другую какую *каракульку*, и лепитъ ее на пирогъ, отъ чего онъ выходитъ довольно забавнаго вида. *Коровай* дѣлается изъ сипнаго или ячнаго, либо изъ пшеничнаго пѣста простой, либо здобный: иногда корован покупаются въ Москвѣ, то есть, крупчатые куличи, какіе продаются у Лобнаго мѣста. *Коровай* идетъ въ печь послѣдній и женщина въ то время, какъ сажаетъ его на лопату и въ печь, припѣваетъ слѣдующее :

Коровай капается ,
Коровай валяется ,
Коровай на лопату сѣтъ ,
Коровай на ножки вспаль ,
Коровай града досталь .

При сихъ послѣднихъ словахъ она припрыгиваетъ и спарается рукою доспашь до *грядки*: бѣда коли промахнется : примѣта къ худу ; когда же по грядкѣ попадетъ , то къ добру.

Кончится спрядня , собираются *прибесѣдныя* и *попѣзгіе*.

Прибесѣдныя , или *посаженыя* опецъ и мать , главныя лица послѣ родныхъ опца и матери. Ежели есть у жениха опецъ и мать крестныя , то они должны быть и *прибесѣдными*; ежели же ихъ нѣтъ , то старшіе родственники. Это почетныя гости на свадебномъ пиру , которымъ при величаніи по имени и опчеству всегда прибавляется шипуль : *батюшка прибесѣдный , матушка прибесѣдная*.

Попѣзгіе или *попѣзжаныя* , провожаемыя жениха къ вѣнцу. Они суть :

Тысяцкій, въ поѣздѣ старшее, впрочемъ молодѣйствующее лице. На его рукъ женихъ и невѣста мѣняются до трехъ разъ кольцами. Въ Іосифовскомъ прѣбникѣ , напечатанномъ въ Москвѣ 1647 года , *тысяцкій* поминается на экіпеніи при обрученіи : „еще молимся о рабѣ Божіи *тысяцкомъ* имя рекъ.“ Это и понынѣ соблюдается у старообрядцевъ , у которыхъ *тысяцкимъ* бываетъ крестный опецъ жениха.

Большой баринъ , также изъ первосепенныхъ особъ не свадьбы , ничего особеннаго не дѣлаетъ , и не рѣдко смѣшивается съ *тысяцкимъ* , такъ что обоими именами зовется одно лицо.

Малые барины , нѣсколько поѣзжихъ впорой степени , кромѣ провожанія къ вѣнцу , не имѣютъ никакого другаго дѣла.

Дружко, неоплучный спутникъ жениха, распорядитель всѣмъ свадебнымъ порядкомъ и первый весельчакъ и запѣйникъ на праздникъ.

Подружья, одинъ или двое, поварищи и помощники дружка.

Гвоздарь, въ поѣздѣ заведываетъ боченкомъ съ пивомъ.

Холостые парни къ поѣзду не допускаются.

Когда соберется весь поѣздъ, накрываютъ столъ; помолившись Богу, всѣ садятся обѣдать, пьютъ вино и пиво. Курника и коровая на столъ не подаютъ: первый бережется къ ужину, а другой на княжъ обѣдъ; — послѣ обѣда, всѣ вспаютъ, молятся Богу, благодарятъ хозяевъ за хлѣбъ за соль. Дружко громко кричитъ къ опцу и къ мащери: „Григорій Савельевичъ, Палагея Демидовна, благословляйте-ко добрыхъ коней закладывая!“ — всѣ встаютъ и кричатъ: „во святой часъ, нечева ждашь!“ Многие изъ поѣзжихъ идутъ запрягать лошадей. Мать, помолившись Богу, сажаетъ сына жениха на лавку, на шубу, — беретъ въ руки стаканъ пива, съ моливною и перекрестясь, смачиваетъ пивомъ голову парню, расчесываетъ гребнемъ и припадая къ нему на грудь, вопиетъ въ голосъ:

Родимое мое дитяшко,
Филипушка свѣтъ Григорычъ,
Какъ поѣдешь ты женишься-то,
Привезешь себѣ ны молодую жену,
Не покинь же меня бѣдну, горькую,
При старости и при хворости,
Не мѣняй меня горемышную
На свою молодую-то жену.

Дружки и потѣжіе, впрягши лошадей, входятъ въ избу. Отецъ *теплитъ* свѣчу передъ Св. иконами, дружка кричитъ: „бапюшко, Григорій Савельевичъ, машушка, Палагея Демидовна, благословляйше-шко сынка своего Филипа Григорьевича, пора святое дѣло запѣвать, нечева ждашь!“ — всѣ встають, молясь Богу; дружка беретъ женихово *подвыщовое* плащье, *шубу*, обмахиваетъ ею вокругъ жениховой головы и вспряхиваетъ, и эту хвашку повторяетъ до трехъ разъ. Шубу надѣвають на жениха, и на шею ему повязываютъ новый красивый плапокъ, сложивши его на уголь, такъ точно какъ носятъ плапки на шеяхъ женщины — по этому плапку женихъ оплеченъ изъ всего поѣзда. Отецъ беретъ съ полки образъ, спановившя лицомъ къ людямъ; женихъ молился, кладетъ при земныхъ поклона, при чемъ дружка всякой разъ подымаетъ его подъ руки; по проекартномъ поклоненіи, женихъ прикладываетъ къ образу и цѣлуетъ отца, у копорого изъ рукъ Св. икону принимаетъ мать, спановившя въ отцово мѣсто и тѣмъ же порядкомъ благославляетъ сына; послѣ мапери пою же иконою и точно также благословляютъ дяди родные, отецъ и мать прибѣдныя.

Когда благословеніе кончилось; тогда дружка во все горло кричитъ: „сморѣльщики, глѣдѣльщики, зѣваки и палощны колюбаки, благословляйше-шко всѣ князя новобрачнаго въ путь дороженьку ѣхашъ, сужено ражено взяшь, подъ золотой вѣнецъ стояшь!“ — всѣ въ одинъ голосъ кричатъ крестяся: „во святой часъ, дай Богъ часъ добрый!“ — Дружка и подружка берутъ жениха подъ руки, ведутъ вонъ, садятся въ сани, и на каждомъ порогѣ заставляють его креститься. Отецъ, мать, родные и прибѣдныя,

то есть, всѣ, кто только благословлялъ жениха образомъ, провожаютъ его до перваго порога и къ вѣнцу не ѣдутъ.

Въ потѣздѣ лошади запряжены съ колокольчиками, бубенчиками, погремушками, ихъ гривы и челки развязаны пестрыми лоскутьями. Спереди скачешъ передовой на одной лошади въ саняхъ, его обязанность спараться не даватъ, чтобы перебивали дорогу. За передовымъ тройкою ѣдутъ князь - женихъ; у него по правую руку сидитъ пысяцкій или большой баринъ, по лѣвую дружка; за ними скачутъ потѣзье по порядку старшинства, потѣздъ заключаетъ гвоздарь: онъ одинъ ѣдетъ въ саняхъ и везетъ боченокъ пива и ковшъ либо два, также коробью съ хлѣбомъ, солью, съ парадомъ для невѣсты и мыломъ для подарковъ.

Ежели съ потѣздомъ встрѣпится какой прохожій, то снимая шапку, кланяется потѣзду, приговаривая: „Господь съ вами, въ добрый часъ.“ Такому доброму человѣку вѣтъ потѣздомъ опкланиваются и благодарятъ. Иногда встрѣпшій заваливаетъ потѣзду дорогу: то есть бросаетъ передъ потѣздомъ среди дороги шапку, или рукавицу, или палку и т. п., тогда потѣздъ останавливается, гвоздарь цѣдитъ ковшъ пива, подружья подносятъ прохожему; сей пьетъ пиво, поздравляетъ жениха, желаетъ ему добра и счастья, подымаетъ свой *перелогъ*; потѣздъ скачешъ дальше. Ежели на пути есть деревня, то почиай всегда путь заваливаютъ дорогу; мужчины, женщины выходятъ кучею и стоятъ по одну сторону дороги, дѣвушки по другую также кучею, и поютъ пѣсни. Мужчинъ и женщинъ потчуютъ пивомъ, а пѣвицамъ даютъ денегъ. Когда же *завалу* снимутъ,

погда потѣздъ скачешъ далыше, наконецъ подѣзжаешъ къ невѣспину двору.

У невѣспы въ домѣ въ эпомъ день съ ушра большая стряпня, гоповишся обѣдъ; сходяшся дѣвицы, невѣспины подруги, прибѣздные, сваха, госпи. Подруги наряжаютъ невѣсту, а маленькій братъ родной или двоюродный, или племянникъ ее обуваешъ, и лишь толькo начнешъ надѣвать ей чулокъ на ногу, она завываешъ къ нему:

Родимый ты мой братецъ,
Куда ты меня обуваешъ,
Куда меня ты снаряжаешъ?
Обуваеши вы меня снаряжаеши,
Въ чужу дальнюю споронушку,
Ко чужому опцу съ маперью,
Ко чужому роду племени,
Али я была у васъ не работница,
Али я была у васъ не заботница?

Когда невѣспу нарядашъ, погда теплюшъ свѣчу передъ иконами, всѣ моляшся Богу; невѣспа, стоя среди избы, вопишъ къ опцу своему:

Свѣтелъ мѣсяцъ, родимый бапюшко,
Не прошу-то я ни золота, ни серебра,
Прошу-то я пвово чиспова благословеньца.

Опецъ берешъ съ полки образъ, оборачиваешся лицомъ къ невѣспѣ, копорая молишся образу, кладешъ при земныхъ поклона, при чемъ поднимающъ ее подъ руки сваха, да родспивенница замужняя, а не дѣвицы подруги. По проекрашномъ поклоненіи, невѣспа прикладываешся къ образу, цѣлуешъ опца, послѣ кошораго тѣмъ же образомъ и шакимъ же порядкомъ бла-

гословляетъ ее родная машь, родные и прибесѣдныя; къ каждому изъ благословляющихъ неvěста завываетъ.

По благословеніи, сваха покрываетъ неvěстину голову покровомъ, то есть, краснымъ плашкомъ, чтобы не видно было лица ея, а руки обертываются и обвязываютъ чистыми тряпичками; ибо де не прилично жениху прежде вѣнца прикасаться къ плечу неvěсты (*). Сваха беретъ шубу, складываетъ ее вдвое мѣхомъ наружу и спелетъ на лавкѣ въ переднемъ углу. Сажаютъ неvěсту на шубу, съ лѣвой руки возмъ неvěсты на шубѣ же садится сваха, съ правой руки на шубѣ же садится *продивецъ*, мальчикъ, который обувалъ. Прочіе садятся по лавкамъ и скамьямъ и *дожидаются* поѣзда.

Поѣздъ въѣзжаетъ на дворъ ко крыльцу, дружка и подружка входятъ въ избу: у дружки въ рукахъ ковшъ пива, у подружки хлѣбъ да соль, оба спановляясь середь горницы, Богу молятся, на всѣ стороны раскланиваются, потомъ дружка *выкликаетъ*: свапушка Ефимъ Денисьевичъ и сватыюшка Авдомя Аѳанасьевна, просятъ васъ Григорій Савельевичъ, Палагея Демидовна и Филиппъ Григорьевичъ хлѣбомъ да солью, милостию Божіею, ковшъ пивка искушайте, хлѣбъ соль примите, насъ полюбите, къ себѣ въ гости пустите.“ — Спарики, принявши пиво и выпивши, отвѣчаютъ: „милости просимъ, мы рады такимъ дорогимъ гостямъ.“ — Подружка ставитъ хлѣбъ-соль на столъ, и вмѣстѣ съ дружкой уходятъ. Потомъ опять оба входятъ,

(*) Женихъ, какъ послѣ увидимъ, сядя вмѣстѣ съ неvěстою въ избѣ, и сходя въ церковь, держитъ ее за руку.

дружко съ шубою и покровомъ для невѣсты и кускомъ мыла для свахи, а подружья съ пирогомъ и жареною говяжьею лопаткою. Дружко, подавая свахѣ мыло, говоритъ: свашинька, Ѳедора Сысоевна, мыльцо по извольши-ка возьми, свои бѣлы ручки вымойше, наряды наши примите, Агафью Ефимьевну въ наше платье нарядите.“ Сваха кланяется, принимая наряды, благодаритъ, между тѣмъ подружья спавившъ пирогъ и мясо на столъ. Дружки идутъ вонъ изъ избы; въ это время сваха надѣваетъ на невѣсту женихову шубу, прежде обмахивая вкругъ головы невѣстинной и спряхивая до трехъ разъ, также какъ дѣлалъ дружко при надѣваніи шубы на жениха. За тѣмъ поверхъ своего покрова накрываетъ невѣсту жениховымъ покровомъ, по еспѣ, краснымъ плашкомъ, на серединѣ котораго нашившъ мѣдный шейный крестъ: накрывая симъ плашкомъ, шакъ сноровляютъ, чшобы крестъ былъ наружи и приходился бы на самой маковкѣ невѣсты.

Входитъ женихъ, по правую руку съ нимъ идетъ дружко, по лѣвую подружья, за ними все потѣзжанные. Вошедъ въ избу, Богу молящися, на всѣ чешыре стороны раскланивающихся, дружки *шутствуютъ*, то есть врутъ всякую чунь, какая только имъ взбредетъ на умъ. Между тѣмъ женихъ подходитъ къ продавцу-мальчику выкупать мѣсто подлѣ невѣсты, подноситъ ему ковшъ пива, кладетъ туда денегъ и говоритъ: „Сысой Филиповичъ, ковшичекъ пивца искушайте, а мѣстечко по мнѣ уступите.“ — Продавецъ, сѣдя на мѣстѣ, отвѣчаетъ: „Моя сестра не ковшовая, моя сесипра спорублевая.“ Женихъ и еще кладетъ въ ковшъ денегъ, подноситъ продавцу съ тѣми же словами, и потъ же

получаетъ отвѣтъ: наконецъ и въ прѣпій разъ прибавляетъ денегъ, подноситъ пиво и проситъ продавца уступить мѣсто; тогда продавецъ беретъ ковшъ, выпиваетъ пиво, вынимаетъ деньги, цалуется съ невестою подъ покровомъ и всматъ съ своего мѣста, за нимъ также всматъ и невеста. Въ это время сваха переворачиваетъ шубу, на которой сидѣли, то есть пѣтъ мѣхомъ, который былъ наверху, оборачиваетъ внизъ, а шопъ, который былъ внизу, поворачиваетъ вверхъ. Отецъ беретъ невестину правую руку, *вручаетъ* жениху въ правую же руку и обонхъ вдругъ сажаетъ на шубу, сваха садится по лѣвую руку рядомъ съ невестою, а дружка рядомъ съ женихомъ. Хозяинъ и хозяйка просятъ поѣзжихъ и гостей садиться за столъ; подають обѣдъ и пируютъ. Дѣвки поють свадебныя пѣсни. Во все это время женихъ держитъ невесту за руку; оба сидятъ за столомъ не ѣвши. Послѣ обѣда всѣ всматъ изъ-за стола, молятся Богу. Дружка кричитъ: „Ефимъ Денисьевичъ, Авдошья Аѳанасьевна, благословляйте своихъ милыхъ дѣшей подъ золотыя вѣнцы стоять.“ — Зажигаютъ свѣчу передъ иконами, отецъ снимаетъ съ полки образъ, начинаетъ ся благословеніе, какъ и въ прѣжніе разы. Послѣ отца благословляетъ мать, невестины родные и прибѣдныя. Первый къ образу подходитъ женихъ, за нимъ невеста; при земныхъ поклонахъ жениха подымають дружки, невесту сваха, да родственница баба. По благословеніи, дружка *выкликаетъ* пѣсня и подавая печать мыла, говоритъ: „Ефимъ Денисьевичъ опъ Григорья Савельича, Палаген Демидовны и Филиппа Григорьевича даръ примите, насъ полюбите“. За пѣтъ выкликаетъ невестину мать и

родныхъ изъ семьи, каждому приговаривая тѣ же слова и подавая по куску мыла; выклика я дѣтей, также величаетъ по имени и опшесиву и даритъ мальчикамъ по прянику, а дѣвочкамъ по лоскуточку въ косы, или на *прорамки* къ рубахамъ. Одаривши всѣхъ, дружно размахивая руками во всѣ стороны, кричитъ во все горло: „глядѣльщики и смопрѣльщики, ропозѣи и зѣваки и палощны колюбаки, мужики да бабы, красныя дѣвицы, пригожія и негожія, гладкія и рѣбыя, всѣ, шпо ни естѣ, благословляйте молодыхъ Князей въ церковь Божию идти подѣ золо-ты вѣнды стояти!“ Всѣ кричатъ: „пусть добрый, часъ добрый, Господь ихъ благословитъ.“ Подружья идетъ впереди и несутъ невѣстину образъ, за нимъ женихъ съ невѣстою, по-руку жениха дружка, по-руку у невѣсты сваха, за молодыми идетъ весь повѣздъ. На каждомъ порогѣ заставляють жениха и невѣсту крестинься. Опецъ, мапъ, родные и при-бесѣдныя проважають шолько до перваго порога, и остаются дома.

Какъ скоро молодые переступятъ за порогъ изъ избы вонъ, невѣстина мапъ садится на дочер-нино мѣсто, на шубу, и начинаетъ выпъ въ голосъ:

Прощай, родимое дитяшко,
Поила-было я кормила тебя,
Лелѣяла мою дитяшку,
Думала, чаяла, шпо будешь ты
При спаросши мнѣ, при хворосши
На радость да на сбереженье.
Оставила ты меня при спаросши,
Покинула ты меня при хворосши,
Обросила меня сироту одинокую.

Выходятъ женихъ съ невѣстою съ крыльца, садятся въ сани рядупкомъ, возмъ жениха садится дружка, возмъ невѣсты сваха; перекрестившись, вѣсьмъ потѣдомъ ѣдутъ въ церковь: впереди передовой и подружья съ образомъ, за ними *Князья молодые*, за сими пысяцкій и большой баринъ, тамъ вѣсь потѣдъ, на концѣ гвоздаръ. Лишь только потѣдъ съѣдетъ со двора, подружья ворочается назадъ утѣшать невѣстину мать; въѣзжаетъ на дворъ, входитъ въ избу, молился Богу, кланяется на вѣсь стороны, подходитъ къ столу, ставовится прошивъ старухи, которая завываетъ безумолку, — ставитъ передъ нею блюдо, вынимаетъ изъ-за пазухи монну съ деньгами, высыпаетъ ихъ на блюдо и говоритъ:

Полю-ка, сватьюшка, плакати,
Перестань, родная, кручиниться,
Беритко ты золотой казны,
Покупай себѣ добрыхъ коней,
Къ намъ въ гости ѣздиши,
Медъ, вино, да пиво кушати,
Знай, ѣди не лѣпись,
Ѣшь, пей да веселись

И насъ въ гости къ себѣ позывай.

Мать беретъ деньги; подають подружьи ковшъ пива; онъ пьетъ, благодаритъ, Богу молился, со вѣсьми прощается и гонитъ за потѣдомъ.

Когда потѣдъ со двора тронется, въ то же время спавятъ въ особые сани *коробью* съ невѣстными животами и бѣльемъ; на коробью садятся *корбейщики*, отправляются прямо къ жешу въ домъ. Приѣхавши туда, входитъ въ горницу, Богу молился, на вѣсь стороны раскланивается и говоритъ:

„государь ты нашъ Григорій Савельевичъ , государыня ты наша Палагея Демидовна , извольте получайть нашей Агафьи Ефимьевны живописи , бѣлье съ парядами.“ — Коробейщику подносятъ ковшъ пива ; выпивши , просятъ кого нибудь , чпобы ему пособили внеспи коробью , уходитъ вонъ и съ нимъ еще кто нибудь изъ семьи: коробью вносятъ въ сѣни или въ чуланъ. Сдѣлавши свое дѣло , коробейщикъ опятъ входитъ въ избу; шупъ сажаютъ его за снопъ и начинаютъ честить и угощать.

Между тѣмъ потѣздъ скачетъ къ церкви ; встрѣшніе благословляютъ , либо заваливаютъ дорогу ; на деревняхъ дѣвки поютъ свадебныя пѣсни , мужчины и женщины поздравляютъ ; ихъ угощаютъ пивомъ , дѣвицъ дарятъ деньгами. Наконецъ подъезжаютъ къ церковной паперти ; женихъ съ невѣстою входящъ въ церковь , дружка идетъ возмъ жениха , свахи возмъ невѣсты : женихъ не выпускаетъ невѣстиной руки изъ своихъ рукъ. Иногда дѣвушки собираются у входа въ церковь , нарочно спѣсняются около жениха , оббиваютъ его оптъ невѣсты , которую уводятъ къ споронѣ и обступаютъ около нея толпою. Въ такомъ случаѣ женихъ долженъ свою оплошность поправлять выкупомъ: даритъ дѣвушкамъ деньги. Когда начнется священнодѣйствіе , тогда женихъ , невѣста , сваха и дружка споятъ прежнимъ порядкомъ , при чемъ первые дѣлаютъ то же самое , что дѣлаютъ послѣдніе , то есть: дружка или сваха перекрестятся и женихъ или невѣста то же сдѣлаетъ; дружка поклонится въ землю и женихъ также. — Когда священникъ поведетъ обрученныхъ къ вѣнчанію , тогда сваха раскидываетъ передъ наломъ подножье , лоскутъ холщяны , и ставитъ на него

по ногѣ, то естъ правую ногу женихъ и правую же ногу невѣстину обѣ вмѣстѣ, чѣобы другъ друга не опереживали. По вѣнчаніи дружка кричитъ громко: „А кто кому покорень!“ При сихъ словахъ молодая упадаетъ молодому въ ноги, и, вспавши, цѣлуется съ нимъ изъ подъ покрововъ.

Сваха беретъ молодую подъ руку, отводитъ въ прѣпезу церкви къ споронѣ; замужнія и дѣвицы полною окружаютъ ихъ, чѣобы мужчины не видали, что съ молодою будущъ дѣлать. Сваха сажаетъ ее на стулъ, снимаетъ съ головы покровы, разбиваетъ косу, дѣлитъ на двѣ доли, заплетаетъ двѣ косы, каждую въ три косицы; крутитъ обѣ косы кругъ головы, надѣваетъ на голову повойникъ или кичку и повязываетъ покрывами по бабьему. Пока сваха занимается симъ дѣломъ, нѣкоторые изъ бабъ спараются изподпашка надѣтъ повойникъ или кичку на голову молодому, и когда имъ это удался, тогда подымается хохотъ во всѣхъ зрителияхъ, смѣются надъ простопшою молодого; особливо же бабы чрезвычайно этимъ потѣшаются, впервыхъ потому, что въ самомъ дѣлѣ это очень забавно, а вовпорыхъ и потому, что это хорошая примѣта для молодой, именно же: что она будетъ въ жизни управлять своимъ мужемъ-проспакомъ; въ случаѣ ихъ неудачи спрказивъ, заключающъ о прошивномъ. Когда сваха уберетъ совсемъ молодую, подзываетъ молодого, спавивъ обонхъ рядушкомъ, велитъ имъ прислониться щека со щекою и подаетъ имъ зеркало шакъ, чѣобы они оба вдругъ поглядѣлись въ него, и шунъ-то въ первый разъ молодой видитъ свою жену въ лицо: ибо съ самага прѣзда своего за невѣстою въ домъ ея и до етого зеркала

невѣста бываесть подѣ покровами. Прежде случалось, что симъ обычаемъ держащъ невѣсть подѣ покровомъ и не показывать жениху до конца вѣнчанія, пользовались и подмѣняли невѣсть. Напримѣръ: когда у крестьянина нѣсколько дочерей невѣсть, и старшую изъ нихъ женихи *объгаютъ*, подозревая какой нибудь недугъ, припадокъ, порчу, глухоту, глазную немочь и т. п., въ такомъ случаѣ свапаютъ младшую, а въ день свадьбы подѣ покровомъ сажаютъ старшую. Такъ былъ женатъ на подмѣнной подслѣпой и глухой дѣвкѣ староста въ имѣнии моего родителея, хотя и свапался за ея меньшую сестру не глухую. Наконецъ молодые служатъ въ церкви молебень, и, принявъ отъ священника благословеніе и кропленіе святою водою, отправляются къ дому; садятся въ сани и ѣдутъ прежнимъ порядкомъ. Дорогою на перѣздѣ черезъ рѣку, оврагъ, яму или сугробъ, сваха срываесть у молодой съ рукъ нѣтъ прялицы, которыми онѣ были обернуты и обвязаны, кидаетъ ихъ шуда, *чтобы де молодал на живи въ серпкомъ руку себѣ непоръзывала*. Во всю дорогу повѣздъ скачепъ, не останавливается, хотя бы ее и заваливали. Молодые приѣзжаютъ на свой дворъ, входящъ въ сѣни, дружка отворяетъ дверь въ избу; они, не переступая черезъ порогъ, останавливаются въ сѣняхъ. Опець молодаго съ образомъ и мать съ хлѣбомъ да солью, копорая насыпана на хлѣбъ кучкою, подходящъ также къ двери къ порогу и, не переступая черезъ него, стоящъ въ избѣ. На матери налѣта шапка навыворотъ и шуба навыворотъ же, *чтобы де застращать* молодую. Молодые, стоя у порога, молятся образу; молодой кладетъ при земныхъ поклона и черезъ порогъ прикладывается

къ образу, цѣлуется съ отцомъ; потомъ черезъ порогъ же цѣлуешь у мащери хлѣбъ, цѣлуется и съ нею. Тѣмъ же порядкомъ и молодая молилась и со всѣми цѣлуется черезъ порогъ: за пѣтѣмъ оба цѣлуются черезъ порогъ же съ прибесѣднымъ, при чемъ мать прибесѣдная осыпаетъ молодыхъ *житомъ* то еспъ ячменемъ, а если пѣтѣ его, то овсомъ, чпобы молодые были *зажиточны*, богаты всякимъ *житомъ*. Тутъ прибесѣдный отецъ принимаетъ изъ рукъ у роднаго отца образъ и несетъ его къ сполу; родные отецъ и мать и оба молодые, вчепверомъ поддерживающъ хлѣбъ-соль и идущъ къ сполу за прибесѣднымъ; за ними подружья съ невѣстпнымъ образомъ и весь повздъ. Подойдя къ сполу, кладущъ на него хлѣбъ и соль, свящныя иконы ставящъ на полку, Богу молящся, всѣ другъ съ другомъ цѣлуются, здороваются, садящся за сполъ ужинащъ, начинается веселый пиръ; но молодые шущъ пѣдящъ ни крохи. Собравшіяся дѣвки поющъ пѣсню, притѣвая прежде всѣхъ къ молодымъ:

Пойдемтеп-ко по ряду,
По всей честной бесѣдѣ,
Мы дойдем-ко до умнова,
Дойдемъ до разумнова,
До умнова до бапюшки,
До Филиппа свѣтѣ Григорыча,
До разумной своей мапушки,
Агафи свѣтѣ Ефимьевны,
Мы вамъ пѣспп поемъ,
Мы вамъ честь воздаемъ, и проч.

Ежели молодой подарить пѣвицъ мало, то его корящъ:

Какъ у Филиппа-то жена ,
 Непригожѣ да некорыстна ,
 Што кривое коромысло ;
 Какъ Филиппотъ самъ уродъ ,
 Рошозѣя , криворошъ ,
 Самъ шестомъ
 Голова пестомъ ,
 Харя пряслицею ,
 Глаза раковицею.

Изъ - за шрепьяго кушанья дружка выкликаешъ молодыхъ , приговаривая : „Ой вы гой еси молодой Князь Филиппъ Григорьевичъ со молодою Княгинею Агафьею Ефимьевною , спановинесь-ка вы на лыжи , подвиньтесе поближе , Господу Богу помолитесь , бапюшкѣ , мапушкѣ , всѣмъ добрымъ людямъ поклонитесь , да спупайтеш-ко опочивать , ложитесь въ шеплу спальню , къ овцамъ въ овчарню“. Молодые встають , опецъ и мапъ благословляють ихъ образомъ , попомъ дружка , подружья и сваха опводять ихъ спать въ скопную избу , ежели она естъ , а не по въ омшаникѣ къ овцамъ ; мапъ несетъ имъ шуда ужинашъ разное кушанье и кашу . Гости продолжаютъ веселиться ; оппировавши , всѣ идуть спать .

На другой день упромъ дружка , подружья и сваха приходять къ молодымъ подымать ихъ съ постели , при чемъ дружка сдергиваетъ съ нихъ одѣяло кнутомъ (*) . Молодые встають , наряжаются , входяшъ въ избу . Если обнаружился , что молодая еще до брака попустила себя обезчестить , то дружки , потѣжіе и гости *озеруютъ* :

(*) Вообще кнутъ въ рукахъ дружки естъ необходимая вещь при свадьбѣ и много потѣшаетъ всю бесѣду .

таскають въ избу соръ, щепу, навозъ, солому и соряпъ по полу; молодая обязана все выметать и угощать пивомъ каждого *озорника*. Впрочемъ не у всѣхъ такъ поступаютъ съ виновниками; гораздо обыкновеннѣе на такія дѣла вовсе не обращаютъ вниманія. „Что тебѣ спарикъ за охота вязаться за эшою дѣвкою, вѣдь она съ порокомъ?“ Такъ сказалъ я однажды спарикъ кресстьянину, который своему сыну торговалъ въ невѣсты дѣвку и давалъ за нее 150 рублей выводу, между тѣмъ какъ помѣщица просила 200 рублей. — „Ну такъ шпожъ за бѣда, шпо съ порокомъ, опвѣчалъ мнѣ спарикъ: „насъ она ни чѣмъ не обидѣла. Ехъ, кормилецъ, коли спанемъ разбирапъ всѣ люцкіе пороки, то ни мы никого не возмемъ, ни насъ никто не возмемъ“.

Ежели всѣ молодою довольны, то упромъ до обѣда балагурапъ, особливо же *шутствуютъ* дружка, подружья и сваха. Съ сердечною радостію садятся за *княжъ-обѣдъ*, пьютъ, лдятъ и веселяпся; то и дѣло жалуются, что вино и пиво горько, что надобно подсластить; въ слѣдствіе такихъ жалобъ молодые цѣлуются и вино и пиво дѣлаются будто бы опъ того вкусными. На обѣдъ главные кушанья: жареная курица и пирогъ или курникъ ряженный. Послѣ обѣда сваха въ топлюшкѣ или въ углу укладываетъ на блюдо дары: полошечны и ширипки для мужиковъ, рукава для бабъ, а пряники и цвѣтные лоскупочки для ребятишекъ. Дружка выноситъ дары на середину избы и выкликаетъ поодиначкѣ опца, мать, дядей, братьевъ и прочихъ членовъ семьи опъ велика до мала, величая каждого по имени и опчеству. Выкликнутый подходитъ къ блюду, сваха подаетъ ему даръ, дружка приговариваетъ: „даръ

примите, молодыхъ князей полюбите, не годится въ ручки, поверните на онучки.“ Каждый выкликнуый, принявши даръ, кладетъ въ блюдо сколько нибудь денегъ, которыя идутъ въ собственность молодой. Въ продолженіе раздачи даровъ, молодые стоятъ и каждому кланяются; по раздачѣ же молодой беретъ осьмуху вина и деревянный стаканъ, начинаетъ подносить за свое здоровье; молодая подаетъ на блюде нарезанный ломтиками *коровай*, каждый рошой, каждый гостъ вина изопьетъ, ломнемъ *коровая* закуситъ и положитъ на *коровай* денегъ, которыя послѣ идутъ къ молодой же въ карманъ.

Наконецъ садится за столъ, какъ бы ужинать; послѣ ужина сваха подымается домой, а молодая садится на задній конецъ стола и въ голосъ завываетъ:

Ты была моя сусѣдушка,
Голубушка Федора Сысоевна,
Оспавляешь ны меня горьку, бедную,
На чужой дальной сторонѣ;
Поклонись ны, моя голубушка,
Родимому моему бапюшкѣ
Поклонись ты, моя сусѣдушка,
Родимой-но моей мапюшкѣ.

Ежели свахою была родственница, на примѣръ тетя, то молодая вопиетъ такъ:

Родима ны моя тетюшка,
Тетюшка Матрена Михеевна,
Оспавляешь ны меня бедную, горькую,
и проч.

Сваха со всіми раскланивается, цѣлуется съ молодою и уѣзжаетъ. За нею разѣзжаются и гости. Молодая плачетъ неупѣшно, *свекровь* и *золовки* спараются ее *утѣшить* : водятъ ее по избѣ и заставляющъ каждому спаршему въ семьѣ кланяться въ ноги ; она , кланяся до земли , вопиетъ , на примѣръ къ дядѣ своего мужа.

Государь ты мой дядюшка ,
Алексѣй , сударь , Савельевичъ ,
Не покинь меня бѣдну , горькую
На чужой дальной сторонѣ.

Перекланявшись каждому въ семьѣ , идетъ съ мужемъ спать.

Спознать.

Въ прешій день свадьбы всѣ родные молодого , бывшіе на свадьбѣ гости и сами молодые пріѣзжаютъ къ роднымъ молодой на *спознать* , чтобы всѣмъ ознакомиться , *спознаться*. Тутъ обедаютъ , пируютъ , пьютъ за здоровье молодыхъ ; молодой подносишь всѣмъ , начиная съ женнинаго опца , вино , и молодая подаетъ на блюдѣ коровай , также какъ и на княземъ обѣдѣ. Если молодой не доволенъ своею женою , за ея порокъ , то подноситъ ея опцу вино въ спаканѣ , съ дырою. Поднося , онъ зажимаеъ дыру пальцемъ , и лишь только опецъ приметъ спаканѣ , вино изъ дыры *посвиститъ* спруей и выпекаетъ вопъ. Это опцу позоръ , укора ; всѣ гости начинаютъ насмѣхаться , а молодой бранишь плещу , за чѣмъ не съумѣла беречь своей дочки. На послѣдокъ гости ужинаютъ , послѣ ужина разѣзжаются и расходящся по своимъ домамъ , а молодые

остаются гостить съ недѣлю-мѣста и больше. Погостивши, ѣдутъ къ себѣ домой одни, уже безъ провожащихъ. По возвращеніи домой, свекровь и золовка молодую сажаютъ за работу, на примѣръ даютъ ей прясль кудель шерсти, и такимъ образомъ оканчиваются всѣ свадебные праздники.

Но въ какія времена и при какихъ обстоятельствахъ такіе обряды вошли въ употребленіе между нашими крестьянами?—Предоставляя это рѣшить просвѣщеннѣйшимъ любителямъ и знаатокамъ отечественныхъ древностей, выписываю только довольно любопытное мѣсто изъ Іосифовскаго служебника:

„Нынѣ же пакы не до сего, почію злая быва-
„ють, опть безумныхъ на брацѣ дѣйствуемая, по-
„чина многа, о нихъ же и рещи не мѣсто. Но поне-
„же симъ сквернился тайна христіанская, и дѣ-
„волу велии радующуся о погибели христіанскѣй,
„не лѣнь ненаписаннымъ и симъ быти вознепщева-
„хомъ. Чшоже се; слышимъ нѣкое неблагоугодное
„дѣло, аже пворятъ христіаны, опть діавола на-
„учени суще. Егда же убо у нихъ бракъ совершаеш-
„ся, и угошвлена бываетъ храмина жениху съ
„невѣстою, идѣже ложю быти, и поспилають
„подъ нихъ класы, рекше снопове съ зернами, и
„испѣтъхъ сноповъ пекутъ просѣири, и въ церковь
„Божію въ приношеніе приносятъ. Охъ увы сего
„богомерзкаго и нечистаго и всепагубнаго спудо-
„дѣйства! Еже не почію дѣйствовать, но нѣже помы-
„слиши лѣно естъ о сицевомъ злѣ, и сквернемъ начи-
„наніи. О немъ же ни въ древнихъ пакъ слышит-
„ся“. — „Еще же и иныя спудныя и неудобныя

„стапши содѣвають, о нихъ же пакы срамъ естъ
„реци, и писанію предаши, понеже мимо христіан-
„скаго обычая и закона содѣвается. Какъ придептъ
„женихъ по невѣсту, и свахи жениха спевѣспю
„вмѣспи за навѣсомъ сажаютъ, спевѣспы снемъ
„шапку на жениха надѣвають изъ жениха мужескую
„шапку на невѣсту, и свѣщами со огнемъ волхву-
„ютъ кругъ главы съ чешырехъ спранъ, и прижды
„ко главѣ припыкаютъ, и въ зеркало смопринисл
„велятъ. Да у того же жениха тѣ свахи гребнемъ
„голову чешутъ. Да иныя естъ вражьи же зашты,
„кругъ стола вѣсмъ поѣздомъ ходятъ. А какъ укруп-
„шаятъ невѣсту, и покроютъ ея пеленою и учпунъ
„хмелемъ осыпать. И какъ придептъ женихъ съ не-
„вѣспю и съ поѣздомъ въ домъ свой, пакъ бабу
„поспаваятъ на кадъ, и облекутъ на нея шубу вы-
„ворошя, и она яко видимый кулешъ спойтъ, и
„спанешъ па баба вѣхъ людей хмелемъ осыпать,
„и впо время вси шапки подспавливаютъ. Да опъ
„вѣнчанія приходятъ женихъ съ невѣспю на под-
„кѣтъ, а не за сполъ, какъ не во испинныхъ
„христіантхъ веделся по христіанскому обычаю, а
„не по спрашному сему дѣяню. И шамо принесутъ
„имъ курницу жариную, и женихъ возметъ за погу, а
„невѣспа за другую, и учнунъ планупи ея разно, и
„приговариваютъ скверно, еже нѣспъ мощно и писанію
„вдаши. Тако врагъ научилъ дѣйствоваши старыхъ
„колдуновъ, бабъ и мужиковъ, и женихъ съ невѣспю
„по ихъ ученію и по невѣли пакъ и творятъ, и
„яди той зѣло ругаются. Да и еще къ нимъ при-
„носятъ ту же на подкѣтъ камни, и они кашу чер-
„паютъ и за себя иныя мечутъ, все бѣсовское дѣй-
„ство дѣйствуютъ. Да когда женихъ съ невѣспю

„пробываесть, ино таково скверно и ззорно велии
 „зрѣли, понеже странно не токмо рещи, но и по-
 „мыслиши. Носитъ шу невѣстину рубаху, въ ней же
 „съ женихомъ пребываесть, ко опцу ея и къ мапе-
 „ри и ко всей роднѣ ея и кажутъ шу рубаху. О
 „каковъ позоръ и ззоръ и скверна мерзоснѣ пво-
 „рился въ православныхъ христіанѣхъ. Чалти и во
 „инострныхъ земляхъ тако не содѣвается. Чему
 „же рещи достойно“ и проч.

В. УЧЕНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

9. Нѣчто о нефти и объ употребленіи ея въ Ме- дицинѣ.

Нефть, какъ произведеніе распительное, есть настоящее эмпируматическое масло и въ натурѣ пакъ же, какъ дѣлаютъ ее искусственно, возгоняется изъ органическихъ пѣлъ, втроянно изъ слоевъ горящаго каменнаго угля. Такъ въ Индіи грунтъ, подъ самою поверхностью земли состоящій изъ песчанка, потомъ изъ глинистыхъ сланцевъ, проникнутыхъ нефтью и наконецъ изъ каменнаго угля, съ избыткомъ доставляя нефть, подтверждаетъ сказанное мнѣніе.

Нефть чище всѣхъ смоль земляныхъ (bitumina) и для лекарственнаго употребленія всѣхъ полезнѣе. — Въ Персіи на берегахъ Каспійскаго моря, близъ Баку, на полуостровѣ Апшеронскомъ добывается въ весьма большомъ количествѣ. По большому сходству своему съ терпентиннымъ масломъ, которымъ часто поддѣлываютъ ее, она въ чистомъ видѣ бѣла, отъ посторонней примѣси дѣлается черною — и иногда составляетъ собственно пакъ называемое

горное масло (petroleum); весьма легка, запаха чисто растительнаго, похожаго на запахъ горящихъ каменныхъ углей, горитъ безъ оспашка. — Думающъ, что смола древесныхъ стволонъ, изъ роду *Populus* и *Pinus*, превратившихся въ каменный уголь, опъ продолжительнаго вліянія подземнаго жара, обратилась въ пары, которые, выходя изъ почвы, сгущаются, падающъ въ видѣ капель и собираются въ колодезяхъ, нарочно для сего выкопанныхъ. — Постоявши долго на воздухѣ, нефть принимаетъ желтый цвѣтъ, теряетъ свою текучесть, и тогда весьма походитъ на горное масло (petroleum), съ которымъ смѣшивается ее большая часть писателей. — Кажется, что изъ древнѣйшихъ Греческихъ писателей одинъ Продикъ, говоря о чудесномъ источникѣ, которому Эіопяне обязаны были своею долговѣчностію, намекаетъ на нефтяные ключи, существующіе при Вавилонѣ и въ Египтѣ (*libr. II § 23*). Впрочемъ чудесная огненная земля Бакинская ему была неизвѣстна. Во времена древнія, въ странѣ этой имѣли мѣстопробываніе свое маги, жрецы между погашенными огнепоклонниками. Плиній, говоря о нефти (*Plinii historia Natur. lib. ji cap. 105—7*) назначаетъ ея мѣсто въ Вавилонѣ и Аспацентѣ. Амміанъ Марцелинъ, путешествовавшій по странѣ Бакинской, говоритъ весьма ясно о существованіи здѣсь нефти. Онъ повѣствуетъ, что здѣсь есть яма, изъ которой подымается паръ зловонный, удушающій всякое живое существо, вблизи находящееся. Нынѣ глубокіе колодези, съ незапамятныхъ временъ вырытые въ землѣ, удерживающъ эти испаренія въ пѣдрахъ своихъ и предохраняющъ окрестныхъ обитателей опъ губельнаго ихъ вліянія. Ар-

млянскіе историки, говоря о древнихъ огнепоклонникахъ Персахъ, мѣста поклоненія ихъ именуютъ Апрушанъ, Персидскіе же — Апешъ-Хакъ, т. е. Огненная Земля. Массуди уважаемый Персами писатель, жившій около 967 года по Р. Х., говоритъ: въ Бакъ есть рудникъ нефтянаго масла, единственныи, какой только извѣстенъ; впрочемъ о томъ вѣдаешъ одинъ Аллахъ.

Діоскоридъ приписываетъ нефти одинакую съ асфальтомъ и мальпомъ лечебную силу и очень часто ихъ между собою смѣшиваетъ, предполагая въ нихъ одну и ту же силу и одни и тѣ же начала. Далѣе, говоря *de bitominibus*, утверждаетъ, что смола какого бы рода она ни была, имѣетъ силу, при наружномъ употребленіи, уничтожать воспаленіе, заживлять рапы, и смягчать и разбивать опухоли. Описательно внутренняго употребленія, въ соединеніи съ виномъ или кабаргинскою спирею, онъ похваляетъ ее противъ оспановленія мѣсячныхъ кровей, описываетъ пользу ея въ леченіи застарѣлаго кашля, одышки, укушенія змѣй, боли въ бедрахъ и бокахъ ощущаемой. Опъ принятія ея внутрь, по словамъ его, укрощается поносъ; съ уксусомъ же разводитъ сгустившуюся кровь; въ клиспирѣ съ какимъ-либо смягчительнымъ средствомъ она пользуется кровавый поносъ; въ видѣ куреній облегчаетъ бѣли, истерику и зубную боль.

Кажется, безъ ошибки можно предположить, что нужда, эта могучая пружина дѣйствій нашихъ, вездѣ и всегда, и въ болезняхъ научаешъ страждущее человечество — прибѣгать къ окружающей его природѣ, искать себѣ въ произведеніяхъ ея облегченія и помощи, и чѣмъ эти

произведенія подручїе, пѣтъ оно охопитѣ пользуеся ими. Опыты за опытами переходящѣ изъ попомслѣва въ попомство и довѣріе ко всякому врачебному средству утверждается не иначе, какъ вѣковыми опытами. Говоря это, я желаю обраппитѣ вниманіе благоразумныхъ врачей на ту пользу, какую извлекають шугемцы изъ подножнаго растенія или минерала; я желаю при семъ указать на пѣ болѣзни, въ какихъ жипели города Баку, опѣ употребленія нефти, хотя не рѣдко непредусмотрѣннаго въ рукахъ шарлатана, получають пользу. — Онѣ сущѣ вообще болѣзни спазмодическія, какъ-то спазмы желудочныя и кишечныя, прошивъ глистовъ, камней желчнаго пузыря, мепероризма, въ лихорадкахъ — въ періодѣ озноба. Замѣчательно, что нефть, смѣшанная съ лишницею, въ видѣ горячей припарки прикладываемая къ болящимъ геморроидальнымъ шишкамъ, увимаетъ боли и уищтожаетъ опухоли; — то же дѣлаетъ употребленная въ видѣ паровъ, что производилъ — впускаемая по нѣскольку капель нефти въ ямичку, пробитую въ разгоряченномъ на огнѣ кирпичѣ, опѣ чего нефть улепучиваясь направляется на шишки геморроидальныя, и это повпоряется въ сущи два или при раза, смотря по нуждѣ. Подобное лѣченіе геморроидальныхъ шишекъ выгоднѣе шамъ, гдѣ чрезвычайная слабость больного велищѣ щадитъ кровь его и не ослаблящѣ еще болѣ мѣстными кровопусканіями. Здѣсь, не бесполезно сообщить, что больпой, у котораго на ногахъ были заживлены чесоточныя язвы, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ чувствовалъ въ нихъ холодъ, но наконецъ, опѣ прое-крапно — повтореннаго тренія ихъ нефтью въ соединеніи съ алтееиною мазью, возстановилась пор-

мальная теплота въ нихъ и — больной, послѣ того, никогда болѣе не жаловался на болѣзненное состояніе свое. Въ подкрѣпленіе этихъ фактовъ, любопытнымъ рекомендую прочесть сочиненіе И. Г. Лукаса на Нѣмецкомъ языкѣ подъ названіемъ (*Ueber das Braunkohlentheer, Halle, 1808, in 8*), гдѣ онъ представляетъ горное масло (*petroleum*) средствомъ специфическимъ противъ множества болѣзней. Онъ превозноситъ его глистогонную силу, особливо пропиву плоской глисты, внутрь съ сиропомъ или съ эмульсіею, а снаружи въ видѣ тренія живота. Обо всемъ этомъ можно найти много наблюденій въ *Journal de Medecin* (I. xij 279), *la Bibliotheque Medicale* (I. x, 120). Снаружи похваляютъ его пропиву ознобленія членовъ и многихъ кожныхъ болѣзней. Горное масло есть та же нефть, но только не чистая, а посему она подвергается очищенію посредствомъ диспильировки. Оно гуще, тяжелѣе, цвѣтъ бураго. — Въ другихъ государствахъ, гдѣ недоспашокъ въ чистой настоящей нефти ощутителенъ, она по дороговизнѣ своей не идетъ во лечебное употребленіе въ аптекахъ, но только горное масло диспильируется и въ аптекахъ опускается подъ именемъ *Petrolei*. Въ Россіи, гдѣ такъ много добывается ея въ Бакинскій провинціи, и гдѣ такъ мало выходитъ ея на хозяйственные потребленія, какъ-то дѣлается съ горнымъ масломъ, весьма выгодно было бы снабдить ею аптеки и ввести со временемъ въ общее употребленіе.

А. С. . . . товъ.

С. БИБЛЮГРАФІЯ.

11. КРАТКОЕ ПАСЧЕРТАШЕ ЖИЗНИ И ДѢЯНІЙ НИКОНА, ПАТРІАРХА МОСКОВСКАГО И ВСЕЯ РОССІИ, СОЧИНЕНІЕ АПОЛЛОСА, АРХИМАНДРИТА ВОСКРЕСЕНСКАГО (НОВЫЙ ІЕРУСАЛИМЪ) МОНАСТЫРЯ. Изд. 2. М. 1836 г. на 77 стр.

Сообщено Профессоромъ Снегиревымъ.

Жизнь Московскаго Патріарха Никона во многихъ отношеніяхъ важна по его вліянію на Государство и Церковь, любопытна по тѣмъ чрезвычайнымъ переходамъ судьбы, какія испыталъ онъ, онъ смиренной доли поселенина до высокаго сана Патріарха и онъ свяшительскаго Престола до зашворнической кельи, гдѣ онъ жилъ въ видѣ простаго монаха и Государственнаго преступника. Какъ совѣтникъ Царя, который называлъ его *другомъ, отцемъ, Государемъ*, Никонъ показалъ всю силу и предприимчивость своей высокой и пламенной души, возвелъ Іерархическую власть на высочайшую степень; въ гоненіи и униженіи своемъ онъ не измѣнилъ себя, и смиряясь предъ Промысломъ, вмѣсто драгоценныхъ панегій, наложилъ на себя тяжкія вериги, въ конхъ шелъ до конца тернистаго пути жизни, который озаренъ былъ его оправданіемъ. Подобно С. Мисрополипу Філиппу, котораго мощи онъ привезъ изъ Соловецкаго монастыря, Никонъ смѣло говорилъ правду; увѣренный въ невинность своей, онъ сказалъ Царю на Соборѣ, собранномъ для его осужденія: „десять лѣтъ приговаривали мнѣ то, въ чемъ хотѣли меня, сегодня обличить; еслижъ еще десять лѣтъ будушъ выдумывать клеветы: то и тогда ничего не найдушъ на меня.“ Обвинители его замолчали.

Изъ многихъ обстоятельствъ видно, что ревностный Никонъ сильно и не всегда умѣренно проповѣдывалъ зависшій и злобъ, на него ополчавшейся, и сдѣлался ихъ жертвою. Враги его были близки къ Царю и они до того проспирали свою наглость, что даже въ присутствіи Царя заспавляли собаку, прозванную Папріаршескимъ именемъ, благословляя передними лапами (*). Въ борьбѣ съ чужими спрасіями, Никонъ иногда увлекался пылкостью своего характера: сильный, предпримчивый и оригинальный характеръ его еще вполне не опредѣленъ, такъ какъ не изслѣдованы совершенно причины паденія друга семейства Царя Алексѣя, которое онъ поручалъ ему въ свое опусиствіе и которое Никонъ спасалъ съ опасностью своей жизни. Дѣла Никона говорятъ за него; имя его принадлежитъ не только къ Исторіи Церкви Россійской, какъ великаго и знаменитаго Іерарха, но и къ исторіи просвѣщенія, какъ истиннаго любителя и покровителя наукъ, который много оказалъ услугъ собраніемъ драгоценныхъ рукописей Греціи, исправленіемъ церковныхъ книгъ и изданіемъ важныхъ и полезныхъ сочиненій.

Почтеннѣйшій сочинитель жизни сего Іерарха, Отецъ Архимандритъ Аполосъ, строитель Вознесенскаго Иркутскаго монастыря и украситель творенія Никоноваго, новаго Іерусалима, извѣстенъ, кромѣ проповѣдей своихъ (**), основательными свѣдѣніями въ отечественной, особливо Іерархической исторіи: въ М. Телеграфѣ помѣщенъ былъ его хорошій опытъ

(*) Словарь дух. писателей, 2 Ч., изд. 1.

(**) Напеч. въ Москвѣ, 1825 г.

жизнеописаній Папріарховъ Московскихъ (лжепапріарха Игнапія). Служа 17 лѣтъ при гробѣ великаго Никона, Насполнелъ новаго Іерусалима издалъ въ другой разъ житіе его: излагая важнѣйшія обстоятельствова въ ономъ ясно и занимательно, онъ умѣлъ сдѣлать книгу сію любопытною и назидательною для благочестивыхъ почитателей Св. обители, гдѣ въ прообразовательномъ величественнѣйшемъ храмѣ олицетворена вся жизнь Законоположника Іисуса; гдѣ каждый шагъ напоминаетъ божественныя слѣды Его святѣйшихъ подвиговъ, и гдѣ подъ необъятнымъ сводомъ душа паритъ въ горній Іерусалимъ, и гдѣ невольно колѣна преклоняются предъ видимымъ и невидимымъ величіемъ.

Изъ нѣкоторыхъ мѣстъ описанія видно, что сочинитель не оставался равнодушнымъ къ жребію Никона, одушевляясь высокими и прогательными чувствами, какія внушаетъ борьба великаго мужа съ великими напастями. Кто жъ за это упрекнетъ его? Можетъ быть, иные потребовали бы отъ сочинителя большей полноты и опчепливости, болѣе документовъ, на кои онъ только намекаетъ; но по всему видно, что цѣль его изданія не позволила удовлетворить симъ требованіямъ. Читатели и почитатели будущъ благодарить и за это прудъ, дѣлающій ему честь, а имъ доставляющій полезное и занимательное чтеніе: прочитавъ оный, они вѣрно пожелають отъ почтеннаго и любознательнаго сочинителя полнаго и опчепливаго описанія Никоновой обители. Между тѣмъ новыя источники, еще доселѣ неизвѣстные, подадутъ ему новыя средства къ усовершенствованію сей книги, на пр. *Путешествіе*

Арабскаго Патріарха Макарія (котораго Никонъ называлъ наемникомъ), помещенное въ Апрѣль мѣс. Библіотеки для чтенія, 1836 г., такъ равно вновь открытыя грамошны XVII вѣка.

Напечатано по опредѣленію Университетскаго Совѣта. Мая 13го дня 1836 года. Секретарь Совѣта *Михаилъ Назимовъ*.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ
ИМПЕРАТОРСКАГО МОСКОВСКАГО
УНИВЕРСИТЕТА.

1856. Іюнь. № XII.

І. НАУКИ.

А. МИНЕРАЛОГІЯ.

1. ОВЪ УЧАСТІИ ФІЗИКИ И ХІМІИ ВЪ УСПѢХАХЪ
МИНЕРАЛОГІИ.

Речь, произнесенная въ торжественномъ Собраніи Императорскаго Московскаго Университета, 1836 года Іюня 9 го дня, Э. Профессоромъ Григоріемъ Щуровскимъ.

Пп. Пп.

Московскій Университетъ, счастливый въ благословеніяхъ Промысла, уже болѣе восьмидесяти лѣтъ служитъ опорою народнаго просвѣщенія; болѣе восьмидесяти лѣтъ дѣйствуетъ во исполненіе благихъ велѣній Бого-
Уч Зап. Часть XII. 1

избранныхъ Вѣнценосцевъ. И нынѣшній годъ , окончивъ труды свои, онъ приносишь посильную жертву на алтарь Отечества.

Вы, Пп. Пп., спеклись сюда раздѣлиться съ нами торжество наукъ , принять участіе въ великомъ дѣлѣ народнаго образованія. Удостоенный чести быть органомъ благодарныхъ чувствованій , конми исполнены Члены Московскаго Университета , чѣмъ могу занять любознательное вниманіе Ваше? На какой предметъ обращаю Ваши взоры? Исчислять ли благодаренія МОНАРХА, щедро изливаемые на необозримую Державу и на сіе мирное Святилище Наукъ? говорить ли о мудрыхъ постановленіяхъ, утверждающихъ опечесственное просвѣщеніе на прочномъ и незыблемомъ основаніи? Все это превыше похвалъ , превыше всякаго краснорѣчія! И какія хвалы, какія жертвы принесемъ мы Августѣйшему Благодѣтелю нашему? ЕГО отеческія попеченія не пребываютъ опъ насъ иныхъ жертвъ , кромѣ ревностнаго исполненія своихъ обязанностей , соопвѣтственно высокимъ ЕГО намѣреніямъ. Достойно проходи званіе, въ которое призванъ: вотъ заповѣдь Русскаго Царя!

Послѣ сего мысль моя невольно оспана-вливается на предметъ, къ коему призванъ я

волею Высшаго Начальства. Предметъ моего назначенія есть — Минералогія. На мнѣ лежишь священный долгъ стремиться къ общей цѣли Московскаго Университета — содѣйствовать возвышенію народной образованности, и вмѣстѣ съ симъ усовершенать свою науку. И гдѣ имѣешь она всѣ условія, необходимыя для полной, органической ея жизни? Гдѣ, какъ не въ нѣдрахъ Университета, въ эпомъ святомъ союзѣ наукъ, отражающихъ собою Бога, человѣка и природу? Такъ, всѣ науки соединены между собою тѣсными узами, и только взаимнымъ содѣйствіемъ достигаютъ цѣли своей, живутъ плодотворною жизнію. Въ доказательство этой истины, я осмѣливаюсь въ настоящій день остановить ваше вниманіе, П. П., на участіи двухъ наукъ, *Физики и Химіи, въ успѣхахъ Минералогіи.*

Физика и Химія тѣсно соединяются съ Минералогіею; какъ части одного цѣлаго, онѣ приудаются надъ рѣшеніемъ одной задачи, имѣющъ одинъ предметъ — природу. Но въ эпомъ отношеніи Минералогія роднится съ Космографіею, Астрономіею и другими Естественными Науками; гдѣ же ближайшее, самое родственное соединеніе ея съ Физикою и Химіею? Главная, конечная цѣль Минералогіи,

какъ науки, состоить въ приведеніи много-различія минераловъ къ спройному единству и цѣлости — въ *систему*. Достиженіе сей цѣли основывается на *физическомъ* и *химическомъ* образованіи минераловъ: вопъ связь прамая, опредѣляемая сущностію самаго предмета? Дѣйствительно, успѣхи Физики и Химіи всегда опзывались въ Минералогіи, но не въ одинакой степени: иногда преобладала въ ней Физика; иногда Химія; и потому система минералогическая принимала различныя направленія, запечатлѣвалась особымъ пиномъ. Разсмотримъ сіи направленія въ историческомъ ихъ развитіи, значить показать участіе Физики и Химіи въ успѣхахъ Минералогіи. Разсмотримъ.

Минералы, весьма разнообразныя и, по видимому, разсѣянные въ природѣ безъ всякаго порядка, соединены между собою шѣсными соотношеніями, являются въ различныхъ *степеняхъ сродства*. Степени сіи, обыкновенно называемыя отдѣленіями царства, естественны и постоянны; „а коль скоро они таковы въ природѣ — въ сей системѣ Творческаго Разума, то таковыми же должны быть представлены и въ системѣ нашего познающаго разума, въ Наукѣ.“ Отсюда открывается назначеніе системы — расположить минералы по

степенямъ сродства, различныя отдѣленія связать одною общою мыслию, подчинить видоизмѣненіямъ одного закона.

Система, соотвѣствующая своему значенію, есть торжество науки, конечная цѣль Минералогіи; но какъ приступить къ ней? Какъ разнообразію минераловъ дать стройное единство? Рѣшеніе сего вопроса должно быть выведено изъ сущности предмета, или по крайней мѣрѣ изъ тѣхъ явленій, коими выражается полное бытіе минерала; ими только, какъ знаменателями жизни, можно опредѣлять сходство или различіе минераловъ, назначать имъ мѣсто въ ряду прочихъ.

Явленія, знаменующія собою сущность минераловъ, обыкновенно называются *признаками*; они двухъ родовъ: внѣшніе или физическіе, и внутренніе или химическіе. Вотъ двѣ нераздѣльныя сгруппировки, изъ коихъ складывается полное бытіе минерала. Та и другая въ отдѣльности представляетъ только половину бытія, полжизни, и потому, какъ односторонняя, не можетъ дать цѣльнаго понятія о предметѣ. Очевидно, физическіе и химическіе признаки равно необходимы, и только въ соединеніи своемъ ведутъ къ предположенной цѣли, къ сближенію минераловъ въ естествен-

ныя группы. Но симъ вопросъ еще не рѣшенъ. Физико-химическіе признаки не всѣ имѣють одинакую степень значительности и постоянства: одни изъ нихъ суть общіе, начальствующіе, и пошому какъ бы связывающіе собою минеральное царство; другіе, напротивъ, не столь общи и постоянны, но подчиненные и составляющіе особенности различныхъ отдѣленій царства. Такъ и должно быть: жизнь природы повсюду стремится выразить себя разнообразно, особенно, но въ каждомъ особенномъ стремленіи она сохраняетъ единство законовъ, дѣйствуетъ по однимъ началамъ; опъ того всѣ отдѣленія имѣють собственные, частныя признаки, составляющіе особенность минераловъ, и признаки общіе, соединяющіе ихъ со всѣми прочими. Отсюда открывается, что степени сродства должны быть основаны на совокупномъ наблюденіи многихъ признаковъ, слѣдующихъ закону подчиненности. Въ этой-то подчиненности признаковъ скрывается тайна цѣлостнаго собственно систематическаго сближенія минераловъ! Она-то приводитъ ихъ въ стройное единство, сливаетъ въ одно гармоническое цѣлое!

Обнявъ минералы физико - химически, слѣд. въ обонхъ спношеніяхъ совмѣстныхъ,

равнозначительныхъ, казалось бы, можно было распредѣлять ихъ въ естественныя группы; но въ минералахъ есть свои пайны, глубоко хранимыя природою. Къ симъ неразгаданнымъ пайнамъ принадлежитъ связь внутренняя, опдаленная — между химическими и физическими явленіями. Такъ, она недоступна для нашего разума, но имѣетъ свое внѣшнее знаменіе, выражаемое особою *физіономіею* минераловъ (*habitus*). Внутренняя природа на все налагаетъ печать своего могущества, и невольно изрекаетъ себя во внѣшности. Кому не извѣстно, что пайны души нашей, сокровенныя изгибы сердца человѣческаго, нерѣдко рисуются въ черпахъ лица, — выливаются въ особую физіономію? Ею обозначаются цѣлыя націи; ею различаемъ семейства живописныхъ, не входя въ частное разсмотрѣніе признаковъ, но основываясь на одномъ общемъ ихъ выраженіи; сродственное соединеніе распелій, опредѣляемое темнымъ, но необманчивымъ чувствомъ Бопаника, основывается также на внѣшнемъ знаменіи — на ихъ физіономіи, и минералы имѣютъ свою физіономію: въ ней, какъ въ лицѣ человѣка, отпечатлѣвается внутренняя жизнь минерала, его значеніе, идея. Она невыразима словами; но понятна для вѣщаго чувства души, для привычнаго взгляда. Нѣтъ со-

мнѣнія, при различеніи минераловъ необходимо соображаться съ ихъ фізіономію, даже покоряеть ей наши признаки; она прямо указываетъ на сущность минераловъ, на ихъ ближайшее сродство. Пржеііе Ориксологіи, руковоііимые оимъ внѣшнимъ выраженіемъ, угадывали такіа истины, которыа оправдались по испеченіи цѣлыхъ сполѣтій. Такъ, фізіономія еспъ вѣрныи вожапыи для системы, но не для всѣхъ достуныи. Если бы можно было уловишь всѣ малѣйшіе оппѣнки минеральной фізіономіи, и на ней основать сближеніе минераловъ; по это сближеніе было бы еспественнѣйшее, самое согласное съ природою; почнѣе сказашь: система въ такомъ случаѣ была бы самою природою, превращившеюся въ понятія и мысли.

И такъ для совершенной системы, этой главной цѣли Минералогіи, необходимо обнять все, что составляетъ жизнь минерала, всѣ епихи, изъ коихъ слагается его образованіе—условіе, едва ли не выступающее изъ предѣловъ возможнаго! Послѣ сего неудивительно, что Минералогія, стремясь къ своему назначенію, непрерывно измѣняется. Такоеъ ходъ ума человѣческаго! Природа не вдругъ открываетъ свои таинства; истины, чаа времени

и обстоятельство, зрѣють исподволь, постепенно; одинъ вѣкъ, одинъ народъ передаетъ другому вѣку, другому народу свои опыты, свои наблюденія; гдѣ остановились одни, тамъ начинаютъ другіе. Таковъ ходъ ума человеческого! Нельзя требовать, чтобъ естественныя науки были неизмѣнны, неподвижны: онѣ весьма часто находясь въ противоборствѣ съ новыми наблюденіями, съ новыми требованіями познающаго духа, и въ этомъ противоборствѣ соспоешь жизнь, усовершеніе науки.

Послѣ сего естественно возникаетъ вопросъ: на какой же степени развитія Минералогія находится нынѣ? или, выражаясь ближе къ нашему предмету, до чего довели ее открытія въ Физикѣ и Химіи? Настоящее есть слѣдствіе предыдущаго и необходимо зѣно съ послѣдующимъ; и пошому для разрѣшенія предложенныхъ вопросовъ рассмотримъ предѣльное состояніе науки, покажемъ нѣ пути, по коимъ она достигала своего назначенія,

Минералогія вмѣстѣ съ прочими науками долгое время была въ хаосномъ безразличіи. Моментъ раздѣльнаго, особнаго ея существованія могъ послѣдовать тогда только, когда человекъ, упомленный многоразличіемъ предметовъ, старался привести ихъ въ извѣстный

порядокъ, раздѣлитъ на многія отрасли. Первые свѣды Минералогіи, какъ особой науки, мы находимъ у Аристотеля, Теофраста, Діоскорида, и особенно Арабскаго врача Авиценны (род. 980, умер. 1036). Степени разнообразія минераловъ (*камни или земли, соли, горючія вещества и металлы*),¹ указанныя симъ знаменитымъ Натуралистомъ, долгое время оставались въ Минералогіи, и съ нѣкоторыми только измѣненіями повторились въ системахъ Линнея, Валлерія, Валленсдорфа, Юсси, Кронштедта, Бруннера и другихъ Ориктологовъ XVIII столѣтія.

Первые Ориктологи еще не понимали истиннаго назначенія науки, не думали соединять минералы въ сродственные группы, но довольствовались легчайшимъ ихъ различіемъ, и пошому остановились на одной видѣности; физическіе признаки содѣлались почти единственнымъ достояніемъ системы. Но чѣмъ Физика могла подѣлиться съ Минералогіею въ началѣ XVIII вѣка? Вся ея сфера ограничивалась законами тяготѣнія, тяжести, свѣта, и темными понятіями о магнетизмѣ и электричествѣ; созерцательное ученіе Древнихъ въ это время начало только переходить въ область видимаго, въ положительное ученіе Физики. Что же досталось въ удѣль Ми-

нералогіи? Давно извѣстные, для всѣхъ доступные, осязаемые, но зыбкіе признаки; цвѣтъ, твердость, удѣльный вѣсъ и нѣкоторыя другіе. Системы, основанныя на сихъ признакахъ, могли ли соотвѣтствовать своему значенію? можно ли было безконечное разнообразіе минераловъ связать или въ одно цѣлое, сливъ въ общую гармонію? Нѣтъ сомнѣнія, съ такими бѣдными средствами онѣ едва удовлетворяли начальной потребности разума—легчайшему способу опредѣлять минералы. Впрочемъ усилія Ориктологовъ во всякомъ случаѣ должны были оспаться безуспѣшны; ибо физическія системы въ самомъ основаніи своемъ не согласны съ природою, не обнимаютъ собою поднаго бытія минераловъ. И такъ Минералогія, руководимая Физикою XVIII вѣка, не могла достигнуть цѣли своей; какъ односторонняя, она носила въ себѣ зародышъ своего преобразованія.

Химія, столь мощная въ наше время, только въ половинѣ XVII столѣтія принимаетъ характеръ науки; потомъ опять въ продолженіе вѣкового періода медленно движется къ совершенству, пока Спаль и особенно Лавоазье, сблизившіе Химию съ Физикою, не воздвигли на сѣмъ поприщѣ многихъ знаменитыхъ мужей, и не пригошвили чрезъ по

будущаго порожества науки. Эпо физико-химическое изслѣдованіе природы, явившееся въ концѣ протекшаго столѣтія, образовало въ Минералогіи особое направленіе — *Нѣмецкую или Вернерову школу*. Въ сію знаменитую эпоху вся неорганическая природа, отъ одного полюса до другаго, была вопрошаема во имя одного человѣка: такъ многочисленны были ученики Вернера; такимъ рѣдкимъ, счастливымъ успѣхомъ ознаменовалась его школа! Тайна столь необыкновеннаго вліянія на умы хотя не заключается въ одной минералогической системѣ Вернера; но и она, какъ удовлетворяющая требованіямъ своего вѣка, увлекла за собою современныхъ Ориктопологовъ, и въ недавнее только время потеряла свою непреложность (*).

Въ главныхъ степеняхъ сродства Вернеръ принялъ начала химическія; сближеніе родовъ

(*) Заслуги сего великаго человѣка состоятъ преимущественно въ его геологическихъ изслѣдованіяхъ, въ частныхъ многочисленныхъ изысканіяхъ, въ этой наблюдательности, съ какою онъ описывалъ минералы, въ этомъ ясномъ и простомъ языкѣ, коимъ обязана ему Терминологія. Чтò Линней для Ботаники и Зоологіи, то Вернеръ для Минералогіи относительно языка; поть и другой вполнѣ постигали истину, что слово для мысли.

имѣеть поже основаніе ; но для соединенія особннхъ минераловъ въ виды онъ избралъ признаки физическіе. Такимъ образомъ точка зрѣнія перемѣнилась ; но много ли чрезъ то выиграла система въ своей сущности ? Та же односпоронность : ни одна степень , ни одно отдѣленіе не разсматриваюгся вполне. Сверхъ того : на чемъ основано предпочтеніе химическихъ признаковъ въ одномъ случаѣ , и физическихъ въ другомъ ? Вернеръ , сознавая непрочность своихъ началъ , иногда отступалъ отъ нихъ , и сближалъ минералы , сходные по внѣшнимъ признакамъ , вопреки химическому составу. Весьма замѣчательно , что пакія уклоненія не всегда вели его къ ошнбкамъ ; напропивъ , забывая положенныя имъ начала , забывая частныя примѣны , но глубоко всматриваясь въ фізіономію минераловъ , онъ не рѣдко соединялъ ихъ весьма естественнo. Въ этой-то безнамѣренной естественности скрывается тайна полувѣковаго владычества системы ; но она же намъ доказываетъ , сколь непрочны были начала , установленныя Вернеромъ. При всей умонроницательности , сей великій человекъ не могъ опередить своего вѣка : быстрые успѣхи , коими ознаменовали себя Физика и Химія , собственно начинающіяся съ XIX столѣтія ; при жизни Вернера

они еще не успановились, слѣд. не могли дать ему значительныхъ приложений; еще нельзя было провидѣть изумительные результаты, какіе выведены были впоследствии.

Такъ, нашему времени принадлежитъ слава тѣхъ необыкновенныхъ успѣховъ, которыми достойно гордится Естествознаніе; нашему времени предоспавлено было развитіе начатое въ прошломъ столѣтіи, осуществивъ знанія, пророчески предугадываемыя Древними! Они долго и медленно уготовлялись вѣками, и попомъ какъ бы внезапно явились во всемъ своемъ великолѣпіи. И какъ безконечно-разнообразны открытія! сколько такихъ, которыя сами по себѣ могли бы составить эру въ исторіи ума человѣческаго! Гумфри - Девн, Берцеліусъ, Фараде, Мечерлихъ . . . Біюшъ, Араго, Брюсперъ, Френель . . . сколько великихъ людей, другъ передъ другомъ соревнующихъ о славу! Открытія каждого изъ нихъ есть уже цѣлая, самостоятельная наука, пребующая изученія; что же представлятъ онѣ въ своей совокупности! — При такомъ дѣятельномъ развитіи Естествознанія, Минералогія не могла оспашься неизмѣнною; въ ней необходимо должны были отразиться современные успѣхи Физики и Химіи. Дѣйствительно, въ теченіе трехъ послѣднихъ десятии-

лѣтій для Минералогіи сдѣлано несравненно болѣе, чѣмъ во всѣ предыдущія столѣтія. Химія и Физика въ настоящую эпоху шли почти равными шагами; но первая, какъ бы по большому сродству съ Минералогіею, увлекла ее за собою, и дала ей новое—*чисто-химическое* направленіе. По быстрому развитію Химіи, Наука наша долгое время не могла установиться; она представляетъ непрерывный рядъ измѣненій, идущій параллельно съ химическими открытіями. Мы не будемъ осматриваться надъ каждымъ Ориктологомъ; довольно разсмотримъ системы людей избранныхъ, гениальныхъ: какъ представили своего времени, они производящъ, а прочіе за ними слѣдуютъ.

Первый, опоздавшійся на требованія своего вѣка, былъ Гаюи. Не предчувствуя еще открытій Гумфри-Девии и Берцеліуса, онъ всѣ минералы расположилъ въ четыре отдѣленія: 1. *вещества кислотныя*, 2. *землистыя*, 3. *горючія неметаллическія* и 4. *металлическія* (1803). Это послѣдняя дань прошлому столѣтію; ибо разложеніе земель и щелочей, составляющее знаменитую эпоху въ исторіи Химіи, заставило измѣнить систему; землистыя вещества во второмъ изданіи (1822) образуютъ уже два особые класса: *металлы* *чужесидные*

métaux hétéropsides) или собственно земли, и металлы своевидные (*métaux autopsides*) или собственно металлы. — Въ дальнѣйшихъ дѣленіяхъ царства, Гаюи принимаетъ также начала химическія; но виды основаны на совокупномъ наблюденіи химическаго состава и внѣшнихъ или кристаллографическихъ признакахъ.

Въ то самое время, когда во Франціи всѣ Ориктологи безусловно склонились на сис-тему Гаюи, на Сѣверѣ, въ опечесствѣ Лин-нея, возникла другая, опличающаяся спругимъ химическимъ направленіемъ — система Берцеліуса (1819). Въ ней сосредоточилась современная Химія со всѣми своими открытіями, съ своею электро-химическою или полярно-аномическою теоріею. Точное понятіе объ особности или недѣлимости заключается въ химическомъ составѣ: вотъ почка, изъ ко-рою выходитъ Берцеліусъ. Степени сродства у него выпекаются уже изъ понятія объ особ-ностяхъ. Такъ сходнѣйшія особи, т. е. образо-ванные изъ одинакихъ началъ, и въ одинакомъ количественномъ отношеніи, составляютъ первую степень сродства, или *видъ*. Вторую степень онъ называетъ *семействомъ*. Для се-го, по общему закону, должно сблизить виды, имѣющіе между собою гораздо болѣе сродства,

нежели со всѣми прочими. Но чѣмъ опредѣлишь это сходство? какія начала избрать для сближенія видовъ: электро-положительныя или электро-отрицательныя, измѣняемыя или измѣняющія? Первые Ориктологи подражали рудокопамъ: золото, серебро, желѣзо они предпочитали другимъ металламъ, превращающимъ ихъ въ руды. Металлы, въ послѣдствіи открываемые, почитались значительнѣйшими частями, потому что они металлы, т. е. имѣютъ сходство съ тѣми веществами, коихъ достоинство уже определено первыми Ориктологами. Наконецъ сила привычки и приложеніе Минералогіи къ горному дѣлу были причиною, что во всѣхъ случаяхъ начало измѣняемое предпочитали началу измѣняющему. Такъ поступили Вернеръ, Гаюи и наконецъ Берцеліусъ. Но не прошло двухъ лѣтъ, какъ новое открытіе въ области Химіи поколебало Берцеліуса въ его основаніяхъ.

Гаюи, подчинившій кристалльное образованіе опредѣленнымъ, математическимъ законамъ, избралъ его для сближенія видовъ, и это самое лучшее въ его системѣ. Но творецъ Кристаллографіи слишкомъ увлекся тѣмъ, что составляло его славу: кристалльное образованіе онъ почиталъ вѣрнымъ оплечаткомъ внутренняго состава; отъ одинаковости формъ

заклучалъ о пожестьвѣ началъ. Мнѣніе Гаюнъ, едва не превратившееся въ аксіому, въ недавнее время разрушилось *изоморфизмомъ* Мичерлиха. Сей знаменитый соперникъ Берцеліуса доказалъ, что одно и то же число атомовъ, при одинаковомъ расположеніи, даетъ одинаковую кристалльную форму, не смотря на различіе въ химическомъ составѣ. Открытіе Мичерлиха изумило своими послѣдствіями, и далеко раздвинуло предѣлы Минералогіи. Пояснилось соединеніе тѣлъ въ опредѣленныхъ отношеніяхъ; узнали, что при одинаковой степени насыщенія и при одинаковомъ числѣ атомовъ, одно вещество въ минералахъ можетъ замѣщаться другимъ, не измѣняя ихъ формы; наконецъ все это прямо повело къ главной цѣли Минералогіи — къ системѣ. Разсматривая *изоморфизмъ* Мичерлиха въ этомъ отношеніи, нельзя не согласиться, что сближеніе минераловъ, при замѣщеніяхъ, если не невозможно, то по крайней мѣрѣ весьма затруднительно. Но гдѣ таковыя замѣщенія встрѣчающіяся наичаще? Между самыми обыкновенными тѣлами, электро-положительными; напротивъ изъ числа электро-отрицательныхъ оно замѣчено только между фосфорною и мышьяковою кислотами, и весьма рѣдко между землями кремнистою и глинистою. Изъ

сего открывається , что сближеніе видовъ для большей вѣрности должно быть основано на началахъ электро-оприцательныхъ.

Вопъ обспоятельна , который застави-ли Берцеліуса измѣнить свою систему (1825). Но Бѣданъ предупредилъ его. Сближеніе видовъ въ высшія группы у него основано на началахъ электро-оприцательныхъ. Прежніе Ориктологи , говоритъ онъ , судили о достоинствѣ минераловъ по ихъ цѣнности въ общежитіи ; но по ли должно руководствоваться систему минералогическую , какъ науку ? Въ природѣ они равно цѣнны , и о бѣльшей или мѣньшей степени ихъ достоинства можно судить только по обширности роли , играемой ими въ общей системѣ всего сотвореннаго. Въ этомъ отношеніи мы должны отдать преимущество началамъ электро-оприцательнымъ ; это самыя дѣятельныя начала ; безъ нихъ не существовало бы тѣхъ сложныхъ ; область Химіи и Минералогіи была бы слишкомъ ограничена. — Въ дальнѣйшемъ построеніи системы Бѣданъ и Берцеліусъ не во всемъ согласны между собою. Для сближенія родовъ въ семейства , они ограничились выборомъ общаго химическаго начала , не обращая вниманія на то , будетъ ли оно электро - положительное или электро-оприцательное , но стараясь рас-

положить ихъ по сему началу такимъ образомъ , чтобы сколько возможно было между ними болѣе сходства. Теперь слѣдовало приступить ко взаимному сближенію семействъ : вошь распутіе для того и другаго ! Не имѣя общаго химическаго начала , которое служило бы почкою опоры , какъ во всѣхъ предъидущихъ случаяхъ , имъ оставалось одно средство — изслѣдовать , не находились ли какихъ-либо связей между простыми шѣлами , составляющими основу семействъ. Въ этомъ изысканіи Бѣданъ послѣдовалъ Амперу , представившему весьма удачный опытъ естественнаго расположения простыхъ шѣлъ. Химическія изслѣдованія показываютъ , что простые шѣла представляютъ различныя группы , соединенныя между собою извѣстными соотношеніями , для сохраненія коихъ необходимо расположить ихъ рядами въпвѣщающимися. Но Бѣданъ , находя такое расположеніе простыхъ шѣлъ , слѣд. и семействъ , для коихъ служатъ онѣ основою , при описаніи невозможнымъ , выпянулъ ихъ въ одну линію , стараясь однако , сколько возможно , сохранить естественныя ихъ связи. Этотъ рядъ семействъ Бѣданъ почитаетъ совершенно независимымъ отъ всякихъ раздѣленій ; онъ можетъ остаться , по его мнѣнію , цѣлымъ безъ всякаго неудобства , и да-

же, можетъ быть, лучше, нежели съ раздѣленіями; но можно установишь и нѣсколько дѣленій, ничего не измѣняя въ ихъ соотношеніяхъ, слѣд. не дѣлая его чрезъ то ни болѣе, ни менѣе искусственнымъ. Сии высшія дѣленія, согласно съ Амперомъ, онъ называетъ *газолитами, левколитами и хроколитами*. И такъ семейства въ системѣ Бѣдана связаны между собою многими соотношеніями, и, не смотря на свое многообразіе, представляють одно цѣлое. Такое сродственное соединеніе въ системахъ оруднаго царства уподобляють *географической картѣ (Линней)*, или *стѣти (Бровнъ)*; Бѣданъ сравниваетъ его съ *разнообразно-стѣвающимся деревомъ*. — Берцеліусъ въ сближеніи тѣхъ же семействъ уклонился отъ естественнаго пути. Раздѣливъ ихъ предварительно на *металлоиды, металлы электро-положительные и металлы электро-отрицательные*, онъ выпянулъ ихъ въ одинъ непрерывный спрой, замыкающійся съ одной стороны *кислородомъ*, съ другой *потассіемъ*; это двѣ крайности, между коими помѣщаются всѣ прочія семейства по степенямъ ихъ электроположительности и электроотрицательности. Расположеніе, съ перваго взгляда довольно заманчивое, напоминающее собою Галваническую колонну, но чисто искусственное. Высшія

группы, по своей односторонности, у Берцеліуса также не имѣють большого достоинства.

Вопрь рядъ химическихъ системъ, смѣнявшихъ одна другую. Всѣ онѣ представляють намъ стремленіе ума открыть по единство и ту стройность, которыя находятся въ разнообразіи минеральной природы. Но гдѣ остановились онѣ на пути къ достиженію своей цѣли? на какой степени развитія находились въ нихъ Минералогія, какъ наука?

Мы видѣли: для полного знанія, минералы должны быть обнимаемы въ полномъ бытіи, физико-химически. Таковое изслѣдованіе необходимо простирается на всѣ степени сродства, отъ вида до класса. Но соблюдаются ли эти условія въ системахъ химическихъ? Въ нихъ находимъ безопытную довѣренность къ одной внутренней стихіи, а физическіе признаки оставлены единственно для опредѣленія *разностей* вида (*). Тутъ невольно возникаетъ вопросъ: что же значить это совершенное устраненіе внешней стихіи? неужели природа, пересоздавая тяжелую, вещественную массу, безъ всякой цѣли украшаетъ ее раз

(*) Исключая видовъ въ системѣ Гаюи и семействъ въ системѣ Бёдана.

личными цвѣтами, даетъ ей различныя фізіономіи, черты? неужели кристалльное образованіе, эѣ дивныя, художественныя формы, составляютъ что-либо лишнее для минерала? Напрошивъ, не ими ли минеральная жизнь выражаетъ себя всѣми своими опѣнками, изумляетъ насъ своею правильностію, своимъ изяществомъ? наконецъ, не ими ли опредѣляется особность или недѣлимость минераловъ (*)? Такъ, форма составляетъ одно изъ

(*) Въ опредѣленіи минеральныхъ особей послѣдуемъ примѣру Бопаниковъ и Зоологовъ. Начавъ съ понятія о цѣломъ царствѣ, они постепенно переходятъ къ частностямъ; первые степени разнообразія царства называютъ *классами* (иногда *половинами*, *областями* и наконецъ *классами*); потомъ классы раздѣляютъ на *семейства* или *разряды*; особыя видоизмѣненія разрядовъ или семействъ называютъ *родами*; частныя степени рода составляютъ *виды*. Виды все еще представляютъ общее или цѣлое, которое имѣетъ свои частности; эѣ частности, составляющія видимую природу, суть *особи*, отдѣльныя пѣла, полагающія предѣлъ умственному дробленію; опѣтуда названіе *недѣлимаго* (*individu*). И такъ понятіе особности опредѣляется не механическимъ или химическимъ дѣленіемъ, какъ думаютъ Химики — Ориктологи, но есть актъ познающей способности, переходящей отъ цѣлаго къ част-

главныхъ условій недѣлимости ; и произведенія искусства опъ нея получають свою особность. Нѣтъ особности въ мраморѣ , какъ веществѣ , но она находится въ группѣ Лао-

ному , и наконецъ оспанавливающейся на томъ , что полагаешь уже предѣлъ дробленію.

Поспараемся проникнуть глубже въ понятіе о минеральныхъ особяхъ. Изъ предъидущаго открывается , что недѣлимое или особъ не есть понятіе собирательное ; въ противномъ случаѣ оно было бы способно къ раздѣленію на части , которыя въ свою очередь представили бы недѣлимые или особи ; съ другой стороны нельзя вообразать себѣ минеральныя особи шѣлами совершенно простыми , неспособными къ механическому или химическому раздѣленію ; тогда органическія шѣла , единогласно принимаемыя за особи , не были бы ими , по причинѣ своей необыкновенной сложности. И такъ недѣлимое можетъ быть составлено изъ частей ; но какого рода должны быть сіи части ? Безъ сомнѣнія , не одинаковы съ цѣлымъ , иначе не было бы причины не принять ихъ самихъ за особи ; ничто однако не препятствуетъ предположить ихъ состоящими изъ частей подобныхъ или совершенно различныхъ между собою. Но и тутъ есть условіе : онѣ не могутъ быть сами по себѣ цѣлыми независимыми , имѣть особое существованіе ; въ противномъ случаѣ опъ были бы особями. Наконецъ определенная форма составляетъ существенное условіе для понятія недѣлимости ; ибо она соб-

коона, въ Аполлонѣ Белведерскомъ; алмазь, какъ вещество, не подлежащъ понятію особности, но алмазь, въ формѣ знаменитаго Регенша, получаетъ особность, опредѣляется особымъ названіемъ. Теперь спрашивается: если

снвенно выводитъ это понятіе изъ области отвлеченія, дѣлаетъ его существомъ положительнымъ, образованнымъ изъ вещества особаго съ извѣстными свойствами,—И такъ недѣлимое есть шло особое отъ другихъ, облеченное въ собственную форму, шло, коего части разнородны съ цѣлымъ и не имѣютъ сами по себѣ независимаго существованія. Этому понятію о недѣлимыхъ вполне соотвѣтствуютъ *особыя кристаллы*.

Гаюи опредѣляютъ особность минераловъ *цѣльными частицами*; но гдѣ эти цѣльныя частицы, изъ коихъ Гаюи выводитъ все разнообразіе кристалловъ? Онъ самъ говоритъ, что его теорія образованія кристалловъ есть чисто отвлеченное понятіе, и что природа въ образованіи ихъ слѣдуетъ совершенно другому типу. Въ доказательство этой истины можно упомянуть, что Нѣмецкіе Минералоги, Вейсъ и Мосъ, достигли той же цѣли, какую предположилъ себѣ Гаюи, другимъ способомъ. Наконецъ Воластонъ и Деви утверждаютъ, что цѣльныя частицы должны имѣть не многогранныя формы, по различію веществъ различныя, какъ думалъ Гаюи, но форму сферическую, слѣд. одинаковую для всехъ шлъ,

форма въ рукахъ художника даетъ особность веществу, то можно ли отказать въ этой особности естественнымъ кристалламъ, являющимся съ признаками высшаго порядка и симметріи, нежели какое можетъ дать искусство человеческое? Минераль, со всѣмъ сравненіемъ ограниченный, есть грубое произведеніе въ сравненіи съ естественнымъ кристалломъ, въ которомъ число плоскостей, взаимное ихъ положеніе, опредѣлены съ математическою точностію. Чѣмъ самобытнѣе, чѣмъ полнѣе развивается минеральное вещество, тѣмъ правильнѣе бывають его очертанія, тѣмъ изящнѣе обрисовываються его формы. — И такъ внѣшнее образованіе есть существенный характеръ минеральной особи. И можетъ ли быть иначе? Въ міръ физическомъ и въ міръ умственномъ все опредѣляется формою: идеаль поэта, мысль художника для насъ не существующь, пока не перельются въ мраморъ, краски, пока не облечуться въ слово!

Послѣ сего понятно, что Ориктологи, основываясь на одномъ химическомъ составѣ, размѣщали въ своихъ системахъ не *цѣлыя особы* минералы, но одни отвлеченныя ихъ свойства, матеріаль, одни, такъ сказать, краски, мраморъ, а не тѣ изящныя образы, коими живописуешь себя минеральная природа. Такъ

ли поступаютъ съ распеніями и живописными? Ихъ сближаютъ со всѣми органами, въ цѣломъ видѣ; и потому, изучивъ предварительные признаки распеній и живописныхъ, мы въ состояніи безъ большаго труда назначить имъ мѣсто въ ряду прочихъ. Но есть ли какая-либо возможность, зная одни химическіе признаки минераловъ, достигнуть той же цѣли? На первомъ шагу встрѣчаете уже препятствіе: вамъ надобно рѣшить, принадлежитъ ли испытуемый минералъ къ металламъ чужевиднымъ, своевиднымъ, къ электро-положительнымъ, электро-отрицательнымъ, къ газидамъ, левколидамъ, хроиколитамъ; всѣ таковыя изслѣдованія пребудутъ совершеннаго разрушенія минерала, при чемъ онъ разлагается на части разнородныя, слѣд. теряетъ свою особность, пересмешиваясь съ тѣмъ, чѣмъ былъ. — И такъ въ химическихъ системахъ Минералогія видимо уклонилась отъ своего значенія, не соотвѣтствуетъ цѣли Естественной Исторіи, — превратилась въ Химію (*).

(*) Берцеліусъ даже называетъ ее минеральною Химіею. Не касаясь славы великаго мужа, мы вовсе несогласны съ его мнѣніемъ. Химія наблюдаетъ вещество въ различныхъ его измѣненіяхъ, разрушая и соединяя его; Минералогія, какъ часть

При такой односторонности она не могла быть естественною, согласно съ природою: здѣсь не рѣдко самыя сродственные связи минераловъ приносятся въ жертву химическому составу; не рѣдко одно какое-либо отвлеченное свойство служишь единственнѣйшимъ признакомъ, соединяющимъ въ одну группу безчисленное множество минераловъ, весьма раз-

Естественной Исторіи, описываетъ вещество образованное, слѣд. шѣла въ покойномъ, естественномъ, неизмѣнномъ ихъ состояніи. Химія разсматриваетъ минералъ относителенно вещества, изъ коего онъ образованъ, относителенно его сложности и способа соединенія составныхъ началъ; Минералогія видитъ въ немъ бытіе особое, отличное отъ однихъ и сходное съ другими по своимъ физическимъ и химическимъ признакамъ; составъ минерала для Химіи цѣль, а для Минералогіи средство, служащее для лучшаго распределенія ихъ въ сродственные группы. Химія имѣетъ предметомъ одни только отвлеченныя свойства минеральнаго вещества, а Минералогія самая шѣла, изъ оного образованная. Если Минералогъ для полнѣйшаго свѣдѣнія объ нихъ и для естественнѣйшаго ихъ сближенія, иногда и отвлекаетъ ихъ свойства, то это отвлеченіе, какъ несоставляющее его главной цѣли, никогда не бываетъ постояннымъ: ибо потчасъ онъ опять обращается къ особому состоянію минераловъ. *Sat sapienti.*

личныхъ между собою по другимъ признакамъ.

Сколь рѣзкіе недостатки Минералогіи не могли укрыться отъ наблюдательнаго взора мыслителей. Они пробудили сомнѣніе, заставили глубже вникнуть въ предметъ, и, какъ всякая борьба въ умственномъ мірѣ, не были бесполезны. Минералогія увидѣла необходимость согласовать тѣ спихіи, которыя въ раздѣльности своей не могли довести ее до предположенной цѣли. Искушенная многими опытами, она обратилась наконецъ къ Физикѣ. И чего нельзя было ожидать отъ современнаго состояніи этой науки! Дѣйствительно, въ наше время всѣ внѣшніе признаки взвѣшены, оцѣнены; опредѣлено взаимное ихъ соотношеніе, связь. Съ какою точностію изслѣдовано строеніе и кристалльное образованіе минераловъ! Съ какою опчепливостію показано отношеніе ихъ къ другимъ физическимъ явленіямъ! Правильная форма и явленія свѣтотовыя, звукъ, твердость, удѣльный вѣсъ, будучи изучаемы во взаимной связи, нерѣдко представляются намъ какъ бы пожественными, однозначительными. Кому неизвѣстны въ этомъ отношеніи труды Біюпа, Брюстера, Френеля, Соре, Гершеля, Савара? Кто не знаетъ опытовъ Мичерлиха надъ вліяніемъ теплоты на кристаллы, опы-

повъ Меллони надъ лучистою теплою — ? Такое согласованіе физическихъ признаковъ въ последнее время породило новыя изслѣдованія, вовсе не предполагаемыя прежними Ориктологами. Химія, мы видѣли, замедлила ходъ системы минералогической, удалила Минералогію отъ настоящаго пупи; но, съ другой стороны, она оказала ей важныя услуги своими частными изысканіями, почнымъ изслѣдованіемъ внутренней стихіи. Теперь, когда и внѣшняя стихія трудами знаменитыхъ Физиковъ доведена была почти до осязаемой очевидности, то открылась надежда согласовать физическія явленія съ химическимъ составомъ. Дѣйствительно, между сими противоположными стихіями находимся необыкновенное соотношеніе. Такъ минералы одинакой формы большею частью имѣютъ одинакой химическій составъ; различныя по формѣ, различны и по химическому составу; одни изъ физическихъ признаковъ (блескъ, прозрачность, твердость) находясь въ соотношеніи съ началомъ электроотрицательнымъ, другіе (удѣльный вѣсъ, цвѣтъ) — съ началомъ электро-положительнымъ (*). Этого мало: Годень (*Revue Ency-*

(*) Минералы, состоящіе изъ веществъ сгораемыхъ (*subst. combustibles*), и не содержащіе въ себѣ веществъ, поддерживающихъ горѣніе, каковы кислѣ-

clorédique, Janvier 1833, и Bibl. Universelle, Sciences et Arts, 33, 1. P. 131), разсматривая теорію апомическую со стороны внѣшней и внутренней спихіи, въ недавнее время сообщилъ ученому свѣту такія истины, которыми по всей справедливости можетъ гордиться наука: онъ показалъ связь между опносительнымъ числомъ апомовъ и первичною кристалльною формою, между удѣльнымъ вѣсомъ апомовъ и другими физическими свойствами, каковы твердость, сдѣлленіе, плавимость, прозрачность, цвѣтъ и самое сродство минераловъ. Такого рода изслѣдованія со-

родъ, плавикородъ и хлоръ, почти всѣ представляють общій характеръ, и. е. видъ и блескъ металлическій, совершенную непрозрачность, иногда опличительныя электрическія свойства; другіе минералы, еще въ большемъ количествѣ, нежели первые, содержащіе въ себѣ кислородъ, плавикородъ и хлоръ въ соединеніи съ веществами сгараемыми, представляють видъ каменистый, прозрачны или по крайней мѣрѣ просвѣчивающъ, съ электрическими признаками, совершенно противоположными сравнительно съ первыми. Эту двѣ группы заключающъ въ себѣ 258 родовъ на 284 всѣхъ извѣстныхъ; уклонившіеся роды (26) составляютъ переходъ отъ одной группы къ другой, и потому имѣють смѣшанные признаки въ химическомъ и физическомъ опношеніяхъ.

спавляюшъ истинную Философію науки. Пусть это песчинки золота, но онѣ общають близость богатыхъ рудниковъ, подають надежду на полное согласованіе физическихъ признаковъ съ химическимъ составомъ.

И такъ Физика вполне оправдала довѣренность Минералогіи. Ей оспивалось только приступить къ естественному сближенію минераловъ. Но, странное дѣло! и послѣ столькихъ перевороповъ Минералогія не прямо двинулась къ своей цѣли: ей все еще нужны были опыты! — Мосъ, извѣстный Ориктологъ, съ котораго по всей справедливости должно вести начало системы естественной, до того увлекся физическими признаками, что одно только современное состояніе науки и совокупное наблюденіе многихъ признаковъ спасло его отъ участи предшественниковъ. Мосъ послѣдовалъ примѣру Французскаго Ботаника Адансона; выводя сродство минераловъ изъ суммы признаковъ, онъ предпринялъ тяжкую работу: предварительно составилъ столько искусственныхъ системъ, сколько находилось физическихъ признаковъ; потомъ тѣ минералы, кои въ большемъ числѣ системъ сходились вмѣстѣ, Мосъ призналъ сродными, и соединилъ ихъ въ семейства, и многія семейства

вышли у него естественными. Система Вьинскаго Профессора имѣла бы еще большее достоинство, если бы онъ не увлекся примѣромъ Адансона, не потерялъ изъ виду *степени значительности признаковъ*.

Недостатки ботанической системы Адансона исправилъ Л. Жюсье, замѣнивъ сумму признаковъ *относительнымъ ихъ достоинствомъ*, предпочтеніемъ однихъ другимъ. Минералогія имѣетъ своего Жюсье. Неккеръ, эпошъ могучій талантъ, различая признаки соединяющіе или общіе опъ признаковъ раздѣляющихъ или частныхъ, пробилъ для себя новую пролу, совершилъ то, до чего суждено было достигнуть Минералогіи вѣковыми опытами и наблюденіями: у него всѣ степени сродства основаны на *физико-химическихъ* явленіяхъ, слѣдующихъ закону *подчиненности*.

Дѣйствуя по указанію этой мысли, Неккеръ во всякомъ случаѣ старался соединять въ одну группу только такіе минералы, которые сходны между собою физико-химически; но тамъ, гдѣ анализъ оставлялъ его въ недоумѣніи, гдѣ минералы не были согласны по своимъ химическимъ и физическимъ признакамъ, онъ отдавалъ преимущество симъ послѣднимъ. Дѣйствительно: „физическіе признаки, по своей, такъ сказать, осязаемой ясности, по-

няпыны для каждаго , и пошому не предста-
вляюшъ шой зыбкоспи , того непостоянства,
копорыя замѣчаются при анализахъ. Физиче-
скіе признаки въ системахъ Вернера и Гаюи
до сихъ поръ не переспаюшъ бытъ испиинны-
ми , до сихъ поръ соспавляюшъ ихъ достоя-
ніе; въ наше время Ориктологи распроспрани-
ли ихъ , усовершенспвовали , дали имъ болѣе
почноспи ; но никто не доказалъ , чшобы они
были ложны , и слѣд. бесполезны. Совсѣмъ дру-
гое относипельно химическаго соспава мине-
раловъ : анализы прежнихъ Химиковъ въ наше
время пошеряли все свое достоинство. Къ со-
жалѣнію , замѣчаніе сіе относипся не къ од-
нимъ только анализамъ прошлаго столѣтія ;
анализы Вавеллипа , Уранипа и другихъ мине-
раловъ , явившіеся въ недавнее время подъ
эгидою знаменитыхъ именъ , подпверждаюшъ по
же самое. — Химикъ , желая опредѣлишъ со-
спавъ минерала , опдѣляетъ опъ него неболь-
шую часпъ , подвергаетъ ее испытанію , и
опъ *части* заключаешъ уже о *цѣломъ* , заклю-
чаешъ о *всѣхъ* минералахъ , физически сход-
ныхъ съ испытуемымъ. Чшо эшо значипъ
другими словами ? Не еспъ ли эшо шайное
признаніе зависимоспи химическихъ изысканій
опъ физическихъ признаковъ ? Дѣйсшвитель-
но , съ помощію только сихъ послѣднихъ мож-

но опредѣлять пожество вещества въ испы-
пуюмой часпи минерала , въ цѣломъ минералѣ
и въ другихъ минералахъ того же свойства.
Безъ физическихъ признаковъ , мы знали бы
только составъ минераловъ разрушенныхъ ,
переставшихъ существовать , и не были бы
въ состояніи вывести заключеніе относительно
состава минераловъ существующихъ. Сверхъ
того, Химія для достиженія своей цѣли , для
опредѣленія того , что бываетъ слѣдствіемъ
ея анализа , т. е. для опредѣленія осадковъ ,
растворовъ и ш. д., всегда прибѣгаетъ къ фи-
зическимъ свойствамъ , каковы цвѣтъ , твер-
дость , кристалльная форма. Какое странное
противорѣчіе ! Химики весьма мало цѣнятъ
физическія свойства , какъ отличительные
признаки естественныхъ шѣлъ; но даютъ имъ
большой вѣсъ , когда характеризуютъ ими ис-
кусственные произведенія , слѣдствіе ихъ соб-
ственныхъ операцій (*).“

(*) Разсматривая минералы съ сей новой точки
зрѣнія , то есть , *физико - химически* , и при-
томъ въ *цѣломъ* видѣ , не лишая *особности* , Нек-
керъ постановилъ правила , коими должно руковод-
ствоваться въ избраніи признаковъ для приведенія
минераловъ въ естественную систему , подобную
системѣ оруднаго царства.

Мосъ, очень хорошо понимавшій различіе Химіи отъ Минералогіи, и пошому предпри-
нявшій ея преобразование, не могъ свергнути
съ себя вліяніе прежнихъ Ориктологовъ; слѣ-

1. Признакъ долженъ принадлежать минералу въ его *цѣлости*, а не одному какому-либо изъ составныхъ его началъ. Это правило видимо исклю-
чаетъ признаки отвлеченные, споль часто употре-
бляемые Химиками-Ориктологами; таковы дѣленія минераловъ на *чужевидные* и *своевидные*, *электроположительные* и *электроотрицательные*. Признаки сии принадлежатъ не самому минералу, раз-
сматриваемому въ цѣлости, какъ шло сложное, какъ совокупность всѣхъ его примѣтъ, по одно-
му только началу, а именно простому или основ-
ному металлу; ибо цѣльный минераль въ насто-
ящемъ видѣ пельзя принять за чужевидный, электр-
ро-положительный или электроотрицатель-
ный. — По той же самой причинѣ *ковкость* не
можетъ быть отличительнымъ признакомъ та-
кой группы минераловъ, гдѣ ковкій металлъ на-
ходится какъ соспавная часть; поелику соединя-
ясь съ кислородомъ, кислотами и ш. д., онъ теряетъ
уже свою ковкость; но если бы нужно было поспе-
новить разлічіе между чистыми металами, въ
самородномъ ихъ соспоянніи, тогда признакъ, взи-
маемый отъ ковкости, былъ бы весьма приличенъ.

2. Признаки должны быть взимаемы непосред-
ственно изъ самага минерала, или по крайней мѣрѣ
средства, употребляемая для ихъ опредѣленія,
должны быть таковы, чтобы минераль всегда

дую ихъ примѣру , иногда , сближалъ не особные минералы , но отвлеченныя ихъ свойства ; принялъ въ систему свою вещества жидкія , воздухообразныя , не представляющія никакихъ

находился въ глазахъ наблюдателя. Этому условію удовлетворяють всѣ физическіе признаки и весьма многіе изъ химическихъ , а именно открываемые въ минералахъ до ихъ разложенія или во время самаго разложенія. Но дальнѣйшія химическія производства , совершенно разрушающія шло , при чемъ составныя части минерала обыкновенно вступаютъ въ соединеніе съ другими посторонними веществами , всѣ сія производства , какъ непосредственныя и заспавляющія наблюдателя терять изъ виду шло испытываемое , выходятъ изъ сферы Минералогіи. Отсюда понятно , что къ минералогическимъ признакамъ могутъ быть отнесены только непосредственное дѣйствіе воды, кислотоу , щелочей , теплоты и всѣ опспроумные опыты съ пальнойю трубоу , описанные Берцеліусомъ ; всѣ сія дѣйствія , какъ непосредственно прилагаемыя къ самымъ минераламъ , могутъ доставить превосходные признаки. Дѣйствительно, испытаніе минераловъ подобными химическими способами имѣетъ все сходство съ испытаніемъ , какое мы производимъ надъ ними , желая опредѣлить удѣльный вѣсъ , твердость , ковкость и другія физическія ихъ свойства. Отсюда же понятно , что большая часть испытаній , необходимыхъ для качественнаго анализа мокрымъ путемъ , по своей сложности и посредственному дѣйствію

слѣдовъ особности. И эпошъ недоспашокъ предоспавлено было исправитъ Неккеру; въ его системѣ размѣщающія уже пѣла, принявшія опредѣленную форму — *кристаллы*. Эпого

на минералы, не могутъ быть для нихъ признаками. Анализъ количественный, какъ самый сложный и наиболее разрушающій испытуемое пѣло, еще менѣе долженъ быть почишаемъ минералогическимъ признакомъ. Безъ сомнѣнія, Ориктологу должны быть извѣстны результаты всѣхъ апализовъ различныхъ минераловъ, дабы имѣть возможность сравнивать ихъ между собою въ химическомъ отношеніи, почпо такъ же, какъ и въ отношеніи физическомъ; одно будетъ служить ему пособіемъ къ другому: ибо минералы, сходные по химическому составу, весьма часто бываютъ сходны и по признакамъ физическимъ. Но самый анализъ и химическія формулы никогда не должны быть почишаемы неопѣемлемою принадлежностію Минералогіи.

3. Разбирая поспешенно всѣ минералогическіе признаки, не трудно убѣдиться, что ни одинъ изъ нихъ самъ по себѣ недоспапочень для опредѣленія минераловъ. То же самое замѣчается и въ пѣлахъ органическихъ, въ распеніяхъ и животныхъ. Всѣ системы, основанныя на одномъ какомъ-либо признакѣ, были искусственными, и достигали цѣли своей не иначе, какъ основывая спенени сродства на совокупности многихъ признаковъ. Одинъ признакъ можетъ служить только для различенія даннаго вида отъ другаго, принадлежащаго къ одно-

мало : Неккеръ при семъ случаѣ открылъ новую почку зрѣнія, копорая сблизила Минералогію съ Ботаникою и Зоологією. Всѣмъ извѣстно , развитіе живописнаго есть непрерыв-

му и пому же роду , даннаго рода въ одномъ семействѣ и т. д.

4. Вообще полагали, что въ опредѣленіи минералогическихъ признаковъ необходима математическая точность, и попому оставили безъ вниманія такіе признаки, которые, будучи приняты въ обыкновенномъ значеніи, могли бы быть весьма полезными и удобными при различеніи минераловъ; на пр. *растворимость* въ водѣ, признакъ, свойственный минераламъ, извѣстнымъ подъ именемъ солей, будучи принятъ въ обыкновенномъ значеніи, составляетъ весьма хорошій признакъ; но онъ былъ оставленъ, попому что другія тѣла, существенно различныя отъ обыкновенныхъ солей, каковы известнякъ, гипсъ и другія, также растворяются въ водѣ. Эта издичная точность (такъ можно назвать ее въ отношеніи къ системѣ минералогической) происходитъ отъ недостаточнаго различенія требованій со стороны Минералогіи и со стороны Химіи; сія послѣдняя поставляетъ для себя цѣлю истины положительныя и абсолютныя, между тѣмъ какъ Естественная Исторія, слѣд. и Минералогія, по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ системѣ, старается показывать только истины различительныя и относительныя; и попому математическая точность въ

ный рядъ измѣненій, непрестанное движеніе къ совершенству; на пути къ достиженію полнаго образованія, оно переходитъ различныя временныя формы, является въ различныхъ видахъ и степеняхъ. Нѣтъ сомнѣнія, степени сіи, какъ не составляющія истиннаго значенія животнаго въ ряду прочихъ, не могутъ быть приняты въ систему; въ нее поступаетъ животное при полномъ образова-

признакахъ химико-минералогическихъ не есть необходимость; надобно только ясно опредѣлить значеніе, въ какомъ принимается признакъ. Такъ относительно растворимости въ водѣ, можно сказать, что подъ симъ признакомъ разумѣютъ свойство минераловъ — легко растворяться въ небольшомъ количествѣ воды (на пр. въ 20 разъ меньшемъ въ сравненіи съ вѣсомъ); и тогда мы получимъ признакъ, достаточный для различенія солей отъ другихъ минераловъ, пребывающихъ для своего растворенія гораздо большаго количества воды. — Возьмемъ другой примѣръ. Вѣдомо, что металлы, приведенные въ весьма тонкія пластинки, пропускаютъ свѣтъ, дѣлаются прозрачными; но поелику они никогда не попадаютъ въ природѣ въ такомъ видѣ, и приводятся въ оное состояніе только посредствомъ искусства; но мы можемъ сказать безъ нарушенія точности, что металлы принадлежатъ къ числу тѣлъ темныхъ.

ніи, въ послѣдней степені своего развитія. Такъ личинки и куколки, сіи временныя, переходящія формы насѣкомаго, не имѣютъ мѣста въ системѣ; однѣ только совершенныя насѣкомыя получаютъ въ ней право гражданства. Въ другомъ орудномъ царствѣ мы находимъ то же самое: распеніе высшее, пока оно еще не цвѣло, есть пайноцвѣтное; но въ число явноцвѣтныхъ, въ систему, оно входитъ полнымъ развитіемъ цвѣта и плода. И такъ ни Зоологи, ни Ботаники не помѣщаютъ въ свои системы всѣхъ животныхъ и всѣхъ растений, существующихъ въ природѣ; особи, недостигшія своего образованія, не имѣютъ въ ней мѣста; еще того менѣе, спада животныхъ или дѣса извѣстныхъ растений. Но всѣ эти странности, какъ будто въ противоположность орудному царству, совмѣстились въ системѣ минералогической. Сближая одни отвлеченныя свойства тѣлъ, а не самыя тѣла, сравнивая между собою грубый матеріалъ, а не самыя минералы, Ориктологи избираютъ обыкновенно такой признакъ, который бы обнималъ собою не одни только совершенные, особные кристаллы, но и кристаллы недоросшіе, неразвитые, или даже различные сроспки кристалловъ, не рѣдко являющіеся безобразными, причудливыми массами. Неужели эту

естественно? Если ли шуть какое-либо сходство съ системами оруднаго царства, составляющими единицу для сравненія? Неккеръ первый замѣтилъ эту несообразность; и попому въ его систему вошли только совершенныя и отдѣльныя особи, слѣд. кристаллы въ *полномъ образованіи*. Но шуть возражать: если система минералогическая ограничѣна одними только особными и совершенными кристаллами, то надобно будетъ исключитъ изъ ея области такіе минералы, которые всегда почитались ея достояніемъ? Нимало. Помѣщая въ видѣ прибавленій къ различнымъ степенямъ сродства минералы, никогда непадающіеся въ совершенныхъ кристаллахъ, но представляющіе значительное сходство съ тѣми, кои приняты въ систему, и упоминая, такъ сказать, исторически послѣ всякаго рода или вида о самыхъ обыкновенныхъ способахъ сращенія особныхъ кристалловъ, можно включитъ всѣ тѣла, описываемыя въ прочихъ минералогическихъ системахъ, но каждое изъ нихъ будетъ занимать надлежащее мѣсто, и система будетъ сохранена отъ всякой чуждой примѣси.

Въ 1832 году Неккеръ въ первый разъ изложилъ мысли свои о семъ предметѣ въ

Edinburgs new Philosophical Journal и въ Bibliothèque Universelle; но въ прошломъ году онъ развилъ ихъ со всею опчепливостію въ особомъ пвореніи (*Le règne minérale ramené aux méthodes de l'Histoire Naturelle, par L. A. Necker. Paris, 1835*). Не боясь упрека въ неуваженіи къ великимъ умамъ, сопавляющимъ славу нашего времени, къ именамъ Берцеліуса, Бедана и другихъ, я дозволяю себѣ сказать, что по одной только слѣпой довѣренности къ системамъ химическимъ, до сихъ поръ еще не обрапили должнаго вниманія на единспвенный трудъ Неккера. Едва ли не ему суждено преобразовать Минералогію, дать ей новое, самое еспественное направленіе! Въ частностяхъ онъ имѣетъ свои недостатки; и можно ли не имѣть ихъ, можно ли одному человѣку совершить эпомъ гигантскій трудъ? Но истина главныхъ его положеній непреложна (*). Такъ, пока направленіе физическое и химическое не уравнилось, не придуть въ гармонію, Минералогія не можетъ выработать собственной фizioноміи,

(*) Изъ послѣдователей Неккера или, почти сказать, изъ Ориктологовъ, дѣйствующихъ по указанію одной мысли съ Неккеромъ, въ особенності замѣчашелень Марсель де Серръ.

получить право на достоинство особой науки; слияніемъ только сихъ противоположныхъ стихій она въ состояніи достигнуть своей самобытности, вступивъ въ сферу Естественной Исторіи.

И такъ путь указанъ, остается идти по немъ. Конечно, будущая судьба нашей науки неизвѣстна; но, соображая настоящее и минувшее, можно предположить, что искушенная сполькими опытами, она не будетъ уже увлекаема односторонностію, чуждымъ для себя направленіемъ; кажется, настала пора, когда наука, подобно живому организму, усвоивъ вспомогательныя свѣдѣнія, даетъ имъ свою форму, себя уподобляеть.

Симъ оканчиваю Слово мое. Кто изъ Васъ, III. III., по чувству патриотизма, не пожелаетъ вмѣстѣ со мною, чтобы Россіи суждено было подвинуть Минералогію впередъ? Къ этому благородному подвигу, кромѣ національной гордости, призываютъ насъ общественныя выгоды. И гдѣ, какъ не въ любезномъ Отецествѣ нашемъ, легче усовершенать сію науку? Побѣдоносный мечъ Россіи очертилъ седьмую часть земнаго шара, никогда неоспъваемую солнцемъ; природа совмѣстила въ ея предѣлахъ всѣ сокровища материка; благотворная рука

МОНАРХА нашего гопова увѣнчалъ всякое усиліе, всякое преднамѣреніе на дѣло благое! При содѣйствіи благопромыслительнаго Начальства, Минералогія приложеніями своими приносишь уже богатые плоды въ нашемъ Ошечествѣ; но чего не лѣзя ожидать отъ нея при большемъ ея усовершеніи! Любознапельное юношество — надежда Россіи! къ вамъ обращаю Слово мое. Быть можетъ, въ душѣ нѣкоторыхъ изъ васъ таится возвышенное чувство, желаніе посвятить себя служенію наукамъ. Къ нимъ-то въ особенности взываю я именемъ природы: не исключайте изъ круга вашихъ занятій изученіе минеральнаго царства. Не вѣрьте тѣмъ холоднымъ натуралистамъ, которые искони обрекли его на вѣчную мерзвенность. Нѣтъ, жизнь глубоко сокрыта въ минералахъ, но не покорена тяжелой, вещественной ихъ массѣ; она не опочила въ своихъ созданіяхъ, не окаменѣла въ неизмѣняемыхъ формахъ! Всѣ части органическихъ тѣлъ, составляя цѣлое, живутъ; будучи отдѣлены отъ него, умирають. Такъ минералы, взятые порознь, опорванные отъ своего цѣлаго, отъ материка, представляются намъ массами вещества, безъ жизни, безъ движенія, не рѣдко безъ фizioноміи, опредѣлительно выраженной; но тѣ же минералы, въ совокупности съ сво-

имъ цѣлымъ, въ маперикѣ, оказывающъ жизненныя дѣйствія. Эпѣ мнимыя кости не рѣдко прерывающъ свое глубокое молчаніе; погда жизнь, въ нихъ пролитая, колеблетъ колоссальныя громады горъ, и рушитъ всѣ препоны! Такъ, міровая жизнь горитъ и въ безмолвномъ бытіи минерала! Произведеніе Вѣчной Жизни мертво быть не можетъ!

В. И С Т О Р І Я.

2. ХАРАКТЕРЪ ДРЕВНЕЙ И НОВОЙ ИСТОРИИ.

Разсужденіе Кандидата Стрекалова, удостоенное награжденія золотою медалью по предмету Всеобщей Исторіи, изъ класса Профессора Погодина.

Исторія есть развитіе судебъ жизни человѣчества. Эти судьбы управляются рукою Провидѣнія; всѣ событія міра историческаго почіютъ въ лонѣ Промысла. И такъ должны быть непреложные законы, по которымъ совершается это развитіе. Кто внимательно слѣдитъ Исторію, тотъ дѣйствительно замѣчаетъ присутствіе неизмѣнныхъ началъ, лежащихъ въ основаніи всѣхъ событій жизни человѣчества.

Но какъ уловить эти начала? Какъ объять всю необъятность Исторіи, въ безконечномъ разнообразіи явленій міра историческаго?—Теперь излишне, кажется, доказывать, что каждый народъ, что все человѣчество, живущее въ народахъ, развивается по тѣмъ

же законамъ, какъ и одинъ недѣлимый. Жизнь одного человѣка, — вошь криперіумъ для измѣренія жизни всего человѣчества.

Три главныхъ возраста замѣчаемъ въ человѣческой жизни: младенчество, юность, мужество. Старость не есть особенный возрастъ: шупъ нѣтъ уже дальнѣйшаго развитія: есть опцвѣшеніе мужества, его предсмертное состояніе.

Едва младенецъ переможетъ первую мину непріязненнаго вліянія безвѣстнаго ему міра, едва онъ оглядился, какъ въ немъ уже открывається необходимость дѣйствовать. Міръ представляется ему въ своей прекрасной цѣлости. Не сознавая ограниченности своихъ силъ и безграничности природы, онъ спремится обнять весь міръ съ любовію — и дѣятельность его, направляемая однимъ чувствомъ, руководимая однимъ воображеніемъ, разливается на весь окружающій. Отсюда характеръ младенчества: безграничная, безсознательная *игра силъ*. — Но скоро излишне напряженныя силы начинаютъ ослабѣвать. Человѣкъ-младенецъ уже сознаетъ отчасти необъятность природы, чувствуетъ свою ограниченность — и смиряетъ свои щепетныя усилія помѣряться съ цѣлою природою. Онъ устремляетъ свою дѣятельность уже на отдѣльные предметы

наиболѣе его привлекающіе. Это переходъ къ слѣдующему возрасту, называемый опроче-ствомъ. Здѣсь направленіе все то же, исклю-чительно ко внѣшней природѣ; но здѣсь игра силъ уже обуздывается, приводится въ строй-ность какимъ-то *самочувствіемъ*.

Въ юношесствѣ начинается обратное на-правленіе нашего духа, его самоуглубленіе. Юноша вполнѣ созналъ уже невозможность объять природу во всей ея цѣлости, изъ-яснить ее изъ нея самой, усмотрѣлъ ея со-кровенный пропоинъ въ глубинѣ своего ду-ха—и успремился къ *самосознанію*. Укрѣплен-ная внутреннимъ сознаніемъ, его дѣятельность уже имѣетъ опредѣленную цѣль, имѣетъ ду-ховную основу. Но юноша еще горячо лю-битъ природу, искренно вѣритъ пріязни сво-ихъ собратій; онъ не разочарованъ еще горь-кимъ опытомъ: по этому внутреннее созна-ніе еще не разрѣшается въ немъ въ холодный эгоизмъ; онъ не опдѣляетъ еще своихъ вы-годъ опъ общихъ: изъ глубины своего духа износитъ онъ высокое побужденіе дѣйствовать на пользу всего человѣчества. Отсюда, въ періодъ юношества, великіе нравственные по-движки, высокое самоопроверженіе, невольно насъ изумляющіе.

Наконецъ наступаетъ искушенное опытомъ мужество. Самосознаніе юношества здѣсь переходитъ въ полное *самопознаніе*. Человѣкъ-мужъ, обманутый въ своихъ юношескихъ числахъ мечтахъ, не нашедшій въ людяхъ полного сочувствія своей безкорыстной любви, начинаетъ болѣе цѣнить свою личную выгоду. Дѣйствуя въ пользу другихъ, онъ не забываетъ дѣйствованіе и для себя: онъ не отдѣляетъ общественной пользы отъ своей собственной, потому что постигаетъ ихъ неразрывную связь. Въ этомъ возрастѣ дѣятельность человека направляется разсудкомъ, поступки обезпечиваются чувствомъ личнаго самосохраненія, характеръ получаетъ определенное значеніе и полную самостоятельность. Вотъ степени развитія жизни въ каждомъ человѣкѣ!

Мы должны воспрѣпить, въ огромномъ размѣрѣ, развитіе тѣхъ же возрастовъ въ жизни человѣчества вообще. Разумѣется, определеніе этихъ возрастовъ лишь относительное ко времени, прожитому человѣчествомъ. Можетъ быть, это время, въ отношеніи къ цѣлой жизни, предназначенной человечеству Провидѣніемъ, есть еще развитіе одного возраста, или даже одной степени возраста. Но мы знаемъ, что въ раз-

випіи нашего духа, какъ и въ явленіяхъ внѣшней природы, общіе законы всегда повторяются въ частныхъ, особыхъ и даже, наконецъ, индивидуальныхъ явленіяхъ. Посему мы смѣло можемъ приступить къ изслѣдованію, на указанномъ основаніи. Цѣль наша — опредѣлить эти возрасты въ исторіи, обозначить ихъ характеръ. Такое изслѣдованіе, надѣюсь, покажетъ : — справедливо ли наше основное положеніе.

Какимъ же образомъ мы будемъ слѣдить развитіе жизни человѣчества въ ея различные періоды, дабы, въ безконечномъ разнообразіи явленій уловить ея главное направленіе? — Должно слѣдить ее въ основной идеѣ, въ основныхъ ея стихіяхъ.

Жизнь человѣчества складается изъ жизни народовъ. Опредѣлимъ же сперва тѣ стихіи, изъ развитія коихъ образуется жизнь каждаго народа.

Религія есть основа нашего бытія (*), — въ этомъ, думаю, теперь никто не сомнѣвается: изъ нея происходили, ею опредѣлялись всѣ человѣческія общества (**).

(*) А Шлегель: *Ueber dramat. Kunst und Litter.*, Т. 1, стр. 29.

(**) Вико: *Scienza nuova; princ. de la Philos. de l'histoire*, переводъ Мишеле.

Религіозность есть основная снпхія жизни каждаго народа. Далѣе, жизнь народа имѣетъ свою внутреннюю и внѣшнюю спорону. Ко внутренней относятся, кромѣ религіозности, лежащей въ основаніи, *нравственность, художественность, ученость*. Внѣшняя спорона народной жизни, опредѣляемая внутреннею, есть *гражданственность*. Изъ большаго или меньшаго развитія этихъ элеменговъ слагается главный характеръ Исторіи какого-либо народа.

Опредѣленіе религіозной идеи должно всему предшествовать. Потомъ необходимо изслѣдовать внутреннюю жизнь той или другой эпохи въ Исторіи. Отсюда, наконецъ, опредѣляется характеръ гражданской или политической Исторіи народовъ.

Исторія древняя — жизнь младенчества въ человѣчествѣ, обращеннаго преимущественно ко внѣшности. Исторія древнѣйшихъ народовъ, Исторія Востока представляетъ крайность этого направленія.

Какая религіозная идея лежитъ въ основаніи всей древней Теогоніи? Представленіе всеизидительной силы природы. Все различіе между Восточною и Греческою міеологіею состоитъ въ томъ, что на Востокъ эта идея

представлялась въ большей цѣлости, а въ Греціи дробилась въ олицетвореніяхъ различныхъ силъ или дѣятелей природы. Этому причинною было то, что человекъ-младенецъ, какъ я уже замѣнилъ, стремился обнять природу во всей ея цѣлости, а человекъ-опрокъ уже наблюдалъ ее въ отдѣльныхъ явленіяхъ. Но въ томъ и другомъ видоизмѣненіи религиозной идеи замѣтно одно и то же направленіе, исключительно во внѣшней природѣ. Тогда понятіе о Божествѣ еще не отдѣлялось отъ понятія о природѣ: древній человекъ еще не возвысился до мысли о существѣ Бога (*). — Въ примѣръ древней Теогоніи указываю на религію Индійскую: различные проявленія Вишну представляютъ выразительные символы различныхъ степеней непрерывной воспроизводимости природы.

Эта идея религиозная дала направленіе всей внутренней жизни Востока. Что такое древнѣйшее искусство? Соревнованіе всеизидительной силѣ природы, въ ея неизмѣримой цѣлости. Здѣсь безграничный разливъ силы

(*) Еврейскій народъ представляетъ въ этомъ отношеніи исключеніе: со стороны своей религіозности, онъ рѣзко отдѣленъ отъ Исторіи древней — и неразрывно связывается съ Исторіею Христіанства.

творческой, по средобъжному направленію. Отсюда характеръ древнѣйшаго искусства: необъятность формы, поглощающей идею. Взгляните на памятники первобытнаго Зодчества, на остатки Столпа Вавилонскаго (Бирсъ-Нимродъ), на подземные храмы Элорскіе, на гранитныя изваянія Семи Пагодъ (Мавалинурама), на гигантскія развалины Персеполя, на колоссальныя пирамиды Египта — и вы вездѣ увидите воплощеніе творческой силы Востока, направленной къ соревнованію мощной силѣ природы. Взгляните, въ дополненіе, на остатки современнаго ваянія, соотвѣствующаго этому Зодчеству: Мемноновъ Колоссъ, кумиръ Джагернаута, грифы, сфинксы, — все это имѣетъ характеръ той же чудовищной необъятности формы, подавляющей идею. Наконецъ, и памятники первобытной Поэзіи, Зендъ-Авеста, Рамайяна, Магабарагъ, носятъ на себѣ печать того же безмѣрнаго величія. Здѣсь геній младенческихъ народовъ дерзновенно играетъ своими свѣжими силами.

Событія политическія чудно соотвѣствуютъ этому средобъжному направленію духа въ первобытномъ человѣкѣ. Эти мгновенныя завоеванія, это быстрое возниканіе и паденіе обширныхъ государствъ процвѣтаніе и опцвѣтаніе великолѣпныхъ городовъ — чѣмъ

инимъ объяснить почтѣ , глубже , какъ не безграничнымъ разливомъ матеріальныхъ силъ , которыя , при могучемъ своемъ напряженіи , быстро преодолеваютъ всѣ препоны , проносясь бурнымъ потокомъ завоеваній , разрастаясь въ обширныя государства , но , вслѣдствіе этого же излишняго напряженія , и за неимѣніемъ внутренней основы , скоро истощаются и ознаменовываютъ свое оскуднѣе паденіемъ и разрушеніемъ? — Отсюда характеръ и политической Исторіи Востока: безсознательная игра силъ младенческой жизни , совершенное отсутствіе политической связи.

Греція , совокупившая въ себѣ и развившая всѣ стихіи древней жизни , представляетъ роскошный цвѣтъ этой жизни , взлелѣанной въ лонѣ природы . Здѣсь то же направленіе , но безграничная , безсознательная игра силъ уже входитъ въ предѣлы , покоряется какому-то внутреннему самочувствію , получаетъ наконецъ гармоническую стройность . Въ отношеніи къ первобытной Исторіи , Греція представляетъ какое-то возмужалое младенчество , а вообще — опрочество въ жизни человѣчества .

Я уже сказалъ , что , вслѣдствіе новаго взгляда , общая религіозная идея древняго человѣчества , представленіе всеизидительной силы

природы, сперва являвшаяся въ возможной цѣлости, здѣсь разрозняется на многообразныя олицетворенія различныхъ силъ или дѣятелей природы. Въ первобытномъ религіозномъ представленіи выражалась природа въ своей неизмѣримой, подавляющей колоссальности; здѣсь оно вошло въ предѣлы изящной идеальности: суровые, ужасающіе образы первобытныхъ божествъ замѣнились свѣплыми, изящными ликами боговъ Олимпа. Но и здѣсь побѣда осмалась за формою — и самая идея выражала лишь свѣплый взглядъ на природу, не болѣе.

Искусство Греческое имѣетъ потѣ же характеръ: искусство и Мифологія въ Греціи идутъ рука объ руку. Соревнованіе природы въ ея цѣлости замѣняется *подражаніемъ изящной природы*. Отсюда печать недосигаемаго изящества формы на всѣхъ отрасляхъ искусства Греческаго. Отсюда блистательное развитіе зодчества и скульптуры, какъ искусствъ болѣе объективныхъ. Но и здѣсь та же исключительность средобѣжнаго направленія. Въ примѣръ указываю на Иліаду, на эпосъ изящный поэпическій шипъ, отражающій въ себѣ не только всю художественность современной Греціи, но вообще всю жизнь ея, во всей ея полнотѣ, съ ея религіею, нравами, обычаями,

знаніями, искусствами. Что такое боги и герои, дѣйствующіе въ этомъ эпосѣ? Олицетворенія физическихъ силъ природы или чловѣка. Самое дѣйствіе? Необузданный разливъ эпѣхъ силъ, направляемыхъ или произволомъ мнимыхъ боговъ, или спрасями чловѣческими. Какою мѣрою опредѣляется опносительное достоинство дѣйствующихъ здѣсь героев? Большою или меньшею степенью физическаго развитія. Представитель: *быстроногій* Ахиллъ. Не видимъ ли мы во всемъ эпосѣ подтвержденія того мнѣнія, что художественная жизнь Греціи есть цвѣтъ объективнаго направленія древняго чловѣчества?

Взглянемъ на политическую Исторію Греціи. Сперва намъ представляется вѣкъ *оократическій*, которымъ начинаютъ свою жизнь всѣ младенчествующіе народы: сначала всегда развивается почти исключительно одна основная стихія, религіозность; художественность едва начинаетъ пробуждаться, гражданственность еще въ пеленахъ. Такъ и въ Греціи, въ эту эпоху, видна лишь жизнь папріархальная, семейная, но не гражданская, не политическая: здѣсь, въ слабomъ мерцаніи, замѣтны лишь начатки общества. Кекропсъ и Данай, Кадмъ, Иелонсъ, или лучше, въ

лицѣ ихъ , Воспокъ , — Египетъ и Азія, — вносятъ новыя стихіи въ первобытную жизнь Греціи. Теоκραтическій характеръ жизни переходитъ въ *героическій*. Пробужденный воинскій духъ уже спремится извѣдать свои свѣжія силы. Здѣсь баснословный походъ Аргонавтовъ и союзная война противъ Оивъ : вопль слабые начатки общественныхъ отношеній ! Далѣе , представительный и , можно сказать , заключительный моментъ героическаго вѣка Греціи разыгрывается подъ стѣнами Трои. Но мы видѣли *Иліаду* , — которая , хотя сквозь поэтическую призму , но вѣрно отражаетъ эту эпоху , — что здѣсь направленіе было еще слишкомъ матеріально , что событія приводились въ движеніе личными страстями , а не политическими пружинами — и поэтому здѣсь еще нельзя искать никакой политической связи. Тѣмъ не менѣе Троянская война пробудила національный духъ въ народахъ Эллады — и они , по крайней мѣрѣ , въ эпоху отношеній составили одно цѣлое. Съ этого времени Исторія Греціи начинается быть *гражданскою*. Многочисленные государства Греціи входятъ между собою въ частныя сношенія. Въ нихъ единство лишь религіозное и художественное ; гражданская же деятельность истощается въ мелочныхъ междо-

усобныхъ распряхъ. Необходимо было внѣшнее побужденіе для образованія въ нихъ какой-либо политической связи. Въ это время Азія, въ лицѣ Персовъ, угрожала Европѣ. Рѣшительный напоръ должна была выдержатъ Греція — и общая опасность связала ея разрозненные частіи. Побѣды на поляхъ Мараѳонскихъ, при Саламинѣ, при Платеѣ, при Микалахъ, облитавъ славою народы Греціи, пробудили въ нихъ народную самостоятельность. Тогда образовалась какая-то тѣнь политической системы между Греческими государствами. Но вскорѣ Пелопонезская война показала, что голосъ своекорыстія не умѣлъ еще согласоваться съ общественною пользою. Время не приспѣло.

Выступаетъ на поприще Римъ, подавляетъ желѣзною пятою самостоятельность Греціи — и развиваетъ окончательно жизнь древняго человѣчества. Религіозная и художественная жизнь Рима прививается опъ Греціи — и сохраняетъ пошъ же характеръ, но получаетъ болѣе практическое направленіе. Политическая Исторія Рима представляетъ рѣшительный разливъ матеріальныхъ силъ. Эгоизмъ Рима заглушаетъ зародышъ народной самостоятельности, начавшей развиваться въ Греціи — и весь древній міръ

поглощаеяся единымъ Римомъ. Наконецъ, испощившись въ силахъ, не имѣя внушренней, духовной основы, онъ разрушаея въ вѣпшомъ пѣлѣ — и на своемъ лицѣ являетъ смерть древняго человѣка.

Естественно раждается вопросъ : что было причиною паденія Рима? Оувѣчаютъ : развращеніе правовъ, нападеніе варваровъ. Но въ первомъ я вижу только принадлежность эпохи, ея необходимое свойство, во впоромъ — орудіе Промысла. Нѣтъ, главная причина : Христіанство. Оно подорвало слабую основу внушренней жизни древняго человѣка, убило матеріальную, языческую душу дряхлаго Рима — и вѣпхій колоссъ рухнулъ въ развалинахъ. Это паденіе было необходимо, потому что древній человѣкъ опжилъ свое время — и уступалъ мѣсто человѣку новому. Другими словами : человѣчество опжило свой періодъ младенчества и вступило въ періодъ юности, гдѣ должноствовало пробудиться въ немъ внушренное самосознаніе. Опкровеніе свѣше уяснило взоръ человѣка, обращенный внушрь себя, свѣпомъ Христовой Вѣры — и онъ созналъ свое высокое назначеніе. Посмотрише, какой разишельный переходъ ! Развращенные Римляне неисповѣствуютъ въ языческихъ ор-

гіяхъ — и въ это же время первые Христіане, въ подземельяхъ, воспѣвають кропкіе гимны во славу Бога единого. Буйная чернь Рима пресыщается кровавыми зрѣлищами цирка — и чья кровь здѣсь проливается? Кровь Христіанскихъ мучениковъ, приѣмлющихъ смерть радостно, съ высокимъ самоотверженіемъ. Явно, Христіанская религія не могла испечь изъ этой маперіальной, предсмертной жизни древняго Рима, попому чпо діаметрально ей противоположна: божественность ея происхожденія несомнѣнна.

Съ возсіянiемъ свѣта Христовой Вѣры, жизнь человѣчества получаетъ обратное, средовлекущее направленіе. Отсюда въ новомъ мірѣ, въ противоположность съ древнимъ, рѣшительное преобладаніе идеи надъ формою. Яркій этому примѣръ на новомъ искусствѣ. Сравните зодчество Греческое съ готическимъ: тамъ свѣтлое благолѣпіе формы; здѣсь высокая знаменательность идеи. Та же противоположность и въ ваяніи. Но ни зодчество, ни ваяніе никогда не достигали въ новомъ мірѣ такого блестящаго развитія, какъ въ древнемъ, именно попому, чпо оба эти искусства, какъ я уже замѣтилъ, болѣе объективныя. Живопись, напротивъ, процвѣтала въ Христіанскомъ мірѣ, попому чпо въ

живописи болѣе внутренняго значенія — и въ ней почти исчезаеъ вещественность формы. Далѣе, музыка, это искусство по преимуществу субъективное, въ Древности находившееся въ самомъ жалкомъ состояніи, развилось и достигло высокой степени совершенства въ новомъ мірѣ (*). Все это доказываетъ, что новое искусство, въ противоположность съ древнимъ, выразило самоуглубленіе творческаго духа, — между тѣмъ какъ древнее было соревнованіемъ природы въ ея внѣшнемъ благообразіи, развитіемъ изящности формъ. Та же противоположность въ характерѣ древней и новой Поэзіи: сравните Омира и Шекспира!

Такое измѣненіе направленія внутренней жизни человѣка необходимо должно было имѣть вліяніе и на политическую жизнь народовъ ново-Европейскаго міра. Будемъ слѣдить развитіе главныхъ явленій этой жизни.

Христіанская религія поколебала внутреннюю, языческую основу Римской Имперіи. Но

(*) Это искусство, даже можно сказать, только получило начало въ новомъ мірѣ: извѣстно, что *Гвидо изъ Арrezzo* изобрѣлъ полную систему въ XI вѣкѣ.

она не могла вполне преобразить древняго , матеріальнаго челоуѣка , доживавшаго въ лицѣ Рима : онъ уже не могъ возродиться. Дабы принести обильный плодъ , сѣмя Христовой Вѣры долженствовало пасть на свѣжую почву, зарониться въ души чистыя, въ сердца хопя грубыя , но неиспорченныя , копорыхъ еще не коснулась плѣтворная порча. И вотъ , въ это самое время волны свѣжихъ народовъ нахлынули на Римъ — и дряхлый исполинъ распался подъ ихъ ударами. Эти народы явились новыми сосудами для воспріятія Христовой Вѣры. Замѣчательная современность! Въ этихъ варварахъ я вижу орудіе Промысла, управляющаго судьбами міра историческаго. И такъ съ перваго взгляда открываются двѣ главныя стихіи , вошедшія въ образованіе ново - Европейской жизни : религіозная — Христіанство, гражданская — характеръ жизни самыхъ народовъ , основавшихся на развалинахъ Римской Имперіи. Изъ этихъ двухъ стихій происходятъ , ими объясняются всѣ явленія гражданской жизни Христіанскаго міра. Къ этимъ двумъ главнымъ стихіямъ присоединилась еще третія, остатки міра классическаго, вліяніе внутреннихъ его жизни, вѣчноцвѣтущей въ своихъ безсмертныхъ памятникахъ; но это болѣе въ умственномъ и художественномъ отношеніяхъ.

Представьте себѣ, что различныя племена Германскія, разгромивъ и раздробивъ на мелкія части обширную Западную Имперію, раздѣляютъ ее между собою; что каждый изъ завоевателей, имѣющій нѣкоторую значительность, отдѣляетъ себѣ уголокъ въ нераздѣльную собственность; что руководствуясь чувствомъ личной независимости, которая, по свидѣтельству Тацита (*), составляла одну изъ главныхъ чертъ въ характерѣ племенъ Германскихъ, новый владѣтель, окруженный своими приверженцами, ограждается отъ посторонняго вліянія, укрѣпляется въ своемъ маленькомъ владѣніи — и управляетъ имъ самовластно, находясь лишь въ слабой зависимости отъ главнаго предводителя: вотъ происхожденіе феодализма на Юго-Западѣ Европы! Это первый, необходимый шагъ.

Безъ сомнѣнія, разрозненная феодальная жизнь замедляла успѣхи гражданственности. Но и здѣсь новое направленіе внутренней жизни человека оказало свое благотворное вліяніе. Въ нѣдрѣ феодализма начала развиваться семейная жизнь въ томъ видѣ, въ какомъ находимъ ее въ новомъ обществѣ, семейная жизнь, ознаменованная новыми отношеніями

(*) *De situ, moribus et popul. German.*

женщины, новыми обычаями, противоположными тому, что является намъ Древность. Въ эпоху новой семейной жизни обозначались въ зародышѣ тѣ спихіи, которыя впоследствии должны были развиться въ огромномъ размѣрѣ. Въ этомъ отношеніи, каждый феодальный замокъ являлъ миниатюру будущаго политическаго устройства (1).

Замѣчу мимоходомъ, что эта преимущественно семейная жизнь первыхъ временъ феодализма соответствуетъ нѣкоторымъ образомъ изпріархально семейной жизни первыхъ вѣковъ Древности. Прибавьте къ этому, что и здѣсь и тамъ господствовало преимущественное развитіе религіозности, хотя въ другомъ значеніи (власть жрецовъ, вліяніе духовенства; самопожертвованіе изъ языче-

(1) Разумно монархическій образъ правленія. Монархія, по моему мнѣнію, есть огромное общественное семейство, составленное изъ множества частныхъ семействъ: здѣсь та же отеческая власть, та же сыновьяя зависимость, — все тѣ же семейныя отношенія. Развитіе семейной жизни въ новомъ значеніи и развитіе монархической власти — явленія, параллельныя въ новой Исторіи, слѣдствія внутренняго сосредоточія силъ.

скаго фанатизма, или по гласу оракула, — высокое самопожертвованіе первых Христіанъ, мученическая смерть ихъ; еогоническія пѣснопѣнія, — Легенды). Въ первыхъ вѣкахъ средней Исторіи мы видимъ какъ бы повтораііе еократической эпохи древности. Далѣе, рыцарство соотвѣтствуетъ героическому вѣку Греціи — и переходитъ, наконецъ, въ чисто гражданскую эпоху, продолжающую развиваться и понынѣ. Такъ человечество въ новой жизни проходитъ тѣ же возрасты, которые уже опжило въ древней, — хотя подѣ вліаніемъ двухъ различныхъ направленій. Неизмѣннось степеней развитія указываетъ на непреложность законовъ, по которымъ совершается это развитіе — и внушаетъ мысль о всеуправляющей десницѣ Промысла.

Какою силою эта разрозненная феодальная жизнь могла бытъ направлена къ общественному единенію. Одна внѣшняя, насильственная связь не могла бытъ прочною. Яркій этому примѣръ на Имперіи Карла Великаго. Силою меча и воли сплотивъ онъ разрозненные частіи въ наружно единое цѣлое — и мечталъ возобновить всемірную Имперію. Но это явленіе было анахронизмомъ: одной

внѣшней связи было недостапочно для образованія обширнаго Государства въ новомъ мірѣ—и эта тѣнь Западной Имперіи, вызванная гениемъ Карла, исчезла вмѣстѣ съ его смертію, — мнимо единое цѣлое, державшееся его крѣпкою рукою, мгновенно распалось на свои разнородныя части. Нѣтъ, при новомъ направленіи въ человѣчествѣ, нужна была внутренняя основа для образованія прочнаго общества, необходимо было внутреннее побужденіе къ общественному единенію, котораго чуждалась еще разрозненная феодальная жизнь первыхъ вѣковъ средней Исторіи.

Я замѣтилъ, что феодализмъ испекъ изъ самой жизни Германскихъ народовъ. Но жизнь эта была еще слишкомъ груба. Новое направленіе успѣло нѣсколько подѣйствовать на усовершеніе семейной жизни, но не могло еще развити гражданственности. Неукротимый воинскій духъ, жажда грабежа, и опасеніе за свою собственность, порождали непріязненные отношенія между феодалами, удаляли ихъ другъ отъ друга, заключали въ укрѣпленные замки. Грубый характеръ жизни порождалъ насилія, угнетеніе слабыхъ сильными. Гнѣздясь въ неприсутпныхъ твердыхъ, буйные феодалы спрашили огнемъ и ме-

чемъ окрестность, разсылали свои хищнические шайки — и часто невинный былъ жертвою необузданнаго насилія. Но Христіанская религія продолжала дѣйствовать незамѣтно — и вопъ являющіяся рыцари, защитники слабыхъ и угнетенныхъ. Вліяніе Христіанской религіи на образованіе рыцарей несомѣнно. Если, съ одной стороны, мы находимъ въ нихъ общія черты характера племени Германскихъ: любовь къ личной независимости, чувство воинской чести, вѣрность данному слову, по свидѣтельству Тацита (*); то, съ другой стороны, — чѣмъ объяснить, какъ не вліяніемъ Христіанской религіи, эту преданность вѣрѣ, эту священную обязанность покровительствовать невиннымъ, защищать слабыхъ и враждовать противъ неправды и насилія? — Въ феодализмъ я вижу преимущество грубой, Германской стихіи, а въ рыцарствѣ — преобладаніе стихіи духовной, Христіанства.

Мнѣнія о началѣ рыцарства различны — и не имѣютъ совершенной достовѣрности: одни относятъ его ко времени Карла Великаго, другіе — къ половинѣ X вѣка; но достовѣрно, что рыцарство, какъ сословіе, по-

(*) *De situ, moribus et popul. Germ.*

является въ XI вѣкѣ. Точное опредѣленіе времени здѣсь не имѣетъ важности. Дѣло въ томъ, что возможность его явленія въ эпоху феодализма очевидна: оно было прямымъ слѣдствіемъ феодализма, какъ необходимое ему пропихиводѣйствіе.

Идея религіозная, распространяя свое вліяніе болѣе и болѣе, овладѣла наконецъ всѣми умами, одушевила Европу одною мыслию, всколыхала однимъ чувствомъ — и устремила ея юношескія силы ко Гробу Господню. Крестовые походы — высокій юношескій подвигъ чистаго самопожертвованія общей цѣли, блестящій примѣръ преобладанія религіозной идеи надъ прочими спихіями новой жизни. Этимъ преобладаніемъ объясняется и господство духовенства въ средніе вѣка.

Единеніе религіозное положило начало обществу. Но увлеченіе зашло въ крайность. Нѣкоторые изъ Крестовыхъ походовъ предпринимались единственно изъ излишняго рыцарскаго увлеченія, или изъ личныхъ видовъ западной іерархіи. Чрезмѣрность напряженія истощила общественныя силы — и много еще надобно было времени, чтобъ собраться съ силами Юго-Западной Европѣ, и чтобъ Государства, оправившись отъ внутренняго раз-

спроїства, могли свободно вступити во взаимныя сношенія.

Такимъ образомъ Средняя Исторія представляетъ крайность новаго направленія. Съ одной стороны, феодализмъ являетъ излишнее удаленіе отъ общественности; съ другой, рыцарство и высокій подвигъ его, Крестовые походы — частное самопожертвованіе. Тамъ отсутствованіе общественного устройства, вслѣдствіе преимущества еще грубой, своекорыстной стихіи; здѣсь рѣшительное преобладаніе религіозной идеи надъ общественною формою. Очевидно, ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ не могъ еще образоваться спростый политическій организмъ. Но здѣсь уже видно броженіе общественныхъ стихій, спремящихся устроиться. Отъ единства религіознаго оставался одинъ шагъ до единства политическаго. Характеръ феодальнаго разъединенія спирался болѣе и болѣе противодѣйствіемъ религіознаго единенія, феодальная разрозненность уступала мѣсто монархическому единству — и въ этомъ хаосѣ разнородныхъ стихій, подъ вліяніемъ новаго, средовлекающаго направленія, уже начинало кристаллизоваться новое политическое устройство, гдѣ сознаніе народной самостоятельности должно было согласиться съ чувствомъ общественной поль-

зы. Это предвѣщало переходъ къ новому возрасту въ жизни человѣчества.

Изъ этого открывается характеръ средней Исторіи (*); она есть начало новой жизни человѣчества, ознаменованной направленіемъ, діаметрально противоположнымъ тому, подъ вліяніемъ котораго развивалась жизнь древняя; другими словами, она есть развитіе юношескаго возраста въ жизни человѣчества, служащаго переходомъ отъ младенчества къ зрѣлому мужеству: юность и мужество, различ-

(*) При означеніи общаго характера среднихъ вѣковъ, я не беру въ соображеніе Исторіи восточныхъ народовъ, игравшихъ важную роль въ эту эпоху, по той причинѣ, что они, составляя исключеніе, не противорѣчатъ общему заключенію. Арабы, Монголы, Турки — если смѣю такъ выразиться, поздніе отпрыски древней жизни: они могли только замедлять развитіе новаго характера жизни, не болѣе. Припомъ, можешь быть, и они были необходимымъ орудіемъ къ выполненію предначертаній Промысла: такъ на пр., Аравитяне первые пробудили умственную дѣятельность въ новомъ мірѣ; они, чрезъ Испанію, дали первое побужденіе Европейскому образованію. — Самая религія Магометанская была лишь слабымъ проводъисловіемъ Христіанству, — котораго побѣда слишкомъ явна, какъ побѣда духа надъ плотию въ новомъ мірѣ.

спвуя въ характерахъ, имѣють однакожь одно общее главное направленіе, противоположное направленію младенчества, какъ это видно изъ основныхъ нашихъ положеній (*). Здѣсь новый человѣкъ, озаренный свѣтомъ Христовой Вѣры, обратился внутрь самого себя, созналъ свое назначеніе — и изъ глубины своего духа изнесъ высокое побужденіе дѣйствовать во благо всего человѣчества (рыцарство, Крестовые походы), побужденіе, споспѣшствующее общественному благосостоянію. Но, какъ я уже замѣнилъ, излишекъ частнаго самопожертвованія замедлилъ общее благоустройство — и лишь къ концу этой эпохи начала утверждаться народная самостоятельность, подъ благотворною сѣнію монархической власти. Этимъ означился переходъ юношества въ жизни человѣчества въ зрѣлое мужество, гдѣ самосознаніе должно было разрѣшиться въ полное народное самопознаніе, лежащее въ основаніи современной намъ общественной жизни.

Много вышнихъ побужденій соединилось къ ускоренію развитія благоустроенной общенности, основанной на чувствѣ народной самостоятельности. Необходимымъ къ этому шагомъ была тѣснѣйшая связь между государ-

(*) См. выше, стр. 2 и 3.

спвами, доселѣ жившими болѣе отдѣльною жизнію. Въ XV вѣкѣ спеклось много событій, спослѣшествовавшихъ эпой связи. Открытіе Америки и пуги въ Восточную Индію, взятіе Турками Констаншинополя, многія изобрѣшенія и нововведенія, отчаспи прежде извѣспныя, но шеперь вошедшія въ общее употребленіе: все эпо вмѣстѣ сблизило народы Юго-Западной Европы — и положило начало новому порядку вещей. Спеченіе всѣхъ эпохъ событій въ краткомъ промежуткѣ времени, быспро подвинувъ развитіе гражданспвенности въ новомъ мірѣ, положило рѣзкую грань между вѣками средними и собственно такъ называемою, Новою Исторіею. Если вообще Новая Исторія представляетъ лишь дальнѣйшее развитіе средней, потому что имѣетъ то же направленіе внутренней жизни, то же религіозную идею въ основаніи; то, въ политическомъ отношеніи, она имѣетъ свой оплительный характеръ, вслѣдствіе котораго справедливо ихъ отдѣляютъ.

Характеръ Новой политической Исторіи, какъ извѣспно, еспъ шѣсная связь между народами, плодомъ которой было образованіе такъ называемой политической системы Европейскихъ Государствъ. Изслѣдованія новѣйшихъ ученыхъ, и въ особенноспи Герена, смо-

прѣвщихъ съ эпоїі почки зрѣнія на Новую Исторію, пролили на нее обильный свѣтъ. Я ограничусь бѣглымъ указаніемъ на главнѣйшія событія, спослѣшеспвовавшія развишію этого характера, или его замедлявшія.

Италіянскія войны представляютъ лишь зародышъ новой полипической системы: здѣсь еще болѣе управляютъ личный характеръ, прихоть владѣтельныхъ особъ. Тѣмъ не менѣе Италіянскія войны, порожденныя сполкновеніемъ интересовъ многихъ государствъ, подали первый поводъ къ ихъ сближенію, предуготованному предъидущими событіями. Италія содѣлалась поприщемъ полипической дѣятельности — и во-время: въ ней уже занялась заря новаго просвѣщенія. Различные народы одинъ за другимъ, какъ нарочно приходящъ въ нее позаймствоваться этимъ свѣтомъ, чтобы скорѣй разнести его по всей Европѣ. Неужели это случайность?

Между всѣми главными событіями Новой Исторіи, на первомъ планѣ является реформація, надолго сообщившая свое вліяніе ново-Европейской жизни. Всѣ ближайшія и ошдаленныя причины ея происхожденія можно подвеспи подъ двѣ главныя: умствениую и религіозную.

Долго мракъ тяготѣлъ надъ умами въ первые вѣка возрожденія человѣчества: лишь одна Христіанская религія сіяла нупеводною

звѣздою. Классическій міръ лежалъ пренебреженный въ своихъ развалинахъ — и дикое дерево новаго Европейскаго образованія долго не приносило плода, нуждаясь въ сильномъ прививкѣ отъ древней жизни. Усыпленіе умственной дѣятельности продолжалось, можно сказать, до конца VIII вѣка, когда чрезъ Арабовъ дано было первое побужденіе Европейскому образованію. Необходимымъ шагомъ была разработка памятниковъ міра классическаго. Тогда первымъ наставникомъ въ Философіи явился Аристотель, перешедшій чрезъ руки Александрійскихъ Криптиковъ. Творенія Аристотеля, переведенныя Арабомъ Аверроэсомъ, распространились по всей Европѣ — и были рукою книгою среднихъ вѣковъ. Выборъ Аристотеля далъ слишкомъ одностороннее направленіе уму человѣческому. Припомъ Аристотель, худо понятый Александрійскими схоластиками, явился въ искаженномъ видѣ: эмпиризмъ его разрѣшился въ чистый формализмъ. Вотъ происхожденіе Схоластики, оказывавшей умственную дѣятельность во все продолженіе среднихъ вѣковъ. Но высвобожденіе ума было необходимо — и первая дѣятельность его естественно устремилась на рѣшеніе главнѣйшаго вопроса, вопроса о Богѣ. Вотъ отдаленная, умственная причина реформациі, которая, въ этомъ отношеніи, яви-

лась борьбою духа новаго съ духомъ временъ среднихъ.

Ближайшею причиною, оброчною съ предъидущей, была причина религіозная. Какъ я уже замѣнилъ, рѣшительное преобладаніе религіозности надъ всѣми общественными стихіями въ началѣ среднихъ вѣковъ было причиною господства духовенства на Юго - Западѣ Европы. Но Западная Іерархія неумѣренню пользовалась своимъ преимуществомъ. Римскіе первосвященники, провозглашая безусловную вѣру, хотѣли основать ее на своекорыстномъ правилѣ: *eternum est imperium nostrum*. Тогда чистая вѣра Хриспова омрачилась злоупотребленіями каполицизма, ученіе Западной церкви облеклось въ формы схоластическія — и эти формы угрожали подавить идею религіи. Тогда духъ Христіанства устремился къ освобожденію изъ оковъ своихъ, устремился къ возрожденію. Насталъ XVI вѣкъ — и подняла главу реформація. Не стану говорить о томъ, что реформація зашла, можетъ быть, въ другую крайность (*), — дѣло въ томъ, что она была явленіемъ необходимымъ.

*) Наше православное исповѣданіе, думаю, представляетъ счастливое равновѣсіе религіозной идеи съ формою, необходимою для ея проявленія.

Слѣдствія реформаціи безчисленны; но они могутъ быть приведены къ двумъ главнымъ. Вопервыхъ, пробудивъ умственную дѣятельность, реформація имѣла сильное вліяніе на развитіе Наукъ. Вторыхъ, въ политическомъ отношеніи, причинивъ частыя и тѣсныя сношенія между Государствами, она укрѣпила между ними политическую связь. Не говорю о безчисленныхъ ея слѣдствіяхъ почти для cadaго Государства порознь.

Такимъ образомъ реформація, представительное событіе первыхъ вѣковъ Новой Истории, истекаши изъ главнаго религіознаго направленія внутренней жизни, способствовала развитію отличительнаго характера новой политической Истории, тѣсной, органической связи между Государствами.

Въ XVII вѣкѣ продолжаютъ развиваться слѣдствія реформаціи. Тридцати - лѣтняя война пробуждаетъ сильную политическую дѣятельность, связываетъ Сѣверо-Востокъ Европы съ Юго-Западомъ—и скрѣпляетъ политическую связь вообще. Революція Англійская тамъ же имѣетъ свой корень—и продолжаетъ борьбу съ духомъ временъ среднихъ.

Выступаетъ на поприще дѣйствованія XVIII вѣкъ. Его назначеніе,—какъ справедливо замѣчаетъ одинъ современный писатель, —

покончили дѣло съ вѣками средними. Философія XVIII вѣка, подыскиваясь подъ законы Схоластики, подъ ея условныя формы, спремилась все извѣдать опытомъ, вооружается скепцизмомъ, опровергаетъ въ своихъ изслѣдованіяхъ синтезъ — и, съ помощію одного анализа, какъ бы съ анатомическимъ ножомъ, смѣло приступаетъ къ дѣлу, излишне надѣясь на свои силы. Это стремленіе до всего дознаться опытомъ, видъ его не признавать ничего, все разлагать аналитически — стремленіе, доведенное до крайности, сообщаетъ этому вѣку оплотивельный характеръ, заслужившій ему справедливое названіе вѣка *разрушительнаго*. Такова слабость разума человѣческаго: онъ никогда не сознаетъ своей ограниченности и всегда зайдесть въ крайность! Философія XVIII вѣка, спремаясь разрушить схоластическія, злоупотребленныя формы, въ которыя облекли религію во времена среднія святошатайственно коснулась и самой идеи религіозной. Не остановившись на первомъ шагѣ, но ринувшись далѣе въ какомъ-то чудномъ забвеніи, она съ бессмысленнымъ кощунствомъ, взглянула въ лицо свѣшу испины. Отсюда всѣ злоупотребленія этой Философіи — и жалкое сосполніе всего умственаго міра въ XVIII вѣкѣ.

Я не усомнюсь сказать, что Французская революція была плодомъ этого ложнаго

направленія—и вмѣстѣ кровавою капаспрофою указанной мысли борьбы духа новаго съ духомъ Среднихъ вѣковъ.

Чадо революціи, Наполеонъ сильною рукою потрясъ политическій организмъ Европы — и, въ эгоистическомъ упоеніи, заглушая чувство общественнаго блага, нанесъ сильный ударъ народной самоспоятельности Европейскихъ Государствъ. Но онъ палъ, — ибо не могъ одинъ пропировспоятъ общему направленію, указанному Провидѣніемъ. Наполеонъ, по моему мнѣнію, былъ пропировдѣйспвіемъ установленію новаго порядка вещей—и вмѣстѣ сильнѣйшимъ побужденіемъ къ окончательному развитію политическаго характера ново-Европейской жизни: такъ и самое, по видимому, пропировдѣйспвіе является необходимымъ орудіемъ въ рукахъ Промысла! Европейскіе народы, боясь утратить самоспоятельность бытія своего, сомкнулись въ тѣсный союзъ—и подали другъ другу братски руку на взаимную защиту, съ цѣлью личнаго самосохраненія. Священный союзъ есть послѣдній, крѣпкій узелъ политической связи — и теперь новое политическое устройство не можетъ поколебаться въ своемъ швердомъ основаніи.

И такъ характеръ Новой Исторіи есть развитіе и установленіе такъ называемой

политической системы Европейскихъ Государствъ. Эта система основывается на взаимномъ охраненіи народной самоспоятельности; чувство же народной самоспоятельности есть слѣдствіе народного *самопознанія*; а самопознаніе есть характеръ мужескаго возраста, какъ выше замѣчено. Новая Исторія есть развитіе мужества въ жизни человѣчества, — повторяю, относительно ко времени, прожитому человѣчествомъ.

Изъ предъидущаго разсужденія выводятся слѣдующій характеръ Исторіи древней, средней и новой:

Древняя Исторія представляетъ младенчество въ жизни человѣчества. Здѣсь направленіе, сперва исключительно, потомъ преимущественно, ко внѣшности, направленіе средобѣжное. Отсюда характеръ ея вообще: бессознательная *игра силъ*, сперва безграничная (Исторія Востока), но потомъ переходящая въ стройную мѣрность (Исторія Греціи); а собственно въ политическомъ отношеніи: недостатокъ связи, *политическая раздѣльность*.

Съ началомъ среднихъ вѣковъ начинается жизнь новаго человѣка, ознаменованная обратнымъ, средоспремишленнымъ направленіемъ, оза-

ренная свѣтомъ Христовой Вѣры, являющей побѣду духа надъ плотию. Другими словами: средняя Исторія есть развитіе юношескаго возраста въ жизни человѣчества. Здѣсь человѣкъ, руководимый Откровеніемъ свыше, обратился внутрь себя — и созналъ свое высокое назначеніе. Отсюда характеръ среднихъ вѣковъ вообще: человѣческое *самосознаніе*, еще не развитое до народнаго самопознанія. Но собственно въ политическомъ отношеніи трудно опредѣлить отличительный характеръ средней Исторіи: это начало новаго направленія, еще не установившагося; это приуготовленіе къ новому порядку вещей: здѣсь еще видно броженіе общественныхъ силъ, стремящихся устроиться.

Характеръ Новой Исторіи вообще — народное *самознаніе*. Въ политическомъ отношеніи: внутренняя связь, *политическое единство*, основанное на чувствѣ народной самостоятельности, какъ слѣдствіи самопознанія.

Вся же Исторія, по необходимой аналогіи съ развитіемъ жизни каждаго человѣка, представляеть тѣ же степени, или возрасты въ развитіи жизни всего человѣчества, судьбы которой управляются невидимою, но признаваемою нами десницею всеблагаго Промысла.

II. СЛОВЕСНОСТЬ И ИСКУССТВА.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

3. О содѣйствіи Московскаго Университета успѣхамъ Отечественной Словесности.

*Рѣчь, произнесенная въ Торжественномъ Собраніи
Императорскаго Московскаго Университета,
9 Іюня 1836 года,*

Профессоромъ Давыдовымъ.

Содержаніе рѣчи.

Мысль объ учрежденіи Университета и его назначеніе. Состояніе просвѣщенія въ Европѣ, въ первой половинѣ испекшаго осмнадцатаго столѣтія. Состояніе просвѣщенія въ Россіи, въ первой половинѣ испекшаго осмнадцатаго столѣтія, и потребность въ учрежденіи Русскаго Университета. Вліяніе Московскаго Университета на общественную Словесность въ первомъ періодѣ его сущеспвованія, отъ половины осмнадцатаго до начала текущаго девятнадцатаго столѣтія. Первые Русскіе Профессоры. Дѣйствія Университета: лек-

цій, сочиненія. Піпомцы Университета перваго періода. Измѣненія въ языкѣ и Словесности.

Состояніе просвѣщенія въ Европѣ, въ первой чепвертѣ пекущаго столѣтія. Состояніе просвѣщенія въ Россіи, въ первой чепвертѣ пекущаго столѣтія. Вліяніе Московскаго Университета на опечесивенную Словесность во впоромѣ періодѣ его существованія, опѣ начала пекущаго столѣтія до времени благополучно Царспвующаго ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ І. Новое образованіе Университета. Дѣйсвія Университета: лекціи, сочиненія, ученыя Общесіва. Піпомцы Университета впоараго періода. Измѣненія въ языкѣ и Словесности.

Характерѣ современного просвѣщенія въ Европѣ, въ опношеніи къ наукѣ, искусству и Словесности. Третьій періодѣ существованія Университета, преобразованіе и его нынѣшнее назначеніе. Будущіе успѣхи Словесности самобытной, народной.

Мм. Гг.

За восемьдесятъ предъ симъ лѣтъ, мудрый и благородный Русскій вельможа и сановникъ, незабвенный по любви къ наукамъ и покровительствуву ученымъ и художникамъ, разумѣвшій, что науками всѣ просвѣщенные народы превознесены и прославлены надъ живущими во тьмѣ невѣднѣя людьми, съ Высочайшаго соизволенія, представилъ въ Правительствующій Сенапѣ достопамятное и тогда безпримѣрное мнѣніе о славѣ и благоден-

спвиі Россіи (*). Сей незабвенный вельможа и сановникъ былъ *Н. И. Шуваловъ*. Изобразивъ недосипапокъ благонадежныхъ наставниковъ, претерпѣваемый родителами при воспитаніи дѣтей и должномъ пригопovenіи ихъ на службу Царскую, указаль онъ на будущіе плоды отъ учрежденія высшаго училища, когда довольно будетъ изъ *природныхъ Русскихъ достойныхъ* людей въ наукахъ, конхъ требуетъ пространная Россійская Имперія, къ разнымъ *изобрѣтеніямъ сокровенныхъ съ ней вещей*, къ исполненію начатыхъ предпріятій и къ учрежденію впредь по городамъ *Россійскими Профессорами училищъ*, отъ копорыхъ въ опдаленномъ простомъ народѣ суевѣріе, расколы и тому подобныя отъ *невѣжества среси истребятся*.

Правипельспвующій Сенапъ нашель мнѣніе *Шувалова полезнымъ* по тѣмъ плодамъ, какихъ безъ сомнѣнія надлежало ожидать Россіи отъ *сего важнаго дѣла*, и всеподданныйше представиль оное на *Всевысочайшее благоусмотрѣніе*. Всеподданныйшій докладъ Сенапа объ учрежденіи Московскаго Университета Ея Императорскимъ Величествомъ, Всемилоспи-

(*) Высочайше утвержденный проектъ объ учрежденіи Московскаго Университета, 1755 г. Января 12-го.

вѣйшею Государынею Императрицею Елисаветою Петровною, Высочайше утверждень 1755 года въ 12 день Января. Въ сей день рожденія перваго Русскаго Университета, въ сей достопамятный день для исторіи ума человеческого, Повелительница милліоновъ изрекла: „да будетъ свѣтъ, и бысть.“

При нынѣшнемъ празднованіи, какъ обыкновеннаго годичнаго торжества, такъ и преобразованія Университета, вступающаго въ новый періодъ умственной жизни, воздадимъ ему, нашему воспитанію, признательность за свѣтъ науки воспоминаніемъ ученыхъ его заслугъ. Нѣкоторые изъ достопочтенныхъ сопослуживцевъ моихъ упредили меня краснорѣчивымъ изображеніемъ подвиговъ Московскаго Университета по разнымъ отраслямъ знаній (*); я ограничусь показаніемъ содѣйствія Московскаго Университета успѣхамъ отечественной Словесности. На какой степени умственного развитія нашего изрекла Елисавета: да будетъ свѣтъ? Къ чему призванъ Университетъ — первенецъ въ нашемъ отечествѣ?

(*) Профессоръ Снегиревъ и Профессоръ Морошкинъ въ Разсужденіяхъ, напечатанныхъ въ 3 й и 4 й Частяхъ Ученыхъ Записокъ Московскаго Университета.

Какъ совершаетъ онъ назначеніе свое въ великомъ дѣлѣ народнаго образованія и опечеспвленнаго слова? Вотъ предметы, достойные нашего вниманія.

Московскій Университетъ, въ теченіе восьмидесятилѣтняго существованія своего, представляетъ при особенные возраста, или періода, коимъ соотвѣтствуетъ постепенное развитіе умственной его дѣятельности: первый оканчивается минувшимъ столѣтіемъ; второй занимаетъ первую четверть столѣтія текущаго; третій наступилъ съ благополучнымъ Царствованіемъ нынѣшнимъ. Въ каждомъ періодѣ этой умственной жизни выражается особый характеръ; въ каждомъ исполняется назначеніе храма наукъ. Въ первомъ, въ отношеніи къ Словесности, замѣтно стремленіе къ приобрѣщенію знаній, къ подражанію иностраннымъ образцамъ: это періодъ Словесности *подражательной*. Во второмъ періодѣ приобрѣтенныя знанія разсмаприваются, подвергаются разбору, приводятся въ систему: это періодъ начального умозрѣнія и первыхъ опытовъ самобытности—періодъ Словесности *переходной* отъ подражательности къ народности. Но противоположныя направленія духа, умозрительное и опытное, или историческое, повпоряющіяся во всякомъ родѣ умственной

дѣлательности, сдружающія въ прѣпьемъ возрастѣ, въ періодѣ историческаго и теоретическаго изученія Словесности, въ періодѣ истинной критики и народности. Сии при различныхъ проявленіяхъ умственной жизни Университета, въ которыхъ изображается жизнь Россіи, согласны съ различными степенями духовныхъ силъ человѣка и со степенями просвѣщенія въ насъ идей истины, блага и изящества. Въ непрерывномъ стремленіи къ этому полному развитію жизни состоитъ совершенствованіе человѣка и народовъ.

Наблюдая судьбу Государствъ, по слабымъ и падающимъ, по возникающимъ и возвышающимся, при безчисленныхъ измѣненіяхъ ума, воли и чувства, видимъ постоянное стремленіе человѣчества къ этой единой цѣли. Одинъ народъ, завѣщая другому свои мысли, дѣянія и чувствованія, всегда открываетъ какую-либо сторону основныхъ нашихъ идей, знаменія человеческого достоинства. Эта духовная жизнь человечества, выражающаяся въ наукѣ и искусствѣ, никогда не гибнущая, вѣчно юная, какъ огонь священный, сохраняется посредствомъ слова, передаваемого изъ страны въ страну изъ рода въ родъ. Въ древнемъ мірѣ могущественное слово хранили мудрецы; въ мірѣ новомъ

его хранящъ цѣлыя сословія ученыхъ. Въ мірѣ древнемъ мудрецъ повѣрялъ науку и искусство своимъ ученикамъ — послѣдователямъ ; въ мірѣ новомъ ученый передаетъ завѣщанное сокровище мысли Академіи и Университету. Обозрите вокругъ себя улучшение городовъ , образованіе общежитія , творческія произведенія слова : вы убѣдитесь , что все это истекаетъ изъ тѣхъ храмовъ наукъ , которымъ ученые всю жизнь свою посвящаютъ ; опіюда въ чародѣйственномъ словѣ проливается свѣтъ истины , блага и изящества. Академія и Университетъ въ исторіи человѣчества представляють шоржественное зрѣлище силы мысли , повелѣвающей стихіями , укрощающей страсти , оживляющей холстъ и мраморъ. Для вѣрнѣйшихъ успѣховъ Академики и Профессоры издавна раздѣлили между собою ученые труды : одни разсматриваютъ опдѣльно Творца и различныя спороны природы и человѣка ; другіе наблюдаютъ всю безпредѣльную природу , всю глубину человѣка въ совокупности. Академіи разрабатываютъ науку или искусство , и взаимно сообщаютъ труды свои не рѣдко на языкѣ мертвомъ ; Университеты , храня и умножая вѣренное имъ умственное богатство , дѣлятся имъ съ другими въ живомъ словѣ. Общее достояніе человѣчества —

знанія перелить въ слово того или другаго народа, и содѣйствовать его образованности: таково назначеніе Университетовъ. Этою неспиною глубоко проникнутый божественный Преобразитель нашъ, желая возжечь священный огонь науки въ возлюбленной для него Россіи, совѣщался съ Лейбницемъ, представителемъ современныхъ ему ученыхъ: и небесная мысль Петра осуществилась волею Августѣйшей Его Супруги и Августѣйшей Его Дщери. Новая наша умственная жизнь возродилась въ С.-Петербургской Академіи и въ Московскомъ Университетѣ.

Дабы видѣть высокое назначеніе Московскаго Университета, не только для опечеснаго слова, но и вообще для опечеснаго просвѣщенія, надобно вспомнить, въ какомъ состояніи находилась Европа, когда Россія выведена была Петромъ Первымъ изъ Азіатскаго покоя на ноприще Европейской дѣятельности, и съ какими умственными силами выступила она на новый подвигъ. Въ Исторіи Словесности, равно какъ и въ Исторіи судебъ человѣчества, каждый народъ выполняетъ назначеніе свое, стремится къ осуществленію мысли, по волѣ всемогущаго Промысла, въ духѣ его таящейся. Различныя эпохи Словесности каждаго народа предспа-

вляють различныя формы тѣхъ идей, къ развитію которыхъ онъ призванъ. Орудіемъ къ этому осуществленію идей служишь слово, которое совершенствуется вмѣстѣ съ успѣхами народнаго образованія; самопознаніе въ народѣ, выраженное словомъ, заключается въ народной Словесности. Въ ней его и умъ, и воля, и чувство; въ ней всѣ споры вѣчной мысли, открытыя народомъ. Слѣдовавъ за теченіемъ какой-либо Словесности, значить наблюдать развитіе всѣхъ элементовъ умственной дѣятельности, согласно съ духомъ времени и подъ вліяніемъ извѣстныхъ народовъ и лицъ, представителей человѣчества. Такъ и намъ различныя эпохи общественной Словесности могутъ объяснить единственно состояніе умственной жизни Европейской и общественной, зрѣвшей вмѣстѣ съ умственной жизнью народовъ, преимущественно дѣйствовавшихъ на наше образованіе.

Вѣкъ Петра Великаго, разсматриваемый въ отношеніи религіозномъ, гражданскомъ и ученомъ, представляется замѣчательнѣйшимъ вѣкомъ: имъ, говоритъ одинъ современный писатель, рѣшена послѣдняя тяжба новаго времени съ предъидущими вѣками.—Въ этомъ вѣкѣ, на Западѣ, во всѣхъ состояніяхъ разительнѣе измѣнился прежній порядокъ дѣлъ, из-

мѣнились прежніе нравы, оставили землю прежнія доблести, начали появляться совершенно новыя идеи. Тогда вышли на позорище міра сильныя народы, прежде неизвѣстные, и слабый, одряхлѣвшій Югъ преклонилъ главу предъ бодрымъ и свѣжимъ Сѣверомъ. Свѣтъ науки, нѣкогда озарявшій Воспокъ и Югъ, долго блиставшій на Западѣ, загарался упренею зарею въ спранѣ полночной. Гордый разумъ челоуѣка, неруководимый свѣтомъ Божественнаго Откровенія, своимъ только опытомъ проникалъ существо вещей, созидаль новыя знанія, искалъ простѣйшихъ основаній—и, слѣпо очарованный собою, падалъ подъ бременемъ предразсудковъ, опускалъ себя заблужденіями. Допытываясь сокровенныхъ тайнъ природы, въ забвеніи высокаго назначенія своего, челоуѣкъ, омрачивъ свой образъ и подобіе Божества, воскурялъ жертвы чувственности, отказался отъ души своей, возносящей его надъ всѣмъ твореніемъ Божиимъ. Въ умственномъ наслѣдіи, которое завѣщали осмнадцатому вѣку предшествовавшіе вѣка, шеснадцатый и семнадцатый, видимъ одно смѣлое обобщеніе знаній. Вѣкъ разрушенія не пыталъ жизни искусства, въ особенности Поэзіи, эпического кринна, цвѣтущаго въ обществѣ благоустроенномъ и счастливомъ, и вянущаго отъ

плѣшворнаго дыханія умовъ и пыла кипящихъ спрасшей. Человѣкъ, подчинивъ духъ свой чувственности, и въ искусствѣ подражалъ внѣшней природѣ, въ ней хотѣлъ возсоздать міръ изящнаго, похоронилъ въ себѣ самомъ небесный идеаль. И умолкла гармонія неба и земли, выражающаяся въ искусствѣ. Одна Германія давала пріютъ Поэзіи; она только извлекала пѣсни изъ священной лиры, завѣщанной ей реформаціей; она переселила въ свои старые замки доблести среднихъ вѣковъ. Характеръ осмнадцатаго вѣка выразился преимущественно въ томъ народѣ, который, и по обольстительной образованности своей, и по всемірности языка, былъ почнымъ его исполнителемъ: ему вполне соотвѣтствовалъ характеръ Французовъ. Изъ Франціи исходили ученія, занимавшія Европу; во Франціи совершались новые ученые пруды, узаконялись старые, и опшолъ повсюду распространялись. Прочія страны, какъ покорныя данницы, въ покоѣ безмолвствовали, и подносили наставницѣ своей дары всѣхъ царствъ природы и всѣхъ приобрьшенія ума.

Что жъ въ это время происходило у насъ? Въ Россіи начинался новая жизнь, на-

спускаетъ новый возрастъ народнаго самопознанія. Всѣ силы могучаго исполнила, какимъ явилось опечесство наше во второй половинѣ семнадцатаго вѣка, возбуждаетъ великій нашъ Преобразитель. Его зиждительнымъ словомъ возникло благоустроенное войско на сушѣ и на морѣ, пробудилась народная промышленность и торговля, заведены училища для образованія благороднаго юношества, собраны ученые сокровища, учреждены типографіи, которымъ самъ Монархъ начерталъ новыя письмена гражданскія: и мы возчувствовали себя самихъ, стали участниками въ событіяхъ и дѣлахъ Европы, познали, что мы, оставаясь Русскими, можемъ пользоваться благодатными плодами просвѣщенія. Въ открытый Петромъ новый міръ, въ міръ знаній, устремились всѣ силы духа; въ знаніи сосредоточилась вся жизнь умственная; творческое искусство, какъ крикъ быта общественнаго, не разцвѣтало среди этой умственной работы, во время ученыхъ приобрѣтеній изъ новаго міра знаній, еще не образовавшихъ стройнаго цѣлаго. Сподвижники Петра на поприщѣ просвѣщенія, согревая народъ теплою Вѣры и преданности Престолу, главныхъ спикій народнаго характера, славили спасительное дѣйствіе преобразованій Петровыхъ. Въ училищахъ, учреж-

денныхъ для Дворянства, воспитывались способные люди для службы Государевой. Московская и Кіевская Академіи, наперерывъ одна другой, образовали правителей Церкви; но въ половинѣ осмнадцатаго столѣтія, питомцы Московской Славяно-Греко-Латинской Академіи проповѣдью на Великороссійскомъ нарѣчій начинали опережать ученыхъ Малороссіянъ. Академія Наукъ въ новомъ градѣ Петра представлялась чужеземною колоніею на Русской почвѣ: знаменитые ученостью иностранцы, приглашенные въ Академію, продолжали разрабатывать науку, понятную для немногихъ, посвященныхъ въ ея таинства, и разумѣвшихъ иностранные языки; а благодатный, живительный свѣтъ ея распространяется только посредствомъ роднаго слова. Въ дѣловыхъ и Государственныхъ бумагахъ, изъ смѣшенія разныхъ иностранныхъ речей, водворившихся у насъ вмѣстѣ съ новыми понятіями, образовался новый языкъ (*).

(*) Основные мысли о Словесности нашей изъясняющаго столѣтія съ бѣльшею подробностью развиты въ Ученыхъ Запискахъ, въ Част. IX, въ *Разсужденіи*, писанномъ изъ моего класса, по предмету Исторіи отечественной Словесности; въ наслѣдующемъ случаѣ я не могу не повторить тѣхъ же самыхъ мыслей въ отношеніи къ Московскому Университету.

Такъ пропекла первая половина осмнадцатаго столѣтія. Сосредоточивая духовную дѣятельность въ силѣ познавательной, мы съ жадностію завоевывали новый міръ знаній, стремились къ совершенствованію по разнымъ направленіямъ; радовались, когда умѣли пересказывать выученное у чужеземцевъ, учителей нашихъ, хвалились лепетомъ на иностранныхъ языкахъ, и не стыдились забывать свой опечистивенный. Мы еще не заглядывали въ сокровищницу духа своего, не созерцали самихъ себя, не пересматривали чуждыхъ присвоеній, и безусловно вѣрили ихъ необходимости. И опъ того мы не въ состояніи были постигнуть проспой истины, что умственное развитіе въ народахъ тогда только возможно; когда наука и искусство спановаясь общимъ достояніемъ, проливаясь въ жизнь общеспвенную потокомъ народной рѣчи; что тогда и *Словесность*, или *умъ*, *воля* и *чувство* народа въ *словъ*, изображающъ духъ народный.

На первое призваніе времени явился Ломоносовъ, писатель съ умомъ всеобъемлющимъ, съ разнообразными знаніями, согрѣтый чувствомъ любви къ Русскому просвѣщенію. Въ немъ проявилась воля могучаго Преобразователя—Петра. Какъ всѣ самобытные умы, высшіе своего вѣка, двигатель народа явился

и поэтомъ, и вѣпѣю, и ученымъ. Въ его произведеніяхъ выразился новый мѣръ вѣдѣнія, до него невыраженный. Превосходство его и недостапки посяпъ на себѣ знаменіе возраста нашего въ половинѣ испекшаго спольптія. Чуждый народности, по духу тогдашней учености, онъ ищепъ сокровищъ въ языкъ Славяно-Церковномъ; прославляя подвиги Великаго, онъ облакаепъ Русскую рѣчь въ Римскую погу; приходя въ восторгъ поэтической, при созерцаніи мудрости Елисаветы, онъ размѣряепъ спихъ Нѣмецкими спопами. Не создавъ языка испинию Русскаго, Ломоносовъ согласилъ враждебныя чужеземныя спихи, долго искажавшія Русское слово, привелъ его въ спройное единство, придавъ ему правильную форму. Но эпа искусственная, книжная рѣчь не походила еще на рѣчь живую, спворимую народнымъ самопознаіемъ; она еще не выражала Русской фizioгноміи. Опъ того какіе плоды прудовъ Ломоносова? Ему подражаютъ одни только ученые; свѣтскіе люди, слѣдуя направлеію вѣка, ищупъ образцовъ Словесности во Франціи; южныя цвѣпы ея, не самородные, а пересаженные изъ Греціи и Рима, спараются усвоишь угрюмому Сѣверу. Опечественная Поэзія, нѣкогда сроднившаяся съ роскошною фанпазією Востока и съ религіозными леген-

дами Греціи, воспѣвавшая Князей и богатшрей, была забыта. Пѣсня и сказка не смѣли являться въ палаты знатности и богатства: тамъ ими только убаюкивали дѣтей. Народъ оберегалъ эту Поэзію и отъ схоластики, и отъ западной подражательной Словесности. Не было средопочія народному самопознанію, въ которомъ бы чужеземныя приобрѣтенія превращались въ живительную кровь, и, подъ вдохновеніемъ опечесвленной Вѣры, Закона, Исторіи, изливались бы въ живомъ Русскомъ словѣ. Уже не одинъ преобразилъ слова, но многіе ученые Русскіе нужны были, по всѣмъ отраслямъ знаній человѣческихъ; попребенъ былъ оплотъ противъ ученій безполезныхъ, и такой храмъ наукъ, гдѣ умственные сокровища, приносимыя на жертвенникъ опечесвленного просвѣщенія, повѣрялись бы Русскимъ духомъ, Русскою любовью къ Вѣрѣ и Престолу.

Вошъ, Мм. Гг., на какой степени образованности находились мы въ то время, когда Елисавета изрекла всемогущее „да будетъ“; когда, по творческому слову Ея, явился Московскій Университетъ, и началъ великое дѣло народнаго образованія, какъ попребность духа времени! Въ сердцѣ Россіи, подъ сѣнію Кремля, свидѣтеля нашихъ бѣдствій и шор-

жествъ, хранящаго въ спѣнахъ своихъ безцѣнные для насъ и священные останки Угодниковъ Божіихъ и гробы Государей—въ Москвѣ, гдѣ срались прежде разрозненные члены могучаго исполина, откуда распекался животворный духъ Русскій на защиту Церкви и Престола — гдѣ утвердилось спасительное Самодержавіе — здѣсь Елисавета учреждаетъ Университетъ. Хранишь небесный огонь науки и проливаешь благотворный свѣтъ ея въ опечесвленномъ словѣ — таково призваніе Профессоровъ, жрецовъ новаго храма. На какой славный подвигъ призываетъ Университетъ Государыня, Опечесво! Какіе славные труды ожидаютъ великаго дѣлателя! Съ какимъ самоотверженіемъ Университетъ — первенецъ подвизается на поприщѣ опечесвленного просвѣщенія, распространяетъ науки на опечесвленномъ языкѣ! Да будетъ свѣтъ опытебя, нашъ благотворный вертоградъ Русскаго просвѣщенія и Русскаго слова!

Въ первомъ періодѣ Университета нашего, иностранные Профессоры принесли съ собою господствовавшее тогда ученіе: Философію преподавали по Гейнекцію, Краснорѣчію учили по Эрнесту. Словесность въ то время заключалась въ Филологіи. Энциклопедисты,

располагавшіе общественнымъ мнѣніемъ и липперашурой, не проникая въ сокровенныя тайны пворческаго духа, занимались словесными формами писателей вѣка Людовика XIV. Пинника Буало считалась уложеніемъ; соблюденіе правилъ ея принималось за самое вдохновеніе. Во Франціи Словесность чуждалась народности; для ея писателей Поэзія существовала только на Греческомъ Олимпѣ. Въ Эпопеѣ временъ Генриха IV у нихъ дѣйствовали богества Омировы; въ Лирикѣ теплое чувство замѣнялось красивымъ стихосложеніемъ; въ Драмѣ предшествовавшаго вѣка восхищались героями Греческими и Римскими. Глава тогдашнихъ липперашуровъ, творецъ Меропы и Альзиры, столь грубыя понятія имѣлъ объ искусствѣ, что Гамлета, глубокомысленное созданіе Шекспирова, называлъ произведеніемъ дикаря. Въ одной только Германіи, какъ въ новой колыбели Поэзіи, ученіе Словесности принимало совсѣмъ другое направленіе: тамъ уже допытывались сущности пворчества. Германскіе ученые, знакомые съ произведеніями Европы и Азіи, сравнивали липперашурныя богества, отличали въ Поэзіи и Краснорѣчіи красоты міровыя, вѣчныя отъ чашныхъ, временныхъ—поспигали мысль о современности и своеземности искусства. До

нихъ умъ человѣческій, удивляясь изящному въ природѣ и искусствѣ, не разлагалъ въ себѣ стихій изящнаго, не приводилъ въ систему началъ эпого чувства, не разыскивалъ его различныхъ характеровъ, зависящихъ сколько отъ господствующей силы духа, сколько отъ мѣста и времени своего проявленія. Наука объ изящномъ, извѣстная тогда въ Германіи новому поколѣнію ученыхъ, принадлежишь къ позднѣйшимъ нашимъ умственнымъ приобретеньямъ.

Но Шуваловъ, исполнитель Царственной воли, замыслившій довершивъ преобразование Пешоро, по совѣту Ломоносова, приглашаешь въ Университетъ Русскихъ ученыхъ, Поповскаго и Барсова (*). Благодѣнія, получаемыя нами отъ ученыхъ, состоятъ или въ ихъ сочиненіяхъ, какъ памятникахъ талантовъ, или въ бесѣдахъ, изумныхъ поученіяхъ, представляющихъ плоды цѣлой жизни. Таковы и благіе труды Профессоровъ. Въ первый разъ съ сей кафедры услышаны были краснорѣчивыя вѣщанія о наукѣ и словѣ на опечистивенномъ языкѣ. Одинъ изъ Русскихъ Профессоровъ былъ поэтъ и философъ, другой—

(*) Рѣчи Русскихъ Профессоровъ Московскаго Университета, Часть 1я.

рипоръ и мапемапикъ. Первый, имѣвшій дарованія пворческія, самъ давалъ образцы слова; второй, болѣе ученый, разрабатывалъ правила языка. Они изобрѣпають еще по толлкамъ Древнихъ; расположеніе рѣчей ихъ искусственное; но ихъ успами науки начинають выражашься по — Русски. Впослѣдствіи времени Барсовъ начерпываетъ планъ Московскому Воспитательному Дому и Положенію о Дворянствѣ. Перенеситесь мысленно въ юный возрастъ эпохи храма наукъ: какое поразительное представится вамъ зрѣлище! Шуваловъ среди новаго сословія гражданъ — Профессоровъ, среди спекшагося любознательнаго юношества! Представьте себѣ новыя и дополъ неслыханныя ученія о природѣ и чловѣкѣ, липпературныя собранія, онкрытое для всѣхъ книгохранилище и музей, печатаніе новыхъ и полезныхъ книгъ, изданіе Вѣдомостей и періодическихъ лисповъ, Спуденческій пепатръ, Университетскую Гимназію и Благородный Пансіонъ: съ какимъ изумленіемъ взирали бы вы на всѣ сіи благотворныя нововведенія! Какое торжество было для друзей опечесвеннаго просвѣщенія, когда они увидѣли на скамьяхъ спуденческихъ юношей — Дворянъ: Потемкина, Шереметева, Салтыкова, Чернышева, Булакова, Книзя Шихмапова, Фомѣ-

Визина, Муравьева, Князя Долгорукова, вмѣстѣ съ незнаемыми: Яремскимъ, Урбанскимъ, Чебопаревымъ, Сырейчиковымъ, Костровымъ, Зыбелинымъ, Афонымъ, Трепьяковымъ, Веняминовымъ! Какъ радовалась душа Великаго Преобразителя Россіи, въ горнихъ селеніяхъ выпающая, и свыше взирающая на дѣла Августѣйшей Своей Дщери!

Такъ радостно началась жизнь Университета. Дайте укрѣпиться этому новому поколѣнію: и вы увидите вожделѣнные плоды юнаго верпограда. Теперь дѣлашли его пекучія о молодыхъ лѣтпорасляхъ, полныя утѣшительныхъ надеждъ въ будущемъ.

Въ судьбахъ народовъ, оставившихъ Исторіи знаменіе бытія своего въ обдасти или ума, или дѣйствованія, или художественнаго творчества, видимъ, что каждый изъ нихъ осуществляетъ высшее предназначеніе, иногда для насъ неясное, но несомнѣнно существующее. Въ Словесности того или другаго народа также представляется намъ развитіе извѣстныхъ идей. Это развитіе въ одномъ народѣ совершается быстро, при спеченіи благоприятныхъ обстоятельство — въ другомъ медленно, въ отсутствіи благотворныхъ дѣятелей; иногда въ одномъ и томъ же народѣ встрѣчаемъ чудныя измѣненія успѣховъ наукъ

и искусствъ : этъ посланницы небесъ , счастье наше и услада , какъ бы недовольныя го-слепріимствомъ , оспавляющъ прежнюю обитель свою и переходящъ въ другія страны. Вмѣстѣ съ судьбою народовъ измѣняющіяся художественныя созданія чувства и фантазіи въ словѣ. Чпо жъ даетъ живительный свѣтъ для развитія творческой силы души ? Не вѣкъ ли Перикловъ , славный въ древнемъ мірѣ науками , передалъ намъ безсмертныя творенія Поэзіи и Краснорѣчія ? Не тогда ли Римляне оспоривали у Грековъ въ нѣкоторыхъ опрасляхъ Словесности право первенства , когда уже написались ихъ мудростью ? Не изъ Университетовъ ли Италіи , Франціи , Англіи и Германіи вышли писатели , гордость и слава вѣковъ и народовъ ? Такъ , наука , эпохъ свѣтъ народнаго самопознанія , ведетъ человечество къ предназначенной цѣли ; она открываетъ извѣстную сторону истины , располагаетъ душу къ добру , открываетъ новый міръ фантазіи.

И въ нашей отечественной Словесности новый періодъ начинается наукою , водворенною въ Московскомъ Университетѣ. Отсюда знанія , подобно кругамъ , на зыбкомъ зеркалѣ водъ отъ движущей среды возрастающимъ , стали обтекать общество столицы и другихъ городовъ , расширять предѣлы мышленія , оза-

ришь всѣхъ своимъ свѣтомъ благопворнымъ. Профессоры соспавляютъ учебныя руководства, переводяпъ полезныя сочиненія, печатають творенія Ломоносова, сотрудника Шувалова въ благоустроеніи Университета, учреждаютъ Вольное Россійское Собраніе и Собраніе питомцевъ Университета. Скоро эти собранія издають свои *Опыты трудовъ, Вечернюю зарю, Трудолюбца, Чтеніе для вкуса, разума и чувствованій, Церковный Словарь*, досель единственныя, *Татищева Россійскую Исторію*, обнародываютъ *Планъ Россійскаго Словаря*. Образуется общественный вкусъ къ чтенію, и книги вводятся въ число необходимыхъ житейскихъ потребностей. Отъ изложенія наукъ на опечесвенномъ языкѣ безчисленныя проявленія духа получаютъ правильныя формы въ словахъ. Возвратившіеся изъ чужихъ краевъ питомцы Университета приносятъ съ собою новыя ученныя приобрѣтенія. *Десницкій* впервые знакомитъ насъ съ *Правами*; въ аудиторіяхъ Университета *Юриспруденція* является строгою системою: и дѣловыя бумаги получаютъ порядокъ и теченіе мыслей, правильность въ изложеніи, благородство въ самыхъ выраженіяхъ. Лекціи Университетскихъ *Юриспрудентовъ* поражаютъ множество *Памятниковъ, Указателей, Словарей опечесвеннаго*

законовѣдѣнія. *Веніаминъ* и первый изъ Русскихъ ученыхъ агрономъ, *Афонинъ*, привозятъ съ собою свѣжую мысль учителя своего, *Линнея*, освѣтившую науку природы. *Зыбелинъ* началъ и Медицину преподавать на Русскомъ языкѣ. Тогда въ первый разъ слышали здѣсь Историю и Географію; въ первый разъ предъ Русскими раскрылись богатства опечесства; въ первый разъ ожили опечесственные преданія на кафедрѣ *Чеботарева*. Творенія Грековъ и Римлянъ озарили новымъ свѣпомъ изслѣдованія языка опечесственного.

Между тѣмъ наступило для Русскихъ время полнѣйшаго проявленія народнаго самопознанія—вѣкъ *Екатерины II*. Мы думаемъ, вѣщала мудрая Монархиня, и за славу Себѣ смѣяемъ сказать, что Мы живемъ для Наше-го народа. Кто изъ насъ не благоговѣетъ предъ симъ блистательнымъ вѣкомъ великихъ полководцевъ, Государственныхъ мужей — вѣкомъ побѣдъ, завоеваній, спасительныхъ законовъ, благошворныхъ учрежденій? Какой народъ былъ и тогда счастливей насъ; кто не завидовалъ нашему могуществу, нашей безопасности, нашему спокойствію? Екатерина возсѣла на Престоль Петра, дабы оживить, возвеличить Его твореніе. До сихъ поръ духъ нашъ сосредоточивался въ силѣ познаватель-

ной; теперь мы возчувствовали самих себя: въ насъ воспрянула любовь къ самимъ себѣ, къ опечесшвенному слову; наступила пора выразиться силѣ воли въ сознаніи могущества своего, силѣ чувства — въ словѣ фанпазіи. Монархія, высоко цѣнившая дарованія и ученость, осчастливившая Высочайшимъ посѣщеніемъ Своимъ Ломоносова, среди просвѣщенныхъ вельможъ, въ часы Царственнаго досуга, бесѣдовала о Русской славѣ, занималась Русскимъ словомъ, Русскою Исторіею, для которой выписки изъ лѣтописей сосилаваны были Барсовымъ и Чебопаревымъ. Тогда явилось новое поколѣніе писателей, образовавшихся въ Московскомъ Университетѣ.

Не ожидайте отъ юныхъ пиломцевъ внезапнаго перерожденія Словесности: судьбы ея заключены въ судьбахъ народа; она развивается согласно съ развитіемъ силъ умственныхъ. Это умъ, воля и чувство народа въ словѣ; это народное самопознаніе, имѣющее свои возрасты и пребывающее постепеннаго совершенствованія. Вся тайна воспитанія чловѣка состоитъ въ томъ, чтобы угадать господствующую способность, развить ее и дать ей должное направленіе. Та же тайна и въ воспитаніи народномъ, въ Словесности: познать духъ народный, образовать его соглас-

но съ потребностями вѣка и страны, направилъ его къ назначенной мѣстѣ. — И первымъ народнымъ воспитателемъ въ вѣкѣ Екаперины II является Московскій Университетъ. Изученіе языка всегда составляетъ первую потребность въ этомъ воспитаніи, первое условіе впитіи и поэта, для долговѣчности ихъ твореній. Прекрасное выраженіе, украшая прекрасную мысль, берегаетъ ее отъ всеиспребляющаго времени: это, справедливо говорятъ, для мысли и украшеніе, и оружіе. Напрасно думаютъ, что одну и ту же мысль можно выразить разными образами—что одна и та же идея можетъ имѣть различную форму: напрошивъ, у каждой мысли одинъ только истинный образъ, какъ каждое лице выражаетъ одинъ извѣстный характеръ. У писателей самобытныхъ выраженіе оплавляется по мысли; у нихъ форма совершенно отвѣтствуетъ идеѣ. Опинимите у мысли прекрасное ея выраженіе: вы разрушите очарованіе. Многія мысли геніальныхъ писателей намъ общія: чѣмъ же онѣ насъ поражаютъ? Вѣрнымъ выраженіемъ, изяществомъ формы идей. Первая очистка языка нашего началась въ здѣшнемъ Университетѣ. Посмотрите на Рѣчи Профессоровъ по разнымъ отраслямъ наукъ: вы увидите поспешное совер-

шенствованіе языка въ правильности , полнотѣ , сладости слова. Такимъ образомъ улучшение слова всегда производится новыми мыслями и нравами, учеными и воспитывающимся обществомъ , духомъ времени и книгами. Изъ Университета выходитъ юный зрѣющій языкъ : по величественный и правильный въ рѣчахъ Профессорскихъ , по живой и гибкій въ ихъ примѣтахъ. Этого языка уже становится способнымъ принимать изящныя формы новыхъ идей ; онъ уже описываетъ отъ Греческой и Латинской фразеологіи, но ясный и радужный, умный и красивый, изрѣдка только опшывающійся лепетомъ возрожденія, сближается съ живою рѣчью народною. Университетъ слушалъ споры о старомъ и новомъ слоге , не думая учить народъ искусственному языку Славяно-Церковному, и не допуская входа къ себѣ оборотамъ иностраннымъ : онъ воссоздавалъ языкъ изъ родныхъ элементовъ ; онъ очищалъ работу миллионовъ.

И съ этимъ-то языкомъ представляется рядъ юныхъ писателей , съ новыми идеями , съ новымъ направленіемъ! Уже примечательный Университетъ , *Подшиваловъ* , издаетъ *Приятное и полезное препровожденіе времени*. Это первый въ свое время переводчикъ; его собствен-

ныя сочиненія отличаются остроуміемъ мыслей, нѣжностію чувствованій, правильностію и приياتною простотою слога. Другой замѣчательный переводчикъ одного изъ полезнѣйшихъ сочиненій, *Всемирнаго путешественника, Булгаковъ*, воспитывался также въ Университетѣ. *Петровъ* составляетъ *Дѣтское чтеніе*, долго остававшееся единственною въ своемъ родѣ книгою. Уже не Телемахиду, скованную тяжелымъ гекзаметромъ, приносятъ *Костровъ* на алтарь опечесненной Словесности, но восемь пѣсней *Иліады*, пропѣтыхъ звучнымъ стихомъ ямбическимъ. Уже не жесткій, силлабическій стихъ Кантемира раздается въ *Душенькѣ Богдановича*; но это языкъ игривый, простой, мелодическій, замысловатый. Съ сладостными чувствами слушаемъ мы опрока, высказывающаго свѣжія понятія свои: такъ любимъ мы въ эпосѣ поэтѣ прелестію впервые раздаваемаго языка народнаго. Въ *Богдановичѣ* нѣтъ еще творческаго созданія: онъ не сбросилъ съ себя подражательности писателямъ Франціи, въ то время единственнымъ образцамъ для цѣлой Европы; но внѣшняя опѣлка его собственная. Воспѣвай онъ *Душеньку* въ другомъ вѣкѣ; не увлекайся общимъ направленіемъ: и онъ обогатилъ бы Поэзію нашу красотою

новыми, народными (*). Уже въ Драмагической Поэзіи, языкомъ Сумарокова, не переносясь созданія Расина и Вольтера на Русскую сцену съ Русскими только именами дѣйствующихъ лицъ; но оспроумный Фонъ-Визинъ пворинъ Русскую Комедію на языкъ новомъ, дополъ неслыханномъ, правильномъ, народномъ. Всѣ узнали въ семействѣ Простаковыхъ тѣ лица, копорыя тогда такъ часпо встрѣчались, копорыхъ тогда такъ часпо слыхали. Фонъ-Визинъ избѣгнулъ подражательности и создалъ впервые Русскую рѣчь, простую, легкую. А добрый пѣвецъ Русскаго юмора, *Ки. Долгорукій*, веселый и вмѣстѣ прогапельный, принесшій мѣсту образованія свои поэгическія думы и чувствованія, и роскошный въ описаніяхъ *Бобровъ*? А проницательный изслѣдователь опечеспвенныхъ древностей *Бантышъ-Каменскій*; а ученый *Муравьевъ*, напипанный чпеніемъ древнихъ писателей, показавшій образецъ чистой и сладкой прозы, наславникъ *Александра I* въ опечеспвленномъ словѣ,

(*) Многими замѣчаніями о Богдаповичѣ, Державинѣ и Жуковскомъ я обязанъ прекраснымъ разборамъ, написаннымъ по случаю новыхъ изданій сихъ писателей. Эти разборы известны Литтераторамъ.

незабвенный начальник того храма наукъ , гдѣ самъ былъ озаренъ ихъ свѣтомъ ? Посмотрите на *Собрание сочинений къ распространению знаний* , которое издавалось при Университетѣ Профессорами : вы тамъ встрѣтите Студентовъ того времени : Графовъ Воронцовыхъ , Марковыхъ , Приклонскихъ . Это славные пиомцы юнаго Московскаго Университета ! Сколько другихъ , воспитанныхъ въ семъ верпоградѣ Русскаго образованія , достигшихъ высшихъ степеней въ Государственной службѣ , военной и гражданской ! Между именами Студентовъ читаемъ знаменитыя имена : Тепловыхъ , Лопухиныхъ , Тапищевыхъ , Князей Волконскихъ , Князей Хованскихъ , Спрекаловыхъ , Васильчиковыхъ . Не всѣ ли они принесли на алтарь отечества сокровища , здѣсь приобрѣтенныя ?

Московскому Университету принадлежитъ честь и первой отечественной Эпопеи , Россіяды *Хераскова* , его Курапора . При нынѣшнемъ возрѣніи на Поэзію , мы не ослѣпляемся эпикомъ произведеніемъ , подражаніемъ *Иліадѣ* , *Энеидѣ* , Освобожденному Іерусалиму , *Лузіадѣ* , *Генріадѣ* ; но да напоминаешь оно намъ славный моментъ жизни нашего отечества , и вмѣстѣ съ тѣмъ литературный вѣкъ , въ который родилась мысль , имѣть Русскую Эпопею .

Каждый вѣкъ, замыкающій извѣстный періодъ народнаго развитія, идею человечества, выражается въ своемъ поэтѣ. Такъ древній героическій вѣкъ выразился въ Омирѣ. Такъ чудный рыцарскій вѣкъ, со всѣми своими дивными приключеніями и повѣрьями, выразился въ Дантѣ. Выраженіе славнаго вѣка Екашеринны II, его послѣднее слово — *Державинъ*. И все царствованіе Великой, и всѣ элемены Русской народности — заунывность наша и самодовольство, наше небо и наша природа, всѣ сокровенныя тайны души, всѣ образы и опливы языка нашего, ярко отразились въ эпосѣ поэты. Его лира, величественная и шупливая, благородная и забавная, заунывная и сильная, то возносится ко Всемогущему, то является у прона Фелицы, то переходитъ въ черпогъ вельможи, то груститъ въ глубокой думѣ о суетѣ міра у Кончезерскаго водопада. А языкъ, эпосъ радужный покровъ его свѣтлой мысли и фантазіи, эпосъ отголосокъ Русскаго сердца? Славу его, по всей справедливости, почитаетъ своею родною славою Московскій Университетъ. Въ древности семь городовъ оспаривали мѣсто рожденія Омира: Исторія нашей Словесности приписываетъ Московскому Университету и честь вліянія на образованіе Державина. Казанская

Гимназія, гдѣ воспитывался нашъ Омиръ, основана подѣ руководствомъ Московскаго Университета; всѣ первые наставники въ ней были его питомцы. Въ вѣнкѣ, которымъ геній украсилъ главу поэта, вѣлѣнъ лавръ и нашимъ Университетомъ.

Таково, Мм. Гг., преобразование въ опечесненной Словесности, въ первомъ періодѣ Московскаго Университета, начавшееся съ перерожденія языка! Сама Великая Монархія способствовала успѣхамъ опечесненной Словесности. Она знала ея могущественное дѣйствіе на образованіе народа, а вмѣстѣ съ тѣмъ на счастіе жизни. Для утвержденія Русскаго языка на правилахъ науки о человѣческомъ словѣ, и для приведенія его въ систему, Государыня основала Россійскую Академію, въ которой Профессоры были также Членами, и участвовали въ составленіи Россійскаго Словаря. Но съ учрежденіемъ Академіи, не остановилось вліяніе Университета на слово. Академія прислушивается къ языку живому, слѣдитъ самобытныхъ писателей — и всѣ сокровища народнаго языка вносятъ въ Словарь свой, всѣ изгибы народной рѣчи вписываютъ въ Грамматику. Гдѣжь сила дѣятельная, изъ своихъ нѣдръ добывающая образы для каждой новой мысли, для каждого опытка чувства — сила, приводящая

все разнообразіе міра словъ въ стройную, народную рѣчь, запечатлѣнную духомъ народнымъ? Эта сила есть наука: ея могуществомъ духъ человѣческій, образъ и подобіе Божества, объемля собою всю природу и преворяя ее въ свое собственное существо, воспроизводитъ изъ себя новый міръ въ словѣ, всѣ разнообразныя помыслы, движенія и чувствованія развиваетъ въ звукахъ голоса. Внутреннимъ огнемъ въ нѣдрахъ земли производится драгоценныя камни и металлы: живительною силою духа, по неизмѣняемымъ общимъ законамъ слова, образуется живой языкъ. Гдѣ жъ болѣе ему движенія, гдѣ болѣе ему жизни, какъ не въ храмъ науки, при непрерывномъ его развитіи наблюденіями различныхъ сторонъ природы, при непрестанномъ сполкновеніи умовъ? Дѣйствительно, когда Россійская Академія занялась Словаремъ и Грамматикой, Университетъ не переставалъ обогащать соотечественниковъ новыми понятіями, облакая ихъ въ новыя выраженія. Онъ не преславалъ въ то же время повѣрять знанія, приливавшіяся къ намъ съ Запада. Словесность наша тогда любила черпоги знатныхъ и богатыхъ; въ одномъ только Университетѣ была особая знатность — ученость и дарованія. Въ концѣ истекшаго столѣтія, въ одномъ Университе-

шѣ примѣтно было измѣненіе въ идеяхъ о Словесности; попому что только Университетскіе питомцы знакомы были съ Милыпономъ и Оссіаномъ, съ Клоппшпокомъ и Виландомъ. Тогда какъ въ верхнихъ слояхъ общества любители Словесности занимались внѣшнею опдѣлкою слога; это составляло предѣлъ ихъ литературныхъ успѣховъ: въ Университетъ входило глубокое изученіе искусства. Уже Сохацкій излагалъ науку Баумгарпена, объяснялъ начала Канповы. Какъ среди песчаныхъ степей, грозящихъ утопить упомленного пупника въ волнахъ своихъ, утѣшительно найши зеленый оазисъ, и на немъ освѣживши свои силы: такъ и на безплодномъ поприщѣ нашей Словесности прошлаго столѣтія утѣшительно встрѣтивши свѣжую мысль, питательную для творческаго ума. Сохацкій (*) уже показывалъ слушателямъ своимъ особенный міръ фантазіи, въ которомъ человекъ какъ бы поревнуеть великому Зидителю, бывши и самому шворцемъ. Онъ уже зналъ, что всѣ безчисленныя мысли, желанія и чувствованія, подобно лучамъ солнечнымъ, въ фокусѣ стекла собирающимся, сливаются въ три главные начала: истины, блага и изящества. Введе-

(*) Рѣчи Профессоровъ, Ч. 3.

ніе въ Университетъ Англійской, и особливо Нѣмецкой Словесности, произвело въ новомъ поколѣніи, для другаго возраста этого вершограда, плоды обильные и благошворные. Тогда въ Университетъ спекались любители слова для совѣщанія съ Профессорами; въ немъ и въ его разсадникѣ, въ Благородномъ Пансіонѣ, зрѣли плѣ талаппы, которымъ суждено было измѣнить Словесность нашу, научить насъ новому языку, указать мыслямъ новое направленіе.

Исторія Университета есть исторія развитія народной мысли; въ его пиломцахъ и липтерапурныхъ произведеніяхъ отражается потребность вѣка, духъ народа и степень, какую онъ самъ занимаетъ въ ученѣмъ отношеніи. Мы получили безцѣнное наслѣдство отъ нашихъ предшественниковъ; это наслѣдство должно почипать общимъ доспояніемъ, какъ дѣйствіе мысли, науки, исходившихъ изъ Университета. Одна только мысль человека пропивишя всесокрушающей необходимости природы, какъ безсмертіе пропивишя плѣнности; въ ней заключается благороднѣйшая часть человека. Въ движеніяхъ мысли и науки всегда открывається связь и единство; изъ нихъ

испекають всѣ явленія въ жизни и въ произведеніяхъ Словесности. Послѣдуемъ за ихъ развитіемъ въ пекущемъ сполѣтїи — и мы объяснимъ себѣ значеніе нашего Университета во вѣпоромъ періодѣ его сущестпованія, признаемъ и заслуги его опечесповенной Словесности.

Чѣмъ же встрѣченъ былъ въ Европѣ девятнадцатый вѣкъ? Въ какихъ формахъ явился безсмертный духъ человѣка, безпреспанно развивающійся въ логической послѣдовательности развитія ума въ каждомъ человѣкѣ? Онъ не раскрывается вполнѣ въ одномъ какомъ-либо народѣ, въ одну какую-либо эпоху, но во всемъ человѣчествѣ, чрезъ нѣсколько вѣковъ: отъ того раждается необходимость, для познанія духа одной Словесности, изслѣдовать всеобщее направленіе мысли и науки.

Легкомысленное невѣріе умовъ испекшаго столѣтія, шаткое знаніе, лишенное твердой опоры умозрѣнія, безжизненное подражаніе внѣшней природѣ въ искусствѣ, безсильное лептанье бездушныхъ рѣчей и стиховъ въ Словесности — все это одряхлѣвшее состояніе общества было необходимымъ слѣдствіемъ мысли, скованной чувстввенностью. Чего можно было ожидать отъ человѣка, забывшаго, что

онъ гражданинъ неба и земли, забывшаго высокое назначеніе свое, поспавлявшаго все бытіе свое въ земныхъ заблужденіяхъ? Но съ новымъ вѣкомъ начинается новое просвѣтленіе ума; человѣкъ снова обрѣтаетъ въ себѣ душу живую, безсмертную: и все оживаетъ, всѣ произведенія его одухотворяются. И какіе быстрые блестящія успѣхи въ вѣкѣ новаго просвѣщенія! Человѣкъ благоговѣетъ предъ волею Провидѣнія. Слѣпой оныи озаряется свѣтомъ умозрѣнія; творческій духъ оныи мерщвой внѣшней природы обращается къ живымъ образамъ, ему самому соприсущимъ; слово пересматриваетъ, занимается формами, и изображаетъ идеи міротворныя, въ насъ, по благоспи Промысла, врожденныя. Общество, утомленное волненіями бурныхъ страстей и измученное разъединенными умами, ищетъ умирненія и спокойствія въ единомысліи и согласіи. Отсюда совершенно противоположное направленіе Словесности. Литтературное вліяніе Франціи на прочія страны Европы кончилось. Италія обратилась къ творцамъ поэтической славы своей — Данте, Петрарку, Аріосту. Испанія вспомнила своего Лопеца де Вегу, Кальдерона, Сервантеса. Геній Англійской Поэзіи, одушевлявшій некогда Шекспира, явился въ Байронѣ и Вальтерѣ-Скоттѣ. Германія,

во сръшеніе новому вѣку , въ Университетахъ воспитала преобразователей своей Словесности — Гердера , Шиллера , Гёте (*). Эта классическая спрана учености, какъ бы въ возмездіе за прежніе уроки Энциклопедистовъ , распространивъ ученіе свое по всей Европѣ , особливо воздѣйствовала на Францію. Послѣ того, какъ Клопштокъ показалъ образцы Поэзіи религіозной ; когда уже Лессингъ поколебалъ шаткое зданіе школы Гопшедовой ; когда лира Бюргера огласила народныя пѣсни ; Гейне, Фоссъ, Шлейермахеръ изучали творческія созданія древнихъ писателей, какъ символы древнихъ вѣрованій , нравовъ , обычаевъ ; Винкельманъ разоблачилъ внутреннее достоинство древняго изящества : тогда познали , что безсмертный духъ нашъ , развивающійся по непреложнымъ законамъ , является и въ Словесности всегда согласнымъ съ различными возрастами человечества. вмѣстѣ съ этимъ измѣнились Теорія Словесности, Исторія ея и Критика. Мысль о народности и самобытности Словесности, объ открытіи народныхъ элементовъ , стала общемою мыслію вѣка.

(*) *Bouterwek's Geschichte der schönen Wissenschaften, fünftes Buch.*

Россія съ юнымъ Царемъ своимъ , исполненная упѣшительныхъ надеждъ на славу въ міръ умствениомъ , радостно встрѣпила новый девятнадцатый вѣкъ. И Александръ Первый, по сердцу Великія Екатерины, продолжалъ благоденствіе Россіи, проникнутый мыслью, что на благомъ воспитаніи и просвѣщеніи зиждется счастье народовъ. Исчислять ли, Мм. Гг., безсмертные памятники славнаго государственствованія блистательнаго періода Русской жизни? Мы, потомцы эпои четверти столѣтія, мы были свидѣтелями всѣхъ порошествъ опечесивенныхъ и всѣхъ благошворныхъ учреждений. Вѣра, законы, науки! въ какой спранѣ, въ столь крапкое время, возсоздали вы народъ, какъ возсоздалъ Россіянъ Александръ кропкимъ Своимъ могуществомъ? Творческимъ словомъ Его вознеслись во славу вашу и новые великолѣпные храмы Божіи, и новыя мѣста Правительственныя, и новыя верпограды ученія. Щедрая рука Его, какъ десница Промысла, для васъ разверзалась благостью. Тогда Московскій Университетъ видѣлъ рожденіе юныхъ брашневъ — Университетовъ, Харьковскаго, Казанскаго, С.-Петербургскаго. Тогда мудрый Монархъ, *желая поставить на незыблемомъ основаніи* сіе благошворное учреждение и преподавъ ему новые способы къ ознаменованію

дѣятельности, даровалъ ему новое и пространнѣйшее образованіе. „Обращая“ изрекъ тогда Благословенный „особенное вниманіе Наше на Императорскій Московскій Университетъ, который чрезъ цѣлые полвѣка имѣлъ столь великое участіе въ образованіи людей, способныхъ для Государственной службы, въ распространеніи знаній, и наипаче въ усовершенствованіи отечественнаго языка, разсудили Мы за благо изъявить чрезъ сіе торжественную признапельность Нашу сему первому въ Россіи высшему Училищу, даровавъ оному новыя права и преимущества, болѣе сообразныя съ просвѣщеніемъ текущаго времени (*).“

Столь торжественно было начало новаго вѣка для верхограда Елисаветина! Не напрасны были попеченія о немъ Шувалова; не щедры были труды твои, храмъ науки! Оютившій новою жизнію опъ священной воли Царя, проливай свѣтъ мудрости на зрѣющее поколѣніе для Великаго Преемника Престола Александра. Новою лѣпою украшенный, уже ты срѣщаешь начальникомъ и покровителемъ питомца своего, наставника Государева, незабвеннаго Муравьева. Тобою воздѣланный и воспитанный Попечитель твой, несетъ

(*) Утвердительная Грамота Императорскаго Московскаго Университета, 1804 Ноября 5го.

тебѣ любовь къ наукамъ, тобою согрѣпую — любовь къ отечественной Словесности, тобою развипую—милость Монарха, которой твоими дарами онъ удостоился. Въ тебѣ онъ срѣщаетъ своихъ поварищей; въ тебѣ находитъ онъ ту же страсть къ отечественному просвѣщенію, которою самъ въ юности одушевлялся.

Что же происходитъ въ умственной жизни нашей при столь спасительныхъ измѣненіяхъ? Если сообразимъ состояніе просвѣщенія нашего во время учрежденія Московскаго Университета и въ эпоху преобразованія его при Александрѣ: по не полвѣкомъ, а нѣсколькими столѣтіями должны будемъ измѣрять неимовѣрные успѣхи въ наукахъ. Тамъ, гдѣ за пятьдесятъ лѣтъ не было высшаго училища, гдѣ бы всякаго званія люди свободно наукою пользовались (*), по примѣру Европейскихъ Университетовъ, подъ Скипетромъ Благословеннаго уже образовалось Министерство Народнаго Просвѣщенія, въ обширной системѣ учености. Благодатный свѣтъ наукъ, разливавшійся по Университетамъ, проникалъ въ отдаленнѣйшія страны Государства. Науки уже преподавались въ объемѣ Европейскомъ. По всѣмъ Округамъ первыми наставниками явились питомцы Московскаго Университета.

(*) Всеподданнѣйшій докладъ Шувалова.

Въ обществѣ и въ Словесности уже замѣтно было новое направленіе, утѣшительное благи-ми надеждами: начиналась общая борьба между старыми мнѣніями и новыми требованіями; начало разрушительное испекшаго столѣтія уступило мѣсто началу зиждительному столѣтія текущаго. П е т р ь I вывелъ насъ на поприще Европейской дѣятельности; Е к а т е р и н а II поржественно довершила мысль Преображенія; А л е к с а н д р ь I открылъ намъ поприще Европейскаго просвѣщенія. Очертивъ мечемъ седьмую часть свѣта, сплывая неувядающіе лавры славы воинской, мы устремились къ славѣ умственной жизни. Въ это царствованіе мы приобыкли уважать Университетскіе дипломы наравнѣ съ грамошами.

Такъ надлежало ожидать эпого по общему ходу развитія гражданственности! Такое же развитіе видимъ мы въ исторіи гражданственности и другихъ Державъ, споящихъ на высшей степени просвѣщенія: по шамъ различные переходы ума совершались вѣками; мы, позднѣе другихъ начавшіе учиться, наспигаемъ учителей своихъ десятилѣтіями. Духъ и направленіе ихъ вѣрно отразились въ насъ; изученная схоластикою Латинская Словесность въ первой половинѣ испекшаго столѣтія, подражательная классическо-Французская

во второй его половинѣ — попеременно служили намъ образцами. Когда же Германія и Англія перестали подражать однѣмъ формамъ классической древности — изучивъ творческія созданія ея въ сущности, возсорежновали древности въ самомъ творчествѣ; когда убѣдились, что Словесность выражаетъ народное самопознаніе—что Поэзія представляетъ періодъ роскошнаго ея цвѣщенія; когда новое искусство возчувствовало въ себѣ особое вдохновеніе, узнало силы свои, увидѣло иное направление — красоты міровыя сліявъ съ красотами народными: тогда и мы увѣрились въ существованіи другихъ образцовыхъ писателей, кромѣ писателей Франціи. Первая четверть текущаго столѣтія прошла въ образованіи новаго ученія; отъ того произведенія Словесности несятъ на себѣ знаменіе различныхъ вліяній. Какое разногласіе мнѣній въ эпоху *переходномъ* періодѣ нашего просвѣщенія! Надо было прислушиваться къ этому разногласію въ обществѣ. Тупѣ встрѣчались люди, думавшіе остановить полетъ времени и спрежленіе духа нашего къ совершенствованію — съ самоотверженіемъ прославлявшіе воспоминую неподвижность ума. Рядомъ съ ними стояли люди новаго, разнороднаго образованія: и питомецъ Руссо, и ученикъ Макиавеля, и пѣ-

вещь глубокихъ, но шуманныхъ пѣснопѣній Оссіана, и Магистръ Гейптингенскаго Университета, и Спудентъ Славяно - Греко-Латинской Академіи. Отсюда въ Словесности нашей этого времени находимъ столько же разнородныхъ элеменшовъ, сколько было элеменшовъ въ образованіи нашемъ времени Петра I: это Словесность переходная отъ подражательной къ самобытной. Главный характеръ просвѣщенія нашего въ этомъ періодѣ состоить во всеобщности образованія, въ повсемѣстномъ распространеніи свѣта наукъ; онѣ стали достояніемъ не одного высшаго сословія и духовенства, но, по мысли Августѣйшей Основательницы перваго Русскаго Университета, достояніемъ всѣхъ и каждого, кѣмъ только имѣлъ возвышенную душу для воспріятія ихъ блага. И сколько вышло изъ Университетовъ новыхъ славныхъ именъ! Уже и домашнее воспитаніе согласовалось съ общественнымъ, подъ руководствомъ Университетскихъ питомцевъ. По дѣйствию повсюднаго распространенія знаній, образовался новый классъ людей просвѣщенныхъ. Этому классу, занимавшему средину между блескомъ высшаго общества и схоластическою ученостью, нуженъ былъ и новый языкъ, и новая Словесность, согласная съ его образованностью; нужна была рѣчь не

искусственная, но перелипая въ Словесность прямо изъ устъ народа.

Таково умственное состояніе наше въ первой четверти текущаго столѣтія, выразившееся и въ Словесности переходной опъ подражанія къ народности. Въ этомъ періодѣ поспешенно развивается и предзнаменованіе, какое принесла намъ первая Ода Ломоносова, и движеніе, данное наукамъ Александромъ I, и проявленіе современной Европейской умственной дѣятельности. Здѣсь начинается наше заимствованіе изъ Словесности Нѣмецкой и Англійской; здѣсь рожденіе мысли объ открытіи народныхъ элементовъ для умственной жизни — мысли о созданіи Русской Словесности. Такъ опразилось въ насъ общее требованіе времени.

Какое жъ участіе въ исполненіи этого требованія принималъ Московскій Университетъ? Не изъ него ли вышли на новое поприще Словесности главные двигатели ея и представившие?

Уже одну половину Членовъ Московскаго Университета составляютъ отличнѣйшіе его питомцы, другую извѣстнѣйшіе ученые, вызванные изъ Германіи, прославившіеся своими

талантами и сочиненіями. Характеръ учености этого времени носитъ оппечатокъ періода *переходнаго* : одни изъ ученыхъ продолжають слѣдовать системамъ истекшаго столѣтія ; другіе не опшстають отъ учености современной ; въ иныхъ примѣтно сліяніе прежняго ученія съ новымъ. Въ Словесности выразился поплъ же разноспихійный характеръ : одни писатели идуть по направленію прошедшаго времени ; другіе уже сочувствуютъ потребностямъ новымъ, и какъ бы предшесствують новой эпохѣ народности ; въ иныхъ соединяются пропшвоположныя направленія, старыя мнѣнія о Словесности съ новыми. Но всѣ равно убѣждены въ потребности языка общеспвеннаго, сліянія языковъ книжнаго и народнаго. Такое преобразование языка могло произойти единспвенно отъ сліянія всѣхъ элементовъ духовнаго развитія, объясненія всѣхъ сторонъ природы и развитія всѣхъ силъ духа на опечеспвленномъ языкѣ. И эта честь пересозданія языка, которому угрожали рядовые грамшѣи - переводчики совершеннымъ искаженіемъ, честь произрожденія опечеспвленной Словесности, приугопшвленія новаго, блестящаго періода народности неотъемлемо принадлежитъ Московскому Университету. Новые источники разлшнія просвѣщенія открышы

публичными лекціями, доступными не для однихъ посвѣпившихъ себя наукамъ, но и для каждаго любителя знаній. Въ этомъ періодѣ Университета начались общіе курсы науки о природѣ и человѣкѣ. Физика и Естественная Исторія, излагаемая *Страховымъ* и *Политковскимъ* на опечеспвленномъ языкѣ, представляють дивное спроеіе міра съ безчисленными произведеніями, украшающими земный шаръ. Исторія и Политическая Экономія знакомятъ съ судьбами человечества, съ причинами славы и благоденствія народовъ. Тогда любители опечеспвленного просвѣщенія съ радостію увидѣли въ Московскомъ храмѣ наукъ многочисленное спеченіе слушателей и слушательницъ: всѣ знаменитости Московскія, въ глубокой тишинѣ и съ напряженнымъ вниманіемъ, слушали поученія, раздававшіяся съ Профессорскихъ кафедръ. Науки спановятся общеполезными; языкъ ихъ, прежде не для всѣхъ понятный, теперь для каждаго ясенъ и вразумителенъ. Знанія, вышедшія изъ тѣснаго круга ученыхъ, распространяясь въ обществѣ, убѣждаютъ всѣхъ, что наука есть развитіе самопознаніе — жизнь, себя сознающая. Всѣ увѣряются въ необходимости народнаго образованія, какъ для частной пользы каждаго, такъ и для блага Государспвеннаго. За пол-

вѣка предъ симъ любознательные приходили въ Университетъ слушать торжественныя рѣчи первыхъ Русскихъ Профессоровъ : наука передавалась однимъ Сшудентамъ. Теперь наука сдружается съ жизнью: она передается всѣмъ любителямъ ея , становится общественною потребностью, внушаетъ любовь къ изящному , просвѣпляетъ умственное воззрѣніе на все , насъ окружающее , располагаетъ душу къ нравственной дѣятельности. Распространяющаяся любовь къ ученію изгоняетъ изъ общества грубыя удовольствія , которыми невѣжество сокращаетъ дни лѣни и праздности. Тогда попеченіями Профессора *Прокоповича-Антонскаго* пришелъ въ цвѣтущее состояніе и разсадникъ Университета, *Благородный Пансіонъ*, воспитавшій тысячи Русскихъ Дворянъ, усердныхъ служителей Престолу , и многихъ императоровъ. Императорское собраніе его питомцевъ , подъ руководствомъ Профессора *М. Снегирева*, прежде издавшее *Распускающійся Цвѣтокъ* и *Полезное упражненіе юношества*, теперь , подъ руководствомъ *Баккаревича* , даритъ намъ *Утреннюю зарю*, предвѣстницу многихъ прекрасныхъ талантовъ ; поздно оно издало *Каліопу*. Для Пансіона Профессоръ *Сандуновъ* пишетъ *Дѣтскій театръ*. При Университетѣ учреждаются ученые Общества :

Отечественной Словесности, Истории и Древностей Русских, Испытателей Природы и Общество Физико - Медицинское. Труды Общества Университетъ печатаетъ на своемъ издѣніи, радѣя единственно о пользѣ общественной распространеніемъ полезныхъ знаній. Вѣчно-памятный для Московскаго Университета, Попечитель Муравьевъ, бесѣдуетъ съ учащими, предлагаетъ имъ ученые занятія, одушевляетъ юные таланты между учащими, испрашиваетъ Монаршихъ щедротъ на опправленіе оппичнѣйшихъ въ иностранныя Университеты для дальнѣйшаго образованія.

И какое восхищительное зрѣлище являетъ отечественная Словесность, плодъ умственного развитія и самопознанія! Представители ея въ этомъ времени — питомцы Университета и Университетскаго Пансіона: *Карамзинъ*, *Жуковский*, *Мерзляковъ*.

Карамзинъ первый позналъ потребность вѣка, первый удовлетворилъ желаніямъ современниковъ. Образовавшійся еще по Европейскимъ писателямъ осмнадцатаго вѣка, какъ писатель Русскій, онъ оппиченъ оппъ всѣхъ своихъ предшественниковъ: онъ знакомитъ насъ съ отечественными преданіями, очаровательною кнестью рисуется предъ нами родные нравы, оживляетъ памятники, долго плѣвшіе

въ неизвѣспности , воспроизводитъ предъ нами даже мѣста , копорыхъ до него мы не замѣчали , попому что жили мысленно въ Версали и въ Парижѣ. Карамзинъ миритъ и языкъ ученый съ народнымъ — сдружаетъ этѣ двѣ стихіи, до него враждебныя: и языкъ его гибкій , живописный , благозвучный , принявшій изящныя формы , спановится языкомъ всѣхъ людей образованныхъ. Это первое явленіе живаго языка Русскаго. Правда , вмѣстѣ съ жизнію народною , онъ необходимо измѣняется; но языкъ, копорымъ началъ говорить Карамзинъ , всегда останеся памянникомъ новаго образованія — памянникомъ великаго писателя. Понятъ требованія времени и духъ народа , увлечь за собою миллионы — это подвигъ великаго. При быспрыхъ измѣненіяхъ въ образованіи опечества нашего , Карамзинъ самъ совершенствуется вмѣстѣ съ своимъ временемъ. Сначала онъ приноситъ дань школѣ писателей прошедшаго вѣка , копорой заплашили дань и сильные умы Германіи и Англіи; потомъ ищетъ вдохновеній въ Макферсонѣ, Шекспирѣ, Шиллерѣ, Гёте; наконецъ, удалившись опъ всѣхъ исканій свѣта , въ уединеніи, питающемъ умъ и сердце, воскрешаетъ предъ нами предковъ нашихъ , творитъ палладіумъ народной славы — опечествленную Исторію :

и здѣсь онъ является представителемъ народнаго самопознанія.

Слава, признаваемая въ писателѣ цѣлымъ народомъ, не есть оиміамъ дружбы: это сліяніе чувствъ милліоновъ, жертва народа своему представителю слова. Таковую славу достойно спяжалъ Карамзинъ. Привести въ порядокъ разбросанныя свѣдѣнія объ отечествѣ, сохранившіяся въ историческихъ попыткахъ его предшественниковъ, оживить мертвые памятники и дать языкъ пѣмымъ хартіямъ, угадать народный духъ въ Словесности: такой подвигъ есть подвигъ высокаго ума, непреодолимой воли, изящнаго чувства. При нѣкоторыхъ недоспапкахъ, какъ данн своему времени, Исторія Государства Россійскаго стойтъ въ ряду творческихъ произведеній Словесности. Чпо сказать о языкѣ, которому изучился онъ въ Университетѣ, языкѣ, въ которомъ пѣтъ ему равнаго по описаніямъ и повѣствованію, легкости, живости, простотѣ, благозвучію, неиспощимому обилію? Карамзинъ шелъ съ того мѣста, на которомъ остановился Ломоносовъ. Сей заспалъ стихіи языка нашего смѣшенныя, неустроенныя: ему предстоялъ трудъ раздѣлить ихъ, привести въ порядокъ. Карамзину достался языкъ, запечатлѣнный формами Лаптинскими; ему над-

лежало переучивать насъ родному языку, искавъ стихій его въ родныхъ источникахъ, сблизивъ книжный языкъ съ народнымъ. Ломоносовъ искалъ языка въ старинныхъ нашихъ книгахъ; Карамзинъ зналъ, что его должно изучать въ живой рѣчи народа — что одушевленіе для Словесности находимъ мы подъ шѣмъ небомъ, съ котораго нисходитъ оно къ народу; что для эпохи нужно окружить себя воспомина-ніями жизни предковъ. Вотъ, чѣмъ восхи-пиль онъ у всѣхъ современниковъ пальму *перваго* писателя, увлекъ всѣхъ за собою! Такъ вѣрно зналъ онъ стихіи Русской жизни, Русскаго ума и сердца! Съ появленіемъ Истории Государства Россійскаго прекратились споры о старомъ и новомъ слоgъ; шутъ убѣдились въ истинѣ, давно знакомой иноспранцамъ, упредившимъ насъ въ просвѣщеніи, что языкъ образуется не по произволу писателей, но въ быту и жизни народной; что каждый вѣкъ самъ выбираетъ для себя сокровища изъ наслѣдія предковъ, самъ развиваетъ себя въ своемъ словѣ. Дайте при этомъ палладіумъ созрѣть еще одному поколѣнію — и вы увидите полное развитіе Русской Словесности.

Карамзину соревнуютъ высшіе таланты этой эпохи — *Дмитріевъ*, любившій бесѣдовать съ Профессорами о Словесности, *Батюшковъ*,

ученикъ Муравьева. Такъ сильно вліяніе преобразователя слова! Въ Дмнпріевѣ отражается творчество и величіе Державина, глубокое предчувствіе и сознаніе народности нашего времени, благородство и возвышенность мыслей. Главный, отличительный характеръ его — изящество и окончанность формы, удивительное изящество языка; каждое стихотвореніе его представляетъ совершенно отдѣланную группу классической древности; онъ въ этомъ отношеніи неподражаемъ. Въ Батюшковѣ мы не находимъ высокости мыслей, не любимъ живописью вѣшней и вѣтренней природы, какъ въ Державинѣ; но онъ роскошенъ въ повѣствованіяхъ, сладостенъ его періодъ и стихъ.

За Карамзинымъ вступаетъ на поприще Словесности нашей пиомецъ Университетскаго Пансіона, Жуковский. Поэзія его приняла совершенно иное, современное направленіе, увлекла за собою толпу подражателей, и проложила новый путь къ преобразованію Русской Поэзіи. Таинственная тоска и грусть души, недовольной однимъ земнымъ, но парящей къ небу, къ своей отчизнѣ — чувство, переживающее все земное, сила духа, пропитывающаяся всѣмъ силами вещественной природы, возраждающаяся изъ пепла развалинъ городовъ и царствъ — сила, побѣждающая при-

роду познаніемъ и раскрытіемъ завѣтныхъ тайнъ ея — поэзія неподражаемая, но изъ души раждающаяся, соревнующая природѣ въ ея творчествѣ: такова поэзія новая, явившаяся въ словесныхъ созданіяхъ Жуковскаго! Это чувство Поэта нашего пиналось однородными чувствами поэзіи Германской и Англійской. Но болѣе сочувствуетъ душа его душѣ Шиллера — всеобъемлющаго и вмѣстѣ неопредѣленнаго, глубокаго и вмѣстѣ мрачнаго; это переселеніе души съ земли на небо отразилось въ нашемъ Поэтѣ. Идеальная поэзія его, витающая въ радужной сферѣ фантазіи, сладостная мечтательность — опозвались въ сердцахъ нашихъ: внезапное сопряженіе чувства воспламеняетъ искры небеснаго огня, въ насъ пылающія. Онъ не проявляется въ осязаемыхъ образахъ жизни духовной, какъ Державинъ, но и самые рѣзкіе образы вѣшной природы переносятся въ таинственный міръ идеальный. — А уладительная, гармоническая, разнообразная музыкальность, и вмѣстѣ поразительная изобразительность языка? Это собственность, творчество Жуковскаго. Въ его живомъ словѣ образовались всѣ основные элементы нашей народности; онъ довершилъ начатое Карамзинымъ сліяніе книжнаго языка съ народнымъ — сліяніе, выражающее всѣ потребности совре-

менной жизни. Могут ли преппи молчаніемъ , что знаменитый современный Поэппъ нашъ былъ однимъ изъ первыхъ членовъ дружескаго собранія Словесности въ Университетскомъ Пансіонѣ? Любовь ко всему изящному, взаимное искреннее довѣріе юношей, высказывавшихъ другъ другу первыя мысли свои и чувствованія , непришворныя , чистыя , стремленіе къ совершенствованію : вопъ , что одушевляло это собраніе. Восхищеніемъ было юношества , въ мирныхъ бесѣдахъ своихъ , видѣть Профессоровъ — воспитателей и наставниковъ , радужно внимавшихъ литературнымъ опытамъ , увеселявшихся мечтами певинными , подававшихъ добрыя совѣты не только для слова , но и для мысли, и для сердца.

Въ этомъ періодѣ перерожденія нашей Словесности, съ распространеніемъ вкуса ученою критикою Университета , Крыловъ творилъ басни изъ опечесственныхъ элементовъ. Какъ въ баснѣ Эзопа видно общество Греческое , еще простое, немногосложное ; въ Федръ—вѣкъ внѣшней славы Римской и внутренняго одряхлѣнія; въ Лафонтенъ—многоспихійное общество Людовика XIV: такъ басенный міръ Крылова своевременъ и своеземень. Его басни — картины съ дѣйствующихъ лицъ передъ нами , съ правовъ и жизни, въ которой

мы сами дѣйствуемъ. Прибавьте къ этому Русскую замысловатость, колоритъ Русской рѣчи, живой, льющейся изъ устъ народа: и вы разгадаете очаровательную прелесть разсказа въ баснѣ Крылова.

Между противоположными направленіями, въ переходномъ періодѣ Словесности нашей, воспрѣчаемъ талантъ, совмѣщавшій въ себѣ классическую древность съ новыми потребностями времени, сочувствовавшій духу новой Поэзіи, и увлекавшійся върованіемъ въ неизмѣняемость Пипики и Рипорики Аристопеля: это *Мерзляковъ*. Онъ самобытенъ, когда выражаетъ чувствованія сердца по собственному вдохновенію, и спановишся холоднымъ предлагателемъ, когда воспоминаетъ уроки взыскательныхъ учителей — Баптѣ и Эшенбурга. Мерзляковъ представляетъ рѣдкое, счастливое сочешаніе разнообразныхъ способностей — Профессора, Орашора и Поэта. Онъ одинъ первенствуетъ на ученомъ поприщѣ опечесненной Словесности въ этомъ періодѣ: излагаетъ во всей обширности науку изящнаго, въ главныхъ очеркахъ начашую Сохацкимъ, образуетъ ученую крипику Русскихъ писателей, первый открываетъ публичный курсъ Словесности для любителей и любительницъ опечесшеннаго слова, прославляетъ безмерп-

ные подвиги Александра I, перелагаетъ древнихъ и новыхъ классиковъ, и даритъ насъ собственными твореніями поэтическими. Къ нему спекаются юные паланты съ своими произведеніями, у него спрашиваютъ совѣтовъ, отъ него получаютъ одушевленіе. Отъ природы глубоко-чувствительный, изучавшій Греческихъ и Римскихъ писателей, послѣдователь Лагарпа въ литературной критикѣ, питомецъ Московскаго Университета въ Русскомъ словѣ: воистину незабвенный Мерзляковъ, честь и слава наша!

Высшее поржество дара слова являлось на Профессорской кафедрѣ Мерзлякова, въ его чтеніяхъ о Словесности. Не ищите въ немъ глубокой теоріи искусства: въ эпосѣ онъ послѣдователь школы эмпирической; онъ вѣровалъ въ подражаніе изящной природѣ; думалъ, что человѣка нужда научила и музыкѣ, и живописи; называлъ искусство навыкомъ и способностью дѣлать что-либо хорошо; не принималъ различія между Классическою и Романтической поэзіею, ни между красотами поэтическими міровыми и народными; не преслѣдовалъ духа Поэзіи и Краснорѣчія у разныхъ народовъ, въ различныхъ ихъ направленіяхъ; не разлагалъ и общественно-Словесности на различные ея элементы, самородные и чуже-

земные. Онъ даже разбиралъ Россіяду, Димитрія Самозванца и Димитрія Донскаго по правиламъ Аристотеля: онъ Русской эпопеи пребовадь языческаго чудеснаго, а онъ Русской трагедіи — прехъ единствъ. Онъ чуждался философіи Словесности, обогащенной въ текущемъ сполъшій изслѣдованіями ученыхъ знаменитостей Германіи — Шиллера, Бахмана, Фр. и Ав. Шлегелей. Но онъ вѣренъ въ той криптикъ, копорая излагалась не по курсамъ его учителей, а прямо исходила изъ его чувства; опчепливъ въ Державинъ, копорому сочувствовалъ въ поэпическихъ созданіяхъ. Мы, ученики его и почиаптели, изумлялись его дару слова, обильной текучести рѣчи, его импровизаціи на лекціяхъ, когда онъ одушевлялся любимымъ чувствомъ — воспоргомъ къ опечесвенному слову и безкорыстной любовью къ Музамъ, копорымъ принесъ въ жертву всю жизнь свою, съ дивнымъ самоопверженіемъ (*).

Какъ поэтъ, Мерзляковъ неподражаемъ въ Русской пѣснѣ, въ эпомъ чиспомъ, свобод-

(*) Все ученіе Мерзлякова о Словесности можно читать въ Лекціяхъ его и Разсужденіяхъ, напечатанныхъ въ Вѣспникъ Европы, Амфіонъ и Трудахъ Общества Любителей Россійской Словесности, въ книжкахъ: 1, 5, 7, 13, 17, 18.

номъ изліяніи его нѣжнаго , добраго сердца. Пѣснь его—отголосокъ Русскаго духа, по заунывный и томный , по радостный и игривый. Самые звуки этой пѣсни намъ знакомые, родные. Къ первымъ вдохновеніямъ его юности относяся подражанія и переводы изъ Древнихъ. Въ нихъ одинъ только недоспашокъ, оппечатокъ времени — безразличіе языка въ опрыткахъ Омира , Эсхила , Софокла , Эврипида , Эокрипа , и въ опрыткахъ Виргилія , Овидія , Горация , Тибулла , Проперція. Счастливѣйшія переложенія выражаютъ господствующую его способность — чувство. Оно пробивается и въ тяжелыхъ ямбахъ перевода Тассова Освобожденнаго Іерусалима ; оно умилительно и въ усахъ Аннигоны , и въ рѣчахъ Дидоны , и въ изображеніяхъ Эрминіи и Танкреда. Эта главная стихія дарованій Мерзлякова очаровываетъ насъ и въ Похвальномъ Словѣ Александру I : въ немъ видимъ излишнее повѣспованіе , скудость въ рѣзкихъ чертахъ Благословеннаго ; но художественное изображеніе божественнаго Монарха нашего, Ангела—Хранишеля цѣлой Европы, дарующаго побѣжденнымъ врагамъ миръ и прощеніе, изображеніе крошости и милосердія заставляетъ забывать недоспажки Випіи. Изученіе древнихъ писателей придало его слову стройность и

звучность; стихъ и періодъ его не глубокъ, не разнообразенъ, но, полный и округлый, ровень, величественъ. Сколько разъ съ этой самой кафедрой слышали мы и восторженнаго поэта, и очаровательнаго оратора, повѣдаваго намъ въ усладительномъ опечеспвленномъ словѣ или возвышенныя чувствованія искусства, или глубокія думы науки! Сколько разъ его краснорѣчіе, всегда чистое и благородное, въ первый разъ раздавшееся въ здѣшнемъ храмѣ наукъ во всемъ блескѣ и со всѣмъ своимъ достоинствомъ, насъ увлекало, обольщало! Онъ и за нѣсколько дней предъ кончиною, какъ истинный жрецъ науки и искусства, уже слабѣвшимъ голосомъ, на закашѣ мирной, но славной жизни, повѣдалъ чувствованія души своей, произнесъ прощальное слово сему храму наукъ, пропѣлъ послѣдній гимнъ Шувалову.

Ученіе Мерзлякова образовало достойныхъ лириператоровъ, украшающихъ произведеніями своими нашу Словесность. Замѣчательно, что въ этомъ періодѣ Московскаго Университета мужи, знаменитѣйшіе по вліянію и власти своей, охотно преклоняли слухъ свой къ произведеніямъ словеснымъ, сославляли изъ нихъ свои любимыя занятія. Въ это время обращено было особенное вниманіе на Словесность, какъ на занятіе, ведущее къ почестямъ и

славѣ. Умная бесѣда избранныхъ просвѣщенныхъ собрана была Екатериною II въ эрмитажѣ; въ царствованіе Александра I, въ Петербургѣ и Москвѣ, подобныя бесѣды уже не казались рѣдкостью. Въ нихъ молодые люди, соединенные любовью къ наукамъ и Словесности, сочиняли, переводили, разбирали свои сочиненія и переводы, не думая объ извѣстности, желая единственно собственнаго совершенствованія. Въ Московскихъ литературныхъ бесѣдахъ Мерзляковъ былъ корифеемъ. „Эпоха жизни моей,“ „говоришь онъ, почиаю и всегда почиашь буду самымъ счастливымъ, золотымъ, невозвратимымъ временемъ моей жизни. Мы строго крипиковали другъ друга письменно и словесно, разбирали знаменитѣйшихъ писателей, которыхъ почиали образцами своими, рассуждали о всѣхъ важнѣйшихъ для человека предметахъ, спорили много и шумно за сподомъ ученымъ, и расходились добрыми друзьями по домамъ. Нѣтъ ничего драгоценнѣе и уладительнѣе времени, проведеннаго въ кругу ровныхъ и ближнихъ, когда во всѣхъ еще чувства были свѣжи и невинны, когда тягостныя заботы не оправаляли ихъ убійственнымъ своимъ дыханіемъ, когда спрасы не возмущали сердецъ, привязанныхъ къ занятіямъ благороднымъ, когда смопрѣли мы на бурный свѣтъ,

чуждые свѣта. Кромѣ глубокихъ впечатлѣній, обыкновенно оставляемыхъ въ душѣ нашей минувшимъ счастливымъ, даже несчастливымъ временемъ, тогдашнія дружескія бесѣды наши и по тому для насъ вѣчно памятны, что онѣ безъ всякаго сомнѣнія были предпечамъ Общесства, послѣ Высочайшимъ соизволеніемъ учрежденнаго при Университетѣ (*).“ Изъ сихъ-то дружескихъ липперашурныхъ бесѣдъ, копорыхъ душою былъ Мерзляковъ, распространялся вкусъ къ изящному; онѣ-то во многихъ паланпахъ породили любовь къ Словесности, обратившуюся въ нравственную пошребность. Можемъ ли не опдашь должной справедливости заслугамъ, оказаннымъ опеческвенному слову пипомцами Университета и Университетскаго Пансіона — изящнымъ повѣсповоателемъ *Дашковымъ*, *Воейковымъ*, переводчикомъ *Виргилія* и *Делиля*, опличнымъ писателемъ въ *Посланіяхъ* и *Сапирахъ*? Забудемъ ли любимца *Талія*, *Кн. Шаховскаго*, замысловаатаго *Милонова*, опспроумнаго *Писарева*, новаго шворца Русской *Комедіи*, *Грибодова*? Мерзляковъ, образовавъ достойныхъ липперашоровъ, не соспавиль многочисленной школы, подобно *Карамзину* и *Жуковскому*; потому что шруды его были большею частію ученые, находящіе немногихъ по-

(*) Воспоминаніе о О. О. Пшавовѣ.

слѣдовашихъ и подражашихъ. Легкость прозы Русскаго Путешественника, плодъ высшихъ дарованій и долговременнаго упражненія, казалась обольстительною. Новосѣль Баллады внушала также многимъ смѣлость воснѣсть другую Свѣтлану. Опъ того полны прозаиковъ и стихотворцевъ, безъ призванія къ Словесности и безъ глубокаго изученія искусства и языка, замечали о *сентиментальности*, и пустились въ невѣдомую даль. Мерзляковъ, поучавшій Словесности съ кафедры, казался недостижимымъ: для подражанія ему, нужно было изучать писателей Греческихъ и Римскихъ. Послѣдователями его были одни его слушатели, которые у него заимствовали духъ критики, и не опасавали опъ современной учености.

Въ Московскомъ Университетѣ воспитывался и другой переводчикъ *Иліады*, владѣвшій словомъ сильнымъ и могучимъ, *Гипсичъ*, поэтъ не фантазіи, но ума и чувства. Его переводъ *Иліады* столько же оплеченъ опъ опыта перевода Коссова, сколько различны періоды Словесности, въ которыхъ топъ и другой образовался. Гипсичъ глубоко изучилъ свой подлинникъ, зналъ, что твореніе Омира представляетъ энциклопедію Древнихъ. Кто любилъ восходить къ юности человечества, со-

зерцать дѣвственную прелесть природы, или
лнпаться уроками временъ минувшихъ, предъ
пѣмъ цѣлый мѣръ, земной и небесный, разви-
вается въ Иліадѣ — предъ пѣмъ кипитъ
жизнь и движеніе, и все въ карпинѣ порази-
тельнѣйшей, какую только создавалъ гений
человѣка. Здѣсь всѣ спраши юнаго человѣче-
ства, полного силою духа, неспѣняемаго
условіями гражданственности, всѣ спороны
жизни героической, развивавшейся со всею
роскошью и роскошою временъ первоначаль-
ныхъ. Такъ мыслить и переводчикъ Иліады, но
не былъ вѣренъ мысли своей: Омиръ въ Рус-
скомъ переводѣ кажется слишкомъ суровымъ,
однообразнымъ, искусственнымъ. Тѣмъ же воз-
вышеннымъ слогомъ Гнѣдичъ переводилъ Тан-
креда, передѣлывалъ Леара. Эпо также оп-
печапокъ времени — недостапокъ разнообра-
зія и гибкости въ языкѣ, недостапокъ радуж-
ныхъ оплизовъ въ рѣчи — недостапокъ народ-
ности.

Еще одинъ изъ питомцевъ Московскаго
Университета, Кошанскій, бывшій Профессоръ
Словесности въ Царскосельскомъ Лицеѣ, делѣ-
ялъ въ юности того Поэша, съ душою вос-
порженною, съ дивнымъ даромъ слова, Поэша,
кошорому суждено гениемъ Поэзіи быть пред-
спизвнеламъ современной Русской Словесно-

сти. *Полтава* и *Борисъ Годуновъ* — радостное явленіе народности, начало литературной нашей самобытности.

Говоришь ли мнѣ о заслугахъ, оказанныхъ опечеспвленной Словесности и достойнѣйшими сошоваищами моими по разнымъ часпямъ учености? Всѣ они, преподавая въ этомъ періодѣ Московскаго Университета науки на опечеспвленномъ языкѣ, принесли въ сокровищницу его несмѣшныя богатства. Гдѣ можно болѣе ожидать успѣховъ слова, имѣющаго могущеспвленное вліяніе на образованность народа, какъ не среди мужей просвѣщенныхъ, при многолѣтней опытности своей, одушевленныхъ пламеннымъ желаніемъ содѣйствовать благу опечесства? Преемники наши безпристрастно оцѣняютъ труды нынѣшнихъ Членовъ Университета.

Исчисляешь ли заслуги опечеспвленной Словесности и ихъ питомцевъ Университета, кошорые подвизались и подвизаются на поприщѣ Государственнаго служенія: краснорѣчивыхъ проповѣдниковъ Слова Божія, Митрополитовъ *Михаила* и *Серафима*, незабвенныхъ исполкователей Русскихъ древностей, Митрополита *Евгенія* и *Малиновскаго*, переводчика *Шлецерова* *Неспора*, *Языкова*? Счастливы тѣ, коихъ Провидѣніе назначило разливать свѣтъ истины,

возбуждать любовь къ добродѣтели, вести родъ человѣческій къ совершенству! Какое наслажденіе сравнится съ тѣмъ увѣреніемъ, которое просвѣщенные могутъ носить въ сердцѣ своемъ: мы не напрасно пятимся земле; не безъ цѣли спремимся за другими въ эпомъ шумномъ вихрь страстей и дѣйствій человѣческихъ; мы не въ безмолвіи переходимъ назначенное Провидѣніемъ поприще?

Къ заслугамъ, какія оказалъ Московскій Университетъ отечественному просвѣщенію и Словесности, принадлежатъ Труды Общества Любителей Россійской Словесности, въ 27 книгахъ заключающіе лингвистическія изслѣдованія теоретическія, историческія и критическія, образцы въ разныхъ родахъ Поэзіи, Красноречія и Филологіи. Въ этихъ трудахъ впервые разрѣшены многіе, весьма важные вопросы касательно языка и Словесности отечественной. Таковы изслѣдованія корней и измѣненій словъ, глаголовъ, Русскаго словосоположенія и словосочиненія синонимъ, розысканія о языкѣ Славяно-Церковномъ; разсмотрѣніе Русскихъ пѣсень, описанія старинныхъ Русскихъ праздниковъ, объясненія пословицъ, разборъ знаменитѣйшихъ нашихъ поэтовъ и ораторовъ, общія теоретическія изысканія о Словесности, переводы изъ древнихъ писаній

лей, многія образцовыя сочиненія. Общество, кромѣ Трудовъ своихъ, издало четыре частныя Рѣчей прежнихъ Русскихъ Профессоровъ здѣшняго Университета, начавшихъ излагать науки на опечесивенномъ языкѣ, да послужать онѣ дополненіемъ Исторіи Русской Словесности. Сколько трудностей встрѣчали предшественники наши, при началѣ изъясненія наукъ на своемъ языкѣ, который впослѣдствіи времени, съ большими опытами и непрерывными занятіями ученыхъ, обогащался, усиливался и возвышался въ красотѣ и великолѣпій! Симвъ памятникомъ Московскаго Университета и просвѣщенія нашего Общество сдѣлало то для преемниковъ своихъ, чего для насъ не успѣли сдѣлать наши предшественники. Говорить о содѣйствіи этого Общества народному образованію, значитъ говорить о вліяніи дара слова на нашъ умъ, волю и чувство. Знанія, какъ сокровища, должны переходить въ наслѣдіе отъ поколѣнія къ поколѣнію. Нерѣдко одна мысль краснорѣчиваго писателя, раскрытая во всемъ свѣтѣ своемъ, осязательно для каждаго представленная, служила вѣрнѣйшимъ руководствомъ на всю жизнь человека. Сколь чудны, хотя не примѣны, дѣйствія роднаго языка, когда приведемъ себѣ на мысль, что въ немъ заключается вся система понятій —

всё, чѣмъ только мы выше всего, насъ окружающаго. Кпо совершенно владѣеть языкомъ своимъ, попь собою предспавляетъ мѣру народнаго просвѣщенія, степень знаній, нравовъ, чувствованій. Общесства опечесивенной Словесности, какъ бы облакая знанія въ народность, содѣйспвуютъ успѣхамъ просвѣщенія. Не мечтанія, сего дня раждающіяся, а заутра, какъ призракъ, исчезающія, но приложение умозрѣнія къ слову, его исторія, образцы — вопъ предметы Общесства Словесности при Университетѣ. Опъ занятій просвѣщенныхъ липшерапоровъ, не подчиняющихъ себя своенравнымъ прихотямъ вкуса однодневнаго, опечесивенная Словесность получаетъ вѣрное свое направленіе. Мысль, что труды, подъемлемые въ Словесности, имѣютъ споль обширныя дѣйствія на благо общественное — эта одна мысль служилъ наградою душамъ благороднымъ. — Счастливы любители изящнаго, которыми суждено быть предспавителями своего народа, образоватъ его, направитъ къ добру, раскрытъ какую-либо спорону истины! Слово, дающее уму цвѣтностъ, у него заимспвуетъ свой свѣтъ. Таково взаимное дѣйствіе ума и слова, науки и искусства, учености и Словесности. Кпожъ главные двигатели этого общесства? Раскройте Труды

его — и вы увидите, начиная съ первого Предсѣдателя, при которомъ оно, въ продолженіе пятнадцати лѣтъ, процвѣтало — который самъ оставилъ образцы прекрасной прозы — вы большою частію увидите имена Профессоровъ или ихъ питомцевъ.

Соображая успѣхи народнаго образованія и опечесивенной Словесности, совершенные въ первой четверти текущаго столѣтія, съ успѣхами предъидущаго періода, по истинѣ изумительныя, не довѣряешь краткости времени и обширному распространенію знаній. Столь быспры измѣненія во всемъ просвѣщенномъ мірѣ, столь неимоვნю измѣненіе въ образованіи опечесивенномъ! Уже Московскій Университетъ во второмъ періодѣ соревнуеть Университетамъ иностраннымъ, Уже въ немъ, какъ въ средоточіи народнаго самопознанія, чужеземныя приобрѣшенія превращаются въ живительную кровь, и изливаются изъ него въ живомъ Русскомъ словѣ. Уже онъ исполняеть призваніе свое — сокровища, приносимыя на жертвенникъ опечесивеннаго просвѣщенія, повѣряеть Русскимъ духомъ, Русскою любовью къ Вѣрѣ и Престолу. Уже Члены Университета, въ первомъ періодѣ его существованія, сохранявшіе въ чистотѣ языкъ Русскій, теперь сами съ питомцами своими являюся

творцами въ словѣ, самобытными писателями. Прежде замѣтно было стремленіе къ приобрѣтенію филологическихъ знаній, къ подражанію иностраннымъ образцамъ: таковъ былъ періодъ знаній опытныхъ, историческихъ. Теперь приобрѣтенныя знанія разсматриваются, подвергаются разбору, приводятся въ систему: это періодъ начального умозрѣнія и критики. Посмотримъ на обширность дѣйствій Университета и его учебнаго Округа, состоящаго изъ 9 Губерній. Въ Университетѣ болѣе ста преподавателей и другихъ чиновниковъ, до пяти сотъ студентовъ, до двухъ сотъ юношей выходятъ ежегодно съ учеными степенями. Въ его Округѣ Лицей, Дворянскій Институтъ, 9 Гимназій, 5 Пансіоновъ при Гимназіяхъ, 75 Уѣздныхъ и 152 Приходскихъ и Волостныхъ училищъ, частныхъ Пансіоновъ и школъ 31. Въ нихъ Учителей и Чиновниковъ до тысячи, учащихся обоего пола до 15 тысячъ. Библіотека Университетская состоитъ почти изъ 50 тысячъ томовъ. Университетъ снабженъ Кабинетами: Физическимъ, Минералогическимъ, Зоологическимъ. Анатомическимъ, Гербаріемъ, Минцъ-Кабинетомъ; онъ имѣетъ Обсерваторію, Ботаническій садъ, Химическую Лабораторію, Аптеку, Клиники. Университетская Типографія ежегодно опше-

чашывается болѣе 7 милліоновъ листовъ. Эти цифры служатъ краснорѣчивѣйшимъ доказательствомъ возрастанія Университета, свыше благословляемаго и осыпаемаго щедрошами и милостями Вѣнценосцевъ. Раскройте капа-логи Русскихъ книгъ учебныхъ: и Теоріи Словесности, съ ея Исторією и Криптикою, и Исторіи Всеобщей и Русской, съ Географією и Статистикою, и Руководствъ по части древней и новой иностранной Словесности, и большей части сочиненій по предметамъ Математики, Физики, Астрономіи, Естественной Исторіи, Правовѣдѣнія и Медицины — вы увидите труды Университетскихъ питомцевъ и здѣшнихъ Профессоровъ. Посмотрите на чиновниковъ Имперіи и писателей нашихъ, загляните въ ихъ жизнеописанія — и въ нихъ найдете вліяніе нашего Университета: они или питомцы его, или ученики Профессоровъ (*). »Если мы видимъ нынѣ споль многихъ достойныхъ судей въ столицахъ и въ самыхъ отдаленныхъ Губерніяхъ,« говоритъ Карамзинъ, »если слогъ приказный уже не всегда устрашаетъ насъ своимъ варварствомъ; если необходимыя правила Логики и языка соблюдаются не рѣдко

(*) Речь Профессора Погодина : *О значеніи Университетовъ вообще, и въ особенности Русскихъ.*

»въ опредѣленіяхъ судилищъ; если Министер-
«ства находятъ всегда довольно юношей, спо-
»собныхъ бытъ его орудіями и служить опече-
»ству во всѣхъ часяхъ своими знаніями: то
»Государство обязано сею пользою Московско-
»му Университету (*).«

По истинѣ бытъ свѣтъ оцъ всемогнутаго
Елисаветина „да будетъ.“ Исполнилась
Державная воля Государыни, и совершились
обычи Сенапа, завѣщанные при основаніи Уни-
верситета. Сей первенецъ Русскихъ Универси-
тетовъ и Государственныхъ мужей изъ Дворянъ
приготовилъ, и достойныхъ Профессоровъ и на-
ставниковъ образовалъ, и по городамъ училища
учредилъ, и разлилъ свѣтъ наукъ (**), начавъ
передавать полезныя знанія на опечеспвен-
номъ языкѣ, и Русскому слову даровалъ оби-
ліе, силу и изящество, и снабдилъ нипом-
цами своими юнѣйшіе Рускіе Университеты.
Не вѣще дарованы сему свяцилицу наукъ
Александромъ Первымъ новыя права и пре-
имущества!

Такъ, Мм. Гг., окончился впорый періодъ
существованія Университета. Но развитіе ум-
ственной жизни, какъ и жизни въ природѣ, не

(*) Похвальное Слово Екашеринѣ II.

(**) Всеподданнѣйшій докладъ Шувалова.

оспанавливается : стремленіе къ совершенствованію ведетъ человѣчество къ новымъ изысканіямъ ума , къ новымъ подвигамъ воли , къ новымъ твореніямъ искусства.

Къ чему жъ стремится духъ нашъ въ настоящую эпоху времени ? Какія онъ предлагаетъ себѣ задачи въ наукѣ ? Какое направленіе получили искусство и Словесность, и какую идею онѣ осуществляютъ ?

Послѣ всѣхъ событій разрушительнаго осмнадцатаго вѣка, утѣшаешься направленіемъ текущаго девятнадцатаго столѣтія къ зидительности. Три десятилѣтія его, кромѣ нѣкоторыхъ частныхъ исключеній, вездѣ пропекли въ возсозданіи благоустройствъ, въ опношеніи религіозномъ, гражданскомъ и умственомъ. По мудрымъ успавамъ Промысла, зло въ самомъ излишествѣ заключаетъ и врачеваніе свое : послѣ вѣка разрушительнаго, вѣка борьбы и волненія спраспей, настало время мира и пищины, родилась потребность уснокомельнаго равновѣсія враждующихъ началъ, возникло стремленіе къ воспроизведенію новой жизни человѣчества. Глубокое уваженіе къ Вѣрѣ созидаетъ храмы на развалинахъ жершвенниковъ дерзкаго и самонадѣяннаго разума.

Въ области мышленія опытъ и умозрѣніе идутъ рука объ руку въ святилище истины. Мы видѣли, какъ Кантъ ниспровергалъ систему Лейбница, Фихте уничтожалъ ученіе Канта, Шеллингъ измѣнилъ основаніе Фихте, Гегель преобразовалъ теорію Шеллинга: и умы, какъ бы упомянутые ученіемъ, опьяненными опытъ жизни, возвращающагося къ ней, въ ея совершенствованіи посвящаятъ цѣль усилій своихъ и трудовъ. Опыты прошедшіе убѣдили всѣхъ, что общее благоденствіе зиждется единственно святою покорностью общественному порядку. Сближеніе умозрительныхъ наукъ съ дѣйствительностью явилось въ искусствѣ и Словесности. Уже сущность, мысль береть верхъ надъ формою, внѣшностью; теорія искусства, въ соединеніи съ его исторіею, образуетъ истинную кристику; искусство перестаетъ подражать мертвой вещественной природѣ, начинаетъ создавать творенія по живымъ идеаламъ духа. Классицизмъ не почиается враждебнымъ романтизму; Словесность ошличаетъ красоты міровыя опытъ народныхъ, согласуетъ изящную форму древней Поэзіи съ глубокою идеею новой. Отсюда господствующая мысль о Словесности *народной*, создаваемой изъ отече-

спивенныхъ элеменшовъ (*). Всеобъемлющiе генiи Германiи сошли съ пьприща умспивенной дѣятельности, и всеобщность распалась на частнi: ученныя изысканiя обратились къ опечественнымъ историческимъ памятникамъ. Вмѣсто классическо - Французской Словесности, распространила могущесивенное влiянiе Нѣмецкая; Англiйская явилась также во всемъ величiи возсозданiя народности, съ новыми творенiями поэтическими. Дружно дѣйствуютъ въ наше время науки, жизнь и искусство; согласно развивается умъ, воля и чувство, Человѣкъ, въ непрерывномъ совершенствованiи своемъ, положиительно стремится къ истинѣ, благу и изяществу. Текущiй вѣкъ убѣдилъ, что Поэзiя никогда не умираетъ: въ то время, какъ повидимому сякнетъ источникъ ея, неожиданно загарается новый воспоргъ въ душахъ избранныхъ генiевъ, вѣетъ на нихъ новое вдохновенiе. Дщери Мнемозины иногда снимаютъ съ себя вешнiй покровъ, на кошоромъ ошъ времени блекнутъ яркiя, радужныя краски, и, оющивши, являющся въ покровѣ новомъ, блестящемъ (**). Въ поэтическихъ творенiяхъ погибаетъ только вишняя оболочка, какъ и

(*) *Wolf's* — Ein und zwanzigste Vorlesung.

(**) *Ampère* — De l'histoire de la Poësie, Discours.

наше пѣло; но внутренняя сущность ихъ, духъ, какъ духъ человека, бессмертны. Давно ли оплакивали Словесность нашу Славяно-Греко-Латинскую? А Карамзинъ, въ пышнѣ и уединеніи, созидаль Русскую Исторію, славный памятникъ нашей Вѣры и преданности Престола: и эпосъ памятникъ вызвалъ изъ среды насъ юные таланты, надежду нашей славы умственной. Тогда, какъ умолкла лира Державина, пропѣвъ громкій гимнъ славному царствованію Екатерины II, эпосъ сладостный для насъ эпизодъ изъ Русской народной эпопеи, огласилась арфа Жуковского гармоніею неба, повѣдавшая неземное царство идеаловъ, оживила и подвигла насъ къ міру горнему. Всѣ упонченныя отвлеченія мысли въ науки, всѣ мельчайшія изслѣдованія и открытія въ исторіи питають и окрыляютъ Словесность; потому что въ сердцѣ человека, при всѣхъ отвлеченіяхъ и изслѣдованіяхъ, остаются глубины неизмѣримыя, въ воображеніи — пространства необъятныя. Съ успѣхами ума, съ творчествомъ воли, зрѣетъ и воодушевляется чувство: его изображать и воспѣвать стала современная Словесность; въ возвышенныхъ мысляхъ и великихъ дѣяніяхъ открылась глубокая поэзія. Прибавьте къ эпосу стихии народности вещественныя,

столь же разнообразныя, какъ разнообразна природа подъ различными полосами неба; спихи народности духовныя, столь же великія, какъ событія въ исторіи: и вы согласитесь, что Поэзія и Краснорѣчіе, какъ вселенная, непрестанно преобразуются и вѣчно живутъ. Псаломъ Еврейскій, Рамаана и Магабарапа Индіи, Моаллакапы Арабскія, Мистеріи и Баллады Испанскія, Канзона Италіанская, Эпопея и Лирика Труверовъ и Трубадуровъ, Нибелунги Миннезингеровъ, думы Оссіана, Эдды и Саги Скандинавскія, всѣ произведенія слова, со всѣмъ разнообразіемъ Востока и Запада, Юга и Сѣвера, оплывыя въ формахъ народности, представляють богатства для новой Словесности. Всеобщность Европейскаго просвѣщенія выражается въ формѣ народности; каждый народъ хочетъ быть самымъ собою, самобытнымъ. Новое мышленіе, проникнутое истинною вѣрой, новый порядокъ дѣлъ, на преданности и покорности отечественнымъ законамъ основанный, открываютъ и для Словесности новую жизнь. Нѣтъ преимуще- ственнаго господства ни прежней эпопеи ни исторіи, ни лирики ни философій, ни драмы ни вистійства; но изъ народныхъ элементовъ, возеозданныхъ въ каждомъ народѣ; рождается новая эпопея и исторія, новая лирика и фи-

лософія, новая драма и випійство. Тенерь, кажешся, мудрость въ Европѣ испытываетъ ту же участь, какую испытывала она въ древней Греціи послѣ Софистовъ, по словамъ Римскаго випіи: *призывается съ неба, поселяется въ градахъ, вводится въ жилища людей частныхъ.*

Какъ же отражается въ насъ всеобщій духъ науки? Какое направленіе получаютъ наше искусство и наша Словесность?

И Университетъ вступаетъ въ *третій періодъ* своего существованія, въ новый возрастъ умственной жизни, къ осуществленію идеи вѣка. Его дѣйствія, въ совокупности съ дѣйствіями другихъ Университетовъ, продолжаются съ тою же теплою чувства общей пользы, какъ въ первомъ и впоромъ періодахъ, когда онъ составлялъ средопочіе опечеспвеннаго просвѣщенія; но сіи дѣйствія гораздо обширнѣе, несравненно обильнѣе прежнихъ. Ущедренный новыми милостями Августѣйшаго Покровителя Русскаго просвѣщенія, Московскій Университетъ, въ большемъ объемѣ и согласно съ современнымъ состояніемъ наукъ преобразованный, руководимый мудрыми исполнителями всезидишельной воли Монарха, испол-

ниги въ будущемъ утѣшительныя надежды
вѣрныхъ сыновъ Россіи вліяніемъ своимъ на
просвѣщеніе и опечесивенную Словесность.
„Наблюдая съ постояннымъ вниманіемъ за хо-
домъ народнаго образованія, и съ удовольствіемъ
успрашивая стремленіе всѣхъ соспояній
къ просвѣщенію, на истинныхъ, здравыхъ нача-
лахъ основанному,“ **ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ**
изъявилъ Высочайшую волю, „содѣйствовать
сему порыву вѣрноподданныхъ усиленіемъ дѣя-
тельности Университетовъ на сущесивенную
пользу наукъ и публичнаго воспитанія (*).“
Вопи цѣль, указанная Монархомъ! Во всѣхъ
опрасляхъ знаній Московскому Университету
соствуютъ другіе Русскіе Университеты —
С. Петербургскій, Дерптскій, Казанскій, Харь-
ковскій и юнѣйшій изъ всѣхъ, Университетъ
Св. Владиміра, памъ разливающей свѣтъ науки,
гдѣ впервые разлился свѣтъ Божесивеннаго
ученія. Въ чемъ же можетъ первенствовать
храмъ наукъ, въ сердцѣ Россіи основанный,
гдѣ нѣкогда сосредоточились разрозненныя ча-
сти опечесива; откуда истекали живитель-
ныя силы Вѣры и любви къ Царямъ во всѣ
концы Россіи, когда взывала она къ сынамъ
своимъ о спасеніи; гдѣ утвердилось спаситель-

(*) Высочайшіе Указы 25 Іюня и 26 Іюля 1835.

ное для благоденствія нашего Самодержавіе ; гдѣ родился, воспитывался и сохраняется языкъ Великороссійскій, языкъ чистый, народный?—Опечеспвленный языкъ и опечеспвленная Словесность, палладіумъ народности — вотъ предметы, намъ ближайшіе! Уже и на нашемъ Сѣверѣ занялась радостная заря самобытности народной. Въ насъпоющую эпоху науки болѣе, нежели когда либо прежде, показывають благопшворныя свои дѣйствія въ обществѣ, и жрецы, служенію ихъ всю жизнь свою съ самоопшверженіемъ посвящающіе, въ нынѣшнее время еще болѣе плодовъ наблюдений своихъ и изысканій приносятъ на алтарь опечеспвленного просвѣщенія. Великій МОНАРХЪ, не щадя Царспвенныхъ щедротъ и милоспей для ученыхъ и писателей, Самъ Опецъ Опечеспва, обозрѣвая верпограды, гдѣ зрѣетъ новое поколѣніе, взываетъ къ намъ, бытъ истинно Русскими. Мудрые исполнители священной воли ЕГО, блюспшители народного просвѣщенія, открывая намъ всѣ способы къ усвоенію Европейской учености, руководспвуютъ насъ къ самобытности. Ученые, изъ природныхъ Русскихъ, обогащенные современными знаніями Европы по всѣмъ опраслямъ вѣдѣнія челоѣческаго, приносятъ къ намъ свѣжіе плоды наукъ; изложеніемъ ихъ на опечеспвленномъ языкѣ распроспранили-

ся новый живительный свѣтъ ихъ и тепла. Проникаются всѣ элементы гражданственности, изъ которыхъ слагается народность. Уже мы не доверяемъ сказаніямъ иностранцевъ о себѣ самихъ, но сами изслѣдуемъ элементы вещественные — природу, нами обитаемую, небо, подъ которымъ мы благоденствуемъ, родство наше по происхожденію съ разными народами; испытываемъ и элементы духовные: нравы и обычаи предковъ нашихъ, мудрость ихъ и законы, понятія религіозныя. Уже глубоко изучаемъ элементъ духовно-вещественный, языкъ нашъ и искусство. Московскій Университетъ, въ первомъ періодѣ существованія своего, сберегъ языкъ отъ выпорженія Латинской схоластики; во второмъ, предохранилъ Словесность отъ гибельнаго наводненія ея переводчиками и сочинителями, рядовыми грамотѣями: онъ исполнилъ назначеніе свое, былъ вѣренъ своему призванію. Въ третьемъ, новомъ періодѣ его жизни, онъ откроетъ родные источники для языка своего въ языкахъ соплеменныхъ, Славянскихъ. Обильный, могучій и звучный языкъ предковъ нашихъ — языкъ древнихъ Славянъ, вмѣстѣ съ Вѣрою, крѣпко связываетъ съ нами народовъ единоплеменныхъ, хотя и подъ разными скипетрами живущихъ. Одна опрaслѣ

его отъ Венеціянскихъ и Тирольскихъ предѣловъ проспирается по восточному берегу Адриатическаго моря къ Албаніи; другая идетъ на Сѣверъ по Балтійскому морю, за Вислою соединяясь съ опраслю Восточною, которая плынеетъ до Ледовитаго Океана; отсюда расширяется къ Алеутскимъ островамъ и Сѣверной Америкѣ, на Востокъ касаясь Китая, а на Югъ Чернаго моря. Между сими-то нарѣчіями одного многочленного семейства, одного исполинскаго языка, первенствуетъ наше — Русское. Языкъ разнообразный, какъ страна, имъ оглащаемая — сильный, какъ народъ, имъ говорящій, представляетъ богатства и наслажденія, и приобрѣтенныя отъ чуждыхъ народовъ, и друзей нашихъ, и враговъ. Въ немъ Греція, въ залогъ православной Вѣры, озарившей насъ благопшорнымъ свѣшомъ, оставила реченія религіозныя, ученныя, даже самое словопоспроеіе. Въ немъ мимоходомъ заброшено нѣсколько словъ разгульными Монголами, положившими головы свои на нашихъ обширныхъ поляхъ и степяхъ. Въ немъ звучатъ ученныя реченія новыхъ Европейскихъ языковъ съ шѣхъ поръ, какъ Геній Россіи, подобно Промеѣею, возжегъ въ ней огонь наукъ и искусствъ (*).

(*) Ученныя Записки, Ч. I: Общія свойства слова и приложеніе ихъ къ Русскому языку.

Славянскихъ языкахъ формы, образуемыя какъ бы изъ одного вещества и однимъ духомъ, мы найдемъ въ нихъ то, чего не высказано въ нашемъ; въ нихъ опыщемъ слова, намъ родныя, излѣпѣвшія изъ успѣ соплеменныхъ живыхъ народовъ (*).

Но ограничатся ли пруды нынѣшнихъ липператоровъ однимъ филологическимъ изученіемъ языка, какъ ограничивались эпимъ предшественники наши въ первомъ періодѣ Университета? Ограничимся ли мы и тою крипкою, копорая, во второмъ періодѣ, разсмапривала только внѣшнюю сторону липпературныхъ произведеній, не проникала мысли, шаящейся въ глубинѣ творческаго созданія?

Теорія и Исторія Словесности совокупными силами нынѣ прудятся надъ объясненіемъ художественныхъ словесныхъ произведеній; онѣ образуютъ истинную Крипику. Творенія Словесности, какъ шла въ природѣ и событія въ исторіи, всегда въ связи съ предшествовавшими и послѣдующими. Разсмотримъ рядъ причинъ и слѣдствій, опра-

(*) Съ сею цѣлью въ Университетѣ, по новому Уставу, учреждена кафедра *Исторіи и Литтературы Славянскихъ нарѣчій*.

жающихся въ сочиненіяхъ : и вы объясните себѣ швореніе , какъ еспествоиспытатели объясняють себѣ существа и явленія въ природѣ. Самобытность писателей состоить не въ томъ, чѣобы не имѣть никакого отношенія къ писателямъ предшесшвовавшимъ: пребвать эпого, значить желать дѣйствія безъ причины ; самобытность ихъ наблюдайте въ новыхъ формахъ художественныхъ, шворимыхъ изъ современныхъ народныхъ элеменовъ. Каждая эпоха въ Исторіи Словесности соотвѣтствуетъ какой-либо идеѣ чловѣчества, какимъ-либо народнымъ событіямъ. Сколько повѣствованій перешло къ намъ съ Востока , вмѣстѣ съ благочестивыми паломниками въ средніе вѣка, не смотря на трудности и опасности пуши, отправлявшимися на поклоненіе Гробу Господню ! Чтò , можетъ быть , въ первый разъ рассказывалъ Аравіянинеъ , подъ наметомъ своимъ, у кристалнаго ручья, то рассказывалъ спранникъ нашъ , подъ соломенною кровлею , у пылавшаго очага своей хижины. Теперь ожидаютъ насъ подобія изслѣдованія отношеній Словесности нашей къ иноспраннымъ, изъ коихъ мы въ разные времена, какъ изъ собственнй сокровищницы , брали литературныя богатства , оставаясь всегда бѣдными. Исторія изучить также особый

характеръ каждого поэта. Великіе художники, выражая собою вѣкъ и народъ, вмѣстѣ съ пѣмъ озаряють ихъ и дають имъ новое направление; они не увлекаются за народомъ, но предшеспвуютъ ему; прислушиваются къ нему, и послѣ учать его; сперва служатъ ему, а послѣ повелѣваютъ его вкусомъ. Опъ того самобытный писатель запечатлѣваетъ творенія свои собственнымъ характеромъ; въ пикани его произведенія можно усмотрѣть всѣ нпши жизни — темпераментъ, фізіогномію, воспитаніе, спраспи, привычки. При всемъ различіи художественныхъ произведеній, Теорія предвидитъ возможность открытія непреложныхъ законовъ духа нашего, по которымъ онъ устроляетъ царство истины и добродѣтели, творитъ міръ изящныхъ искусствъ. Наблюдая всѣ проявленія генія, вкуса, идеи изящнаго, она ищетъ непреложности законовъ слова, одинаковыхъ съ законами творческаго ума; покушается усмотрѣть духъ нашъ въ его производимости, какъ бы застпгнуть его въ творчество созданій словесныхъ, починая науку о словѣ наукою объ умѣ. Такъ Теорія и Испиорія Словесности взаимно одна другой помогаютъ; одна указываетъ единство началъ въ разнообразіи явленій другой. Руководимая ими ученая и скромная Крипика произноситъ

судъ надъ твореніями изящными, исполненная благоговѣйнаго уваженія къ гению, и неумолимо спрогая къ погрѣшностямъ, съ радостью удивляющаяся всему прекрасному, но и безпристрастно осуждающая безвкусіе. Такой Критикъ мысль дается ученіемъ, а сердце чувствомъ изящнаго. Успѣемъ рѣшить эту задачу — мы, съ народнымъ самодовольствомъ, скажемъ: и мы спрудимся въ общемъ дѣлѣ просвѣщенія!

И такъ, Мм. Гг., въ текущемъ періодѣ Словесности, питаясь Европейскою жизнью, мы должны оспариваться Русскими; озираясь свѣтомъ этой жизни, мы должны создавать свою опечесственную Литтературу. „Вънецъ наукъ,“ говоритъ краснорѣчивый писатель-вельможа, „слепаются славою всѣхъ талантовъ; высочайшее ихъ торжество сослѣишь въ изгнаніи изъ своей области частныхъ, всякой личности, всякаго приспастія. Міръ умственный, подобно Елисейскимъ полямъ Древнихъ, долженъ отдѣляться отъ міра дѣйствительнаго рѣкою забвенія (*).“ Такимъ образомъ разсмаприваемая Словесность дѣйствуетъ на добродѣшель въ нравственности, на истину въ познаніяхъ человѣка и на изящ-

(*) Воспоминаніе о Гётте — С. С. Уварова.

ное въ искусствѣ. Кто изъ посвящавшихъ сладчайшіе часы жизни своей Поэзии и Краснорѣчію не чувствовалъ невольнаго восторга, читая творенія, завѣщанныя писателями въ поученіе потомству? Это совѣты тѣхъ плавателей, которые, измѣривъ бездны и пучины, и выходя спасенные опъ бурей на безопасный берегъ, ввѣряють скалѣ писмена о спранствіяхъ своихъ, переживающія сполѣтія и наставительныя для другихъ (*). Сколько же драгоценныхъ преданій въ опечесственной Истории, сколько въ ней высокихъ характеровъ, великихъ событій, ожидающихъ краснорѣчиваго писателя, который бы разительнo представилъ ихъ для руководства въ нашей жизни! Занятія Словесностью, испоргая юный умъ изъ объятій нѣги, роскоши и чувственности, съ кошорыми и сильныя аплеши нерѣдко засыпають сномъ лѣни и бездѣйствія, возбуждають искры безсмертнаго генія — и падшаго подъемлють, пресмыкающагося воз-

(*) Здѣсь мнѣ припшно повторишь эту мысль о дѣйствіяхъ Словесности, высказанную мною за нѣсколько предъ симъ лѣтъ въ Трудахъ Общества Словесности Ч. 21. Однѣ шолько любимыя наши мысли юности сопровождають насъ во всю жизнь, не старѣя опъ опыта, вопреки всему временному, юнющаго опъ времени.

носящъ, униженнаго возвышаютъ. Произведенія ея научаютъ мужей доблестныхъ лучше дѣйствовать, чѣмъ быть преданными памяти потомства; научаютъ и рожденныхъ писателями — лучше изображать доблестные подвиги. Собственной гибелью заплашилъ Римъ за громкія побѣды, и только память писателей Римскихъ успокоиваетъ славный его прахъ.

Но какихъ же пожертвованій требуетъ Словесность въ наше время отъ посвящающихъ себя ея изученію? Счастливейшія дарованія безъ наукъ скоро гаснутъ; по изліаніи первыхъ чувствованій, онѣ скудѣютъ. Безчисленное множество новыхъ мыслей рождается отъ безчисленныхъ сравнительныхъ наблюденій надъ природою и человѣкомъ, эпимъ неисчерпаемымъ предметомъ наукъ. Природа и человѣкъ представляютъ стройное цѣлое, твореніе всемогущаго, живопворнаго Слова: кто умѣетъ читать эту великую книгу, тотъ видитъ постоянные законы творческой мысли Зидителя на землѣ и на небесахъ, въ глубинахъ океана и на темъ горъ, въ голосъ чувства и въ игръ фантазіи — тотъ овладѣетъ и словомъ человѣческимъ. Вопросы у писателей о тайнѣ повелѣвать сердцами: они, въ безмолвномъ удивленіи, укажутъ на памяни-

ишки ума древняго и новаго міра, доступные только глубокому ученію; они скажутъ, что истинная слава не любитъ шалантовъ безъ наукъ, наукъ не даруетъ безъ трудовъ неимовѣрныхъ, но вмѣстѣ и сладчайшихъ. — Какоежъ дѣло оспашаема намъ совершивъ для успѣховъ въ отечественной Словесности?

Разливать благопворный свѣтъ современной науки, немеркнуцій въ вѣкахъ и народахъ, хранивъ во всей чистотѣ и богатствѣ отечественный языкъ, органъ нашего Православія и Самодержавія, содѣйствовать развитію народной, самобытной Словесности, этого самопознанія нашего и цвѣта жизни, передавать юному поколѣнію мудрость, сокровище человѣчества, очищенную любовью къ Вѣрѣ и Престолу — вотъ назначеніе Университета въ наше время. Тебѣ, верхоградъ Елисаветинъ, нашъ воспитанель и храмъ нашего служенія — тебѣ предстоятъ новые подвиги *въ содѣйствіи успѣхамъ отечественной Словесности!* Подъ пвоею сѣнію воспитаны и первые Русскіе ученые, и писатели, и мужи Государственные. Отъ пвоихъ кафедръ просіялъ первый свѣтъ народного образованія на всѣ сословія и въ отдаленные концы обширной Имперіи. Тобою образованные благородные юноши ежегодно исходятъ на вѣрное служеніе обожаемому

Монарху. Твои воспитанники ежедневно подвизаются и въ распространеніи знаній по вѣмъ опраляемъ вѣдѣнія человѣческаго, и въ образованіи роднаго слова, и въ исполкованіи опечесивенныхъ законовъ, и въ объясненіи природы и человѣка; твои питомцы лелѣютъ и воспитываютъ тысячи юныхъ лѣтпораслей; они, и при одрѣ недужныхъ, подаютъ болящимъ цѣлебный бальзамъ здравія. Прекрасно зрѣлище дѣйствованія Членовъ твоихъ въ настоящее время; но сколь восхищительны надежды въ будущемъ! Какъ радуются въ небесныхъ селеніяхъ блаженствующія безсмертныя души Августѣйшей Учредительницы Московскаго Университета, кроткой Елисаветы, и Августѣйшаго Преобразителя твоего, Александра I! Какъ ликуютъ сердца Ихъ за благо Россіи, утверждаемое мудрымъ вѣнценоснымъ Преемникомъ Ихъ, **НИКОЛАЕМЪ I**, распространяющимъ науки, ободряющимъ таланты, водворяющимъ Русское просвѣщеніе! Да свѣсило мудрости, нѣкогда возсіявшее на Воспокъ, блиставшее на Югъ и Западъ, нынѣ озаряющее благопловнымъ свѣтомъ своимъ Сѣверъ, *остановится въ тебѣ, и да не зайдетъ, но да пребудетъ съ нами во вѣки!* Да, съ благословеніемъ Промысла и подъ покровомъ Августѣйшимъ, процвѣтаешь ты съ собратьями

своими, Русскими Университетами, долго, долго, если на землѣ нѣтъ ничего безсмертнаго, кромѣ души человѣческой!

А вы, благородные питомцы Московскаго Университета, на коихъ почѣтъ надежда Великаго **МОНАРХА** — для образованія коихъ обожаемый Самодержецъ нашъ не щадилъ ни щедротъ, ни милостей — основательнымъ ученіемъ и непоколебимою нравственностью докажете, что вамъ понятно ваше призваніе и ваше назначеніе. Здѣсь обновленные умственной жизнью, съ любовью къ Православной Вѣрѣ предковъ нашихъ, съ преданностью къ Самодержавному Престолу, съ привязанностью къ общей матери нашей, Россіи, несите приобретенныя сокровища науки на полезное дѣланіе, внимая священнымъ велѣніямъ **ГОСУДАРЯ!** Оправдайте опеческія попеченія о васъ Опца Опечества! Вашей радости въ жизни будемъ радоваться и мы, соединенные съ вами плѣсными узами духовнаго родства — наукою. Если на вашъ удѣлъ достались неоцѣненные дары духовные — ума, воли и чувства, высшіе всѣхъ другихъ даровъ, облагородствуйте чувство изящнаго, очищайте нравы добродѣтелью, возвышайте мысли истиною — внимайте пророческимъ словамъ прѣвца Елисаветы:

О вы, которыхъ ожидаетъ
Отечество отъ нѣдръ своихъ,
И видѣть таковыхъ желаетъ,
Какихъ зоветъ отъ странъ чужихъ,
О, ваши дни благословенны!
Дерзайте, нынѣ ободренны,
Раченъемъ вашимъ доказать,
Что можетъ собственныхъ Платоновъ
И быстрыхъ разумомъ Невтоновъ
Россійская земля раждать.

III. С М Ъ С Ъ.

4. НѢКОТОРЫЯ ПРЕДЛОЖЕНІЯ ИЗЪ АНАЛИТИЧЕСКОЙ ГЕОМЕТРИИ.

Сообщено отъ Профессора Одесскаго Лицея, Брунна.

Предложеніе I.

Точка Р, которой координаты суть g и h , лежитъ внутри или внѣ параболы

$$y^2 + 2Bxy + B^2x^2 + 2Dy + 2Ex = 0, \quad (1)$$

смотря по тому, будетъ ли

$$h^2 + 2Bgh + B^2g^2 + 2Dh + 2Eg \begin{matrix} < \\ > \end{matrix} 0.$$

Доказательство.

Не перемѣняя начала осей, уравненію (1) всегда возможно дать видъ

$$Ry'^2 + Tx' = 0 \quad (2),$$

именно, когда α есть уголъ, подъ которымъ перестѣкаются первоначальныя оси, β и γ углы, подъ которыми новыя оси перестѣкають прежнюю ось абсцисъ, и положивши

$$\frac{\sin\beta}{\sin(\alpha-\beta)} = m, \quad \frac{\sin\gamma}{\sin(\alpha-\gamma)} = m',$$

получимъ слѣдующія условныя уравненія:

$$m' = -\frac{E}{D}, \quad m = -B,$$

$$\text{и } R = (m' - m)^2 \sin(\alpha - \gamma)^2,$$

$$T = 2D(m - m') \sin(\alpha - \beta) \cdot \sin \alpha.$$

Если координаты почки Р относительно новыхъ осей суть g' , h' ; то почка Р находится внутри или вне параболы, смотря по тому, будетъ ли $Rh'^2 + Tg' < 0$.

Но такъ какъ можно новыя координаты g' , h' выразить посредствомъ прежнихъ :

$$h' = \frac{(h - mg) \sin \alpha}{(m - m') \sin(\alpha - \gamma)}, \quad g' = \frac{(h - m'g) \sin \alpha}{(m - m') \sin(\alpha - \beta)},$$

то поставивши на мѣсто R , T , h'^2 , g' ихъ величины въ уравненіе (2), найдемъ :

$$Rh'^2 = (h^2 + 2Bgh + B^2g^2) \sin^2 \alpha, \quad Tg' = 2(Dh + Eg) \sin^2 \alpha;$$

и такъ почка Р находится внутри или вне параболы, смотря по выполненію условий :

$$h^2 + 2Bgh + B^2g^2 + 2Dh + 2Eg < 0.$$

Приложеніе. Даны на одной плоскости пять точекъ (но такъ, что нѣтъ трехъ изъ нихъ на прямой линіи): опредѣлить родъ коническаго сѣченія, которое можно провести по симъ даннымъ пяти точкамъ.

Пусть $y^2 + 2Bxy + Cx^2 + 2Dy + 2Ex + F$ будетъ общимъ уравненіемъ копическихъ сѣченій, координаты точки $O = o, o$, точки $M = a, o$, точки $N = o, l$, точки $P = g, h$ (*), точки $Q = g', h'$. Для уравненій двухъ параболъ, проходящихъ чрезъ точки O, M, N, P , получимъ

$$y^2 + 2B'xy + B'^2x^2 - by - B'^2ax = 0,$$

$$y^2 + 2B''xy + B''^2x^2 - by - B''^2ax = 0,$$

когда B' и B'' суть корни уравненія

$$B^2 + \frac{2Bh}{g-a} + \frac{h^2 - bh}{g(g-a)} = 0.$$

Пятая точка Q находится внутри или внѣ первой параболы, смотря по условіямъ :

$$h'^2 + 2B'g'h' + B'^2g'^2 - bh' - B'^2ag'^2 \begin{matrix} < \\ > \end{matrix} 0,$$

или

$$g'(g' - a)(B'^2 + \frac{2B'h'}{g' - a} + \frac{h'^2 - bh'}{g'(g' - a)}) \begin{matrix} < \\ > \end{matrix} 0,$$

или наконецъ $(B' - B'')(B' - B''')g'(g' - a) \begin{matrix} < \\ > \end{matrix} 0,$

когда B'' и B''' суть корни уравненія

$$B'^2 + \frac{2B'h'}{g' - a} + \frac{h'^2 - bh'}{g'(g' - a)} = 0.$$

(*) Между сими пятью точками всегда можно выбрать 4 такъ, чтобы каждая изъ нихъ находилась внѣ треугольника, построеннаго на трехъ другихъ. — Принимаемъ, что точки O, M, N, P имѣютъ такое свойство.

Та же точка Q будетъ внутри или внѣ второй параболы, смотря по условіямъ

$$(B'' - B''') (B'' - B^{iv}) g' (g' - a) \begin{matrix} < \\ > \end{matrix} 0.$$

И такъ Q находится внутри или внѣ обеихъ параболъ, когда

$$(B' - B''') (B' - B^{iv}) (B'' - B''') (B'' - B^{iv}) > 0;$$

Q находится внутри одной и внѣ другой параболы, когда

$$(B' - B''') (B' - B^{iv}) (B'' - B''') (B'' - B^{iv}) < 0.$$

Условными уравненіями коническаго сѣченія, которое проходитъ чрезъ точки M, N, O, P, Q, при положеніи $C - B^2 = \alpha$ будутъ :

$$B^2 + \frac{2Bh}{g-a} + \frac{h^2 - bh}{g(g-a)} + \alpha = 0$$

$$\text{и } B'^2 + \frac{2Bh'}{g'-a} + \frac{h'^2 - bh'}{g'(g'-a)} + \alpha = 0,$$

$$\text{или } (B - B') (B - B'') + \alpha = 0$$

$$\text{и } (B - B''') (B - B^{iv}) + \alpha = 0;$$

$$\text{следовательно } B = \frac{B'''B^{iv} - B'B''}{B''' + B^{iv} - B' - B''},$$

$$\text{и } \alpha = - \frac{(B' - B''') (B' - B^{iv}) (B'' - B''') (B'' - B^{iv})}{(B''' + B^{iv} - B' - B'')^2}$$

Отсюда : 1) Если $\alpha > 0$, то коническое сѣченіе, проходящее чрезъ точки О, М, N, Р, Q будетъ эллипсисъ, когда $(B' - B''')(B' - B''')(B'' - B''')(B'' - B''') < 0$, т. е. когда Q находится внутри одной и внѣ другой параболы.

2) Если $\alpha < 0$, то коническое сѣченіе, проходящее чрезъ точки О, М, N, Р, Q, будетъ гипербола, когда $(B' - B''')(B' - B''')(B'' - B''')(B'' - B''') > 0$, т. е. когда Q лежитъ или внутри или внѣ обѣихъ параболъ.

И такъ вообще :

Опишемъ чрезъ точки О, М, N, Р двѣ возможныя параболы : Если пятая точка лежитъ на одной изъ нихъ, то сія парабола есть коническое сѣченіе, которое можно провести чрезъ сіи пять точекъ. — Если точка Q лежитъ внутри или внѣ обѣихъ параболъ; то коническое сѣченіе есть гипербола. — Если точка Q находится внутри одной и внѣ другой параболы; то коническое сѣченіе есть эллипсисъ (Moeubius baruc. Calc. pag. 382).

Предложеніе II.

Точка Р, которой координаты суть g и h , лежитъ внутри или внѣ эллипсиса

$$y^2 + 2Bxy + Cx^2 + 2Dy + 2Ex = 0, \quad (1)$$

смотря по тому, будетъ ли

$$h^2 + 2Bgh + Cg^2 + 2Dh + 2Eg < 0.$$

Доказательство.

Не перемѣняя начала осей, уравненію (1), всегда можно дать видъ :

$$Ry'^2 + Sx'^2 + Tx' = 0 \quad (2)$$

гдѣ α , β , γ , m , m' , имѣя тѣ же самыя значенія, какъ и въ предложеніи I, дають слѣдующія условныя уравненія:

$$m = \frac{BE - CD}{BD - E}; m' = -\frac{E}{D}$$

и

$$R = (m'^2 + 2Bm' + C) \sin^2(\alpha - \gamma)$$

$$S = (m^2 + 2Em + C) \sin^2(\alpha - \beta)$$

$$T = 2(Dm + E) \sin \alpha \sin(\alpha - \beta).$$

Если координаты точки Р относительно новыхъ осей суть g' , h' ; то Р находится внутри или внѣ эллипсиса, смотря по условіямъ

$$Rh'^2 + Sg'^2 + Tg' < 0.$$

Выразивъ новыя координаты посредствомъ прежнихъ и поставивъ на мѣсто R, S, T ихъ величины въ уравненіе (2), мы найдемъ, что точка Р лежитъ внутри или внѣ эллипсиса при условіяхъ

$$h^2 + 2Bgh + Cg^2 + 2Dh + 2Eg > 0.$$

Приложеніе.

Точку Р, находящуюся на плоскости треугольника OMN, соединимъ прямыми линиями съ вершинами этого треугольника: опредѣлить родъ коническаго сѣченія, которое касается къ сторонамъ треугольника въ точкахъ пересѣченія оныхъ съ прямыми линиями.

Пусть будутъ координаты точки $O = o, o$, $M = a, o$, $N = o, b$, $P = a', b'$: получимъ для пре-

буемаго коническаго сѣченія, при доспапачномъ развиши формулъ, слѣдующее условное уравненіе:

$$\alpha = - (X)^2 (b'^2 + \frac{b}{a} a' b' + \frac{b^2}{a^2} a'^2 - b b' - \frac{b^2}{a^2} a') \quad (**)$$

Но $y^2 + \frac{b}{a} xy + \frac{b^2}{a^2} x^2 - by - \frac{b^2}{a^2} x = 0$ есть уравненіе эллипсиса, который проходитъ чрезъ точки О, М, N, и котораго центръ находится въ центрѣ тяжести треугольника; и такъ точка Р находится внутри или въ эллипсиса, смотря по тому, будетъ ли

$$b'^2 + \frac{b}{a} a' b' + \frac{b^2}{a^2} a'^2 - b b' - \frac{b^2}{a^2} a' < 0.$$

Припомъ $\alpha > 0$, когда точка Р внутри эллипсиса ;

$\alpha = 0$, когда точка Р на эллипсисѣ ;

$\alpha < 0$, когда точка Р въ эллипсиса.

Отсюда слѣдующее заключеніе:

Опишемъ около треугольника эллипсисъ, котораго центръ находился бы въ центрѣ тяжести треугольника, и требуемое коническое сѣченіе будетъ парабола, эллипсисъ, или гипербола, смотря по тому, находится ли вышеупомянутая точка Р на самомъ эллипсисѣ, внутри или въ онаго. (Möbius. Baruc. Calcul pag. 389).

(*) Не представляю опредѣленія величины X, потому что, будучи во второй степени, она не измѣняетъ знака величины α .

5. ОПРЕДѢЛЕНІЕ КОНИЧЕСКАГО СЪЧЕНІЯ ПО ДАННЫМЪ КАСАТЕЛЬНЫМЪ.

Сообщено отъ Профессора Одесскаго Лицея, Брунна.

§ 1. По пяти прямымъ линиямъ, даннымъ на одной плоскости, всегда возможно провести коническое сѣченіе, но не болѣе одного, касающееся къ однимъ линиямъ.

Примемъ двѣ изъ данныхъ прямыхъ за оси координатъ и означимъ уравненія пяти прямыхъ линій чрезъ $y = 0$, $x = 0$, $y = ax + b$, $y = a'x + b'$, $y = a''x + b''$.

Если $y^2 + 2Bxy + Cx^2 + 2Dy + 2Ex + F = 0$ (1) есть уравненіе коническаго сѣченія, которое должно касаться пяти прямыхъ линій; то получимъ слѣдующія условныя уравненія:

$$E^2 - CF = 0. \dots (2) \quad D^2 - F = 0. \dots (3)$$

$$b^2(B^2 - C) + 2ab(E - BD) + 2b(EB - DC) + 2a(DE - BF) + a^2(D^2 - F) + E^2 - CF = 0. \dots (4)$$

$$b'^2(B^2 - C) + 2a'b'(E - BD) + 2b'(EB - DC) + 2a'(DE - BF) + a'^2(D^2 - F) + E^2 - CF = 0. \dots (5)$$

$$b''^2(B^2 - C) + 2a''b''(E - BD) + 2b''(EB - DC) + 2a''(DE - BF) + a''^2(D^2 - F) + E^2 - CF = 0. \dots (6)$$

Въ слѣдствіе уравненій (2) и (3), уравненія (4), (5) и (6) превращаются въ слѣдующія:

$$b^2(B^2 - C) + 2ab(E - BD) + 2b(EB - DC) + 2a(DE - BD^2) = 0 \dots (7)$$

$$b'^2(B^2 - C) + 2a'b'(E - BD) + 2b'(EB - DC) + 2a'(DE - BD^2) = 0 \dots (8)$$

$$b''^2(B^2 - C) + 2a''b''(E - BD) + 2b''(EB - DC) + 2a''(DE - BD^2) = 0 \dots (9)$$

Положивъ теперь $\frac{E - BD}{B^2 - C} = g \dots (10)$

и $\frac{(EB - CD)}{B^2 - C} = h \dots (11),$

получимъ изъ уравненій (7) и (8):

$$a'b^2 - ab'^2 + 2aa'(b - b')g - 2(a'b - ab')h = 0,$$

а изъ (7) и (9)

$$a''b^2 - ab''^2 + 2aa''(b - b'')g - 2(a''b - ab'')h = 0.$$

Откуда

$$2h = \frac{a'a''b^2(b' - b'') + aa''b'^2(b'' - b) + aa'b''^2(b - b')}{a'a''b(b' - b'') + aa''b'(b'' - b) + aa'b''(b - b')} \dots (12)$$

и

$$2g = \frac{ab'b''(b' - b'') + a'b'b''(b'' - b) + a''bb'(b - b')}{a'a''b(b' - b'') + aa''b'(b'' - b) + aa'b''(b - b')} \dots (13).$$

Знаменатель сихъ дробей означимъ для краткости чрезъ N.

Изъ (2) (3) (7) (10) (11) получаемъ

$$F = (gB + h)^2, \quad D = -(gB + h), \quad E = -(Cg + Bh), \\ C = \frac{h^2}{g^2}, \quad B = \frac{b^2 + 2abg - 2agh - 2bh}{2ag^2}.$$

Всѣ сии уравненія суть первой степени относительно опредѣляемыхъ величинъ B, C, D, E, F ; а потому даютъ всегда для сихъ величинъ одно-видныя выраженія, и чрезъ подстановку ихъ въ (1) получаемяся только одно уравненіе. — Откуда видно, что къ пяти прямымъ линиямъ, даннымъ на одной плоскости, всегда можно провести только одно касающееся къ онымъ коническое сѣченіе.

Къ опредѣленію рода коническаго сѣченія служить $\alpha = C - B^2$.

$$\begin{aligned} \text{Но } \alpha &= \frac{h^2}{g^2} - \left(\frac{b^2 + 2abg - 2agh - 2bh}{2ag^2} \right)^2 \\ &= \frac{(b^2 + 2abg - 2bh)(4agh + 2bh - 2abg - b^2)}{(2ag^2)^2} \\ &= \frac{b(2ag + b)(2h - b)(b + 2ag - 2h)}{(2ag^2)^2}, \end{aligned}$$

И какъ

$$2h - b = \frac{a(b'' - b)(b' - b)(a''b' - a'b'')}{N}$$

$$2ag + b = \frac{(b'' - b')(a''b - ab'')(ab' - a'b)}{N}$$

$$2ag + b - 2h = \frac{ab'b''[a''(b - b') + a'(b'' - b) + a(b' - b'')]}{N}$$

$$\text{ио } \alpha = \left(\frac{1}{2g^2N} \right)^2 \times$$

$$\left[\frac{bb'b''(b'' - b)(b' - b)(b'' - b')(a''b - ab'')(ab' - a'b)(a''b' - a'b'')}{N} \right. \\ \left. \frac{(a''(b - b') + a'(b'' - b) + a(b' - b''))}{N} \right]$$

или

$$\alpha = \left(\frac{a''}{2g^2 N^2} \right)^2 [aa'bb'(b'-b)(a'-a)(ab'-a'b)N] \times \\ \frac{1}{a'-a} \left[b''(b''-b)(b''-b') \left(\frac{a''b-ab''}{aa''} \right) \left(\frac{a''b'-a'b''}{a'a''} \right) + \right. \\ \left. (a''(b-b') + a'(b''-b) + a(b'-b'')) \right]$$

Если означимъ первое многочленное количество чрезъ M , второе чрезъ L , то коническое сѣченіе будетъ гипербола или эллипсисъ, смотря по условію

$$M.L \begin{matrix} < 0; \\ > 0; \end{matrix}$$

или эллипсисъ, если вмѣстѣ M и $L > 0$ или < 0 ; гипербола, если $M > 0$ и $L < 0$ или $M < 0$ и $L > 0$.

§ 2. Къ четыремъ прямымъ линиямъ, находящимся на одной плоскости, всегда можно провести касательную параболу и притомъ только одну.

Для параболы, касающейся къ прямымъ линиямъ $y=0$, $x=0$, $y=ax+b$, $x=a'x+b'$, мы получимъ слѣдующія условныя уравненія:

$D^2 - F = 0$, . . . (1), $E^2 - B^2F = 0$. . . (2) или $E = -BD$, ибо для $E = BD$ парабола обращается въ прямую линию,

$$2ab(E-BD) + 2b(EB-B^2D) + 2a(DE-BF) + a^2(D^2-F) + E^2 - B^2F = 0 \dots (3)$$

$$2a'b'(E-BD) + 2b'(EB-B^2D) + 2a'(DE-BF) + a'^2(D^2-F) + E^2 - B^2F = 0 \dots (4)$$

Въ слѣдствіе уравненій (1) и (2), уравненія (3) и (4) превращаются въ слѣдующія :

$$- BD(ab + bB + aD) = 0,$$

$$- BD(a'b' + b'B + a'D) = 0;$$

откуда

$$B = \frac{aa'(b-b')}{ab'-a'b} \dots (5)$$

и

$$D = \frac{bb'(a'-a)}{ab'-a'b} \dots (6),$$

которыя совершенно опредѣляютъ величины B, D, E, F и дають для нихъ однозначныя выраженія.

§ 3. Прямая линия $y = a''x + b''$ касается параболы (касательными которой суть оси $y = 0$, $x = 0$), не имѣетъ съ нею ни одной общей точки или пересѣкаетъ ея, смотря по тому, будетъ ли

$$BD(a''b'' + b''B + a''D) \begin{matrix} = \\ < \\ > \end{matrix} 0; (7),$$

что легко узнать чрезъ изслѣдованіе координатъ точекъ пересѣченія параболы съ прямою линеею.

Прямая линия $y = a''x + b''$ касается параболы (касательными которой суть $y = 0$, $x = 0$, $y = ax + b$, $y = a'x + b'$), не имѣетъ съ нею ни одной общей точки или пересѣкаетъ ея, смотря по тому, будетъ ли

$$\frac{bb'aa'(b'-b)(a'-a)N}{(ab'-a'b)^2(ab'-a'b)} \begin{matrix} = \\ < \\ > \end{matrix} 0, \text{ какъ видно изъ (5), (6)}$$

(7) § 2 и 3.

$$\text{или смотря по } M \begin{matrix} = \\ < \\ > \end{matrix} 0.$$

§ 4. Прежде, нежели приступимъ къ опредѣленію рода копическаго сѣченія, кошорое касается къ пяпи даннымъ прямымъ, изложимъ слѣдующее вспомогательное предположеніе:

Величина, означенная въ § 1 чрезъ $L \begin{smallmatrix} > \\ < \end{smallmatrix} 0$, смотря по тому, будетъ ли четно или нечетно число точекъ, находящихся по одну и слѣдовательно по другую сторону пяпой прямой $y = a''x + b''$ изъ числа ихъ шести точекъ, въ которыхъ пересѣкаются первыя чешыре прямыхъ.

Доказательство.

Положимъ, что $x=0$ выражаетъ прямую линию АН, $y=0$ линіею АЈ, $y=ax+b$ линіею ВС, $y=a'x+b'$ линіею FС, $y=a''x+b''$ пяпую линіею GК, по одной споронѣ кошорой лежатъ всѣ точки пересѣченія первыхъ чешырехъ прямыхъ.

$$\frac{a''b - ab''}{aa''}, \frac{a''b' - a'b''}{a'a''}, \frac{a''(b-b') + a'(b''-b) + a(b'-b'')}{a'-a}$$

будушъ вмѣстѣ $\begin{smallmatrix} > \\ < \end{smallmatrix} 0$, $L > 0$.

Если предсавимъ себѣ линіею GН вращающеюся, то перемѣнится знакъ одного изъ произвоидителей, а слѣдовательно и знакъ L всякой разъ, когда GК пройдетъ чрезъ одну изъ точекъ пересѣченія. Слѣдовательно $L \begin{smallmatrix} > \\ < \end{smallmatrix} 0$, смотря по тому, будетъ ли четнымъ или нечетнымъ число точекъ пересѣченія, лежащихъ по одну, а потому и по другую спорону пяпой прямой линіею. Если GК проходитъ чрезъ одну изъ точекъ пересѣченія, то $L = 0$.

§ 5. Примѣнивъ къ § 1 параграфы 3, 4, получимъ непосредственно слѣдующій результатъ.

Вопросъ :

Даны пять прямыхъ линий, между ними пять паръ пересѣкающихся въ одной точкѣ: определить родъ конического сѣченія, касающагося ко всѣмъ вмѣстѣ.

Рѣшеніе. Возьмемъ по произволу четыре изъ данныхъ прямыхъ, проведемъ касающуюся къ нимъ параболу, и различимъ слѣдующіе три случая :

1) Если пятая прямая не имѣетъ ни одной общей точки съ параболою, то коническое сѣченіе будетъ эллипсомъ или гипербола, смотря по тому, будетъ ли нечетнымъ или четнымъ число точекъ, лежащихъ по одну, а слѣдовательно и по другую сторону пятой прямой, изъ числа тѣхъ точекъ, въ которыхъ пересѣкаются первыя четыре прямыхъ линіи.

2) Если пятая прямая касается параболы, то коническое сѣченіе есть не что иное, какъ эта параболы.

3) Если пятая прямая пересѣкаетъ параболу, то коническое сѣченіе будетъ эллипсомъ или гипербола, смотря по тому, будетъ ли четнымъ или нечетнымъ число точекъ, лежащихъ по одну, а слѣдовательно и по другую сторону пятой прямой, изъ числа тѣхъ точекъ, въ которыхъ пересѣкаются первыя четыре прямыхъ линіи.

6. О РЕВМАТИЗМѢ МЫШЕЧНОЙ ТКАНИ СЕРДЦА (rheumatismus cordis)

Сообщ. отъ Э. Пр. Сокольскаго.

Ars medica tota in observationibus. Baglivi.

Французскіе наблюдатели болѣзней сердца мало сообщили свѣдѣній о ревматическомъ пораженіи онаго, вѣроятно потому, что сія форма ревматизма въ тепломъ климатѣ случается рѣже. Изъ Нѣмецкихъ Патологовъ Крейсигъ въ большемъ своемъ сочиненіи о болѣзняхъ сердца только упоминаетъ о сей болѣзни, не сообщивъ дальнѣйшихъ наблюденій. Англичанинъ Гоупъ, повѣщенный писатель о болѣзняхъ сердца, даже не говоритъ о возможности оной. Не смотря на сіе, я имѣю причины думать, что сія форма ревматизма случается довольно часто; даже стѣбнѣ того, чтобы въ Патологическихъ урокахъ упомянуть въ частности объ оной. Я предпосылаю описанію оной слѣдующія наблюденія:

1. Дерптскій Студентъ, сухаго, впрочемъ плотнаго тѣлосложенія, 25 лѣтъ, имѣвшій издавна большую склонность къ ревматизму, въ 1831 году зимою простудясь, получилъ ломоту въ ногахъ. Считая сію болѣзь за обычную, онъ не взялъ никакихъ предосторожностей во время оной. Въ самомъ дѣлѣ, ломота въ ногахъ скоро утихла, но вслѣдъ за нею (однакожь постепенно) появилась одышка, сердцебиеніе, щемленіе въ лѣвой сторонѣ груди, неправильное жгловіеніе, стетоскопъ показывалъ сильный толчокъ (соч) сердца и шумъ раздувальнаго мѣха при сокращеніи правыхъ его полостей (bruit de soufflet). Въ теченіе сей болѣзни, которая съ небольшими паузами, длилась два мѣсяца, я примѣнилъ, что кровопусканіе,

иротивовоспалили. средства и digitalis доставляли только временное облегченіе, но гораздо дѣйствительнѣе оказалось теплое содержаніе, попогонныя и теплыя ванны. Замѣчательно, что при появленіи болей въ наружныхъ частяхъ, припадки грудные обыкновенно утихали. При наспуленіи весны возвраты болѣзни сдѣлались гораздо рѣже, а купаніе въ Балтійскомъ морѣ въ слѣдующее лѣто довершило излеченіе оной.

2. Въ Университетской клиникѣ, въ Казани, я имѣлъ мальчика 14 лѣтъ съ застарѣлымъ ревматизмомъ. Приложеніе пластыря испанскихъ мухъ къ болящимъ мѣстамъ, *tra guajaci volat.*, *vinum sem. colchici cum vino antimonii*, и подобн. въ теченіе трехъ недѣль явственно облегчили боли въ наружныхъ частяхъ, и больной казался выздоравливающимъ; но жилогіеніе оставалось поспоянно ускореннымъ; такъ какъ сіе ускореніе было не лихорадочное (ибо моча, теплота тѣла, и внутреннее самочувствованіе больного совсѣмъ не соотвѣтствовали степени оного), то причину оного должно было искать въ самомъ сердцѣ, гдѣ въ самомъ дѣлѣ я замѣнилъ усиленный толчокъ, *bruit de soufflet et frémissement cataire*: въ теченіе недѣли сіи явленія до того усилились, что при первомъ взглядѣ болѣзнь имѣла всѣ признаки гипертрофіи сердца. Замѣчательно, что въ семь случаевъ всѣ припадки были совершенно объективны, самъ больной ни на что не жаловался, и усиленіе оныхъ было въ связи съ утишеніемъ болей въ периферіи тѣла. Кровоопусканіе и здѣсь было безуспѣшно, но теплыя ванны и *erispastica* явственно утишали возмущающее дѣйствіе сердца. По причинѣ скорого опъезда изъ Казани, я не могъ наблюдать дальнѣй-

наго теченія болѣзни: думаю впрочемъ, что рано или поздно, но послѣдуетъ переходъ оной въ ополщеніе стѣнокъ правой полости сердца; ибо безболѣзненность явленій есть обыкновеннѣйшее къ тому условіе.

3. Въ Парижѣ, въ больницу Pitié, въ залѣ Г. Луи, у одного больного показались слѣдующіе признаки: спѣсненіе груди, одышка, малое неправильное жлобленіе, *bruit de soufflet*, существо легкихъ было здорово (покрайней мѣрѣ сколько можно было узнать поколачиваніемъ и выслушиваніемъ груди). Болѣзнь была названа *pericardite*. Нѣкому изъ предстоящихъ инспираторовъ (Докторъ Г. . . достойный слушатель Вирцбургскаго учителя), предложилъ свое сомнѣніе о воспалительномъ свойствѣ болѣзни и советовалъ обстоятельныѣ осведомиться о состояніи больного. По справкѣ оказалось, что больной издавна страдалъ ревматизмомъ; что не задолго предъ симъ онъ снова получилъ ломоту, которая предъ появленіемъ груднаго спѣсненія значительно утихла. Г. Луи блѣтосклонно принялъ намекъ молодого инспиратора, въ слѣдствіе котораго и планъ леченія былъ измѣненъ и съ успѣхомъ совершенъ (*).

(*) Г. Луи, какъ и прочіе образованные Врачи, въ клиникѣ своей не отвергаетъ мнѣній постороннихъ лицъ, особенно если онѣ имѣли уже случай замѣнить основательность оныхъ. Въ другихъ мелкихъ городахъ Европы никто не смѣетъ противорѣчитьъ клиническимъ преподавателямъ . . . тамъ не принимается чужихъ мнѣній, и сіе упорство въ собственныхъ парадоксахъ, обыкновенно находится въ прямомъ содержаніи къ невѣжеству доцента: въ семъ случаѣ знакомство съ ассистентами клиники и вечернія визитаціи съ ними гораздо наставительнѣе чрезъ тихое наблюденіе природы, нежели ушренніе крики педагоговъ.

4. Покойный Зунделинъ, жалуюсь на трудность распознаванія болѣзней сердца, рассказываетъ слѣд. случай въ 8 помѣ записокъ Терапіи Дра Берендса. Одна молодая дѣвица, проспудясь, почувствовала сильныя боли въ ногахъ, но которыя скоро утихли: вслѣдъ за тѣмъ появились давящая и вмѣстѣ колючая боль въ лѣвой груди, проспирающаяся до лѣваго локтя, сильное неправильное бѣіеніе сердца, по временамъ одышка, обмороки, etc. etc. Піявки къ груди, *potio Riverii*, прошивовоспалительныя, — не помогли ни на волосъ: но щепная компанша, внутрь *t-ra gvajaci volat.*, пластырь шпанскихъ мухъ на грудь — оказались весьма дѣйствительными: при употребленіи которыхъ опять появились боли въ наружныхъ частяхъ, а грудь освободилась. — Очень явственно, что сей случай должно отнести къ числу упомянутыхъ мною.

Кромѣ сихъ, я имѣю еще нѣсколько исторій той же болѣзни, частію видѣнныхъ мною самимъ, частію заимствованныхъ отъ другихъ, изъ которыхъ намѣренъ теперь соспавить слѣд. общія замѣчанія:

Исключительное мѣсто ревматизма составляютъ мышцы и фиброзныя ткани органовъ произвольнаго движенія (периферія тѣла); но по удобоподвижности своей процессъ ревматическій можетъ переходить на внутренніе органы мышечнаго устройства, а именно: на сердце, на мышечный слой кишекъ, на мышечный слой мочевого пузыря и на матку. (Наблюденія о ревматизмѣ прехъ послѣднихъ органовъ я также сообщу впоследствии.)

Ревматизмъ сердца никогда не появляется первоначально, но всегда предшествуетъ оному лопомъ

въ наружныхъ частяхъ тѣла, копорая или еще продолжается, или, что бываетъ чаще, за нѣсколько времени до пораженія груди упихаетъ. Сіе обспольствельство очень важно въ діагностикѣ сей болѣзни, особливо для тѣхъ врачей, копорые свою Патологию основываютъ на словахъ больного. Формы наружнаго ревматизма, послѣ копорыхъ образуется ревмат. сердца, супъ ревмат. конечностей и грудныхъ мышцъ. Молодые люди, въ періодѣ возмужалости обонхъ половъ, болѣе прочихъ наклонны къ сей болѣзни, покрайней мѣрѣ извѣстные мнѣ случаи оной не показываютъ ни юнаго, ни преклоннаго возраста.

Самыя явленія, коими обнаруживается сія форма ревматизма, супъ слѣд: 1) чувствъ тягости, нередко колючія боли въ споротѣ сердца; 2) одышка, особенно при движеніи тѣла; 3) пренешанія, или усиленный толчокъ сердца, при 4) маломъ, сжаномъ, перемежающемся жибіеніи, въ ударахъ не согласующемся съ ударами сердца (по временамъ); 5) разстройство духа и особенная пужливость больныхъ. Наконецъ 6) продолжающіяся иногда боли въ конечностяхъ (особенно въ лѣвой рукѣ), или, что обыкновеннѣе, за нѣсколько времени предшествовавшія.— По большой частини сіи припадки показываются всѣ вмѣстѣ; нападеніе болѣзни бываетъ или вдругъ, или исподволь; въ первомъ случаѣ присоединяется лихорадочное состояніе съ осадкомъ въ мочѣ розоваго цвѣта.

Сія болѣзнь имѣтъ опличается отъ воспаленія легкаго, что въ оной бываетъ не только воспрещенное дыханіе (*dyspnoea*), сколько одышка (*apnoe*), — два совершенно различныя состоянія,

хотя пракпиками за синонимы считаемяя. Въ одышкѣ большой можеть по приказанію вдыхать глубоко, безъ боли; онъ только чувствуетъ нѣкоторое препяспвіе въ груди, которое усиліемъ впрочемъ можеть устранишь: при семъ ухо замѣчаетъ совершенную расширяемость легочной шкани; въ воспаленіи же легкаго больной не въ состояніи усилишь вдыханія: часшо боль не позволяеть дѣлать попытокъ къ тому, и въ нижнихъ доляхъ легкаго, ухо примѣчаетъ совершенную непроходимость легочной шкани, не рѣдко *respir. crepitante*.

Трепетаніе сердца, пульсъ малый, несогласный съ ударами сердца — считаються неразгадаанными явленіями въ патологической физиологіи. Биша опытами доказаль, что біеніе артерій (не кровообращеніе) единспвенно зависить отъ біеній сердца, и что удары сердца и артерій бывають всегда современиы, исключая опдаленныя отъ сердца вѣтви, въ конхъ біеніе опспаетъ отъ біеній сердца на $\frac{1}{20}$ секунды времени. Законы гидродинамическіе подтверждаютъ то же самое. Спрашивается, какимъ образомъ въ болѣзненномъ состояніи раждается разновременность въ ударахъ сердца и артерій? — Вотъ мои наблюдепія:

Разновременность въ біеніи артерій и сердца бываеть только при препетаніяхъ сердца (*palpitation*). Трепетаніе же сердца не состоитъ только въ одномъ ускоренномъ или усиленномъ дѣйствіи онаго, какъ думаютъ Лепекъ, Берпень и Гоге, но въ то же время бывають судорожныя движенія въ цѣлой его массѣ, которыя не имѣють вліянія на движеніе крови, зависящее единспвенно отъ внутренняго симметрическаго, хотя и псдовольно посши-

гнушаго, дѣйствія полостей сердца; сямъ судорожнымъ движеніемъ приводится въ содроганіе вся масса сердца (locomotion), безъ большой помехи внутреннимъ движеніямъ полостей онаго, подобно какъ колебаніе карманныхъ часовъ въ воздухѣ не преняпснвуеетъ правильности движеній внутри оныхъ. Сіе локомотивное движеніе сердца, ударяя въ грудную сплтку, производитъ ошущительное для руки *третаніе*; но оно можетъ ударять и въ противоположную опть грудной сплтки сторону, не причиняя въ ней никакого сотрленія; иногда оно появляется нрѣдка, на пр. въ минуту одинъ разъ, иногда чаще, на пр. черезъ каждыя 10 секундъ, иногда по разу на каждое біеніе сердца, по большой часини бываетъ безпорядочно, не слѣдующее никакому типу: вообще же или совпадаетъ съ ударами сердца, и тогда не разногласитъ съ біеніями артерій; или случается въ промежуткахъ ударовъ сердца, и тогда не согласуется съ оными. Я не могу съ ясностію представить себѣ образа или механизма, какимъ совершается сіе движеніе сердца, но я многократными наблюденіями уверился въ томъ, что оно не есть одно съ нормальными біеніями сердца.

Весьма замѣчательно, что если такой судорожный ударъ случается въ промежуткѣ двухъ нормальныхъ біеній сердца, то опъ такимъ образомъ дѣйствуеетъ на оныя, что предъидущій въ силѣ своей ослабляется, а послѣдующій во времени нѣсколько замедляется, опъ чего въ жилогеніи замѣчается *перемежка*, которая также есть признакъ описываемой болѣзни.

Сіа перемежка жилогенія имѣетъ свою особенность. Въ органическихъ болѣзняхъ сердца, или даже

у здоровыхъ людей въ преклонномъ возрастѣ, если ударъ артерій замедляется или вовсе пропадаетъ, то слѣдующіе за онымъ удары начинаютъ опять идти своимъ порядкомъ, не усиливаясь вознаграждать пропавшій ударъ. Совсѣмъ иначе бываетъ въ ревматизмъ сердца, гдѣ послѣдующіе удары, ускоряясь, вознаграждаютъ пропавшій, точно такъ, когда въ концѣ предъидущей такты была пауза, а въ началѣ слѣдующей идутъ двоевязанцы ноты.

Впрочемъ сего рода перемежка въ жилюбіеніи не естъ исключительный признакъ ревматическаго пораженія сердца: онъ свойственъ и нервнымъ трепетаніямъ сердца, но только не органическимъ болѣзнямъ оного. —

Лѣченіе сей болѣзни не отличается отъ лѣченія другихъ формъ ревматизма: только важность поражаемаго органа требуетъ некоторыхъ исключеній. Кровопусканіе хотя не оказываетъ здѣсь такой пользы, какъ въ чисто воспалительныхъ болѣзняхъ, однако въ самомъ началѣ, при сильной реакціи въ организмѣ, употребленіе оного и здѣсь значительно утишаетъ какъ лихорадку, такъ и грудные припадки. Сіе временное облегченіе показываетъ, что кровопусканіе дѣйствуетъ здѣсь только противу характера, но не противу формы болѣзни, ибо сія не соотноситъ въ воспаленіи, хотя при усиленіи и можетъ перейти въ оное. Ученіе Бруссе, смѣшивающее ревматизмы и воспаленіе въ одну группу,

не оправдывается наблюденіемъ, и понятія древнихъ *de acri rheumatico* при всей грубости своей ближе подходящъ къ природѣ.

Теплая ванны суть одно изъ лучшихъ пособій въ сей болѣзни: думаю, что и русская баня не бесполезна, хотя по собственному опыту ничего болѣе не могу сказать объ оной. Ванны гораздо полезнѣе брать до полудня, ибо послѣ сего времени одышка и сердцебиеніе обыкновенно усиливаются.

Приложеніе пластыря шпанскихъ мухъ *ad sterptum* гораздо безопаснѣе, нежели къ сторонѣ сердца, какъ многіе дѣлають, онъ чего трепетанія не рѣдко усиливаются, особенно у худощавыхъ больныхъ: таковымъ достаточно бываетъ *empl. diaphor. M.*

Изъ внутреннихъ средствъ *ammon. aceticum*, *t-ra guajaci volat.*, Доверовъ порошокъ, грудной Боергав. чай съ аписомъ, — вообще оказались дѣйствительнѣе, нежели селитра или другія противовоспал. соли.

Сими пособіями, при тепломъ содержаніи, припадки грудные обыкновенно прекращаются, хотя опредѣлительно нельзя означить время, во сколько сіе исполнится. Остающаяся иногда послѣ того раздражительность сердца (обнаруживающаяся ускореннымъ и жесткимъ жилогіеніемъ) уступаетъ употребленію мочегонныхъ средствъ въ малыхъ приемахъ, каковы *digitalis*, *squilla*, *asparagus* (въ формѣ сырона). Хотя морской лукъ съ сею цѣлюю никогда не былъ употребляемъ, но я уверяю, что онъ дѣйствуетъ какъ въ семъ, такъ и подобныхъ случаяхъ скорѣе, нежели *digitalis*, коюрой успокоивающая сердце сила обыкновенно черезъ сутки, иногда же не прежде прѣшлаго дня по принятіи появляеши-

ся. *Водяи. вытяжка* сего лѣкарства поражаетъ мѣнѣе желудокъ, нежели корень, а пошому употребленіе оной здѣсь предпочиняется, особенно въ соединеніи съ камфорою и опиѣмъ (ан. gr. $\frac{1}{4}$, прижды въ день).

Если во время сего лѣченія опять появятся боли въ конечностяхъ, или иномъ мѣстѣ, а въ мочѣ розовый осадокъ, то поддерживающіе оныя наружными раздражающими, и кромѣ того, по совѣту Шонлейна, немедленно прекратишь употребленіе *colchici*, если оно было предписано; ибо сіе средство хотя не есть универсальное въ лѣчешныхъ болѣзняхъ, однако наблюденія показываютъ, что въ остромъ ревматизмѣ при употребленіи онаго боль иногда мгновенно утихаетъ, особенно послѣ предварительнаго кровопусканія или рвошнаго.

Въ случаѣ утишенія сказанныхъ припадковъ, не должно считаться болѣзнь излеченною, не изслѣдовавъ тщательнао дѣйствія сердца: доколѣ толчокъ онаго остается еще усиленнымъ, а жилогіеніе по-временамъ не согласуется съ нимъ въ силѣ, или одновременно, дошолѣ угрожаетъ наклонность къ возвратамъ болѣзни, или къ переходу оной въ органическія болѣзни сердца, какъ-то легко усмотрѣть можно, перечислявая исторіи паковыхъ болѣзней.

Излишнимъ считаю упоминать о томъ, что больные во все время лѣченія и долго послѣ онаго, должны наблюдать всю строгость діететики, и особенно не подвергать себя никакимъ разгорячающимъ вліяніямъ.

7. Замѣчаніе Доктора Г. Видлера о нѣкоторыхъ Ятрышникахъ, сдѣлавшихся случайно трехъужными. (Извлечено изъ записки, читанной въ собраніи Швейцарскаго Общества Естествоиспытателей въ Женевѣ 1832 года).

Припомнивъ признаки семейства Ятрышниковъ и предпославъ историческое обозрѣніе всего, что было издано объ уродствахъ, которыя иногда встрѣчаются у цвѣтковь эпихъ спранныхъ распеній, наблюденіями коихъ обязаны мы Р. Бровпу, Ги и Ахиллу Ришарду, сочинитель описываетъ слѣдующіе случаи, кои удалось ему наблюдать самому.

Я нашелъ экземпляръ Бровника паукопоснаго (*Ophrys aranifera* Huds), гдѣ кисть имѣла шесть цвѣтковь: верхніе изъ нихъ были весьма уродливы и въ состояніи увяданія. Первый имѣлъ пологъ съ 4 лопастями, изъ коихъ три принадлежали ко вѣтшнему ряду и были соединены до половины, и взаимнымъ своимъ наклоненіемъ другъ къ другу, и образовали видъ каски и ни въ чемъ относительно формы не были различны отъ обыкновеннаго состоянія, исключая того, что были немного короче. Обоихъ боковыхъ разрезовъ внутренняго полога недоставало; губка, *labellum*, была мало развита и совершенно отлична отъ обыкновеннаго состоянія, имѣла цвѣтъ изъ-зелена-желтоватый, была почти гладка, меньше разрезовъ полога вѣтшнаго, лапценговидна, плоска, съ краями пурпуроваго цвѣта, завернутыми назадъ. Сполдь половыхъ органовъ имѣлъ три тычинки, довольно развитыхъ, приросшихъ къ сполбику съ пыльниками плодотворными. Эпотъ сполбъ былъ коротокъ, толстъ и прямъ, пыльники, вовнутрь обращенные и кривые, представляли на верхушкѣ по

два гнѣздышка съ массами цвѣточной пыли, которыми были хорошо развѣсны и ни въ чемъ не разнились отъ обыкновеннаго состоянія; по относительное ихъ положеніе было очень замѣчательно. Передній пыльникъ былъ противоположенъ, какъ обыкновенно, разрѣзу переднему вѣтвяго полога; боковые напротивъ, будучи положены попеременно съ разрѣзами боковыми того же полога, слѣдовательно были бы противоположны боковымъ разрѣзамъ внутренняго полога, которыхъ, какъ уже было упомянуто, недоспавало (*); часть, посящая рыльце, сколько уже увѣла, что не можно было различить формы ея. Завязь, какъ въ этомъ цвѣткѣ, такъ и въ верхнихъ, не представляла никакого уродства. Второй цвѣтокъ имѣлъ пологъ съ первымъ почти одинаковой формы, съ тѣмъ только различіемъ, что передній разрѣзъ вѣтвяго полога былъ до половины сращенъ съ правымъ боковымъ разрѣзомъ того же полога, а слѣдовательно склоненъ къ его сторонѣ, между тѣмъ какъ другой боковой разрѣзъ былъ свободенъ и сохранялъ свое естественное положеніе. Внутренній пологъ и сполобъ половыхъ органовъ были таковы же, какъ у первыхъ цвѣтковъ, и ихъ положеніе было то же самое (см. рисун. изобр. 1) Чтожъ касается до рыльца, то я ничего не могу сказать положительнаго ни о ихъ положеніи, ни о числѣ; бородавочки, которыя видимы при основаніи пыльниковъ, можно считать за подобіе или начатки пычюковъ (Staminodia), или за подобія тѣхъ прибавковъ, которые замѣчаются на пычникахъ породы *Allium*. Третій цвѣтокъ (см. рисун. изобр. 2) слѣдствовалъ въ отношеніи полога съ первымъ, но въ отношеніи

(*) По причинѣ недоросстанія (abortus) II. II.

пыльниковъ отличался отъ прежнихъ тѣмъ, что имѣлъ только одинъ изъ боковыхъ и то правый хорошо развитой. Передній представлялъ только одно гнѣздышко, равно какъ и боковой съ лѣвой стороны; но можно было замѣтить между этими двумя половинными пыльниками третье гнѣздышко близъ верхушки; оно было весьма раздупло и рыльцемъ представляла мѣшокъ сомкнутый, т. е. безъ вдольной прещины. Этотъ мѣшокъ не былъ уже въ основаніи своемъ и не имѣлъ уже держальца (*retinaculum*). Невозможно было рѣшить, къ которой изъ другихъ половинокъ гнѣздышекъ принадлежалъ бы сей прещій мѣшечекъ. Эти при гнѣздышка помѣщены были со внутренней стороны лепестковидной довольно широкой пластинки, которая была загнута на верхушкѣ и которая, казалось, дѣйствительно принадлежала къ одному изъ двухъ разрывовъ внутреннего полога. Место тычиновыхъ нишей было обозначено на столбѣ вдольными бороздками. При основаніи пыльниковъ замѣчены были маленькія бородавочки, какъ и въ предыдущемъ цвѣткѣ, но положеніе ихъ было такъ неправильно, что я ничего не смѣю отвѣчать о настоящемъ ихъ значеніи.

Четвертый цвѣтокъ (см. рисун. изобр. 3) былъ слишкомъ уродливъ и мало развитъ для того, чтобы извлечь удовлетворительные результаты. Всѣ сіи части были между собою сокращены, загнуты и свернуты, и представляли начатки гнѣздышекъ пыльниковыхъ, которые сходствовали съ тѣмъ, которое меньше всехъ было развито у прещяго цвѣтка.

Пятый цвѣтокъ (4) состоялъ изъ четырехъ разрывовъ, изъ конхъ принадлежали къ пологу вѣтшнему. Разрывъ лѣвой стороны былъ свободенъ

и хорошо развитъ, передній разръзъ былъ, какъ во впоромъ цвѣткѣ, сращенъ на разръзъ боковомъ правой спороны. Опъ внутренняго полога ничего не оспавалось, кромѣ губы мало развитой, зеленова-
шой и гладкой. Центральнй столбъ былъ очень коротокъ; пыльники были болѣе или менѣе загнуты на верхушкѣ, весьма раздуты опъ цвѣпочной пыли, но безъ левспвенныхъ гнѣздышекъ и безъ вдольныхъ прещинъ. Въ бородавкахъ въ этомъ случаѣ уродства не было.

Второе распеніе изъ семейства ятрышнхъ, котораго я замѣнилъ дву-и-премужные цвѣтки, еспъ *Neottia nidus avis*. L. Rich. Здѣсь вполне развитые пы-
чинки посполнно противоположны разръзамъ вѣтш-
няго полога, или очередующся съ разръзами внутрен-
няго. Каждая изъ боковыхъ пычинокъ имѣетъ шпѣ
нѣсколько сплюснутую, которой оспрое ребро обра-
щено къ боковымъ наружнымъ разръзамъ. Со внут-
ренней спороны шпѣ сращены со столбикомъ пол-
стнымъ, но такъ слабо, что между ними и столби-
комъ оспалась вдольная и довольно глубокая бороздка.
Изъ чего легко можно заключить, что это сушь
шѣла особенная, которыя только сокращены между
собою; ихъ верхушки, косвенно усѣченные, послѣ
пыльшки, которые во всемъ похожи на пыльники
пычинокъ обыкновенной. Столбикъ не измѣнился въ
формѣ своей, но опросточковѣ, названныхъ Г. М. К.
Ринардомъ *rostellum*, образующихъ составную часть
пестника, находился по же числомъ при. Они во
всемъ похожи на шѣ, которые замѣчаются обыкно-
венно; они преугольны и имѣють направленіе во-
сходящее и косвенное, и противоположны раз-
ръзамъ вѣтшняго полога. Но что здѣсь особенно

любопытно въ нашей Неопціи, не смотря на образованіе прехъ пычинокъ съ плодотворными пыльниками, форма околоцвѣтника ни въ чемъ не измѣнилась; она сохранила свою неправильность и въ томъ случаѣ, когда развилась одна только пычинка, и въ томъ случаѣ, когда прибавлялись пычинки вторая и третія.

Изъ предшествовающихъ наблюденій слѣдуетъ, что нахожденіе многихъ пычинокъ вѣтвистъ въ цвѣтикахъ ятрышниковъ нельзя не считать за возвращеніе къ начальному первообразу. И въ самомъ дѣлѣ, оно можетъ быть слѣдствіемъ двухъ причинъ: во-1 хъ отъ того, что многіе пыльники вѣтвистаго, либо внутренняго ряда пычинокъ, которыя бываютъ обыкновенно неразвитыми, здѣсь развиты; во-2 хъ, что, внутренняго полога превратились въ пычинки.

Объясненіе рисунка изображенія 1.

Къ первой причинѣ здѣсь относятся случаи, упомянутые Р. Бровномъ, Ах. Ришардомъ и мною самимъ въ родахъ *Orchis*, *Habenaria*, *Apostasia*, *Cypripedium*, *Neottia* и вѣроятно вышеописанныхъ нижнихъ цвѣтковъ у *Ophrys*. Въ этихъ случаяхъ развитіе плодотворныхъ пычинокъ казалось бы въ связи съ совершеннымъ недоразвитіемъ двухъ боковыхъ разрывовъ вѣтвистаго полога и съ измѣненіемъ формы губы, и потому двѣ пычинки, прибавленныя къ пычинкѣ внутренней или обыкновенной, принадлежали бы дѣйствительно къ внутреннему ряду пычинокъ, если бы приняты гениальное мнѣніе Р. Бровна, что первообразъ ятрышниковъ представляетъ двойной кругъ (*verticillum*) пычинокъ.

Вторая причина, на которую я здѣсь указалъ, производитъ случай, описанный Гн въ родѣ

Orphrys, и я починаю себя обязаннымъ приписать ему претѣй здѣсь описанный и изображенный цвѣтокъ расшенія *Orphrys*.

Въ самомъ дѣлѣ, нахожденіе одного изъ разрѣзовъ въ эпомѣ цвѣткѣ (см. рисун. изобр. 2), гдѣ часть его верхняя носитъ остатки тычинокъ, по моему мнѣнію, не оставляетъ никакого сомнѣнія объ эпомѣ видоизмѣненія, которое впрочемъ замѣчаютъ довольно часто у цвѣтковъ другихъ однодольныхъ расшеній, на пр. у лилій и тюльпановъ.

Наблюденія эпихъ знаменитыхъ ботанистовъ описаны въ слѣдующихъ сочиненіяхъ: Роб. Бровна въ его продромѣ Флоры Новой Голландіи томъ I; въ первомъ томѣ большаго сочиненія Вальха: (*Plantae asiaticae variores* въ томѣ *Apostasia*) и въ особо изданномъ сочиненіи подъ заглавіемъ: *Observations on the organs und mode of fecundation in Orchideae et Asclepiadeae*. Lond 8° 1852. Переводъ сего сочиненія явился въ *Arch. de Botanique* vol. II, p. 104 et 195. Замѣчанія Ах. Ришара находятся въ *Memoires de la Société d'histoire naturelle de Paris*, vol. I. Описаніе уродства широколистнаго япрышника (*Orchis latifolia*); въ четвертомъ томѣ тѣхъ же записокъ, по повѣду Монографіи япрышниковыхъ Иль-де-Франса и Бурбона. Г. Ришаръ приводитъ и наблюденія по сему предмету Г-на Ги.

Перевелъ Н. Бутицке,

8. ЛѢТОПИСЬ МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

Торжественное Собраніе въ Университетѣ.

Во исполненіе новаго Устава, Императорскій Московскій Университетъ, по окончаніи Академическаго года, сего Іюня 9 го дня, имѣлъ торжественное Собраніе. Поутру, по совершеніи въ Университетской церкви Божественный литургія и молебствія о здравіи и долголетіи ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ, ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ и Всего Августѣйшаго Дома, въ 12 ч. происходилъ Актъ. На семъ Актѣ произнесены были Рѣчи Ор. Профессоромъ Россійской Словесности Давыдовымъ—*О содѣйствіи Московскаго Университета успѣхамъ Отечественной Словесности*; Э. О. Профессоромъ Щуровскимъ—*Объ участи Физики и Химіи въ успѣхахъ Минералогіи*, и Э. О. Профессоромъ Крюковымъ *De Quinti Curtii Rufi aetate*. Русскія Рѣчи помѣщены въ сей книжкѣ Ученыхъ Записокъ; изъ опчепа же о дѣйствіяхъ Университета въ испекшемъ Академическомъ году выписываемъ извѣстія, относящіяся къ ученой жизни Университета.

Въ нынѣшнемъ Академическомъ году Московскій Университетъ получилъ новое бытіе введеніемъ новаго благодѣтельнаго Устава, приспособленнаго къ современному состоянію наукъ и обезпечивающаго посвящающихъ себя ученому званію

Столь достопамятное для Московскаго и для другихъ Русскихъ Университетовъ событіе, коимъ начинается новая умственная ихъ жизнь, совершилось у насъ при новомъ Начальникѣ. Высочайшимъ

Указомъ 1 го Іюля 1835 года назначенъ Попечителемъ Московскаго Учебнаго Округа, состоящій въ Свѣтъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛІЧЕСТВА Генералъ-Майоръ, Всемилоостивѣйше пожалованный 6 го Декабря въ Генералъ-Адъютанты, Графъ Сергій Григорьевичъ Спрогановъ.

Согласно съ утвержденнымъ Г-мъ Министромъ Народнаго Просвѣщенія распределеніемъ кафедръ, по новому Уставу, назначено преподавать учебные предметы слѣдующимъ Г-дамъ Профессорамъ и учащимъ:

I. Философскаго Факультета въ 1 отдѣленіи:

а) Греческую Словесность и Древности, въ должностн Э. Ор. Пр. Кандидату Печерину; б) Римскую Словесность и Древности, Э. Ор. Пр. Крюкову и Ад. Кубареву; в) Россійскую Словесность и Исторію Россійской Литтературы, Ор. Пр. Давыдову и Ад. Шевыреву; д) Исторію и Литтературу Славянскихъ нарѣчій, Зас. Пр. Каченовскому; е) Россійскую Исторію, Ор. Пр. Погодину; ф) Россійскую Статистику, Зас. Пр. Каченовскому; г) Статистику и Политическую Экономію, Ад. Чивилеву, впредь до опредѣленія на кафедру по симъ предметамъ особаго Ор. Пр.; h) Восточную Словесность (языки Арабскій, Турецкій и Персидскій), Ор. Пр. Болдыреву.

II. Философскаго Факультета въ 2 от.: а) Чистую Математику, Э. Ор. Пр. Зернову; б) Прикладную Математику, Ор. Пр. Брашману; в) Астрономію, Ор. Пр. Перевощикову; д) Физику и Физическую Географію, Ор. Пр. Веселовскому; е) Химію, Ор. Пр. Гейману; ф) Минералогію и Геогнозію, Э. Ор. Пр. Щуровскому; г) Ботанику, Ор. Пр. Фишеру; h) Зоологію, Ор. Пр. Ловецкому; i) Технологію, Сельское Хозяйство и Лѣсоводство, Ор. Пр. Павлову.

III. Въ Факультетъ Юридическомъ: а) Энциклопедію или общее обозрѣніе системы Законовѣдѣнія, Россійскіе Государственныя Законы, п. е. Законы основныя, Законы о состояніяхъ и Государственныя учрежденія, Э. Ор. Пр. Рѣдкину; б) Римское законодательство и Исторію онаго, Э. Ор. Пр. Крылову; в) Гражданскіе Законы общіе, особенныя и мѣстныя, Э. Ор. Пр. Морошкину; г) Законы о Государственныхъ повинностяхъ и финансахъ, Ор. Пр. Васильеву; е) Законы Полицейскіе и Уголовныя, Э. Ор. Пр. Баршеву. *IV. Въ Факультетъ Медицинскомъ:* а) Анатомію здороваго и больнаго человѣческаго тѣла, Ор. Пр. Эйбродту; б) Физиологію и Общую Патологію Э. Ор. Пр. Филомаѳинскому; в) Фармацію, Рецептуру, Токсикологію и изложеніе минеральныхъ водъ (въ смыслѣ Химическомъ), Э. Ор. Пр. Іовскому; г) Общую Терапію, Гигіену, Врачебное веществословіе и изложеніе минеральныхъ водъ (въ смыслѣ врачебномъ), Ад. Анке; е) Частную Патологію и Терапію, Э. Ор. Пр. Сокольскому; ф) Клинику внутреннихъ болѣзней (пѣрапевтическую), Ученіе о душевныхъ болѣзняхъ и Патологическую Семіотику, Ор. Пр. Бунге и Ад. Топорову; г) Общую и Частную Хирургію съ наукою о переломахъ и вывихахъ, Ор. Пр. Альфонскому; б) Хирургію оперативную съ Клиникою и Анатоміею Хирургическою, Э. Ор. Пр. Иноземцеву и Ад. Гильдебрандту; і) Окулистикѣ съ Клиникою глазныхъ болѣзней и Десмургію, Э. Ор. Пр. Эвентусу; к) Акушерство, женскія и дѣтскія болѣзни, Акушерскую Клинику, Ор. Пр. Рихтеру. Для преподаванія всѣмъ вообще Студентамъ Догматическаго и Правсвѣннаго Богословія, Церковной Исторіи и Церковнаго Законовѣдѣнія утверждены Протес-

сорокъ Свѣщенникъ Терновскій; Лекторами языковъ: Французскаго, Тип. Сов. Декампъ, Нѣмецкаго, Тип. Совѣт. Герингъ, Англійскаго, Типуляр. Совѣт. Гарве, Италіянскаго, Типул. Совѣтн. Рубини, и вшорымъ Лекпоромъ Французскаго языка въ видѣ спороняго преподавателя, Тип. Совѣт. Куршенеръ. Всѣ означенные преподаватели занимались во 2 мѣ семестрѣ назначенными имъ предметами, за исключеніемъ Зас. Пр. Каченовскаго, Орд. Пр. Васильева и Погодина, которые продолжали преподавать назначенныя имъ въ 1 мѣ семестрѣ науки: Г. Каченовскій Россійскую Исторію и Статистикѣ, Погодинъ—Исторію Всеобщую, Васильевъ—Политическую Экономію, а Ад. Чивилеву поручено преподавать Статистикѣ иностранныхъ Государствъ.

За изъясненнымъ распределеніемъ остались вакантными кѣедры; въ I отд. Философскаго Факультета: 1) Философін, 2) Всеобщей Исторіи; въ Факультетѣ Юридическомъ: 1) Законовъ Благоустройства и Благочинія и 2) Началь общенароднаго правсвѣдѣнія (*jus gentium*), и въ Медицинскомъ: 1) Судебной Медицины, Медицинской полиціи, Исторіи и Анатоміи Медицины, Энциклопедія и Методологін, и 2) Ветеринарныхъ наукъ; на сію последнюю кѣедру назначенъ впоследствии О. П. Спиратовъ, которому временно поручено и преподаваніе Судебной Медицины и Медицинской Полиціи.

По случаю преобразованія Университета, уволены за ретормою оставшіеся сверхъ штата: ОО. III. Спегиревъ, Дядьковский, Э. О. П. Щедрыпскій, Адыонкны: Терновскій, Никифоръ и Козьма Лебедевы и Прошасовъ, Кандидатъ Коноплевъ, Лаборантъ Тип. Совѣт. Шульцъ, Граверъ Тип. Совѣт. Оси-

повъ, инструменпальный масперъ Губер. Секр. Заксъ, и сочинитель музыки Колмеж. Секр. Кашинъ. Изъ нихъ, на основаніи Высочайше утвержденнаго 11 го Декабря 1834 г. Положенія Комитета Г-дъ Миниспровъ, Снегиреву и Щедрипскому, за выслугу опредѣленныхъ лѣтъ, пазначены въ пенсію полные производившіеся имъ оклады жалованья, первому 2000 руб., а послѣднему 1200 руб. въ годъ, съ дозволеніемъ продолжать службу, съ сохраненіемъ сей пенсіи, въ другихъ мѣстахъ, а встѣмъ прочимъ преподавателямъ выдаѣтъ единовременно годовый окладъ жалованья. Докторъ Медицины и Философіи Шиховскій перемѣщенъ Профессоромъ въ Московское опш. Медико-Хирургической Академіи. Архитекторъ Типул. Совѣщ. Никишинъ оставленъ при Университетѣ впредъ до опредѣленія Профессора Архитектуры.

Кромѣ исчисленныхъ перемѣнъ въ преподавателяхъ и Чиновникахъ Университета, при введеніи новаго Устава произошли въ печеніе Академическаго года слѣдующія: 1) Всемилоспивѣйше пожалованы за отличіио-усердную службу: Ор. Пр. *Альфонскій* Орденомъ Св. Владиміра 3 й степени, по званію Главнаго Врача при Московскомъ Воспитательномъ Домѣ; Ор. Пр. *Давыдовъ* Орденомъ Св. Анны 2 й степ. съ ИМПЕРАТОРСКОЮ Короной, по званію Инспектора Александринскаго Сиротскаго Испитута; Ор. Пр. *Павловъ* Орденомъ Св. Анны 2 й сп., по званію Директора Московской Земледѣльской Школы; Ор. Пр. *Погодину* объявлено Высочайшее благоволеніе, за поднесеніе ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ сочиненія: Начершаніе Русской Испоріи для учащихся.

Университетъ въ минувшемъ году продолжалъ повременное изданіе *Ученыхъ Записокъ*; Редакторами онаго оспавались Ор. Пр. Давыдовъ и Перевощиковъ, а помощниками ихъ Э. О. П. Щуровскій и Адъюнктъ Шевыревъ.

Сверхъ сего нѣкоторые Г — да Профессоры и преподаватели занимались особыми сочиненіями: 1) Ректоръ Болдыревъ окончилъ печатаніемъ *Арабскій Словарь* и крапкую *Арабскую Грамматику*. 2) Зас. Пр. Каченовскій издалъ въпорично *Греческой Христоматіи* два курса *Якобса*, съ переводомъ примѣчаній и словаремъ. 3) О. П. Павловъ оканчиваесть печатаніемъ 1-ю часть своей *Физику* въпорымъ изданіемъ, и 2-ю часть 1-мъ изданіемъ. 4) О. П. Перевощиковъ издалъ X часть ручной *Математической Энциклопедіи*, содержащую въ себѣ *Механику жидкихъ тѣлъ*, и оканчиваесть изданіемъ XI часть, *Физику*. 5) О. П. Погодинъ издалъ *Историческіе Афоризмы*, составилъ 2 часть своихъ лекцій о *Древней Исторіи*, приготошвилъ ко 2-му изданію *Русскую Исторію для Гимназій* и *Расправу* съ новой исторической школой. 6) О. П. Брашманъ издалъ *Аналитическую Геометрію*, за каковое сочиненіе получилъ, по опредѣленію Академіи Наукъ, полную Демидовскую премію 5,000 рублей. 7) Э. О. П. Морошкинъ издалъ переведенное съ Нѣмецкаго языка сочиненіе Проф. Рейца—*Опытъ Россійскихъ Государственныхъ и Гражданскихъ законовъ*, съ собственными примѣчаніями. 8) Э. О. П. Ювскій — *Общую Фармакологию*, и за поднесеніе сей книги Г. Министру Народнаго Просвѣщенія изъявлена ему благодарность отъ Его Высокопревосходительства. 9) Адъюнктъ Шевыревъ издалъ *Исторію Поэзи* —

первый помѣ своихъ лекцій. Книгу сію Г-нъ *Министръ Народнаго Просвѣщенія* имѣлъ счастіе представить ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ, и ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО соизволило наградило сочинителя подаркомъ. Г. Шевыревъ имѣетъ еще въ рукописи 4 тома означенныхъ лекцій. 10) Адъюнктъ Кубаревъ въпорымъ изданіемъ — *Краткую Латинскую Грамматику Цумпта*. 11) Лекторъ Герингъ изготавилъ къ изданію переводъ на Нѣмецкій языкъ *Историческихъ Афоризмовъ Пр. Погодина*. 12) Лекторъ Курпенеръ издалъ: *Le livre de l'enfance ou nouvelle méthode, qui enseigne à la fois à lire, à écrire et comprendre le français.* —

Университетскія Учебныя заведенія поспоянно слѣдовали предназначенной имъ цѣли: 1) въ Терапевтической Клиникѣ паходило больныхъ 50, изъ нихъ выздоровѣло 45, получили облегченіе 3, умерло 2. Въ сей Клиникѣ Студенты казенные: Мясниковъ, Преображенскій, Часовниковъ, Николай Шеремешевскій, Крымовъ; своекоштные: Маклаковъ, Машюшенковъ, Радусевичъ, Тюринъ, Звѣревъ, Козинъ, Рафаилъ Фелицигъ и Фицперъ оказали весьма хорошія практическія свѣдѣнія, оплывились примѣрною внимательностію, бдительнымъ наблюденіемъ вѣтренныхъ ихъ попеченію больныхъ и соспавленіемъ весьма точныхъ описаній болѣзней. 2) Въ Студентской больницѣ паходило больныхъ Лѣкарей, Кандидатовъ и Студентовъ 109; изъ нихъ выздоровѣло 104, умеръ 1, осталось 4. Въ 3) Хирургической Клиникѣ паходило больныхъ 32, коимъ сдѣлано важныхъ операцій 14; выздоровѣло 24, получило облегченіе 5, умерло 3; приходящихъ больныхъ было 129; изъ нихъ 37 сдѣланы разныя операціи. Въ сію Клинику передашы изъ

Университетской аптеки Хирургическіе инструменты, стоящіе 2400 руб.; равно приобретены покупкою разные аппараты. 4) Въ Акушерскомъ Институтѣ разрѣшилось отъ бремени 96 роженицъ, изъ коихъ умерло 4; сверхъестественныхъ родовъ было 9. 5) Въ Университетской Аптекѣ, подъ наблюдениемъ Э. О. П. Ювскаго, были дѣлаемы разные фармацевтическіе опыты, въ присутствіи Студентовъ Медицинскаго Факультета; въ особенности же обращено было вниманіе на приуготовленіе распительныхъ началъ: морфина, наркотина, хинина, цинхонина, и проч. Аптека, опуская всѣ лѣкарства и матеріалы въ Университетскія Клиники и больницы по тѣмъ же цѣнамъ, кои стоили ей въ покупкѣ, приобрѣла въ 1835 г. чистой прибылью отъ вольной продажи 2176 руб. Изъ сей суммы, по существующимъ постановленіямъ, слѣдуетъ въ выдачу аптекарю 10% и двумъ Гезелямъ по 2%. 6) Въ Университетской Типографіи отпечатано разнаго названія книгъ: на счетъ Университета 7, на счетъ постороннихъ лицъ 69, диссертаций 5. За Московскія Ведомости, объявленія, книги и проч. поступило въ приходъ 298,238 р. 20 к., а израсходовано 150,562 р. 36 к.; вообще въ Типографіи отпечатано 7,640,700 листовъ. 7) На Университетской Обсерваторіи производились постоянно наблюденія астрономическія, метеорологическія и магнитныя, а съ 24 Августа до конца Октябрия надъ Галлеевою кометою. Въ продолженіе того времени, когда Комета была видима на Московскомъ горизонтѣ, Обсерваторію посѣтили Г. Московскій Военный Генералъ-Губернаторъ, Попечитель Университета, Помощникъ Попечителя, Профессоры и многія постороннія особы.

На основаніи 103 сп. Успаша, за лучшія разсужденія на заданныя опѣ Факультетовъ темы (*), награждены медалями: золотыми: Философскаго Факультета въ 1 опд. удостоенный степени Кандидаша Николай *Стрекаловъ*, во 2 опд. удостоенный степени Кандидаша *Линовскій*, въ Медицинскомъ Факультетѣ Студентъ Георгій *Ахвердовъ*; серебряными: Философскаго Факультета въ 1 опд. Студентъ Иванъ *Васьяновъ*, во 2 опд. удостоенный степени Кандидаша Александръ *Лавровъ*, въ Медицинскомъ слушатель Иринархъ *Зыревъ*.

Въ настоящее время въ Университетѣ состоятъ по Учебной Часпи: Профессоровъ Ординарныхъ 18, Экстра-Ординарныхъ 13, Адъюнктовъ 6, Лекторовъ 5, Лѣкарей казенныхъ 4, Кандидашовъ 2, Ришельевского Лицея 1, своекоштныхъ 7, казенныхъ 3, на иждивеніи Бѣлорускаго Учебнаго Округа удостоенный степени Кандидаша слушатель 1. Дѣйствительныхъ Студентовъ: казенныхъ 5, на иждивеніи Бѣлорускаго Округа 1, своекоштныхъ 23, удостоенныхъ званія Дѣйствительнаго Студента слушателей 10; Студентовъ казенныхъ въ Педагогическомъ Институтѣ 14, въ Медицинскомъ 45; на иждивеніи: 1) Московскаго Воспитательнаго Дома 13, 2) Бѣло-

(*) На полученіе медалей заданы были для сочиненій слѣдующія темы: въ 1 опд. Философскаго Факультета: о характерѣ древней, средней и новой Исторіи; во 2 опд. Философскаго Факультета: о ракообразныхъ животныхъ (Crustacea), и въ Медицинскомъ: De nexu nervi sympathici cum nervis encephalicis secundum experimenta recentiorum.

русскаго Учебнаго Округа 1, своекоштныхъ 207 (въ томъ числѣ пользующихся благошворительными содержаніями 16), слушателей 68, Чиновниковъ 5; и того преподавателей 42, окончившихъ курсъ съ учеными степенями и званіями 57, продолжающихъ ученіе 353.

Напечатано по опредѣленію Университетскаго
Совѣта. Іюня 24го дня 1836 года. Секретарь
Совѣта *Михаилъ Назимовъ.*

СОДЕРЖАНІЕ

ДВѢНАДЦАТОЙ ЧАСТИ.

І. П А У К И.

А. ПСИХОЛОГІЯ.

НО Стр.

1. Воображеніе, память и фантазія. — *Сообщено Профессоромъ Давыдовымъ* . . XI, 235

В. ЛОГИКА.

2. О способахъ познанія умозрительномъ и опытномъ. — *Сообщено Профессоромъ Давыдовымъ* XI, 217

С. МАТЕМАТИКА.

3. О рѣшеніи числовыхъ уравненій. — *Профес. при Лицеѣ Кн. Безбородки, Кунфера*. XI, 256

Д. ФИЗИКА.

4. О причинѣ свѣта. — *Записка Тальбота*. XI, 267

Е. АСТРОНОМІЯ.

5. О приведеніи наблюденій на средней нити полуденной трубы къ мгновенію прохожденія звѣзды чрезъ меридіанъ. — *Соч. Лейтенанта Зеленаго* X, 3

Ф. МИНЕРАЛОГІЯ.

6. Объ участіи Физики и Химіи въ успѣхахъ Минералогіи. — *Профессора Шуровскаго*. XII, 381

Г. БОТАНИКА.

7. Исторія Женевской Ботаники. — *Сообщено
Профессоромъ Шиховскимъ* . . . X, 39

Н. ФИЗИОЛОГІЯ.

8. О развитіи свѣта въ пѣлахъ органиче-
скихъ. — *Сообщ. П. Ловецкимъ* . . X, 93

І. ИСТОРІЯ.

9. Характеръ древней, средней и новой Исто-
ріи. — *Кандидата Стрекалова* . . XII, 427

II. СЛОВЕСНОСТЬ И ИСКУССТВА.

А. ТЕОРІЯ СЛОВЕСНОСТИ.

10. Чувство изящнаго, искусство и изящное въ
искусствѣ. — *Изъ Лекцій Профессора
Давыдова* XI, 276

В. ИСТОРІЯ СЛОВЕСНОСТИ.

- 11 и 12. Греческая Трагедія и Комедія. — *Изъ
Ав. Шлегеля. — Сообщено Профессоромъ
Давыдовымъ* X и XI, 306

С. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

13. О содѣйствіи Московскаго Университета
успѣхамъ Ошечественной Словесности. —
Речь Профессора Давыдова . . . XII, 462

D. ТЕОРІЯ ИЗЯЩНЫХЪ ИСКУССТВЪ.

14. Красота въ живописи и ваяніи. — *Сообщено
Профессоромъ Давыдовымъ* XI 322

III. КРИТИКА.

15. Объ Озеровѣ и его трагедіяхъ. (Оконч.)
X, 140

NO Стр.

16. О разсужденіи Коши: Разрѣшеніе число-
выхъ уравненій и теорія исключенія. —
Профессора Зернова XI, 332

IV. С М Ъ С Ъ.

А. Отечественныя извѣстія.

- 17 и 18. О свадьбахъ и свадебныхъ обрядахъ и
обычаяхъ Русскихъ крестіанъ. — *Сообще-
но Профес. Страховымъ*. X, 187 и XI, 351

В. Ученыя Извѣстія.

19. Извѣстія о *Нобили* X, 209
20. О новомъ признакъ грудной водянки. —
Профессора Сокольскаго X, 207
21. О нефти и употребленіи ея въ Медицину X, 372
22 и 23. Нѣкоторыя предложенія изъ Анали-
тической Геометріи. — *Профессора Риш.
Лицея, Брунна* XII, 554 и 561
24. О ревматизмѣ мышечной ткани. — *Проф.
Сокольскаго* XII, 568
25. Замѣчаніе Доктора Видлера о нѣкоторыхъ
Язвышнихъ, сдѣлавшихся случайно при-
мужными. — *Сооб. Пр. Шиховскимъ*. XII, 578

С. Библиографія.

26. Краткое начертаніе жизни и дѣяній Никона,
Патріарха Московскаго и всея Россіи. Со-
чиненіе Архимандрита Аполлоса. — *Сообщ.
И. М. Снегиревымъ*. XI, 377

V. Лѣтопись Московскаго Университета.

27. Торжественное собраніе въ Университетѣ.
XII, 584.

